99 3/71
I

3730.

993/71

ЛѢСНАЯ ГЛУШЬ.

КАРТИНЫ НАРОДНАГО БЫТА

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

С. МАКСИМОВА.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА К. Н. ПЛОТНИКОВА.
1871.

ЛѢСНАЯ ГЛУШЬ

КАРТИНЫ НАРОДНАГО БЫТА

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

С. МАКСИМОВА.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Извощики. Швецы. Сергачъ. Булыня.
Маляръ. Колдунъ. Сотской. Вотяки.
Нижегородская ярмарка. Послѣ ярмарки.

Промежъ сохи да бороны
не ухоронишься.

ВДА ВАСИЛ... БИБЛІОТЕКА ЩАПОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА К. Н. ПЛОТНИКОВА.
1871.

Гос. Историч. Публ. Б-ка РСФСР
№ 317431
193 г.
Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
317431

Печатано въ типографіи К. Н. Плотникова. Петербург. стор., Колпинск. ул., д. № 23.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Извощики.

(очеркъ).

Издавна извозъ составляетъ самый любимый промыселъ русскаго человѣка. Извозъ можно даже назвать по преимуществу русскимъ промысломъ: въ какую бы среду ни былъ поставленъ православный переселенецъ или поселенецъ, онъ вездѣ первымъ долгомъ поспѣшитъ обзавестись лошадью и сдѣлаться извощикомъ. Лошадка вывозила на первыхъ порахъ изо всѣхъ бѣдъ и напастей всю русскую колонизацію и колонизаторы наши рѣдко умѣли освоиваться съ мѣстомъ безъ помощи извознаго промысла. Такъ спасли себя (и разбогатѣли теперь) тѣ наши сектаторы (напр. молокане и духоборцы), которые выселены были за Кавказъ въ среду недружественнаго мусульманскаго населенія. Такъ между разнообразными выселенцами въ Воронежской губ. извозомъ занимаются только русскіе. Въ Сибири, на Барабѣ, русскіе извощики (вощики) успѣли даже выхолить изъ туземныхъ породъ особую породу обозныхъ лошадей,—и т. д. въ безконечность. Промыселъ извоза чрезвычайно простъ и удобенъ, особенно для того, кому нѣтъ желанія жить по чужимъ людямъ, далеко отъ родной семьи, и даже выгоденъ преимущественно, конечно, тамъ, гдѣ много ѣзды между торговыми городами и гдѣ торговая дѣятельность во всей своей силѣ. Когда не было еще ни желѣзной дороги, ни почтовыхъ и частныхъ дилижансовъ, классъ извощиковъ былъ чрезвычайно многочисленъ. Теперь же, при быстромъ улучшеніи путей сообщенія, замѣтно уменьшился онъ: опустѣли огромные

ямы, которыми усѣянъ былъ путь между двумя столицами, много извощичьихъ домовъ, существовавшихъ лѣтъ по сту и болѣе, покинули свое ремесло и сдѣлались хозяевами легковыхъ извощиковъ. Но въ тѣхъ изъ нашихъ губерній, гдѣ еще нѣтъ шоссе, или если и есть, то недавно устроенныя, извощичій классъ сохранился во всей своей первобытной простотѣ, со всѣми своими оригинальными особенностями.

Съ Сибири напр. по большому торговому тракту отъ Казани вплоть до Кяхты промыселъ этотъ сохраняется до сихъ поръ во всей чистотѣ и неприкосновенности; особенно же съумѣлъ онъ уберечь патріархальное добродушіе и невинные нравы и сохранилъ первобытными людьми тѣхъ, которые занимаются извозомъ въ мѣстахъ Сибири, гдѣ трактъ сибирскій разошолся съ почтовымъ и потянулся по травяной степи — Барабѣ. Тамъ простодушно-чистыхъ людей, занятыхъ извозомъ, иначе и не зовутъ какъ дружками, а дружки они и потому также, что живутъ между собою въ самой тѣсной пріязни, не подъѣдая другъ друга, и такою дружною артелью, которую никто не плотилъ, но которая однако ощутительно для всѣхъ существуетъ, и до сихъ поръ никакими кабинетными правилами еще не изломана и не испорчена. Правда, что и эти вощики китайскихъ чаевъ и московской мануфактуры, съ паденіемъ кяхтинской торговли и съ заведеніемъ на сибирскихъ рѣкахъ пароходовъ, стали упадать силами и количествомъ, но качество ихъ все тоже. Въ недавную старину, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, изъ этого почтеннаго сословія съумѣлъ выдѣлиться и такой замѣчательный человѣкъ, какъ Анфилатовъ. Записáвшись въ купцы города Слободскаго (Вятск. губерніи), онъ на долговременномъ промыслѣ доставки товаровъ самолично въ Сибирь, а потомъ при помощи прикащиковъ по многимъ мѣстамъ Россіи, умѣлъ дойти своимъ собственнымъ разумѣніемъ до необходимости основанія банка. Банкъ его, учреж-

денный въ городѣ Слободскомъ, былъ первымъ частнымъ банкомъ въ Россіи, съумѣвшимъ по настоящее время поддерживать заграничную торговлю Слободскихъ, Вятскихъ и Орловскихъ купцовъ чрезъ Архангельскъ и выразившимъ свою плодотворную дѣятельность съ другой стороны въ процвѣтаніи ремеслъ, которыя приходятъ въ большее и большее развитіе.

Въ такихъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ еще не пылятъ шоссе, не свищутъ ни локомотивы, ни ароходы, извощичій классъ до сихъ еще поръ дѣлится на два совершенно отличные одинъ отъ другаго типа, не говоря уже въ общемъ, но даже и въ частностяхъ: — на троечниковъ, ѣздящихъ постоянно на тройкѣ, рѣдко на парѣ и рѣшительно никогда на одной лошади, и на одиночниковъ, наоборотъ—ѣздящихъ всегда на одной, на двухъ, рѣдко на трехъ лошадяхъ, но всегда въ разнопряжку: на одной, двухъ и трехъ телѣгахъ, смотря по числу домашныхъ лошадей. Одиночникъ никогда не запрягаетъ тройку въ одну телѣгу и весьма рѣдко пару; съ своей стороны троечникъ считаетъ за стыдъ ѣхать на одной. Первый занятъ ремесломъ по нуждѣ, второй или троечникъ—чисто изъ любви и привязанности къ нему, если только онъ самъ хозяинъ, а не нанятой работникъ. Троечникъ всего чаще возитъ сѣдоковъ побогаче: купечество и дворянство, и если доставляетъ товары, то всего чаще тѣ, которые идутъ на дворянскую же руку: красные товары, бакалею, и т. под. Одиночникъ изъ живой клади доставляетъ крайнюю бѣдность: семинаристовъ на родину, солдатъ на побывку, а изъ товаровъ тѣ, которые громоздки, посѣрѣй и подешевле: горшки, деревянную посуду, соль (для которой въ южныхъ мѣстахъ Россіи существуетъ, также отживая свой вѣкъ, особый промыселъ чумачества, отправляемый вмѣсто лошадей на волахъ) и такъ далѣе. Но скажемъ о каждомъ особо и сначала объ аристократахъ.

I.

ТРОЕЧНИКЪ.

У воротъ постоялыхъ дворовъ, въ дальныхъ губернскихъ городахъ, гдѣ нибудь въ Ямской или Московской, до сихъ поръ еще толпятся нѣсколько мужиковъ, легко одѣтыхъ, по домашнему:—лѣтомъ просто въ рубашкахъ, подпоясанныхъ краснымъ кушакомъ, зимою въ полушубкахъ, слегка накинутыхъ на плечи. Это извощики-троечники, поджидающіе сѣдоковъ и, отъ нечего дѣлать, прибѣгнувшіе къ различнымъ развлеченіямъ: — одинъ, умѣстившись на облучкѣ собственнаго или чужаго экипажа и обхвативъ обѣими руками увѣсистый ситникъ, удовлетворяетъ и аппетиту, готовому явиться по собственной волѣ хозяина во всякое время, и искреннему желанію пріятно провести время. Другой, выпросивъ у дворника балалайку, сѣлъ на скамейкѣ у самыхъ воротъ и потѣшаетъ не столько сосѣда, сидящаго рядомъ, сколько себя самаго, охотника отколоть ущипкой какую нибудь новую штуку въ давно извѣстной всѣмъ пѣснѣ и на привычномъ ему инструментѣ. Двое поодаль, дружно ухнувъ, подняли громаду-тарантасище на толстой палкѣ и, подставивъ дугу, начинаютъ смазывать колеса. Въ другой сторонѣ собрались охотники до видовъ и любуются проходящею семьею свиньи; другіе заняты дракой уличныхъ мальчишекъ, вполнѣ сочувствуя ловкому удару одного, совѣтуя взять побѣжденному противника подъ силки и доказать ему, что-де знай нашихъ.

Но вотъ подходитъ какой-то господинъ. Извощики разомъ смѣкнули, что это сѣдокъ, и окружили подошедшаго.

Объявляется мѣсто поѣздки и неимѣніе собственнаго экипажа.

— Такъ стало у вашей милости нѣтъ своей кибитки?— переспросятъ ребята.—Чтожъ, ничаво, —могимъ и свою снарядить. И почешутся.

— Знамо ужь свою надыть, коли нѣту-ти ихней, замѣтитъ другой и въ размышленіи продолжаетъ разсуждать: вѣстимо безъ кибитки плохое дѣло: дождичекъ пойдетъ — мочить будетъ и все такое... Такъ выходитъ и телѣга наша, все какъ есть наше, а вашей милости, значитъ, только сѣсть да и ѣхать.

— Все какъ слѣдуетъ примѣрно, увлеченные размышленіемъ сосѣда, говорятъ его товарищи.

Наступаетъ глубокое молчаніе, которое нарушаетъ сѣдокъ вопросомъ о цѣнѣ.

— Кака цѣна? Шашейныя-то вы, что ли, платите? спрашиваетъ одинъ.

— Разумѣется ужь ты все бери на себя, а мнѣ чтобъ никакихъ безпокойствъ не было.

— Вѣстимо вамъ надыть спокойствіе... А васъ сколько примѣрно поѣдетъ?

— Двое.

— Стало клади у васъ немного, — не отяготитъ: чемоданчикъ, подушки...

— Одѣяло, подскажетъ одинъ.

— А скоро ты меня повезешь?

— Да ужь это какъ вашей милости будетъ угодно: лошади у насъ хорошія, — мѣшкать не станемъ. Какъ прикажете, такъ и поѣдемъ.

Снова наступаетъ молчаніе, прерываемое обыкновенно опять

вопросомъ о цѣнѣ. Немного подумавши и переглянувшись съ товарищами, торговавшійся рѣшительно говоритъ свою цѣну.

— Да что, баринъ, безъ лишняго: двадцать рубликовъ съ вашей милости взять надыть.

Нанимающій страшно озадаченъ запросомъ и не соглашается на предложеніе.

— Эй, баринъ, не дорого! пора-то вишь ты рабочая; никто меньше не возьметъ... будьте ужь не въ сумленіи.

Одинъ новичекъ беретъ 18; ему обѣщаютъ 12.

— Нѣтъ, баринъ, эдакъ ужъ совсѣмъ несподручно. Что скупиться-то: говорите дѣломъ. Вонъ молодецъ-то пожалуй! беретъ и 18, да вы съ нимъ и жизни-то не ради будете, измучитъ вашу милость, какъ есть измучитъ... двои сутокъ проваландаетъ; вѣдь у него вся тройка съ сапомъ и хромаетъ; а мы бы вашу милость и въ однѣ сутки приставили.

— Хочешь 13 и ни гроша больше.

— Нѣтъ, баринъ, видно тебѣ ѣхать не надо,—коли такъ упираешься! заключатъ какъ бы обиженные извощики и отойдутъ нѣсколько въ сторону отъ вышедшаго изъ терпѣнія сѣдока.

— Ну, слышь, сударь—ладно!... Будемъ толковать настоящее дѣло, говоритъ опять рядчикъ вслѣдъ уходящаго сѣдока. 19 беремъ, коли хошь, а то какъ знаешь...

Сѣдокъ однакожъ упоренъ въ своей цѣнѣ.

— Эй, право, какой ты баринъ несговорчивый, ну... 18 съ полтиной.

— 13, и ни копѣйки!—говоритъ уже выведенный за границу терпѣнія нанимающій и вполнѣ убѣжденный въ томъ, что набавивши рубль, — придется прибавить и другой и до конца сдѣлки выдержать роль набавлятеля. Тогда, въ свою очередь, съ тѣмъ же упорствомъ не будутъ подаваться извощики и заставятъ-таки дать требуемую ими цѣну. И потому, обсудивъ

что баринъ-де кремень, какъ есть значитъ кремень, его не сломаешь, — съ разу видать, что не впервые ѣдетъ, благо хоть даетъ-то не 10 рублевъ, несходную цѣну, извощики непремѣнно вернутъ сѣдока.

— Слышь, почтенный... ну, вотъ ужъ и осерчалъ. Вѣдь мы не сердились же, слушали и твою цѣну: запросъ — не обидное дѣло. Какое ваше послѣднее слово, да и по рукамъ.

— Сказано вамъ — 13.

— Ну, ладно, ладно... беремъ, хоша и не повадно маненько да ужь, видно, баринъ-то хорошій. На чаекъ-то ужъ пожалуйте, ваше благородье! заговоритъ сторговавшійся вкрадчиво-льстивымъ голосомъ, снявши свою шапку;—его примѣру слѣдуютъ и товарищи, низко кланяясь побѣдителю.

И будь сѣдокъ хоть и въ самомъ дѣлѣ кремень, но на водку дастъ таки, хоть даже и изъ чувства самодовольства, не говоря уже отъ радости.

По уходѣ пассажира начинается обоюдная сдѣлка: если сторговался хозяинъ постоялаго двора, то онъ посылаетъ очереднаго своего работника, или, если выгодно ему передать за меньшую цѣну другимъ, онъ начинаетъ съ ними торговаться. По большей же части дѣло кончается проще—метаніемъ жеребья: извощики или вытаскиваютъ изъ мозолистой руки собрата узелочекъ пояса, или перебираютъ рукою на тутъ же валявшейся палкѣ или же наконецъ вынимаютъ условную вещь изъ шапки: будетъ ли это съ извѣстной отмѣткой щепочка, камешекъ, ломаный грошъ съ оттискомъ зуба, и т. под.

Большею частью, при всѣхъ подобнаго рода сдѣлкахъ, извощики, съ общаго согласія, выбираютъ рядчика, — человѣка привычнаго, опытнаго въ этомъ дѣлѣ и, конечно, честнаго. Избранный облекается полною довѣренностью остальныхъ, вполнѣ убѣжденныхъ въ томъ, что онъ несходно не сторгуется и никогда

не допуститъ выскочку-новичка, не участвующаго въ сотовариществѣ, отбить сѣдока. Новичокъ поѣдетъ съ сѣдокомъ развѣ въ такомъ только случаѣ, когда возьметъ чрезвычайно дешовую цѣну, которую никогда бы не взялъ опытный извощикъ и которой ему самому хватитъ только на прокормъ себя и лошадей,—а о барышѣ, при всей бережливости, нѣтъ и помину. Поэтому троечники составляютъ изъ себя родъ нѣкотораго общества, основаннаго на общемъ интересѣ — возить сѣдоковъ не дешевле заранѣе положенной, по общему уговору, платы.

Сторговавшійся троечникъ обыкновенно везетъ сѣдока до мѣста съ кормежкой и тогда конечно въ полномъ распоряженіи своего пассажира, отъ котораго вполнѣ зависитъ и срокъ времени, которое придется быть на станціи, и наконецъ самая ѣзда. Троечникъ, подрядившійся до мѣста, безпрекословенъ и понуканьямъ и требованіямъ остановиться. Но по большой части всѣ троечники возятъ на сдаточныхъ и въ такомъ случаѣ всегда цѣлую компанію пассажировъ. Нанявши троечника, даютъ ему полное право пріискать попутчиковъ, не претендуя уже на то, если придется выѣхать позднѣе обыкновеннаго срока и въ компаніи человѣкъ шести и болѣе, потому что извощикъ, везущій на сдаточныхъ, мало обращаетъ вниманія на то: тяжело ли будетъ его тройкѣ, зная, что на слѣдующей станціи его смѣнитъ новый ямщикъ на свѣжихъ лошадяхъ. Собравши своихъ сѣдоковъ, извощикъ даетъ имъ клочокъ бумажки, гдѣ разчислены деньги, слѣдующія къ выдачѣ на каждой станціи, и предлагаетъ кому-нибудь изъ пассажировъ быть чѣмъ-то въ родѣ кассира, или по ихъ выраженію плательщикомъ, и вручаетъ ему деньги, сторгованныя за проѣздъ, съ вычетомъ барыша и денегъ за первую станцію. Барышъ конечно, и остается въ пользу рядчика или того, кто первый повезетъ сѣдоковъ. Въ огромномъ, крытомъ со всѣхъ сторонъ тарантасѣ, получившемъ,

въ послѣднее время, на языкѣ извощиковъ громкое названіе — дорожнаго вагона, отправляется поѣздъ. Каждый пассажиръ здѣсь уже въ полной власти извощика, — онъ не можетъ претендовать ни на тихую ѣзду, ни на неловкость сидѣнья и, при первой попыткѣ высказать свое неудовольствіе, озадачивается резоннымъ отвѣтомъ:

— Ужъ мы не впервые ѣздимъ,—знаемъ все заподлинно и насъ не учить стать: видали, примѣрно, всякихъ. Вѣдь вонъ сидятъ же другіе господа, — ничего не говорятъ... а коли не ловко,— сядь половчѣе; сказано, всякъ о себѣ старается, а вѣдь и тѣ такія же деньги платили...

Послѣднее замѣчаніе не всегда бываетъ справедливо: весьма часто сѣдокъ, въ полной своей досадѣ, узнаетъ отъ сосѣда, что передалъ лишнихъ два рубля, тогда какъ очень часто другой сосѣдъ заплатилъ вдвое дешевле обоихъ, потому что ужъ не впервые въ дорогѣ и знаетъ обыкновенія извощиковъ. И успокоиваемые собственными промахами, сѣдоки даютъ зарокъ не давать другой разъ лишку и не безпокоить уже извощика понуканьями, впередъ увѣренные въ томъ, что легче взять съ него этотъ лишекъ, чѣмъ заставить измѣнить привычкѣ — ѣхать по собственному усмотрѣнію, а не по желанію и прихоти пассажировъ. Во всякомъ случаѣ извощики помнятъ обѣщаніе и вѣрны въ данномъ словѣ—предоставить на мѣсто въ условленный срокъ, и развѣ часами двумя поздѣе (но не болѣе) сѣдоки увидятъ цѣль своего путешествія.

Мѣсто родины хозяина троечника — какое нибудь торговое село, гдѣ отецъ его содержитъ постоялый дворъ, а слѣдственно и занимается извозомъ. Еще съ малолѣтства отецъ пріучаетъ ребенка къ будущему его ремеслу. Поѣдетъ ли въ поле треножить лошадей или просто привести ихъ на дворъ для впряганья, онъ сажаетъ своего парнишку на лошадь впереди себя

и даетъ ему въ руки поводья; нужно ли съѣздить въ сосѣднюю деревню за овсомъ или сѣномъ, онъ смѣло ввѣряетъ это порученіе своему восьмилѣтнему сыну. Ребенокъ до того привыкъ къ лошади, что ему ни почемъ проскакать галопомъ по цѣлому селу на рѣчку, чтобы тамъ напоить или выкупать лошадей; даже въ дѣтскія игры ввелъ онъ ѣзду на тройкѣ сверстниковъ, дѣлая замѣчанія коренной бѣжать рысью и какъ можно больше подымать ногами пыль, а пристяжнымъ бѣжать въ скокъ и держать голову какъ только возможно больше на бокъ, — а самъ, развалясь въ санкахъ или телѣжкѣ, вполнѣ наслаждается плодами своей опытности.

Мальчику исполняется 12, 13 лѣтъ—возрастъ, когда отецъ считаетъ его способнымъ управить тройкой и достойнымъ того, чтобъ довѣрить ему сѣдока.

— Ты, смотри, вывали меня пострѣленокъ! говоритъ послѣдній, боясь ввѣриться неопытности мальчика.

— Да, не бось, баринъ, не вывалимъ, нешто не знаю: вотъ сивко маненько рысистъ, такъ мы его посдержимъ, а ужъ коренной воронко хоть и съ норовомъ, да меня теперь не надуетъ,— отвѣчаетъ новый извощикъ, судорожно сжимая кучу вожжей, въ первый разъ въ жизни, къ несказанной его радости, очутившихся въ его рукахъ. Отецъ, низко кланяясь, упрашиваетъ вашу милость не сомнѣваться, и даетъ приличныя наставленія сыну.

— Смотри ты у меня, лошадей не задергивай, подъ гору— спущай, на гору во всѣ лопатки; уважъ ихъ милость! А то коли что не ладно, смотри ты у меня, сычъ, дамъ такую таску, что до новыхъ волосьевъ не захочешь. Телѣгу-то помазать попроси тамъ кого нибудь. Безъ подмазки — не ѣзди: оси горятъ. Да слышь—не забудь! тамъ долго-то не балуй, не вертись: — покормишь, да и съ Богомъ назадъ. Эй, легонько, дуракъ, пристяжныхъ не задергивай!... коренника-то осади... подъ гору ле-

гонько. Эй, не хлещи! Говорятъ тѣ: не хлещи!—кричитъ отецъ въ слѣдъ отъѣзжающей кибитки.

Но первое довѣріе оправдалось: телѣга цѣла и, какъ видно, смазана, лошади не въ мылѣ, да и мальчишка прибылъ своевременно.

— Поди, говоритъ обрадованный и довольный отецъ,—поди въ избу, тамъ тебѣ матка пряженцовъ напекла, да ужъ оставь, оставь шлею-то... безъ тебя сдѣлаю. На вотъ: возьми возжи, снеси въ избу, а ужъ здѣсь и безъ тебя сдѣлаютъ.

Обученіе кончилось. Мальчишка съ этихъ поръ уже частенько получаетъ подобнаго рода порученія, теперь уже ловко подбираетъ правую полу и засучиваетъ ее за новый красный кушакъ, подаренный отцомъ за способности. Крѣпко наметавшійся въ своемъ дѣлѣ и сдѣлавшись къ нему привычнымъ, теперь, пожалуй, онъ и посмѣется недовѣрчивости сѣдока, лаконически отвѣтивъ: „Нѣшто впервые?“

— Не съ эдакими-де ѣзжали.

Отецъ только посмѣивается бахвальству парнишки и ни за что не согласится отказать сыну въ удовольствіи и только скажетъ, когда уже все готово: „Ну, съ Богомъ! Благослови Господи! Прощай, баринъ, счастливаго пути!“

Лѣтъ черезъ пять или шесть отецъ почти совершенно перестаетъ ѣздить, предоставивши это дѣло сыну. Самъ только и дѣлаетъ, что разсчитываетъ извощиковъ за обѣдъ и сѣно, да изрѣдка чинитъ порвавшуюся сбрую.

Но вотъ приблизилась пора замѣнить и старуху. Пора женить парня, — думаетъ отецъ, разсчитывая взять молодицу у такого сосѣда, который занимается также извозомъ. Когда дѣло слаживается, все хозяйство передается на руки молодыхъ. Теперь у отца только и дѣла что копошиться въ углу: — пускай ко де теперь молодые сами поломаются, а

наше дѣло со старухой киселя поѣсть да лежать на печи, аль на полатяхъ. Теперь, благодаря Бога, все сдѣлали, что могли, не много надо: саванъ сошьетъ сынъ, такъ и тѣмъ будемъ довольны — разсуждаютъ старики, радуясь на новыхъ хозяевъ.

Молодой началъ съ того, что перекрылъ дворъ новой соломой, давно уже лежавшей въ запасѣ, придѣлалъ новыя березовыя колоды кругомъ двора. Самый дворъ усыпалъ свѣжей соломой, переклалъ печи и украсилъ горницу, назначенную для почотныхъ проѣзжающихъ, картинами, купленными имъ у проѣзжаго афени-ввладимірца. Извощики, по старой привычкѣ, все еще въѣзжали къ нему и — не раскаявались: молодая хозяйка кормила ихъ славной лапшой и кашей, которыя какъ-то и покрутѣе сдѣлались, чѣмъ у старой, да и наливаетъ-то она какъ-то побольше и пощедрѣе. Завела она пироги, чего у стариковъ не было, — однимъ словомъ ведетъ, и она свое дѣло не хуже, коли еще не лучше мужа. И вотъ вслѣдствіе такихъ-то обстоятельствъ, а еще главнѣе вслѣдствіе того, что новый хозяинъ охотно даетъ и обѣдъ и кормъ лошадямъ въ кредитъ,— обстоятельство весьма важное для извощика, особенно если онъ подрядился до мѣста не брать съ сѣдока денегъ, мало посѣщаемый прежде постоялый дворъ по цѣлой дорогѣ сдѣлался извѣстнымъ за самый лучшій и выгодный.

Всякій извощикъ и своему брату, и барскому кучеру, впервые ѣдущему съ господами на своихъ, посовѣтуетъ остановиться у свояка. И вотъ, глядишь, у новаго хозяина и изба выстроилась новая и вмѣсто одной горницы для господъ проѣзжающихъ у него явились двѣ и обѣ вдвое просторнѣе прежней. И зажилъ онъ себѣ припѣваючи: въ домѣ у него теплынь, а въ хозяйствѣ тишь да крышь да благодать Божья, нѣтъ ни въ чемъ недостачи. Зачѣмъ бы, кажется, ему подвергать себя и зимней

вьюгѣ, въ которой ничего нѣтъ хорошаго — сѣчетъ она ему немилосердно лицо, — и лѣтнему зною, который безжалостно производитъ загаръ на его лицѣ и мускилистой широкой шеѣ? Но страсть, привычка вѣчно быть на козлахъ, не даетъ ему покоя и влечотъ на новыя предпріятія. „Такъ отецъ мой дѣлалъ, думаетъ, онъ, не слѣдъ и мнѣ покидать ремесла; мастерства я никакого не знаю, а плотники питерскіе не лучше меня живутъ: знать ужъ и умереть доведется извощикомъ, да и парнишкѣ, передать мою волю — не покидать извоза. Только немного неповадно ѣздить одному, безъ товарищей, и лошадямъ тяжело, да и самъ ину пору по недѣлѣ не бываешь дома, ладно, кабы взяли на пай возить на сдаточныхъ: оно все бы лучше было, а то все у воротъ стоять какъ-то неладно стало.“

И вотъ однажды за чашкой чаю въ городскомъ трактирѣ самъ извощичій хозяинъ предложилъ честному мужичку идти въ долю и возить на сдаточныхъ — обстоятельство весьма важное въ жизни извощика! Если парнишка еще малолѣтокъ и нѣтъ въ долѣ брата, извощикъ нанимаетъ батрака и на лишнія деньги покупаетъ новую тройку: — теперь ему гону много будетъ, успѣвай только пошевеливаться. И будь онъ немного изворотливъ и бережливъ, дѣла пойдутъ ходко: явятся новые планы, при деньгахъ весьма легко исполнимые, только умѣй заслужить довѣріе собратовъ. При удачѣ онъ дѣлается необыкновенно смѣлъ и предпріимчивъ.

Разъ какъ-то стороной онъ услыхалъ, что въ городѣ передается постоялый дворъ и старый хозяинъ ищетъ покупщика, который велъ бы его хозяйство и былъ ему извѣстенъ; у смѣльчака мгновенно родится въ головѣ новое предпріятіе купить этотъ дворъ, покинуть родную деревню и выписаться въ мѣщане: — предпріимчивость влечетъ его туда неудержимо. Никому не сказавши о своемъ намѣреніи, онъ поѣхалъ въ городъ,—сторговался

съ своякомъ, отдалъ половину денегъ; остальную же ему, какъ мужику честному, повѣрили и, возвратясь въ деревню, объявилъ онъ женѣ неожиданную вѣсть.

— Гдѣ ужъ намъ въ городѣ жить; жили въ деревнѣ—хорошо было, а тамъ Богъ вѣсть, что будетъ—можетъ и помремъ.

— Полно, баба! Помереть помрешь и здѣсь. А и въ городѣ люди не лыкомъ шиты. Что тебѣ деревня-то, а тамъ и человѣкъ другой... Да что тутъ съ тобой растабарывать? Сказано—волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; нечего мѣшкать: дѣло сдѣлано—собирайся!

Нагрузивъ нѣсколько возовъ, онъ отправилъ ихъ въ городъ, потомъ самъ перевезъ семейство. На первыхъ порахъ въ немъ будто проснулась какъ бы на время затаившаяся страсть къ извозничанью: онъ года два еще ѣздитъ съ охотой, и все такъ же, какъ и прежде, т. е. на сдаточныхъ. Но скоро сдѣлалась въ немъ непонятная перемѣна: извозъ, съ которымъ онъ свыкся съ измалѣтства, — ему опостылѣлъ, ничто не заставитъ его выдти на улицу — выжидать сѣдоковъ. Нужна особая рекомендація, чтобъ онъ взялся васъ прокатить, и ужъ если запросилъ какую цѣну, — ни копѣйки не уступитъ, лучше и не торгуйтесь, скорѣе не поѣдетъ, чѣмъ возьметъ меньше запрошеннаго. Видно, что уже не нужда заставляетъ его ѣхать съ вами, а эта страсть поѣздить — покататься. Здѣсь онъ прежде всего дѣлаетъ удовольствіе себѣ самому и потому, на обратный путь, для шутки, возьметъ иногда чрезвычайно дешево, такъ что вамъ самимъ смѣшно и странно покажется, и повезетъ васъ такъ, какъ никто не возитъ и какъ самъ никогда не ѣзжалъ прежде: на сотнѣ верстъ у него одна упряжка, и то на короткое время: Богъ вѣсть, когда успѣваютъ наѣдаться и отдыхать его лошади. И что за чудо его лошади! — ни одинъ извощикъ не проѣдетъ мимо, чтобъ не мызгнуть губами и не сказать вслухъ: „слав-

ные рысачки, говорятъ, на Вятку самъ ѣздилъ, по пятисотъ рублевъ далъ за каждаго живота."

Въ началѣ путешествія онъ невыносимо молчаливъ и какъ будто важничаетъ. Вотъ зарябили по сторонамъ и на пути деревеньки. Отъ нечего дѣлать сѣдокъ желалъ бы знать ихъ названія, въ надеждѣ разговориться съ ямщикомъ; но отрывистыя слова: починокъ, задній дворъ, середній дворъ, передній дворъ, рѣшительно отбиваютъ послѣднюю надежду разговориться съ нимъ. Видно, что ямщикъ еще какъ-то не разошолся.

Сѣдокъ начинаетъ дремать, утомленный однообразіемъ полей, засѣянныхъ овсомъ и рожью, рожью и ячменемъ, изрѣдка прерываемыхъ густымъ перелѣскомъ еще съ болѣе скучнымъ однообразіемъ стволовъ или можжевельника, или березы и сосны. Кибитка незамѣтно въѣхала въ большую деревню, при самомъ въѣздѣ въ которую торчитъ маленькая избенка съ крылечкомъ по серединѣ. На фронтонѣ крылечка видѣнъ приманчивый знакъ — пучокъ засохшей порыжѣлой елки — признакъ питейнаго. Извощикъ поѣхалъ мелкой рысцой немного подальше впередъ, осадилъ тройку и, повернувшись въ полъ-оборота къ сѣдоку, проситъ позволенія промочить горло. Промачиваніе продолжается не долго, но въ сытость, послѣ чего извощикъ успокоитъ сѣдока приличнымъ замѣчаніемъ.

— Не бось, баринъ, наверстаемъ! говоритъ онъ, покрякивая и поглаживая бороду: — маненько позамѣшкались, да ничего, — держись только! такъ-то махнемъ, что старикамъ на печи икнется, а старому свату животъ подведетъ. Эй, вы распрекрасныя, дѣти любимыя, уважьте... ой ударю! И, громко взвизгнувъ, онъ только махнетъ возжами и обрадованная тройка вихремъ мчитъ васъ впередъ.

Тогда не попадайся на встрѣчу развеселившемуся троечнику

ни одинъ одиночникъ: онъ съ разу осмѣетъ его съ ногъ до головы и ввернетъ обидное замѣчаніе.

— Эй ты, ворона, — вишь какъ развалился, словно знать никого не хочетъ! гляди, гужеѣдъ: вѣдь ось-то въ колесо попала!... Коней надорвешь — по міру пойдешь, глянь-ко: всѣхъ вѣдь въ мыло загналъ. Эхъ ты, сипа-сипа: ѣшь ты сыто, мякину да горохъ, что дѣдко стерегъ.

Не утерпитъ острякъ, чтобъ не отпустить приличнаго комплимента и деревенскимъ дѣвушкамъ, толпою идущимъ за грибами, и рѣзкаго, браннаго замѣчанія деревенскимъ ребятамъ, вѣчнымъ спутникамъ послѣднихъ въ ихъ прогулкахъ и занятіяхъ.

Вотъ минута, когда сѣдокъ смѣло можетъ положиться на словоохотливость ямщика и узнать у него не только подробныя біографіи всѣхъ владѣтелей мелькнувшихъ въ сторонѣ и на дорогѣ усадебъ, но даже душевныя склонности и привычки помѣщиковъ. Про деревни и спрашивать нечего: хозяина каждой избы онъ знаетъ по имени, и вообще обнаружитъ въ себѣ человѣка бывалаго, который изъ семи печей хлѣбъ ѣдалъ — не морщился. Если пасажиръ не соскучится слушать его болтовни и крѣпко понравится извощику, послѣдній готовъ его поважить пѣсенкой, сначала любимой, потомъ, пожалуй, и по заказу сѣдока, какой онъ захочетъ и самъ пожелаетъ. Коренные пѣсенники, кажется, теперь только въ средѣ этого сословія и удерживаются.

Однимъ словомъ, нѣтъ услужливѣе, словоохотливѣе троечника, подрядившагося до мѣста. Исполняя всякое требованіе сѣдока, онъ самъ, съ своей стороны, чрезвычайно уступчивъ и не претендателенъ. Требованія троечника ограниченны: зимой — дозволеніе погрѣться въ питейномъ, а чтобъ дать вздохнуть лошадямъ — веселая бесѣда съ сѣдокомъ, достаточно вознаграждаемая живымъ участіемъ и вниманіемъ къ разговору. Лѣтомъ, когда, по деревнямъ на дорогѣ, начнутся праздники и веселые хоро-

воды дѣвушекъ, окружонныхъ густой стѣной любезниковъ-ребятъ, наполнятъ деревенскія площадки около часовни, а толпы подгулявшихъ гостей-мужичковъ переходятъ изъ избы въ избу попить — пображничать: тогда извощику-троечнику достаточно, если милость ваша будетъ, забѣжать къ своякy поздравить его съ праздникомъ. Не пройдетъ и десяти минутъ, какъ извощикъ въ сопровожденіи хозяина и хозяйки той избы, около которой остановилась его тройка, выйдетъ къ снисходительному сѣдоку и, пропустивъ впередъ свояковъ, съ низкими поклонами будетъ подчивать крѣпкой брагой и праздничными пирогами.

— Да не погнушайтесь, ваша милость, взойдите въ избу нашей хлѣба-соли отвѣдать: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! — скажутъ, низко кланяясь, хозяева.

Русское радушіе и гостепріимство не замедлятъ вознаградить за потерянное въ угощеніяхъ время, а еще болѣе разгулявшійся извощикъ наверстаетъ и привезетъ въ обѣщанный срокъ къ назначенному мѣсту.

Таковъ троечникъ большихъ почтовыхъ трактовъ, гдѣ много ѣзды, а слѣдственно и проѣзжающихъ. Добрый, разговорчивый, привычный къ своему сѣдоку, охотникъ побалагурить и поразговориться, услужливый и безпрекословный на большомъ трактѣ,— онъ дѣлается совсѣмъ инымъ человѣкомъ, какъ будто перерождается тамъ, гдѣ меньше ѣзды и гдѣ онъ, какъ будто, лишонъ сообщества людей и товарищества и дѣлается человѣкомъ прямо и безотносительно занятымъ собственнымъ интересомъ поживиться, и поживиться не только на счотъ сѣдока, но даже и своего брата — извощика.

Есть чрезвычайно много, въ огромной Россіи, такихъ трактовъ, гдѣ не пролегаетъ торговой дороги, но гдѣ также изрѣдка бываютъ проѣзжающіе, имѣющіе нужду въ извощикахъ. Здѣсь

обыкновенно въ какой-нибудь деревнѣ, верстахъ 5—6 отъ города, найдется мужичокъ, имѣющій пару лошадокъ (третью онъ выпроситъ у сосѣда, если потребуется надобность непремѣнно въ тройкѣ) и даже въ рабочую пору, не на долго, готовый ради лишняго рубля прокатить проѣзжающаго. Отысканный непремѣнно по знакомству и особой рекомендаціи, онъ запрашиваетъ огромную плату, вполнѣ увѣренной, что онъ нуженъ, крайне нуженъ, что безъ него дѣло не обойдется. Проѣзжающій, употребивъ всевозможныя средства въ отысканіи другихъ, снова обратится къ нему, согласный на запрошонную цѣну. Не проѣдетъ извощикъ 10 верстъ, какъ уже передаетъ сѣдока другому, при сѣдокѣ же торгуясь съ новымъ извощикомъ, при немъ же уступая его за треть условленной платы. При этомъ конечно сопряжено безчисленное множество непріятностей: часто везутъ сѣдока, противно условію, на парѣ и не такъ скоро, какъ бы желалъ онъ, потому-что впряженыя лошади совсѣмъ не дорожнія, а простыя, изможденыя — рабочія. Наконецъ, случается и то, что несчастнаго пассажира часовъ пять возятъ изъ одной избы въ другую, изъ деревни въ сосѣднее село, чтобъ сбыть его посходнѣе и прибыльнѣе. Съ ужасомъ недоумѣваетъ несчастный, отдавая, по прибытіи на мѣсто, не менѣе его несчастному послѣднему извощику, — жертвѣ корыстолюбія его собратовъ, ничтожную сумму, доходящую иногда до полтинника и менѣе.

Напротивъ, троечникъ большихъ торговыхъ дорогъ только лѣтомъ, когда онъ вмѣсто себя, для домашнихъ работъ, долженъ нанимать работника, и выгоденъ зимой, когда кормы бываютъ дешевле и ѣзды больше, потому-что и питерщики ѣдутъ домой, да и у школьниковъ бываютъ каникулы.

Въ заключеніе очерка должно сказать, что рѣдко, почти даже никогда не случается такъ, чтобы сынъ троечника покинулъ ремесло отца. Оно, можно сказать, дѣлается наслѣдствен-

нымъ въ родѣ, переходя отъ отца къ сыну, и не рѣдки случаи, что попавшійся современному путешественнику извощикъ уже десятый въ родѣ занимается извозомъ. Рѣдкій также случай, чтобъ троечникъ сдѣлался одиночникомъ, развѣ сгоритъ все его имущество, кромѣ его любимой тройки, или другое какое горе сдѣлаетъ его бѣднякомъ, но не отобьетъ у него охоты и привязанности къ прежному ремеслу, съ которымъ онъ свыкся отъ колыбели и пристрастился по обстоятельствамъ.

Напротивъ, множество бываетъ случаевъ обратныхъ,—т. е., одиночникъ дѣлается троечникомъ съ охотою и искреннимъ желаніемъ заниматься ремесломъ и выгоднымъ и прибыльнымъ, но только впрочемъ въ такомъ случаѣ, когда ему, что называется сильно повезетъ. Большею же частью одиночникъ, достигнувши своей цѣли, т. е. подновивъ или передѣлавъ избу и поправивъ хозяйство, снова берется за старое свое ремесло-пахаря, безъ всякаго сожалѣнія къ покидаемому временному. Избалованный же своимъ ремесломъ троечникъ ни за что въ мірѣ не согласится сдѣлаться одиночникомъ, и скорѣе пойдетъ на почтовую станцію ямщикомъ или легковымъ извощикомъ въ столицу, чѣмъ покажется всѣмъ знакомымъ своимъ не лихимъ троечникомъ-запѣвалой, а гужеѣдомъ-одиночникомъ.

Прямое, рѣзкое отличіе троечника отъ одиночника, конечно, кромѣ тройки, — это сапоги валяные зимой и кожаные лѣтомъ, синій кафтанъ въ накидку на красную рубашку и плисовые шаровары — лѣтомъ; теплая непотертая шуба баранья, высокая шапка — зимой замѣняемая въ жары низенькой пуховой шляпой, въ которой вѣчно торчитъ павлинье перо, иногда даже два или три вмѣстѣ. Въ шапкѣ и шляпѣ всегда найдется у троечника красный платокъ, — подарокъ жены или полюбившей его дѣвушки; въ сапогѣ ужъ всегда и непремѣнно маленькая коротенькая трубочка, а въ широкихъ шароварахъ кисетъ съ сам-

браталическимъ, имѣющимъ свойство всякаго курящаго заставить разъ сто плюнуть и крякнуть, прежде чѣмъ выкурится крохотка-наперстокъ трубочка. Вотъ все, что только любитъ брать съ собою въ дорогу троечникъ, да развѣ путь лежитъ мимо родной деревни, куда забѣжитъ онъ повидаться, и старая мать или молодая жена сунетъ ему за пазуху тряпку съ пирогомъ. Таковый онъ немедленно же и истребляетъ, зная, что по дорогѣ много къ услугамъ его и постоялыхъ дворовъ съ дешовымъ обѣдомъ — и потому де запасъ тутъ лишняя вещь, ни къ чему путному она не ведетъ.

Тихо и незамѣтно умираетъ троечникъ, завѣщая сыну любимое свое ремесло и послѣднюю главную волю — похоронить на родномъ погостѣ, гдѣ лежатъ всѣ родные подъ покривившимися деревянными крестами, немного поодаль отъ каменной церкви сосѣдняго села, въ которомъ онъ былъ когда-то прихожаниномъ и молельщикомъ.

II.

ОДИНОЧНИКЪ.

Отецъ одиночника, простой мужикъ-пахарь, вовсе не занимается воспитаніемъ сына, предоставляя это дѣло женѣ — хлопотливой крикуньѣ бабѣ, или лучше самой природѣ. Мальчишка, который года два поползаетъ на грязномъ полу отцовской избы между овцами и телятами, столько же времени поваляется въ грязи и пыли деревенской улицы, съ раскрытымъ ртомъ удивляясь невиданнымъ диковинкамъ: отъ простой крестьянской телѣги до затѣйливыхъ старинныхъ дрожекъ проѣзжей старушки-помѣщицы; потомъ нѣсколько лѣтъ походитъ съ ребятишками-сверстниками за грибами и ягодами, разъ по десяти въ день купаясь въ сосѣдней рѣкѣ-лужѣ. Лѣтъ 16-ти онъ уже принимается за серпъ и косу, вовсе не думая о своемъ будущемъ ремеслѣ. Наступитъ зима со своими холодами и бездѣйствіемъ; мужику осталось завалиться на печь или сѣсть въ уголъ и точать свой неуклюжій лапоть, но во дворѣ у него пара лошаденокъ и двое саней, — тутъ ужъ какъ-то не хочется быть въ бездѣйствіи, особенно если за мужичкомъ состоитъ недоимка. И вотъ, по совѣту сосѣда, мужичокъ подновитъ свои сани, починитъ сбрую и отправится въ сосѣдній городъ за товаромъ; здѣсь землякъ найдетъ ему довѣрителей свезти пеньку, шерсть, муку въ губернскій городъ и обои сани нагрузитъ этимъ добромъ до самаго верху. Въ огромномъ обозѣ, длиною съ версту, потянулась и пара лошадокъ новобранца-извощика въ слѣдъ за другими. Сложивши

въ городѣ кладь и получивши разсчотъ, ему остается или опять искать оказій, или просто ѣхать порожнякомъ. Пріятель-землякъ и тутъ его не оставитъ и выручитъ изъ бѣды:—найдетъ ему цѣлую кучу сѣдоковъ на обои сани, такъ что доѣхать до деревни ему придется не только даромъ, но еще и съ излишкомъ а разсчотъ за кладь весь почти останется цѣлымъ въ его кошелькѣ.

Подобнаго рода оборотъ чрезвычайно полюбился мужику по очень простой и естественной причинѣ: у него нашолся и лишній грошъ въ хозяйствѣ, и случай коротать полезно и выгодно зимнія ночи. Мало по малу одиночникъ заводится знакомствомъ и начинаетъ возить исключительно однихъ сѣдоковъ, и только развѣ за неимѣніемъ послѣднихъ возьмется за кладь. Глядишь, каждую зиму онъ является въ городѣ и гдѣ-нибудь за угломъ выжидаетъ своихъ сѣдоковъ, какихъ нибудь семинаристовъ или гимназистовъ, пользующихся вакаціей. Пройдетъ зимы три—четыре и у одиночника завелись сѣдоки постоянные, знакомые, которые избавляютъ его отъ необходимости стоять за угломъ, и уже сами отыщутъ его гдѣ-нибудь на печи или полатяхъ постоялаго двора. Торговля съ нимъ короткая, цѣна за проѣздъ извѣстная, незначительная. Всякій изъ сѣдоковъ знаетъ и своего извощика, и то, какое число пассажировъ любитъ онъ сажать въ свои широкія пошевни, называемыя имъ креслами; а потому никто и не претендуетъ, если онъ посадилъ лишняго и выѣдетъ позднѣе, чѣмъ обѣщалъ, да и повезетъ мучительно-тихо, потому-что всякій знаетъ, что ни одинъ одиночникъ не любитъ дѣлать больше 60 верстъ въ сутки и меньше четырехъ станцій на стоверстномъ пути. Даже эти станціи или привалы, самый постоялый дворъ, гдѣ остановятся, извѣстны каждому сѣдоку какъ нельзя лучше, наконецъ имя и хозяина и хозяйки его и число часовъ, которые доведется просидѣть въ душной избѣ, или разматривать затѣйливо пестрыя и занимательныя суздальскія кар-

тинки, которыми увѣшаны стѣны пассажирской горницы. Досужій гимназистъ найдетъ достаточно времени, чтобы разобрать всѣ надписи, которыми унизаны и потолокъ и стѣны, наконецъ и самъ найдется, чтобъ и по себѣ оставить приличное воспоминаніе въ стихахъ слѣдующаго содержанія:

Здѣсь мы были
Чай пили
Яичницу ѣли
И трубку курили.

Пока сѣдоки пьютъ чай или ѣдятъ яичницу, изготовленную услужливой хозяйкой, извощики распрягли лошадей и задали имъ сѣна. Одинъ за другимъ входятъ они въ избу и, предварительно помолившись и поздоровавшись съ хозяевами, начинаютъ разболокаться. Снявши полушубки, одиночники являются въ рубашкахъ, подпоясанныхъ тесемкой съ болтающимся на ней мѣднымъ гребешкомъ, который тотчасъ же и приводитъ въ порядокъ растрепавшіеся волосы.

— А что, хозяюшка, не покормишь ли ты насъ? заговоритъ одинъ, покрякивая и почесываясь.

— Да вы всѣ ли тутъ пришли: нѣтъ ли кого на дворѣ? спроситъ хозяйка и, получивъ въ отвѣтъ лаконическое: „кажись бы всѣ“, начинаетъ накрывать на столъ: положитъ коротенькую скатерть, поставитъ солоницу — четырехъ-угольный деревянный ящикъ съ такой же крышечкой, открывающейся къ верху, каравай хлѣба; — сбѣгаетъ въ погребъ и въ ендовѣ принесетъ квасъ, наконецъ начнетъ копаться около печи. Извощики залѣзаютъ за столъ, крайній беретъ ножъ и рушаетъ хлѣбъ, остальные въ глубокомъ молчаніи ожидаютъ варева. Приходитъ хозяйка и на деревянной тарелочкѣ приноситъ говядину, половину которой тѣмъ же порядкомъ и крошитъ сидящій съ краю. Является огромная деревянная чашка со щами: сюда складывается при-

готовленное крошево; сидящій въ переднемъ углу подъ образами начинаетъ ѣсть, — его примѣру чинно, не торопясь, слѣдуютъ остальные.

Щи съѣдены, только на днѣ чашки осталась непочатою говядина; застучатъ ложки по столу и хозяйка снова въ другой, третій, четвертый разъ подливаетъ щей. Ѣдятъ—ѣдятъ да вдругъ всѣ и перекрестятся: — чему обрадовались?

— Куски пошли! (настало время за крошево приниматься). За щами является лапша и съѣдается съ тою же невозмутимою тишиною, нарушаемою только стукомъ ложекъ или просьбою подбавить еще немного лапшицы и передать сукрой хлѣбца.

Когда съѣдается лапша, разговоръ начинаетъ какъ будто завязываться. Какой-нибудь изъ сидящихъ вызовется уже и лошадокъ провѣдать и уйдетъ изъ избы, за нимъ другой и третій. А между тѣмъ хлѣбосольная хозяйка, приноситъ кашу и глиняную плошку съ топленымъ масломъ. Каша какъ-то особенно вкусно приготовлена и понравилась извощикамъ; — трехъ чашекъ какъ не бывало, и странное свойство — она развязала языки. Начинаются толки. Откуда ни возьмется краснорѣчивый, опытный разскащикъ въ лицѣ проѣзжаго афени или господскаго лакея.

— Эй, слышъ-ко, хозяйка! есть что ли еще что-нибудь?

— Молоко съ творогомъ, коли хотите! — отвѣчаетъ голосъ изъ-за перегородки.

— Давай, поѣдимъ и молока твоего!

И двѣ чашки молока съ творогомъ размѣстились въ желудкахъ разгулявшихся потребителей.

— Пироги подавать что ли, ребята? снова спроситъ хозяйка.

— Да они съ чѣмъ у тебя? скажетъ какой-нибудь шутникъ.

— Вдругорядь будутъ съ кашей, а теперь съ аминемъ, отвѣтитъ хозяйка, и — дѣйствительно пирогъ съ аминемъ: т. е. пустой, безъ начинки.

— Ну, баста, ребята, вылѣзай, пора и коней попоить. Сами поѣли, и имъ пора дать вольготу...

Напоивши лошадей и задавши имъ овса, извощики ложатся спать. Пройдетъ часа два или три и — снова возъ за возомъ отправляется изъ заднихъ воротъ дорожній поѣздъ.

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что одиночникъ никогда не ѣдетъ одинъ, а всегда въ компаніи съ другими, держась повѣрья, что заднимъ лошадямъ легче плестись за другими. Потому рѣдкій когда либо согласится ѣхать впереди, всегда стараясь немножко позамѣшкаться, чтобы послѣ догнать товарищей и примкнуть сзади. Но если уже выпала ему такая несчастная доля — предводительствовать обозомъ и у него двое саней въ разнорядку, то никогда не пуститъ впередъ ту свою лошадь, которая получше другой и пошагистѣе, а наровитъ помѣстить не такъ рысистую лошать и всегда правитъ ею своеручно. Онъ ни разу, во всю дорогу, не употребитъ плети, которой очень часто даже и нѣтъ у него, какъ вещи совершенно ненужной при такой тихой ѣздѣ, какъ ѣзда одиночниковъ. Вообще одиночникъ чрезвычайно любитъ своихъ животовъ и бережливъ къ нимъ даже до мелочности: ни за что не посадитъ балуна-школьника на свое мѣсто, на облучокъ, не дастъ ему ни вожжей, ни плети.

Ничѣмъ столько не угождаютъ ему сѣдоки, какъ слѣзши съ воза пойдутъ сторонкой — мѣра единственная, даже полезная зимой, потому что, сидѣвши неподвижно на одномъ мѣстѣ, можно отморозить себѣ ноги, да наконецъ нужно же разнообразіе въ такой тихой ѣздѣ, тянущейся мучительно-медленно. Въ благодарность за одолженіе одиночникъ любитъ поважить своихъ сѣдоковъ, а въ свою очередь, когда дѣло дойдетъ до горы, онъ соберетъ ихъ на воза, громко крикнувъ: — садись, ребята, гора! — и легонькой рысцой спуститъ ихъ внизъ. За тѣмъ опять про-

должается та же исторія — согрѣваніе себя и своихъ ногъ собственнымъ же средствомъ — взбираньемъ пѣшкомъ на гору.

Во время такихъ обоюдныхъ, дружескихъ одолженій съ обѣихъ сторонъ, — незамѣтно наступятъ сумерки, а за ними и темная, глухая ночь. Сѣдоки на своихъ мѣстахъ; извощики тоже на облучкахъ; передній зачмокалъ, задергалъ возжами и лошаденки мелкой рысцой потащились впередъ, — разительный признакъ близкаго ночлега.

За столько же сытнымъ, какъ и обѣдъ, ужиномъ, разговоры бываютъ обыкновенно обильнѣе и интереснѣе. Ночной ли сумракъ и темнота только-что проѣханнаго лѣса, страсть ли русскаго человѣка къ чудесному, имѣющая много пищи въ тихой ѣздѣ, когда отъ нечего дѣлать и въ лѣсу сильно воспламеняется воображеніе, но только за ужиномъ у одиночниковъ всегда затѣваются разсказы о разбойникахъ.

— А слышали, ребята, начнетъ какой-нибудь краснобай, намнясь въ Вожеровѣ како дѣло случилось?

— Нѣтъ... а что? нешто не ладно? отзовутся собесѣдники.

— Да чай знаете Михѣя-то Терпуга, ну вотъ что съ товаромъ ѣздитъ, еще такой коренастой, съ чорной бородой, да онъ завсегда тутъ все разнощикомъ ѣздитъ: никакъ годовъ больше двадцати будетъ.

— Будетъ-то будетъ! отзовется хозяинъ, охотникъ послушать разговоровъ своихъ гостей и принять въ нихъ дѣятельное участіе: — знаемъ Терпуга...

— Ну! — въ нетерпѣніи отзовутся въ одинъ голосъ всѣ извощики.

— Въ осеннюю Казанскую въ Вожеровѣ ярмарка бываетъ что ли, аль базаръ какой, заподлинно не могу сказать.

— У нихъ на Веденьевъ день бываетъ ярмарка! — замѣтитъ хозяинъ, присѣвшій на лавку, поближе къ гостямъ.

— Терпугъ пріѣхалъ съ товарами, лавочку открылъ, пообылъ товару сколько могъ, да говорятъ, и больно много. Къ вечеру собрался, связалъ возъ, все какъ слѣдуетъ, да на перепутьи и забѣги въ питейной. Хватилъ косулю, другую, третью, — разобрало... Онъ и давай бахвалить про деньги, на столько-то товару всякаго продалъ; спросилъ еще косулю,—выпилъ. Случись тутъ трое молодцовъ изъ тутошныхъ, перемигнулись примѣрно, и вышли. Михѣй выпилъ косуху и тоже вышелъ. Да вамъ чай въ примѣту, братцы, на десятой верстѣ отселѣва мостъ-отъ?

— Коло Починка-то что ли? спросилъ хозяинъ...

— Ну!—подхватили слушатели.

— Вотъ эдакъ, примѣрно, около первыхъ пѣтуховъ ѣдетъ Михѣй одинъ, работника съ нимъ не было; только на мостъ въѣхалъ, какъ хватитъ его кто-то по затылку, да такъ больно, что онъ и свалился. Какъ опомнился, пришолъ въ чувствіе, — видитъ, дѣло плохо: одинъ молодецъ держитъ подъ уздцы лошадь, а двое лѣзутъ съ дубиной... „Давай, говорятъ, деньги, а не то подъ мостомъ будешь, не успѣешь-де роднымъ и поклону справить“. Михѣй изловчился, вытащилъ кистень, да какъ рванетъ того, что первый полѣзъ на него: у того только искры изъ глазъ посыпались... упалъ! Тотъ, что лошадь держалъ, драло подъ мостъ, а за нимъ и третій. Съѣхалъ Михѣй съ моста, а они ему въ догонку: счастливъ-де проклятый, догадался—кистень досталъ, а то бы хлебалъ уху въ омутѣ...

— То-то я гляжу,—намнясь за масломъ ѣздилъ въ Вожерово,—Спирька Сычъ что-то сгорбился, съ овина баетъ упалъ,—перебилъ хозяинъ.—Да вотъ вечоръ ваши же ребята разсказывали, что Терентій Павловъ везъ на тройкѣ купцовъ съ ярмарки и тоже, примѣрно, въ питейное вожеровское зашли и выпили на порядкахъ—знатно. Тутъ на задахъ-то у насъ пере-

лѣсокъ будетъ; — они, что въѣхали туда, слышатъ, свиснуло въ сторонѣ, а тамъ въ другой. Купцы, хоть и на куражѣ были, а струсили... Терентью и горя мало, ѣдетъ да попѣваетъ, еще шажкомъ и тройку-то пустилъ. А въ корни-то у него была вятка сивая, баетъ триста рублевъ въ Котельничѣ далъ... Видятъ купцы, около дороги человѣкъ верхомъ показался,—выѣхалъ на дорогу. За нимъ другой тоже на лошади, поравнялись, да и давай растабарывать. Терентій съ ними: куды де ѣдете, не по пути ли, да что больно лошаденки-то у насъ плохи? — купцы было кричать, чтобъ шибче ѣхать, а Терентій какъ бы и не слышитъ, знай толкуетъ. Да вы, говоритъ, ребята, не хотите ли помѣняться лошадями-то? я бы коренника-то, баетъ, уступилъ дешево, взялъ бы, пожалуй, обѣихъ, да коли, и третій бы былъ и того бы взялъ. Тѣ только посмѣиваются да переглядываются; одинъ пустилъ немножко впередъ, да только было хотѣлъ ухватиться за поводья, какъ гикнетъ Терентій, индо купцы носы въ лисьи шубы попрятали. Кони взвились, только паръ валитъ, то было версты двѣ поѣхали, да видятъ, дѣло — дрянь, не догонишь. „Ладно, говорятъ, въ другой разъ поѣдешь — насъ не минуешь.“ А Терентій только посмѣивается, да покрикиваетъ,— такъ и удралъ...

— Да нешто они давно, хозяинъ, такъ-то занимаются? спросилъ одинъ изъ извощиковъ.

— Ну, теперича маленько посмирнѣе стали: зря-то не нападаютъ, развѣ ночью на одного.

— Вѣстимо въ обозѣ-то что они сдѣлаютъ? такъ только лишь... бока наломаемъ, знаютъ они, на кого нападать. Да никакъ пора, ребята, лошадокъ попоить да и спать завалиться! — заключилъ первый разскащикъ, вставая изъ-за стола и поблагодаривъ хозяина за хлѣбъ и соль.

Черезъ полчаса въ избѣ все стихаетъ. Извощики забрались

на печь, на полати, на лавки и, подложивъ полушубки подъ голову, наполнили всю избу сытымъ и тяжолымъ храпомъ. Хозяинъ притащилъ изъ сѣней огромную связку щиты или плетеный изъ соломы коверъ и бросилъ его въ углу на полъ, наконецъ, погасивъ лучину въ свѣтцѣ, вскорѣ и самъ захрапѣлъ за перегородкой. Около полуночи, между спящими, начинается нѣкотораго рода суматоха; лежавшіе на печи и полатяхъ перебираются на полъ, будучи не въ состояніи выдержать той страшной духоты, которая едва сносна въ самой избѣ — на полу и лавкахъ, но становится удушливою на печи и полатяхъ. И хотя по пословицѣ: „паръ костей не ломитъ“, все же этотъ жаръ въ теченіи пяти часовъ рѣдкій въ состояніи вытерпѣть и готовъ даже отдать должное удивленіе и полную дань справедливости тому, кто всю ночь вылежится тамъ и долго потомъ, проснувшись, протираетъ глаза и не можетъ очнуться.

— Экъ его разжарило! обрадовался теплынѣ, словно и невѣсть чему, какъ это хватило мяса, что хоть глаза-то привелъ Богъ протереть, — не весь сжарился!.. Пройдись маленько, своякъ, а то чай всего разломало, замѣтитъ лежавшій на лавкѣ.

— Благо хоть свѣтъ-то Божій привелось увидѣть, а то и не чаялъ; вишь какой зудъ пронялъ, словно блохи накусали, подхватитъ какой нибудь острякъ-швецъ, сшивающій хозяйскія овчины для тулупа. Попробуй, сватъ, кваску, авось не прогонитъ ли тоску, — и, подавая кружку все еще неочнувшемуся и протирающему глаза свату, добавитъ: славный квасъ, землячокъ. одинъ пьетъ, а у семерыхъ животы рветъ; выпьешь глотокъ, со смѣху покатишься, а выпьешь другой, сведетъ тя дугой — небось еще не попросишь.

— Что, не бось ладенъ: глазъ изо лба воротитъ? спрашиваетъ разговорившійся острякъ, когда ошеломленный наконецъ крякнулъ, выпивши полкружки, и свѣсилъ свои ноги на лѣсенку.

— Теперь пройдись маленько, да смотри не забудь онучки-то, а то тебя тутъ и не дождешься; вишь вѣдь словно дома развалился! продолжаютъ острить одиночники, увлеченные примѣромъ бойкаго парня-швеца, давно уже поджавшаго ноги гдѣ нибудь подлѣ свѣтца на лавкѣ и ловко вскидывающаго руку съ иголкой, такъ что глазамъ больно слѣдить за его работой.

Снова смолкнетъ все въ избѣ, хотя уже и проснулись всѣ ея временные и постоянные обитатели и, обвивши свои ноги онучами и оборами, подвязываютъ лапти. Изрѣдка, въ разныхъ углахъ раздается протяжный зѣвокъ въ видѣ завыванія: „охъ-хо-хо — ау...чихъ; ѣхала деревня поперекъ мужика“... Вскорѣ начнется плесканье водой изъ глинянаго рукомойника съ тремя горлышками, висящаго на веревочкахъ около печи, подъ палатями рядомъ съ рушникомъ или полотенцемъ. Этотъ рукомойникъ имѣетъ весьма дурное свойство—всякому непривычному, вовсе не къ стати, налить воды за шиворотъ, если онъ слишкомъ сильно раскачаетъ его на веревкахъ и не догадается придержать рукой прежде, чѣмъ наклонить свою голову.

За хозяйской перегородкой начинается однообразное щолканье щотами при отрывистомъ высчитываніи потребленнаго овса и сѣна. Зазвенятъ мѣдныя деньги, захлопаетъ дверь изъ избы въ сѣни, иногда раздастся голосъ нетерпѣливаго сѣдока, понукающаго своего извощика поскорѣе закладывать и всегда озадачиваемаго слѣдующимъ отвѣтомъ:

— Ишь какой прыткой! дай раздѣлаться съ хозяиномъ-то, гляди, еще и не закладывали. Безъ другихъ я не поѣду... спѣшить некуда, къ вечеру будемъ въ городѣ, не бось, — не замѣшкаемъ. Мы свое время знаемъ, баринъ; поди-ка лучше буди своихъ-то, — рано поднялся больно, еще только третьи пѣтухи пропѣли...

Иногда послѣ такой рѣчи, раздается голосъ растерявшагося извощика, отыскивающаго какой-нибудь синій или красный кушакъ и рукавицы, и черезъ полчаса изба пустѣетъ. И снова возъ за возомъ медленно мучительнымъ шагомъ, при всеобщемъ молчаніи еще не разгулявшихся путешественниковъ, потянется длинный обозъ одиночниковъ по избитой ухабами зимней дорогѣ.

Швецы.

ОЧЕРКЪ.

Къ числу необходимыхъ промышленниковъ, составляющихъ насущную потребность въ крестьянской жизни, принадлежатъ едвали не болѣе всѣхъ швецы, которыхъ можно также обозначить именемъ деревенскихъ или, даже лучше, русскихъ портныхъ.

Въ большей части Костромской губерніи обязанность швецовъ исполняютъ жители одного изъ самыхъ промышленныхъ и многолюдныхъ ея уѣздовъ — Галицкаго, который сотнями высылаетъ плотниковъ, пильщиковъ, каменьщиковъ и печниковъ въ Петербургъ и Москву и столько же разбрасываетъ промышленниковъ по своей губерніи въ лицѣ мѣховщиковъ, извощиковъ, ѣздящихъ съ мерзлою и сушоною рыбою, со свѣжими огурцами и проч. — Изъ этого уѣзда, въ концѣ осени, небольшія кучки швецовъ плетутся по проселкамъ и большимъ почтовымъ дорогамъ, иногда чрезвычайно отдаленныхъ уѣздовъ, каковы, напр. сѣверный край Кологривскаго, по рѣкѣ Межѣ и Унжѣ, Ветлужскій, Макарьевскій, иногда Солигаличскій, Буйскій и Чухломскій. По быту этихъ-то швецовъ и обрисовываются картины промысла, представляемыя въ настоящемъ очеркѣ.

Замѣчательно впрочемъ то обстоятельство, что швецовскій

промыселъ всегда не зѣваетъ укрѣпляться въ той мѣстности, гдѣ поживѣе развита промышленность на разную стать, стало быть побольше соблазновъ на отхожіе заработки: отъ обмѣна мыслей въ разсказахъ о чужихъ и дальныхъ нуждахъ и требованіяхъ, и шире слѣд. кругозоръ при измышленіяхъ чѣмъ себя прокормить. На такихъ простыхъ основаніяхъ завелись швецы въ тѣхъ центральныхъ пунктахъ, вокругъ которыхъ (иногда на большихъ разстояніяхъ) всякое иное ремесло знаютъ, исключая этого. Но само собою разумѣется, деревенскіе портные въ наибольшемъ числѣ держатся около такихъ мѣстъ, гдѣ пристроилось скорняжное дѣло: выдѣлываютъ мѣха, дубятъ овчины, какъ напр. подъ Романовымъ (въ Ярославской губ.), подъ г. Галичемъ (Костр. губ.), гдѣ село Шокша выдѣлываетъ мѣха, получаемые изъ Архангельской губерніи, и изъ такихъ далекихъ мѣстъ, каковы печорскія отдаленныя палестины. Въ послѣднемъ случаѣ швецы пользуются большою извѣстностію, которая даетъ имъ смѣлость знакомить со своимъ искуствомъ самыя отдаленныя мѣстности и рисковать выходомъ на заработки не только въ Москву и Казань, но даже и въ болѣе далекой Питеръ. Въ послѣднемъ городѣ между прочимъ извѣстны шапошники, выходцы изъ села Молвитина (Костр. же губ. Буевскаго уѣзда). На Волгѣ въ большой славѣ кислая овчина— мурашкинцы (изъ села Мурашкина Княгининскаго уѣзда Нижегородской губерніи), которые и по присловью — шапками обозъ задавили (они тоже зимой шьютъ полушубки, ходя по деревнямъ, но въ остальное время не перестаютъ кормить себя иглой, заручаясь другими заказами). Не боится швецовской промыселъ и глухихъ мѣстъ, самыхъ заброшенныхъ захолустьевъ (и даже-кажется ихъ сильнѣе долюбливаетъ); такъ напр. въ томъ глухомъ углу однаго изъ самыхъ глухихъ уѣздовъ, каковъ Пошехонскій (Яросл. губ.), который прилегаетъ къ Вологодской губерніи, съ

деревней Трушковой въ центрѣ, все населеніе по преимуществу и почти сплошъ-странствующіе портные.

Въ первомъ случаѣ, когда этотъ промыселъ вызывается безвыходною мѣстною потребностію, швецы только временные (осенніе и зимніе) портные и тогда они въ скромныхъ границахъ негромкаго промысла—ремесленники на короткое время для извѣстнаго околодка. Количество ихъ считается тогда не сплошъ цѣлыми деревнями, а лишь нѣсколькими домами въ немногихъ селеніяхъ. Такихъ мастеровъ, которые по пословицѣ на грошъ крадутъ да на рубль изъяну дѣлаютъ, не по многу, но много во всѣхъ украйнахъ Россіи. И если межевать послѣднюю на губерніи въ административныхъ границахъ, а не на украйны и урочища съ экономическими гранями, такихъ швецовъ на домашную потребность въ каждой губерніи найдется по нѣскольку кучекъ въ двухъ—трехъ уѣздахъ. Между прочимъ про таковыхъ можно бы и совсѣмъ не слыхать, какъ напр. про тамбовскихъ швецовъ, которые и шьютъ плохо, и ходятъ только по р. Цнѣ, не добираясь до столицъ и стало быть до ученыхъ изслѣдованій и печатныхъ извѣстій.

Но изъ среды моршанскихъ швецовъ выдѣлилась историческая личность основателя молоканской вѣры—одной изъ наиболѣе распространенныхъ сектъ — Семена Матвѣича Уклеина или по просту и по молокански — Семенушки.

Будучи уроженцомъ той мѣстности (подъ Борисоглѣбскомъ Тамб. губ.), гдѣ кормились нѣкоторые отъ портнаго ремесла, и онъ, по завѣту отца, ходилъ по деревнямъ съ товарищами кроить и сшивать овчины въ полушубки про домашной обиходъ желающихъ и въ казну по подрядамъ отъ денежныхъ людей. Поработавъ у одного изъ таковыхъ (Побирухина) и вступивъ въ его вѣру (духоборческую), Семенушка Уклеинъ разсорился со старикомъ, ушолъ отъ него, покинувъ жену—дочь Побирухина.

Додумавшись до своей вѣры, во многомъ отличной отъ духоборской, Уклеинъ, подъ видомъ и съ ремесломъ швеца, пошолъ ее разсказывать вездѣ тамъ, гдѣ ему давали работу. Въ то время, когда его товарищи забавляли хозяевъ въ долгія и темныя осеннія и зимнія ночи сказками да загадками, пѣснями да прибаутками, мистически-настроенный и начитанный отъ книгъ св. Писанія Семенъ Матвѣичъ проповѣдывалъ новую вѣру: училъ держаться одного Евангелія, отвергалъ церковь и духовенство, совѣтовалъ собираться на моленіе для того только, чтобы пѣть псалмы и слушать и толковать Евангеліе. Не побоялся онъ (когда того потребовали) торжественно войти въ г. Тамбовъ (какъ бы въ Іерусалимъ), соблазнить въ молоканскую вѣру много народу по Цнѣ, по Хопру. Когда же императрица Екатерина 2 повелѣла освободить его изъ тамбовскаго острога (куда попалъ онъ послѣ вшествія въ Тамбовъ), онъ привелъ въ свою секту множество деревень: около Новохоперской крѣпости, подъ самымъ Тамбовомъ (въ селѣ Разсказовѣ), подъ г. Балашовымъ. Соблазнилъ многихъ изъ приверженцовъ духоборства (въ Пескахъ) и изъ исповѣдниковъ іудейской вѣры (субботниковъ подъ саратовскимъ городомъ Балашовымъ). Ушолъ за Волгу и тамъ распространилъ молоканство по рѣкамъ Иргизамъ и Узенямъ. Теперь его вѣра и на Молочныхъ водахъ въ Таврической губерніи, и за Кавказомъ въ Бакинской и Тифлисской губ., и въ Сибири подъ Томскомъ и на Амурѣ и на Зеѣ подъ Благовѣщенскомъ.

Собственно про этихъ-то одиночныхъ швецовъ и предлагается слѣдующій разсказъ, поставленный въ границы всей безъискусной простоты невиннаго и полезнаго промысла.

Не вдаваясь слишкомъ далеко въ объясненіе причинъ, по которымъ бы можно было узнать всю степень важности и значенія швецовскаго ремесла, мы хотимъ представить простую и нехитрую картину его проявленія.

Прямымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ появленія швецовъ бываютъ слѣдующія обстоятельства:

Рѣдкій мужичокъ не имѣетъ на дворѣ у себя пары двѣ и даже три барановъ и овецъ, составляющихъ предметъ предпочтительной любви и благорасположенія хозяекъ-бабъ, которыя называютъ этихъ животныхъ многими ласкательными именами, каковы напр. бяшка и даже яшка. Въ продолженіе долгаго лѣта, эти бяшки до того закужлявятся, что къ осени потребуютъ новой стрижки, какъ бы въ-замѣну первой, которая производится въ Великомъ-посту.

Въ любой крестьянской избѣ, въ началѣ ноября или въ концѣ октября, непремѣнно уже открывается слѣдующая семейная картина: всѣ бабы, начиная съ большухи и оканчивая десятилѣтней дѣвонькой, сидятъ въ куту или заднемъ углу избы, подъ палатями, и держатъ на колѣняхъ мохнатаго барана или овцу-яловку. Бяшка поминутно вздрагиваетъ и жалобно кричитъ подъ большими, особаго устройства ножницами и какъ бы ждетъ не дождется, когда кончится эта невыносимая пытка, хотя и приправляемая ласкательствами мучительницъ. А между-тѣмъ огромный грохотъ постепенно наполняется густою волною, которая наконецъ кладется и въ лукошки, за неимѣніемъ другой подобной посуды. Одновременно съ окончаніемъ подобной операціи, являются въ деревняхъ мѣстные шерстобиты или волнотёпы. Эти промышленники сортируютъ шерсть на два отдѣла: та, которая подлинѣе и помягче, назначается для кафтановъ и струною волнотёпа превращается въ мочки. Остальная

шерсть — густая и жосткая, преимущественно со спины и боковъ животнаго, пойдетъ въ продажу и въ рукахъ макарьевскаго и кологривскаго валяльщика превратится въ сапоги, которые иной бережливый хозяинъ четыре зимы носитъ и не износитъ, особенно, если догадается подсоюзить ихъ кожей. Первый, лучшій сортъ шерсти, превращонной въ мочки, тотчасъ по уходѣ шерстобитовъ, прядется бабами и приготовленныя нитки употребляются или для бабьихъ чулковъ, или для варяжекъ, или же наконецъ на ткацкомъ станкѣ является сукномъ-сѣрмягой для поневъ и кафтановъ. Можетъ-быть, въ то-же самое время, какъ бабы исполняютъ свои обязанности, мужикъ-большакъ съ сыновьями творитъ распорядокъ въ подполицѣ или гдѣ-нибудь на дворѣ и рѣжетъ нестриженыхъ яловицъ и барановъ для того, чтобы послѣ, снявши съ нихъ шкуру, имѣть овчины для полушубка или даже, пожалуй, и для тулупа. Устроивши такимъ образомъ дѣло, мужичку остается поджидать прихода швецовъ, которые не замедлятъ явиться въ деревнѣ въ срединѣ или концѣ ноября, но всегда послѣ Кузьмы-Демьяна.

Не трудно узнать догадливому то ремесло, которымъ занимаются эти мужички-путники, только что сейчасъ вышедшіе съ проселка на большую дорогу и потянувшіеся къ виднѣющейся вдали черной массѣ деревни. Почти-что новенькія овчинныя шубы туго на-туго подпоясаны красными или синими кушаками и надѣты на коротенькой полушубокъ. На спинѣ каждаго изъ нихъ крѣпко привязанъ небольшой кожаный мѣшокъ, укрѣпленный на груди крестъ на-крестъ наложенными ремнями. Внизу ремней, изъ-за кушака, торчатъ огромныя ножницы. По нимъ-то и по мѣшку назади ясно видно, что путники идутъ совсѣмъ не въ Соловки Богу молиться или въ Питеръ работой бока протирать.

иначе мѣшокъ былъ бы побольше и не кожаный, да и внизу его непремѣнно были бы привязаны пары двѣ или три новыхъ лаптей и, по-крайней-мѣрѣ, хоть одна пара сапоговъ. У этихъ, напротивъ, даже вмѣсто толстой и суковатой можжевеловой палки видны въ рукахъ палочки дубовыя, коротенькія, по нарѣзкамъ и четыреугольной формѣ которыхъ не трудно различить самодѣльные аршины. Почти всѣ путники немного сутулы и ступаютъ неровнымъ шагомъ, а не съ переваломъ, какъ дѣлаютъ это плотники. Изъ-подъ теплой шапки, опушонной у иныхъ барашкомъ, а у другихъ и просто кошачьимъ мѣхомъ, смотрятъ насмѣшливые глаза и открытая физіономія: не сонная, какъ у каменьщика и печника, а такая же смѣлая, какъ и у инаго ярославца — петербургскаго лавочника. Впереди этой толпы идетъ парнишко-ученикъ, который отъ скуки гоняетъ носкомъ лаптишекъ валяющіеся на дорогѣ комки.

Въ полуверстѣ отъ путниковъ показались чорныя клѣтухибани, предвозвѣстницы начинающагося жилья. Всѣ они, по обыкновенію, обсыпаны большими кучами льняныхъ о т р е п ь е в ъ, — слѣдовъ недавней бабьей работы. Утро только-что началось: въ деревнѣ все тихо, и только скрипъ колодца да дальное мычанье коровы попеременно нарушаютъ тишину. Изъ деревянныхъ трубъ показался чорный дымъ и прямымъ столбомъ потянулся къ далекому небу.

— Вотъ онъ: — Починокъ-то!.. Давно ужъ мы тутъ рыщемъ, а все тебя, молодца, ищемъ; принимай добрыхъ людей да давай имъ работу — во льготу! — заговорилъ одинъ изъ швецовъ, слегка улыбнувшись и переглянувшись съ товарищами.

— Тереха не утерпѣлъ; съ позаранку началъ белендрясы подводить. Что-то будетъ, какъ на работу-то нарвется?—замѣтилъ другой швецъ остряку, всегда неизбѣжному лицу во всякой швецовской компаніи.—Говорилъ бы ты дѣло-то, путное что ни-

будь, — какъ дѣла поведемъ: вотъ теперь въ чемъ главная причина.

— Какъ поведемъ? вѣстимо, какъ поведемъ; нечего тутъ и разумъ моторить, коли въ деревнѣ весь народъ, почитай, на знатй. И то молвить, не одни-чай лаптишки, ходючи сюда кажинную зиму, поизмызгали. Вотъ дядя Степанъ сѣдины понабрался, а все, смотри, сюда же лѣзетъ. Такъ ли, дядя Степанъ, я баю?

— Такъ, такъ, Тереха; неча грѣха таить: скоро двадцать зимъ минетъ, какъ въ Починкѣ работу беру.

— Да что тутъ толковать: толкнемся къ соцкому Микитѣ и дѣло въ шляпѣ. Поди онъ всѣхъ барановъ перерѣзалъ, да и овецъ-то ужъ чай давно пообстригъ.

— Эй, вы, люди добрые, нѣтъ ли ш и т в а? Выходи сюда, кто тамъ живъ остался, — говорилъ Тереха, уже подъ волоковымъ окномъ избы сотскаго, раза три постучавъ своимъ деревяннымъ аршиномъ въ доску-подоконницу.

Черезъ четверть часа высунулось бабье лицо, запачканное мукою и, всмотрѣвшись въ путниковъ, улыбнулось.

— Ай, родимые: Тереха, Степанъ, Петруха, Ванюшка!... Войдите ребята въ избу, на дворѣ студено что-то стало.

— Какъ живете-можете?—спросила хозяйка, когда швецы, помолившись образамъ, сѣли на лавку.

— Твоими молитвами, ничего... живемъ по маленьку: ни шатко, ни валко, ни на сторону. Гдѣ-жъ у тебя большакъ-то?

— Да еще третеводни уѣхалъ къ барину въ городъ, о сю пору еще не бывалъ, баялъ, что долго не будетъ мѣшкать. А молодицы-то въ баню ушли—ленъ треплютъ. Большаковъ-ребятъ въ Питеръ отпустили: Гришу въ плотники, а Иванъ, знамо, въ печники снарядился.

— Нешто ты, тетка Матрена, Ванюху-то оженила? Кажись, у тебя только одна невѣстка и была Аграфена.

— Какъ же, кормилецъ, и Иванушку женили, около Масленой женили. Хорошая дѣвка попалась и къ работѣ пріобычна и дѣла сполняетъ куды баско. Да и то молвить, изъ хорошаго дому вѣдь пошла:—потрусовскаго старосты Дементья дочка.

— А припасла ты намъ работы, тетка Матрена? Вѣдь вотъ, поди, теперь и молодицамъ полушубки надо снарядить. А мы, признаться, на васъ только и надежду полагали.

Пока тетка Матрена ходила въ голбецъ *), швецы успѣли разболочься и развязать свои мѣшки. Вскорѣ постепенно одно за другимъ показалось изъ этихъ мѣшковъ: утюги, наперстки, кусочки синяго воску, обглоданный мѣлъ, наконецъ суконный цилиндрикъ самодѣльной работы, назначенный для булавокъ, и игольникъ съ большими и маленькими иглами. Остались въ мѣшкѣ, можетъ-быть, только нижное бѣлье, праздничный чистый платокъ на шею, да новыя шерстяныя синія перчатки. Хозяйка принесла сырыя овчины, извиняясь, что не успѣла просушить ихъ за отсутствіемъ большака.

— Чего-жъ у тебя молодуха-то смотритъ? Знамо, гдѣ твоимъ старымъ костямъ съ этимъ дѣломъ возжаться: поди ужъ ладышки щолкаютъ. Ну да ладно,—печь топлена, а дѣло это не хитрое,—снарядимъ сами...

И Тереха съ ученикомъ-парнишкой занялся просушкою овчинъ: онъ развѣсилъ ихъ на шестѣ передъ печкой, нѣсколько разъ

---

*) Голбцомъ называютъ въ избѣ небольшой чуланъ, съ земляным полом, строющійся обыкновенно около печи, подъ полатями, сейчасъ налѣво при входѣ. Отсюда ведетъ ходъ и въ подполицу. Въ голбцѣ ставится домашняя провизія, принесенная изъ погреба и назначенныя на завтрашное потребленіе, и кладутся такія вещи, которыя должны быть всегда подъ рукой: топоръ, лапти, косарь, свитецъ, тяпки и проч. и проч.

снималъ, чтобы вытягивать руками, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для сравненія морщинъ, ухватывался даже зубами; потомъ опять вѣшалъ и пробовалъ иголкой въ тѣхъ мѣстахъ, которыя казались ему просохнувшими. Кончивши это дѣло, онъ наметалъ, намѣленной ниткой, прошивы и началъ кроить, увѣренный, что просушеная овчина уже свободно будетъ пропускать толстую иглу и самыя руки его не будутъ потѣть, а слѣдовательно и затруднять работу. Въ тоже самое время и остальные швецы Степанъ и Петруха кроили сермягу, принесенную хозяйкою съ подволоки, гдѣ висѣла она для провѣтриванья. Обрѣзки отъ овчинъ и армяка мальчишка-ученикъ подбиралъ въ то время съ полу и клалъ въ хозяйскія сумы. Это поступало уже, по общепринятому обычаю, въ собственность швецовъ, хотя между этими обрѣзками попадались и такіе куски, изъ которыхъ, шутя, можно составить цѣлую спинку, а чего добраго, и придѣлать рукава на руки любаго верзилы.

Пришедшія молодицы принесли всѣ какія припасены были ими нитки. Оставалось только начинать шить; но дѣло это не состоялось, потому-что подоспѣла пора обѣда. Швецы подобрали все, что было на столѣ, на которомъ вскорѣ очутилась огромная чашка со щами. Старшая невѣстка посолила ихъ, но ушла за хлѣбомъ за переборку. Молодуха, не замѣтивъ этого, посолила въ другой разъ. Шутникъ Тереха, слѣдившій за ними не утерпѣлъ и тутъ, чтобы не отпустить свою завѣтную штуку: пусть-де посмѣются ребята. Онъ взялъ изъ солоницы цѣлую ложку соли и размѣшалъ ее въ чашкѣ уже въ то время, когда всѣ усѣлись за столъ.

— Чтой-то, молодецъ, нешто ты не видалъ, что я посолила? замѣтила молодуха.

— А я, признаться, думалъ, что ужъ такой обычай завелся въ новомъ хозяйствѣ, чтобы всѣ солили, отвѣтилъ Тереха и

самодовольно улыбнулся, замѣтивъ, что обѣ молодыя хозяйки переглянулись.

— Всѣ то вы, кажись, ребята такіе сорванцы, прости меня Господи! Вонъ хоть-бы зимусь и въ нашей деревнѣ: ваши же галицкіе ребята были, и Калиной еще и парня-то звали. Шилъ онъ у дяди Егора тулупъ, да и заставилъ его раздѣться всего. Ишь безъ того-то, баетъ, и мѣрку неловко снимать. Тотъ и легъ на столъ: больно, вишь, онъ простъ у насъ, куды — простъ, Матвѣй-отъ.- И не въ догадку ему, что Калина шутки шутитъ. Этотъ и мурызни его вдоль спины-то, да такъ индо больно, что Матвѣевы ребята по шеямъ Калину, да и вонъ изъ избы.

— И не то бываетъ, кормилка, коли знать хочешь; вѣдь недаромъ и поговорка про нашего брата ходитъ: швецы-портные...

— Ну, ну, Тереха; видно мели Емеля — твоя недѣля. Ты ужъ, братецъ ты мой, не всяко слово въ строку мети, нужно и разумъ знать, перебилъ остряка Степанъ, все время соблюдавшій молчаніе: онъ давно уже оставилъ шутки и ведетъ свое дѣло серьезно.

— И, дядя Петръ! — смалкивай, знай, невѣстка, — сарафанъ куплю! Вишь вѣдь, молодица не знаетъ всѣхъ свычаевъ-то нашихъ. Вотъ хоть бы, примѣромъ, тепереча, слыхала про Власа да Протаса? А нѣтъ, — такъ нишните: Жили вишь ты, кормилка моя, два брата подгородные, тоже швецы, какъ бы и мы со Степаномъ; да и звали-то ихъ по-простецки: сивой Власъ да гнѣдой Протасъ. Наклевалось имъ дѣлишко, куды хорошо: у мужика богатаго, что деньги помеломъ мететъ и лопатой въ кузовья загребаетъ. И все бы хорошо, да недоимочка махонькая состояла, — голова-то вишь была словно жбанъ пивной: звонъ большой, а браги нѣту, — тоже, какъ бы вотъ и ты поразсказала, тоже сметка-та къ закаблучью, знать, пришита была. Принанялъ онъ этихъ молодцовъ шубу сшить себѣ,

а овчинъ-то далъ чуть ли не на двѣ. Власъ и Протасъ, надо вамъ молвить, знали хорошо, на какую онъ ногу хромаетъ, и всю его придурь словно по писанному читали. Сговорились они промежъ себя, да и задумали, въ добрый часъ сказать, въ худой промолчать, непутное дѣло. Э! думаютъ про себя, куда кривая не вывезетъ, сегодня ухну, хоть утрѣ и будутъ бока пухнуть.

— Слушай, хозяинъ, молвилъ Протасъ, какъ ты смѣкаешь, догонитъ Власъ, коли завернусь въ эту шубу, да вбѣжки побѣгу, аль не догонитъ?

— Нѣтъ, догонитъ! — баетъ тотъ. А самъ ухмыляется, любо вишь на потѣху на такую.

— Анъ не догонитъ, хозяинъ. На что хошь на споръ пойду, не догонитъ.

— Попробуй! — брякнулъ тотъ съ-дуру, что съ дубу.

Завернулся Протасъ, да деру задалъ такого, что любо да два, — индо пятки засверкали. А мужикъ-то стоитъ, розиня ротъ, да любуется:

— Гляди-ко, гляди, ребята, чуть чуть не догонитъ; вонъ какъ за лѣсъ забѣжитъ, — поравняются... и поймаетъ, безпремѣнно поймаетъ.

— Ишь тебѣ любо, Тереха, — замѣтила большуха: нешто христіанское дѣло затѣяли.

— Да и то молвить, тетушка Матрена, быль молодцу — не укора, а мало ли непутныхъ-то дѣловъ на бѣломъ свѣтѣ, отвѣтилъ Степанъ.

— У нашихъ ребятъ руки не болятъ!...

— Спасибо хозяюшкамъ за хлѣбъ, за соль, да за щи съ квасомъ, а за кашу-то пѣсенку спою, говорилъ Тереха, молясь образамъ.

Когда убрано было все со стола, швецы снова сѣли за работу. Бабы тоже поразобрали съ полокъ свои копылы и слышно

было въ избѣ, какъ зашумѣли на полу веретена, обвиваясь новыми нитками.

— Ты изъ какой деревни, молодецъ? начала молодуха.

— Да ты у кого спрашиваешь-то? сказалъ Степанъ.

— Вѣстимо кто пошустрѣй, да и позубастѣй всѣхъ, — объяснила тетка Матрена.

— Я-то откуда? да все оттуда-жъ. Больно молода,—много будешь знать, мало станешь спать. Скажи-ко мнѣ лучше: зачѣмъ мужа-то въ Питеръ пустила? Неладное дѣло въ вашей сторонѣ ведется: дуракъ вашъ мужикъ, не тѣмъ будь помянутъ. Женится, да и лѣзетъ въ Питеръ, словно угорѣлый, какъ-будто мало народу тамъ и безъ нашего брата-шалопая; сидѣлъ бы дома да точилъ веретена, да жену журилъ.

— Ишь ты, какой сычъ, прости меня Господи, замѣтила молодуха, видимо сочувствуя шутнику Терехѣ.—Я бы тебѣ космы-то повытрепала, коли-бъ была женой-то твоей. Сталъ бы ты у меня по жордочкѣ ходить... Да молвишь ли ты, какъ зовутъ-то тебя?

— Меня-то? Терешой, Терешой, голубка востроглазая, и парень-то я галицкой ершъ. Вонъ и Петруха тоже ершъ, да и мы всѣ тутъ почитай, ерши, и всѣ галицкіе.

— А родня вы промежъ собой?

— Да какъ родня? — когда моя бабушка родилась, вонъ Петрухинъ дѣдушко онучки сушилъ. Кто у насъ не родня? Коли въ поѣзжанахъ былъ, такъ и свой: — вотъ какъ въ нашей сторонѣ ведется, да поди и въ вашей также?

— А ты нешто женатъ? продолжала неотвязчивая допрощица.

— Нѣтъ еще. Вотъ ужъ коли домокъ путемъ заведу, а вѣдь въ нашемъ ремеслѣ изъ-за хлѣба на квасъ не заработаешь. Теперь все и хозяйство, что вотъ есть на себѣ; во дворѣ скотины—тараканъ да жуковица, а и мѣдной-то посуды всего одна пуговица.

Въ такихъ-то бесѣдахъ пролетѣло время до сумерекъ. Швецы оставили работу: Двое изъ нихъ Степанъ и Петруха легли на лавкѣ, подложивъ полушубки подъ голову. Старшая невѣстка занялась головою свекрови, которая сначала, словно котъ противъ солнышка, щурила глаза, а вскорѣ и совсѣмъ ихъ закрыла. Тереха, въ это время, подсѣлъ къ младшей невѣсткѣ, которая вытирала горшокъ, и сталъ балагурить.

Изба приняла тотъ тихій и спокойный видъ, который бываетъ въ самую золотую пору крестьянской жизни и который обозначается русскимъ названіемъ—сумерничанья. Тишина въ избѣ дошла до такой степени, что не только слышно мурлыканье кота въ печуркѣ *), но даже какъ баранъ и овца жевали жвачку въ подполицѣ. Это затишье нисколько не нарушалось ни храпѣньемъ большака (который былъ въ отсутствіи), ни визгомъ меньшака — неугомоннаго ребенка, котораго еще не было въ домѣ.

Когда уже довольно смерклось, — опомнился отъ забытья Степанъ. Растолкалъ Петруху, толкнулъ въ бокъ ученика и попросилъ свѣту. Старшая невѣстка принесла изъ голбца треногій свитѣцъ, значительно почернѣвшій отъ частаго употребленія и близости искръ, и поставила его подлѣ лавки, изъ-подъ которой тотчасъ же вытащила лахань, налитую до половины водою. Ученикъ-парнишка исщепалъ цѣлое полѣно для лучины и высѣкъ огня.

Снова началась работа, приправляемая разсказами Терехи. Началъ онъ съ шутокъ и долго болталъ молодухѣ сказку про

---

*) Нелишнее припомнить то, что на печь ведетъ съ полу лѣсенка, называемая общимъ именемъ *приступковъ;* между этими-то приступками и находятся *печурки*, небольшія, въ видѣ окошекъ, углубленія, куда кладутся варежки для просушки, онучки и проч. Здѣсь же обыкновенно спятъ и кошки. Верхняя доска приступковъ, за которую нужно держаться руками, чтобы забраться на печь, называется *причеленка.*

бѣлаго быка, да о томъ, что вотъ жили да были баранъ да овца; поставили они стогъ сѣнца, — не начать ли-де сказку опять съ конца. Но, видно, не найдя сочувствія къ подобнымъ разсказамъ, онъ началъ загадывать бабамъ загадки.

— Ну, Марья Семеновна, отгани загадку и не хитрую, сказалъ Тереха, обратившись къ младшей невѣсткѣ: слушай! Ни кто ни таковъ, какъ Иванъ Ермаковъ: сѣлъ да поѣхалъ, слышь, прямо въ огонь.

Задумались бабы всѣ до одной; молодуха-было сунулась съ „ухватомъ“, да не туда попала. Тереха улыбнулся и покачалъ головой; что ни говорили бабы, все не то, даже Степанъ предложилъ-было „пожаръ“, да и онъ не потрафилъ. Перебрали наконецъ все, что попадалось на глаза, но къ несчастію забыли „горшокъ“ и испортили все дѣло.

На одинъ горшокъ — бабій струментъ и любимое дѣтище — у Петрухи нашлось тридцать загадокъ, — всего больше. А пошолъ онъ по избѣ глядѣть, такъ загадывалъ загадку про все, что на глаза попадалось: и про сучокъ, и про матицу, про тябло — божницу и про ставецъ — шкапчикъ. Зарябили въ глазахъ знакомые образы и званія, да такъ затуманены, что голова разболѣлась. Но ловкій шутникъ пріемы зналъ: повелъ вонъ изъ избы и довелъ до самой двери.

— Ну еще, продолжалъ разговорившійся загадчикъ: два стоятъ, два лежатъ, одинъ ходитъ, другой водитъ.

— Дверь! съ радости закричали всѣ бабы.

Выведя за дверь и задавъ задачу для бабьей сметки на вольномъ воздухѣ, шутникъ-швецъ попалъ чуть ли не въ самое богатое мѣсто, гдѣ для вдохновенія загадчиковъ, дѣдовъ и учителей Терехи, не было предѣловъ: выучили они допрашиваться сметки и про такія мудреныя задачи, какъ вѣтеръ въ полѣ,

гроза въ небѣ, морозъ и роса на землѣ и вся красота поднебесная; надоумили прикрывать иносказаніемъ и все то, что ростетъ въ лѣсу и любезно сердцу отъ гриба до ягоды, и все то, что вызрѣваетъ на огородахъ: и лукъ (баба на грядкахъ, вся въ заплаткахъ) и рѣдька (пупъ въ лужѣ, борода наружѣ) и морковь-дѣвица въ темной темницѣ, коса на улицѣ, и капуста и хмѣль-милый другъ, и горохъ и рѣпа — чего слаще нѣтъ. А на соху, на борону, на овинъ и косу стариковскимъ загадкамъ кажется и счоту не поведешь.

Замоталъ Тереха короткую бабью память и лѣнивую смѣтку до того, что самому стало скучно. Уважилъ онъ ихъ напослѣдокъ и пересталъ ходить по задамъ, когда повелъ свинью изъ Питера всю истыкану.

Хозяйки въ одинъ голосъ закричали: „наперстокъ“ и даже дошло до того, что старшая невѣстка вынула изъ кармана, который привязанъ былъ у ней на поясѣ подлѣ лѣваго боку, это орудіе и показала его Терехѣ.

Неугомонный шутникъ разсказывалъ потомъ настоящія сказки, предваривъ, что это бывальщина и случилась отъ него по сосѣдству. Разсказанная сказка воодушевила не только бабъ, но даже и остальныхъ швецовъ, изъ которыхъ каждый разсказалъ также по бывальщинѣ. Невѣстки только слушали, дивились диковинкамъ и искренно вѣрили разсказываемому. Одна только свекровь замѣтила, что пѣсня—быль, а сказка—ложъ; но тотчасъ же разсказала про лѣшую, которую сама видѣла, когда, еще бывши молодухой, мыла бѣлье на рѣкѣ.

— Сидитъ водяница на колодѣ и такая-то большущая да ражая, а волосищи, почитай, что не до пятъ стелются, а водато, кормилицы вы мои, такъ и льетъ, такъ и льетъ съ волосищъ-то. Взглянула я, родители вы мои, и—обомлѣла: и поджилки затряслись. Слышу, вотъ какъ хоть я васъ теперь слышу:

захлопала водяница въ ладоши да совой и заухала. Какъ добѣжала до дому, кормилицы мои—ужъ и не помню: словно кто пришибъ мнѣ память-то. Опосля мнѣ, какъ опомнилась, разсказывали, что священника-де призывали отчитывать, такъ инда перепужалась я водяницы-то...

— Бываетъ, Матрена Селифонтьевна, бываетъ. Вотъ вѣдь недалеко ходишь: бродишь ину пору по лѣсу за грибами, али бо что... ходишь, ходишь, а все къ одной березѣ придешь. Придешь: ну вотъ-такъ вотъ и видишь, и береза та, и муравейникъ тутъ, около... вонъ и палку еще бросилъ на муравейникъ-то, ну и та... тово... тутъ, поддержалъ старуху Степанъ.—Да чево бабушка, вотъ у меня пара животовъ на дворѣ стоитъ. Пришолъ я разъ, коло Покрова: сивко стоитъ, хоть бы што... а саврасая кобыла, что у благочиннаго купилъ, въ мылѣ. Въ мылѣ, слышь, Матрена Селифонтьевна, словно кто на ней цѣлую ночь ѣздилъ. Что ни говори, а домовикъ это ѣздитъ, лѣсовикъ это въ лѣсу тебя обходитъ...

— Охъ! что и баять, кормилецъ, кому какъ не ему, домовику этому... Я ужъ какъ изъ стараго дому перебирались кирпичикъ изъ чела въ печи выломила, да въ коникъ *) и положила; вотъ тебѣ грѣхъ молвить, — а не хочу и таить, — положила. Ну... и ничего: коровушки, благодаря Бога, живутъ, овечки тоже. Вонъ и гнѣдку, почитай, что кажинную ночь гриву заплетаетъ. Подберетъ эдакъ, знаешь, косички и репейникомъ поизукраситъ; таково-то индо любо да красиво.

---

*) Коникомъ называется родъ ящика, устроиваемаго подъ лавкой, въ лѣвомъ заднемъ углу. Ящикъ этотъ закрывается задвижкой, свободно двигающейся въ обѣ стороны. Въ коникѣ обыкновенно запираютъ куръ зимою; лѣтомъ сидятъ онѣ на дворѣ на насѣдалѣ, устраиваемомъ изъ жердей гдѣ нибудь въ углу. Въ коникъ кладутъ также лапти, топоры, но только въ другое отдѣленіе, отгороженное отъ куринаго доскою.

Между-тѣмъ время незамѣтно подходитъ къ ужину и молодая хозяйка, накрывши на столъ, приглашаетъ швецовъ:

— Садись и ты, Терентій Иванычъ, поужинай чѣмъ Богъ послалъ, чай ужъ поди попроголодался маненько.

— Да у насъ, Марья Семеновна, коли признаться сказать, не ужинаютъ, отвѣчалъ Тереха, потягиваясь, а насмѣшливая улыбка такъ и прыгаетъ по его рябому лицу.

— Чтой-то ты баешь, не ужинаютъ: да какъ же ложатся-то?

— Какъ? а поѣдятъ маленько, да такъ и ложатся!..

Поработали швецы и послѣ ужина, вплоть до того времени, какъ запѣли вторые пѣтухи. Одинъ только Тереха, кончивъ незамѣтно полушубокъ и наметавши еще рукава на кафтанъ, завалился вмѣстѣ съ прочими на полати.

На другой день пріѣхалъ и самъ хозяинъ — соцкій, въ то время, когда швецы сшили два полушубка, два армяка, теплую шапку хозяину и цѣлую овчинную шубу хозяйкѣ. Хозяинъ примѣрялъ свое, прошолся раза два по избѣ, заставивъ бабъ посмотрѣть: ладно ли сшито, не малъ ли воротникъ и не жметъ ли ему подъ мышками. Оставшись довольнымъ, онъ расчиталъ швецовъ по заведеннымъ цѣнамъ: отсчиталъ два рубля за два полушубка, рубль двадцать копѣекъ за два армяка; семдесятъ копѣекъ за шубу и пятьдесятъ копѣекъ за новую теплую шапку *).

— Слушай-ко, Степанъ Михѣичъ, заговорилъ соцкій, доставши изъ ставца **) бутыль водки и угощая швецовъ. Дав-

*) Разумѣется ассигнаціями. За починку платятъ по 50 коп., за вставку двухъ новыхъ рукавовъ 10 коп., за шаровары 10 коп., за шубу маленькому 10 коп. Съ кучеровъ, за бахвальство, берутъ за шаровары рубль.

**) *Ставецъ* или посудный шкафъ, небольшой, съ двумя полочками, существуетъ только у зажиточныхъ, которые держатъ и водку постоянно, и самоваръ и другую необходимую для чая принадлежность: чайникъ и чашки. Тутъ же лежатъ и ключи отъ амбаровъ и погреба. У

но меня задоръ пробиралъ спросить тебя: куды подѣвался шоринскій Матюха: еще такой пѣсни гораздый былъ пѣть, что твой ину пору Терентій?

— Эхъ! загубилъ онъ свою душу, какъ есть загубилъ ни за денежку. И не то, чтобы запивать что-ли хрушко сталъ: еще это куды бы ни шло, а то какъ бы тебѣ молвить?.. Задурилъ...

— Да чего задурилъ? перебилъ Терентій.—Бахвальство вишь въ немъ завелось, хозяинъ. Форсъ-отъ этотъ проклятый его и подгогулилъ. На руку нечистъ больно сталъ: вотъ оно что! Такъ мы его и не беремъ по этой причинѣ. И то про насъ худая слава. Чего не скажутъ: и „нѣтъ воровъ супротивъ портныхъ мастеровъ“, и „словно бы намъ только мѣрку снять да задатокъ взять“, будто бы мы чего получше и не стоимъ. Не нашей иглой каменные дома выстегиваютъ и строчка-то наша по тому полотну, какое даютъ, а кроимъ — самъ видалъ чай— къ старой одежѣ новую прилаживаемъ, иначе и не примѣряешь. Вишь онъ какую однова штуку удралъ у Игнатовскихъ. Надыть тебѣ молвить, онъ шубенкой тогда поизносился, ну и армячишко, признаться, съ плечъ ужъ полѣзъ; а все чихиремъ-то вотъ этимъ не въ мѣру занимался. Пошолъ онъ, вишь, къ Игнатовскимъ; думаетъ: наши ребята туда мало ходятъ, коли что и сдѣлаю,—не узнаютъ. Понавѣдался. Дали ему, примѣрно, работу; свалялъ себѣ шубу ночью, да и слѣдъ показалъ. Самъ еще намъ и дѣломъ-то этимъ похвалялся; и сошло было съ рукъ. А вотъ на другомъ, такъ словно на льду обломился. И случилось-то это дѣло непутное тоже коло нашей деревни: купилъ,

---

бѣдныхъ крестьянъ ставецъ этотъ замѣняется простымъ *залавкомъ*, устраиваемымъ за переборкою, около печи. Тогда здѣсь уже ставится какой нибудь кисель, колобушки, *сулой* (ячменная жидкость для приправы къ овсяному киселю). и проч.

вишь, лошковскій мельникъ Дементій ячменю хорошаго, а Матюха на ту пору работалъ у него, да и заночевалъ, примѣрно. Встаетъ Дементій мельникъ поутру, да и спохватись ячменю-то; совался мужикъ туда и сюда: всѣ закоулки поисшарилъ. Нѣтъ ячменю, словно помеломъ кто вымелъ; пропалъ ячмень совсѣмъ и съ мѣшкомъ, и съ веревочкой.

— Не видалъ, баетъ, Матюха, куда ячмень подѣвался?

А тотъ, словно правый, за работой сидитъ и нитку еще въ ту пору вдергивалъ.

— Нѣтъ, Дементій Андреичъ, не видалъ; слышалъ, признаться, въ просонкахъ, словно твой Жучко на кого лаялъ, а не видалъ. И грѣха на душу брать не хочу: не видалъ. Ну заперся, слышь, заперся, словно и ни вѣсть что! Да ужъ по веснѣ узнали, кто грѣху былъ причастенъ: самъ же Матюха и привезъ къ Дементію. А ячмень-отъ былъ не нашинской, а заморской, еще и у барина-то у Безинскаго купилъ. Пошла про Саву худая слава: мы его не беремъ, одному ходить — неповадно, да всѣ ужъ и знаютъ; а нѣтъ, такъ и мы подкузьмимъ. Посовался Матюха туды да сюды: видитъ—дѣло дрянь, не выгораетъ; такъ онъ по веснѣ и сгинулъ, словно топоръ ко дну. Баютъ ребята, что въ Рыбное потянулся въ бурлачину. Ну ужъ тамъ, знамо, уховертъ-народъ, не клади пальца въ ротъ, заразъ тяпнутъ.

Только что вышли швецы отъ соцкаго и показались, въ полушубкахъ на распашку, середи улицы, почти изо всѣхъ оконъ послышались приглашенія. Между громкими бабьими криками, особенно рѣзче всѣхъ раздавался одной.

— Нишните-ко, ребята, что-й-то солдатка-то больно зѣваетъ? спросилъ Степанъ. Нешто много работы у тебя?

— Понька *) есть, полушубокъ, кормильцы.

— Ишь вѣдь, горлодериха эдакая,—бабью работу зазываетъ: поньку шить; нешто у самой-то руки отвалились? Поди-ко, Терентій, учи ее, глупую, уму-разуму, да втемяшь ей хорошенько, чтобъ вдругорядь не навязывала чего не слѣдуетъ. Сшей ей полушубокъ-то да и приходи къ намъ, — распорядился старикъ Степанъ, видимо обиженный и принявшій предложеніе шить поньку за насмѣшку.

Компанія швецовъ раздѣлилась. Всѣ они разбрелись по разнымъ избамъ и въ одиночку; одинъ Степанъ вдвоемъ съ ученикомъ. Тереха, между тѣмъ, явился къ солдаткѣ.

— Кошку бьютъ, невѣсткѣ намеки даютъ; поньку-то ты шей сама: ваше это дѣло бабье, а вотъ коли полушубокъ есть, такъ стачаемъ. Давай, гдѣ онъ у тебя тутъ?

— Ишь вѣдь какъ ты разчуфырился, словно и нивѣсть что обидное молвила. Я и сама, коли хошь, такъ сдачи дамъ.

— Сдачи мнѣ твоей не надо, береги про себя: а мы не то, что съ бабой, и съ волкомъ справлялись! говорилъ Терентій уже не тѣмъ шутливымъ голосомъ, а такимъ, какой былъ бы даже въ-пору и самому старику Степану.

— Знаешь ли ты, тетка, какъ я волка надулъ? продолжалъ онъ, садясь за работу. Шолъ, вишь, я по полю, отсѣда не видать, бѣжитъ сѣрый по лѣсу, да ухмыляется.

— Здравствуй, швецъ-молодецъ, дай я тебя съѣмъ!

— Дай, говорю, запрежъ хвостъ тебѣ аршиномъ смѣряю. Взялъ я его хвостищо кужлявый, намоталъ крѣпко на руку, да и лудилъ я его аршиномъ по спинѣ, инда самому больно стало.

---

*) Женское верхнее платье въ видѣ полу-армяка, безъ рукавовъ, которое шьется всегда самими бабами, потому что работа чрезвычайно простая.

— А все мнѣ тебя, швецъ-молодецъ, съѣсть хочется. Цѣлый день, баетъ, рыщу: животъ подвело!

— Нѣтъ, говорю, мои кости неломки; зубы не возьмутъ. Поди, вонъ баранъ ходитъ по горамъ, авось можетъ послаще будетъ. Простъ вѣдь сѣрый-то, хоть бы вотъ и ты, тетка Лукерья. Такъ что ли тебя величаютъ? Да ты, стотри, не обидься!

— Меня-то? Офросинья меня зовутъ.

— Ну, вотъ, тетка Офросинья, у меня тоже бабушку звали Офросиньей, и сестра была Офросинья. Такъ объ чемъ, бишь, я тебѣ молвилъ?

— Баранъ тамъ что ли по горамъ...

— Такъ вотъ вишь, пришолъ онъ къ барану и тоже ѣсть попросилъ, сѣрый шутъ.— „Вставай, баетъ, баранъ, подъ гору, а я какъ-разъ тебѣ въ глотку вскочу“. Распялилъ сѣрый пасть, а баранъ какъ мурызнетъ его въ лобъ рогами, такъ что мой волкъ вперемековшки *). Всѣ, слышь, зубы во рту повышибъ и ѣсть ужъ нечѣмъ стало. Опомнился сѣрый, да позапоздалъ маленько: швецъ-то, подъ жавши ноги, строчку строчилъ, а баранъ сѣно жевалъ въ подполицѣ.

— А вдругорядь ты понекъ не сули!.. Эдакъ и сарафаны нашему брату шить доведется, заключилъ свою рѣчь Терентій у новой хозяйки.

Такимъ образомъ, переходя изъ избы въ избу, изъ деревни въ деревню, сообща, въ компаніи и въ одиночку, особнякомъ, смотря по количеству наличной работы, швецы проходили на чужой сторонѣ далеко за зимняго Николу. Осталось всего недѣля до Рождества Христова; ясное дѣло, нужно провести этотъ праздникъ въ кругу домашнихъ, по обычаю и по завѣтной мысли.

---

*) Мѣстное выраженіе, означающее: *кувыркомъ; мурызнуть* — ударить больно.

И вотъ швецы уговорились сойтись въ первомъ питейномъ ближайшаго села, чтобы раздѣлить съобща и поровну свои заработанныя деньги и опять вмѣстѣ держать путь на родину. Степанъ, какъ предводитель и самый старшій между товарищами, производилъ дѣлежъ. Досталось каждому, вмѣстѣ съ заработанными имъ самимъ деньгами, около пятнадцати рублей серебромъ: Степану немного побольше, потому что онъ ходилъ съ ученикомъ.

Немедленно совершены были слитки или такъ-называемый запой; товарищи поздравили другъ-друга съ прибылью. Ученику-парнишкѣ куплены были двѣ бутылки меду и пряники. Тѣмъ бы дѣло и кончилось, еслибъ Тереха не увлекся легкимъ похмѣльемъ и не спросилъ себѣ кое-чего покрѣпче, да и въ посудинѣ побольше. Петруха не отставалъ и тоже за спасибо угостилъ товарища. Черезъ полчаса Тереха уже стлался въ присядку по уродливому полу кабака и визжалъ пьяныя и несладныя пѣсни. Собралось народу много, желая посмотрѣть, какъ-де швецы запой творятъ, пляшутъ и пѣсни галицкія поютъ. Петруха досталъ у цѣловальника балалайку и тренькалъ на ней для большаго задору Терехи. Дѣло кончилось тѣмъ, что мужики-зрители прельстились удовольствомъ галицкаго ерша и начали его подчивать. Богъ вѣсть, что бы дальше было, еслибъ не стояла на сторонѣ братская дружба и опытная старость въ лицѣ старика Степана. Онъ кое-какъ уговорилъ товарищей идти, послѣ многихъ ругательствъ Терехи и упирательствъ и руками и ногами Петрухи. Степанъ хладнокровно перенесъ всѣ обиды, держась пословицы: пьяному море по колѣна; не самъ говоритъ, а хмѣль за него распорядокъ творитъ.

— Что жъ ты не пилъ, дядя Степанъ,—а вѣдь знатную штуку удрали: инда мужики тутошные потчивать начали, — говорилъ очнувшійся на другой день Тереха.

— Куда ужъ мнѣ съ своею старостью да съ немоготою тягаться за вами? Бывало, братъ, время, тягивалъ я куды хлеско. Не только тебя, а вотъ и Петруху бы завидки *) взяли: штофъ ошарашишь, — словно ни въ чомъ не бывалъ: еще косуху въ придачу попросишь.... только ухмыляешься да пѣсенки попѣваешь. Нонѣ не то стало: хватишь стакашка три для куражу да отъ холоду, ну,—и удоблетворенъ съ почтеніемъ. Вамъ, ребята, хорошо, пока вотъ молодухъ-то не завели; толды, вѣстимо, другую пѣсню затянешь.

Такъ совершаетъ швецъ свою нехитрую работу, перемежая ее прибаутками и присказками. Мужикъ любитъ его за такія одолженія и не прочь, въ длинный и скучный зимній вечеръ, послушать его веселыхъ разсказовъ: на то и сказка придумана, чтобъ добрыхъ людей потѣшать. Иной разъ и страшно сдѣлается, и чуется привычному уху, какъ

По селамъ ткутъ,
По деревнямъ ткутъ.
Одна баба-яга
Костяная нога
Помеломъ мететъ.
Вдоль по улицѣ.
Захотѣлось ей
Все бъ по Ваниным
Да по Машиным,
Все бъ по косточкамъ
По ребяческимъ
Покататися
Повалятися.

И вспомнитъ, можетъ быть, мужичокъ то благодатное время, когда бабушка напѣвала ему своимъ дрожащимъ, старушечьимъ голосомъ ту же присказку. И головой она качаетъ, и голосъ ея какъ-то страшенъ сталъ. Страшно сдѣлалось и ребенку: за-

*) Существ. имя отъ глагола завидовать,—мѣстное выраженіе.

вернулся онъ въ бабушкину плахту, только видна его головенка; крѣпко боится ребенокъ буки. Смотрятъ его испуганные глазки на старуху, слезинки такъ и прыгаютъ по разгорѣвшимся щочкамъ. Долго глядѣлъ онъ на морщинистое лицо разскащицы и вдругъ заплакалъ, да такъ громко заплакалъ, что самой бабушкѣ страшно стало.

Изо всѣхъ сказокъ швецовъ про швецовъ — вотъ одна самая характерная и любопытная:

Когда-то жилъ-былъ царь на царствѣ, на ровномъ мѣстѣ, какъ сыръ въ маслѣ. Этотъ царь охотникъ былъ сказокъ слушать. И послалъ онъ по царству указъ, чтобъ сказали ему сказку, которой еще никто не слыхалъ.

— За того, кто лучше скажетъ, отдамъ пол-царства и дочку свою царевну.

Этой сказки сказать никто не находится.

Приходитъ изъ кабака швецъ, — говоритъ царю:

— Ваше царское величество! Извольте меня напоить — накормить: я вамъ буду сказки сказывать.

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ швецъ сказки сказывать:

— Какъ досѣлева былъ у меня батюшка: богатаго живота человѣкъ! И онъ построилъ себѣ домъ: голуби по шелому ходили, — съ неба звѣзды клевали. У этого дома былъ дворъ: отъ воротъ до воротъ лѣтомъ цѣлый день голубь не могъ перелетывать. Слухали-ль такую сказку вы, господа бояра, и ты, надежа-царь великій?

Тѣ говорятъ:

— Не слыхали.

— Ну, такъ это не сказка, а присказка: сказка будетъ завтра вечеромъ. Теперь прощайте!

И ушолъ.

И приходитъ опять на другой день и говоритъ:

— Ваше царское величество! Извольте напоить—накормить: я вамъ буду сказки сказывать.

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ швецъ сказки сказывать:

— И какъ досѣлева былъ у меня батюшка: богатѣйшаго живота человѣкъ! И онъ состроилъ себѣ домъ: голуби по шелому ходили — съ неба звѣзды клевали. У этого дома былъ дворъ: отъ воротъ да воротъ лѣтомъ въ цѣлый день голубь не могъ перелетывать. И на этомъ дворѣ былъ выращенъ быкъ: на томъ рогу сидѣлъ пастухъ, на другомъ — другой; во трубы трубятъ, и въ рога играютъ, а другъ у друга лица не видятъ и голосовъ не слышатъ. Слыхали-ли такую сказку вы, господа бояра и ты, надежа-царь великій?

— Нѣтъ, не слыхали.

Шапку взялъ, да и ушолъ.

Царь видитъ, что это человѣкъ непутной: жаль стало царевну отдать, — говоритъ боярамъ:

— Что, господа бояра? Скажемъ ему, что слыхали такую сказку и подпишемтесь.

Бояра согласились, что слыхали-де такую сказку.

И подписались.

На третій день приходитъ этотъ портной, и говоритъ:

— Ваше царское величество! Извольте меня напоить — накормить: я вамъ стану сказки сказывать.

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ швецъ сказки сказывать:

— Какъ досѣлева жилъ-былъ у меня батюшка: пребогатаго-богатаго живота человѣкъ! И состроилъ онъ с ебѣ домъ: голуби по шелому ходили, съ неба звѣзды клевали. У этого дома былъ дворъ: отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, въ цѣлый день, голубь не

могъ перелетывать. И на этомъ дворѣ былъ выращенъ быкъ: на томъ рогу сидѣлъ пастухъ, на другомъ — другой; во трубы трубятъ и въ рога играютъ, а другъ у друга лица не видятъ и голосовъ не слышатъ. И на дворѣ была выращена кобыла: по трое жеребятъ въ сутки носила и все третьяковъ. И онъ въ ту пору жилъ гораздо богато! И ты, надежа-царь, занялъ у него сорокъ тысячъ. Слыхали-ль такую сказку вы, господа-бояра и ты, надежа-царь великій?

Господа видятъ, что нечего дѣлать: говорятъ всѣ, что слыхали.

— Ты, великій царь, занялъ у моего батюшки сорокъ тысячъ денегъ: вотъ вишь, всѣ господа слыхали. А ты мнѣ денегъ до сихъ поръ не отдаешь.

И видитъ царь, что дѣло нехорошее: надо отдать царевну и полцарства, либо сорокъ тысячъ денегъ.

Отдалъ ему сорокъ тысячъ денегъ.

И пошолъ этотъ портной опять въ кабакъ съ пѣснями.

Вотъ и сказка вся.

Мало этихъ разсказовъ, — швецъ, за отсутствіемъ большака, наколетъ, пожалуй, и дровъ и воды натаскаетъ въ избу; самъ и лучины нащиплетъ. Хотъ и поведетъ онъ на будущую зиму тѣ же обычныя прибаутки, какими тѣшилъ и за прошлый годъ, но вѣдь и то сказать, ину пору и старое годится, коли хорошо да потѣшно. Такъ разсуждая, мужичокъ любитъ своихъ швецовъ-прибауточниковъ и всегда принимаетъ ихъ радушно и для угощенья ихъ ничѣмъ не скупится. Въ свою очередь, и деревенскіе ребята любятъ швецовъ и ни въ чемъ не отстанутъ отъ старшихъ: поятъ ихъ виномъ, уступаютъ первое мѣсто на супрядкахъ *), подводи лишь только белендрясы, чтобы и имъ было любо, да и дѣвкамъ потѣшно.

*) Собранія дѣвушекъ осенью съ 1 ноября до 23 декабря, для приготовленія пряжи.

Вотъ почему швецъ, хотя и шабашитъ въ субботу и ничего не работаетъ въ праздникъ, но за то всегда найдетъ въ праздникъ теплый уголъ и горячіе щи въ любой деревенской избѣ. Впрочемъ, это и не такъ необходимо, потому-что холостые ребята утромъ побываютъ въ селѣ, а вечеромъ уже непремѣнно до вторыхъ пѣтуховъ сидятъ на посѣдкахъ. У женатаго швеца своя компанія: онъ или въ избѣ на полатяхъ, или на крыльцѣ кабака судачитъ съ словоохотливыми мужичками о хозяйственныхъ дѣлахъ: каково-то Богъ дастъ на будущій годъ лѣто, будетъ ли урожай, да мало что-то снѣгу выпало: не померзла бы озимь.

Праздникъ Рождества швецъ уже непремѣнно встрѣчаетъ за заутреней въ сельской церкви своего прихода. И если нѣтъ послѣ праздниковъ работъ по сосѣдству, онъ, смотришь, копается около дому: новыя дранки на крышу положитъ; дворъ вновѣ выстелетъ, если есть запасная солома; лаптишки точаетъ, веревки вьетъ; себя и своихъ обшиваетъ, бабъ уму-разуму учитъ, однимъ словомъ, исполняетъ все, что требуется по хозяйству. Тамъ, посмотришь весной, — онъ подновляетъ телѣгу, снаряжаетъ соху или косулю, клеплетъ косы, закупаетъ серпы и незамѣтно входитъ въ сферу жизни семьянина-пахаря. Чирикаетъ его лопатка по косѣ гдѣ-нибудь на лугахъ; изогнулъ онъ свою спину на пашнѣ и подрѣзаетъ серпомъ высокую рожь и пшеницу. Наступитъ осень, — и повезъ швецъ-прибауточникъ цѣлый ворохъ сноповъ на своемъ скрипучомъ андрецѣ *) въ овинъ. На

*) *Андрецомъ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской губерніи называется такая телѣга, которая устраивается во-первыхъ отлого назадъ, такъ что боковыя палки, правая и лѣвая лежатъ на землѣ, а во-вторыхъ она бываетъ двухъ-колесная, часто впрочемъ и четырехъ-колесная, но тогда она совершенно похожа на телѣгу. Все различіе въ томъ, что напереди и назади андреца ставится родъ лѣсенокъ, для удобнаго и большаго помѣщенія сноповъ; а потому и бока андреца гораздо выше телѣжныхъ.

другой день онъ или стоитъ на запажинахъ *) и, высунувъ изъ садила **) голову, кладетъ снопы на колосницы ***) для просушки, или хлопаетъ молотидомъ ****) по высушеннымъ и разбросаннымъ по току *****) колосьямъ. А можетъ-быть везетъ онъ, на своемъ любимомъ гнѣдкѣ, въ паловни ******) уже обмолоченную и готовую перхлину *******).

Однимъ словомъ, весною, лѣтомъ и въ началѣ осени, швецъ ни въ чемъ не отстаетъ отъ любаго своего сосѣда мужика — не швеца. Но лишь только пообletитъ весь листъ съ черемухи, что

---

*) *Запажинами* называются въ овинѣ доски или лавочки около стѣнъ, устраиваемыя для предосторожности отъ искръ, могущихъ залетѣть въ снопы. На запажинахъ обыкновенно остается много зеренъ, которыя и очищаются метелкой въ лукошки.

**) *Садило* — окно овина, въ которое принимаются снопы.

***) *Колосницами* называютъ бревна, неплотно положенныя вмѣстѣ, такъ что остаются свободные промежутки для протока нижняго жару. На нихъ-то и кладутъ снопы для просушки. Колосницы эти раздѣляютъ овинъ на двѣ части: для нижной или *ямы* они служатъ какъ бы потолкомъ, а для верхной, гдѣ лежатъ снопы,—поломъ.

****) *Молотило*—всѣмъ извѣстное орудіе для молотьбы хлѣба, состоитъ изъ длинной палки или *ручки*, и собственно колотила или *тяпала*, небольшой въ аршинъ длиною палки, которая прикрѣпляется къ ручкѣ ремнемъ и гвоздями.

*****) *Токъ* или *ладонь*—гладкое мѣсто, на которомъ разбрасываютъ уже высушенные и освобожденные отъ *завязи* снопы. Токъ этотъ приготовляется слѣд. образомъ: назначаютъ прямоугольный клочекъ земли, который проходятъ *косулей* или сохой; дернъ, оставшійся послѣ этой операціи, уносятъ. Оставшіяся коренья вырѣзаютъ старой косой; потомъ приготовленное такимъ образомъ мѣсто, будущую *ладонь*, *осаживаютъ*, т. е. убиваютъ огромной колотушкой, или, чаще всего, проѣзжаютъ, на лошади, огромнымъ цилиндромъ, каменнымъ и окованнымъ желѣзнымъ листомъ. За тѣмъ нѣсколько разъ поливаютъ и дѣло кончается:—остается обравнять топоромъ края ладони, называемые *берегами*.

******) *Паловня* — амбаръ около овина, устраиваемый для вымолотой соломы.

*******) *Вымолотая* мякина называется *перхлиной*. Она чаще всего складывается въ стога, которые служатъ пріютомъ для совъ и пугачей, а также и для мышей или *полевокъ*.

ростетъ подъ самыми окнами его избы, и опустѣетъ скворечникъ, что придѣлали балуны-ребятишки на длинномъ шестѣ, подлѣ амбара, — онъ уже чуетъ близость любимой работы. Кончится въ хозяйствѣ капустница *), перемелется собранный хлѣбъ, смотришь, на дворъ подоспѣла уже и осенняя Казанская, заволокло снѣжкомъ всю улицу; валитъ паръ въ избу, лишь только отворитъ баба дверь или волоковое окно; а грачи и вороны такъ и гоношатъ, чтобы сѣсть поближе къ трубамъ на крышѣ. Пришло время ребятамъ обновы шить къ празднику, шубенку какую или армячишко, — чтобъ и на зиму заручка была. И вотъ дня три или четыре ходитъ швецъ по сосѣдямъ до самой Казанской. А тамъ, смотришь, недѣли черезъ двѣ или три онъ началъ приготовляться и къ дальней дорогѣ.

Дня за два хозяинъ подговоритъ прежнихъ товарищей и назначитъ имъ время зайти за нимъ. Съ вечера наканунѣ велитъ хозяйкѣ приготовлять путину: одежонку, какая понаберется по скорости, лепешку какую-нибудь съ творогомъ, яицъ въ крутую. Сдѣлаетъ, на другой день, запой съ ребятами-спутниками, и снова поплелись швецы, по ухабистой дорогѣ, въ знакомыя селенія — шутки творить, работу спорить.

Вотъ вся нехитрая жизнь и работа галицкихъ швецовъ! Но прежде, чѣмъ сдѣлается онъ независимымъ хозяиномъ, ему предстоитъ еще много испытаній, начиная съ той поры, какъ онъ, парнишкой, разстается съ родной избой, до той, когда кончитъ ученье, т. е. сдѣлается работникомъ — подмастерьемъ.

Вотъ какъ обыкновенно дѣлается это дѣло: не въ силахъ отцу прокормить большую семью, или проще, — запалился у галицкаго мужичка парнишко, ладу съ нимъ не стало, а вѣдь надо

*) *Капустницею* называется, какъ всякому извѣстно, время рубки капусты, бывающее обыкновенно не позже 1-го октября,—веселое время дѣвичьихъ потѣхъ и лакомствъ кочнями.

сдѣлать изъ него путное дѣло. Выростетъ балбѣсомъ, ни семьѣ въ прокъ, да и себѣ только маета. Думаетъ, думаетъ отецъ и ума не приберетъ,—какъ бы извернуться съ блажнымъ дѣтищемъ. Ляжетъ на полати, — сонъ не беретъ: то и дѣло перевертывается съ боку на бокъ, — только полати скрипятъ. На лавку ли сядетъ: закусилъ клочокъ бороды и голову повѣсилъ, а самъ искоса поглядываетъ и на жену-большуху, и на баловника-парнишку, который вотъ только-что сейчасъ всѣхъ куръ, бураномъ съ бабками, перешугалъ изъ коника. Выбѣжали куры посередъ избы и закудахтали, — такъ что насилу сама уняла. Сѣли за ужинъ; ничего большакъ не ѣстъ и словно не глядѣлъ бы ни на что. Легъ онъ спать:опять таже дума лѣзетъ въ голову: въ Питеръ, Нижній, въ Москву пустить — баловаться еще пуще станетъ безъ родительскаго смотрѣнья. Наконецъ кое-какъ рѣшилъ помѣстить балуна около своей деревни, держась пословицы: дальше моря, — меньше горя.

Всталъ большакъ поутру—ухмыляется, такъ что и бабѣ-женѣ любо стало. Ломало, ломало вчера, — думаетъ она,— словно и ни вѣсть что приключилось. Бурей такой смотритъ,— инда и словечка боялась промолвить: залѣпитъ туза, другой разъ не сунешься. А сама крѣпко слѣдитъ за распорядкомъ мужа: надѣлъ онъ полушубокъ, платкомъ и кушакомъ туго-на туго подвязался; надѣлъ на ухо шапку-треухъ, а самъ улыбается и хоть бы словечко промолвилъ. Беретъ нетерпежъ бабу, и только бы только спросить, куда-де собрался,—а боязно: ляпнетъ старый, ни за что ляпнетъ. Пошолъ большакъ къ двери и только за скобку...

— Обѣдать ждите! таково-то громко промолвилъ, инда душа въ пятки залѣзла, и повернулъ на зады. Обогнулъ вонъ и бурмистринъ овинъ, и земскаго клѣть назади оставилъ, и свою баню прошолъ. Ну, знамо, куда какъ не въ Демино! — рѣшила большуха, слѣдившая за путешествіемъ мужа.

И дѣйствительно, — вотъ что случилось: пришолъ большакъ прямо въ швецову избу, что хозяиномъ всегда ходитъ и учениковъ беретъ на выучку.

— А я къ тебѣ, дядя Степанъ.

— Милости просимъ! Что тебѣ надыть, дядя Митяй?

— Не возьмешь ли парнишку на выучку? Я бъ Ванюшку свово—во бы какъ радъ отпустить. — И дядя Митяй показалъ рукою на сердце.

— Да ты какъ его хочешь пустить? — Работника, самъ знаешь, я не держу: одинъ за всѣмъ смотрю; а въ ученье я ужъ взялъ, признательно, одного молодца. Самъ и упросилъ, самъ и выбралъ изо всей деревни, — что есть смирёну. Вишь нонѣ я не пойду далеко-то,—хочу около своихъ походить.

— Яви милость, дядя Степанъ, — не откажи, уважь просьбу-то! Заставь со старухой вѣчно Бога молить. А ужъ въ другомъ-чомъ мы не постоимъ: что хошь возьми, только научи парнишку уму-разуму. Вѣстимо, какъ у васъ тамъ ведется,—по томъ и дадимъ.

— Да какъ у насъ ведется: на сколько зимъ-то ты хочешь отдать?

— Твое дѣло, дядя Степанъ, твое дѣло; на сколько хошь отдадимъ: во-какъ!!. говорилъ обрадованный отецъ, а самъ ухмыляется. Подсѣлъ къ Степану и кота гладитъ, что у того подъ бокомъ мурлыкалъ, и шапку съ мѣста на мѣсто перекладываетъ.

— Объ одномъ только и толкъ весь:—возьми парнишку, а о зимахъ не толкуемъ.

— Беремъ занятнаго на три зимы, заговорилъ Степанъ, — а коли тупъ молодякъ да нескоро толку-то набирается, ну, — и пять зимъ живетъ. Дольше и не держимъ, да и въ заводѣ нѣту этаго. Одѣвать-то его самъ чтоли станешь?

— Гдѣ самому,—ты ужъ одѣнь!

— Ну, а заручку дашь что ли какую?

— Знамо дѣло, дядя Степанъ, масла дамъ, яицъ.... коли надыть: сушоной черники. Всего, чего хошь, дадимъ.

— Яицъ мнѣ не надобѣ:—своихъ много. А вотъ кабы медку прислалъ,—важно бы было!

— Ладно, ладно,—меду большущій буракъ... нитокъ... Холста, поди, хочешь?

— Не мѣшаетъ и это. Ну, а какъ науку кончитъ, — мнѣ зиму долженъ служить, безъ платежа,—на спасибо. Одежонку всю сошью, а ученье кончитъ—тулупъ бараній, шапку тоже отъ себя дадимъ. Ладно ли?

— А ладно,—такъ приводи утрѣ Ванюшку и дѣло шито!

На томъ и порѣшили.

Пришолъ Митяй домой на радостяхъ, — словно сейчасъ оженился: и весело таково смотритъ, и за обѣдомъ съ лихвой наверсталъ вчерашній ужинъ. Потомъ немного повозился на дворѣ; разболокся, легъ на полати, свѣсилъ съ бруса голову и повелъ такія рѣчи:

— Спишь, Офимья, аль нѣту? Да гдѣ Ванюшка-то?

— Нѣтъ, не сплю, пахтанье пахтаю!

— Шляки *) считаю! вонъ вечоръ Гришка Базихинъ всего облупилъ: два десятка гнѣздъ **) выигралъ—отвѣчали два голоса на хозяйскій позывъ.

— Утрѣ въ ученье идешь! рѣшительнымъ голосомъ продолжалъ отецъ. Съ деминскимъ Степаномъ сговорился на три, либо на пять зимъ. Обѣщалъ шубу сшить. Только меду буракъ попросилъ, да холста, да нитокъ пять пасмъ. Шабашъ, Ванюшка,

---

*) Мѣстное названіе *бабокъ*, у которыхъ есть и другое имя *козоньи*.

**) Такъ называются три бабки вмѣстѣ; — изъ трехъ гнѣздъ составляется *конь*; цѣна гнѣзду ½ коп. ассигн.

баловствамъ твоимъ непутнымъ. садись за иглу, авось толку-то побольше будетъ. Приготовь ему, матка, полушубокъ, портянки. Лаптишки-то самъ пособери, какія тамъ есть у тебя, да еще что придется... Шляковъ, мотри, не бери, пучеглазый, нѣкогда будетъ балоствомъ заниматься, слышь?...

На другой день мальчишка, со всѣми прибавленіями, былъ уже въ швецовой избѣ, хоть и не дальше пяти-семи верстъ отъ своей деревни. Вечеромъ, при огнѣ, онъ уже получилъ работу— з а д а ч у: наложить заплатку на старой хозяйской армякъ. Учитель усадилъ его на лавку, научилъ класть ноги по швецовски— калачикомъ, держать иглу и вощить нитку. Долго возился парнишка съ непривычной работой, наконецъ одолѣлъ и отдалъ хозяину.

— Ишь ты какихъ косуль накропалъ!—сказалъ тотъ съ ободрительнымъ видомъ и насмѣшливою улыбкою, разсматривая куда какъ плохо заштукованную прорѣху. Ну да ладно, — на первыхъ порахъ и то печево, коли есть нечево. Опосля смѣкнешь, коли въ толкъ будешь брать, да слушаться. Баютъ вѣдь старики: тупо сковано — не наточишь, глупо рождено — не научишь, а коли сметка есть: пойдетъ дѣло въ к о н ъ *). Наша работа не хитрая, — мало-мало всякая баба не умѣетъ. Главная причина, — не балуйся, да не повѣсничай: запрежъ говорю. Денную работу сполняй безупречно, какъ по писанному; а на шабашъ, что хошь дѣлай: только чтобъ мнѣ не было тошно. Вотъ какъ по нашему! Ужъ я человѣкъ вотъ каковъ уродился: имѣй ко мнѣ лишь обычай да потрафляй, — въ чемъ тебѣ потрафлять мнѣ надыть,—и жить въ миру будемъ, не обижу тебя и отцу твоему угодимъ. А коли супротивность какая выдетъ, да

*) Или въ *ходъ;* мѣстное обыкновеніе уподоблять удачу ставкѣ бабокъ въ конъ.

дѣло волкомъ въ лѣсъ глядѣть станетъ: ну, знамо, пѣняй на себя да на свою спину; я тебѣ толкомъ запрежъ говорю.

— Есть у меня про вашего брата штука, не одного тебя въ люди вывела,— заключилъ наставникъ и показалъ ременную плетку.

Плетка эта составляетъ также необходимую принадлежность всякаго швеца, который имѣетъ учениковъ. Онъ и носитъ ее всегда съ собою, въ завѣтной кожаной сумѣ. Устройство этого орудія чрезвычайно оригинально: это — длинный, тоненькій кожаный мѣшочекъ, туго набитый куделью и залитый на концѣ довольно большимъ кускомъ вару. Пользу ея швецъ признаетъ по тому обстоятельству, что иногда приходится ему сидѣть далеко за полночь, при спѣшной работѣ. Ясно, что непривычный ученикъ задремлетъ или даже просто прикурнетъ подъ тябломъ. Иглою въ бокъ или кулакомъ не достанешь иной разъ, а плеткой этой какъ разъ пробудишь: — плеть-де не мука, впередъ наука.

Сначала трудно бываетъ привыкать парнишкѣ къ новому житью въ чужомъ домѣ, да еще и въ ученьѣ. Это не то, что дома! Здѣсь встанешь утромъ спозаранку въ такую пору, что дома и бабушка-то только-только встаетъ. Умоешься: поди дровъ наколи, натаскай ихъ въ избу, если не успѣлъ сдѣлать съ вечера. Тамъ, немного погодя, за водой ступай на колодецъ, что посередъ улицы, да такой крутой, насилу раскачаешь. Воду-то принеси въ избу. Глядишь, баба заломается и избу велитъ вымести, печку выгресть, овецъ загнать въ изгородь *), чтобъ не бѣгали по двору; а самъ-отъ коней велитъ напоить: успѣвай, знай, пошевеливаться. Трудно парнишкѣ на первыхъ порахъ, если нѣтъ заручнаго: и радъ онъ, крѣпко радъ, когда подойдетъ суббота,

*) *Изгородью* называютъ ту часть двора, которую отдѣляютъ деревянной рѣшоткой, а иногда и перегородкой изъ досокъ. Сюда *застаютъ*, т. е. запираютъ овецъ, коровъ, телятъ. Свинья иной разъ вылѣзаетъ, потому-что двери не сплошныя, а рѣшотчатыя.

и побѣжитъ онъ въ свою деревню, чтобъ за всю прошлую недѣлю выспаться, въ бабки наиграться, да и колобушки домашнія какъ-то повкуснѣе и посдобнѣе Степановныхъ; а кажись, изъ такой бы и муки-то сдѣланы, и опара на дрожжахъ, и масла нашего клали!“ —

Разумѣется, если у швеца учениковъ двое живутъ: имъ и работа не въ работу. За водой пошлютъ,—въ снѣжки прежде поиграютъ; овецъ загнать велятъ, — попробуютъ не свезетъ ли какая; а лошадей поить—и ждутъ не дождутся. Прежде чѣмъ доведутъ они ихъ до колоды, смотришь — скачутъ два баловника рядкомъ на выгонъ; а сами смотрятъ не увидалъ бы хозяинъ. Замѣтилъ онъ, — на допросъ позоветъ: кто дѣлу зачинщикъ. Поклеплютъ ребята одинъ на другаго, а не удастся штука, вздеретъ хозяинъ обоихъ: и тутъ ничего,—на людяхъ и смерть красна. Пойдутъ въ сѣнцы, посмѣются оба, да еще и споръ заведутъ о томъ, кого больнѣе высѣкъ, кому больше розогъ далъ: а цѣлый вѣникъ истрепалъ, что лежалъ въ углу подлѣ приступковъ.

Кончится зима, а съ нею и швецовы работы,—ученики уходятъ домой на цѣлую весну и лѣто. Глядишь а парнишко, уже и рубецъ *) накладываетъ прямо; такъ приладитъ заплату, что и бабъ зависть возьметъ. Пошолъ парнишко, въ кучѣ сосѣдскихъ ребятъ и дѣвокъ, за грибами и ягодами лѣтомъ; играетъ въ городки посередъ деревенской улицы, или въ лапту гдѣ-нибудь на лугу. Осень придетъ,—топитъ онъ отцовскій овинъ и печотъ въ ямѣ **) картофель; капусту рубятъ дома—ѣстъ не наѣстся

*) На языкѣ швецовъ *рубецъ* означаетъ *шовъ*, равно какъ *прошивы* значитъ замѣтки мѣломъ, *оторочить* — обшить, *подкодычать* — подшить что нибудь жосткое и плотное, и проч.

**) *Ямою*, какъ сказано, называется углубленіе, сдѣланное въ нижной части овина и достаточно широкое для того, чтобы разложить *теплинку* и просушить снопы.

сладкихъ кочерыжекъ, — животъ даже вспучитъ. Да и то сказать: скоро опять въ чужіе люди придется идти: запасъ нехудое дѣло.

Черезъ три-четыре зимы ученикъ дѣлается уже настоящимъ швецомъ — работникомъ. Ничто уже не отобьется отъ его пріобвыкшихъ рукъ, — никакая тамъ хитрая выкройка, хоть бы даже придумалъ ее самъ закащикъ. Иной задаетъ такую задачу, что и самъ-отъ въ толкъ не возьметъ: хочется вотъ ему положить на карманъ красную кожу съ зубчиками, да такъ, чтобы было красиво и всякая бъ дѣвка замѣтила. Разомъ смекнетъ молодецъ-работникъ: и тюленьимъ ремешкомъ обложитъ, и пуговки красивенькія подберетъ, и петелки ровненькія сдѣлаетъ, — во всемъ угодитъ пріятелю. Поневолѣ тотъ угоститъ догадливаго кастера въ питейномъ. Иному барскому кучеру захочется, къ новой красной рубахѣ, сдѣлать широкія шаровары изъ плису, да такія широкія, что вотъ шолъ бы онъ — словно барка по Волгѣ на всѣхъ парусахъ. И тутъ швецъ не ударитъ въ грязь лицомъ и подведетъ такую штуку, что цѣлую недѣлю барскій кучеръ будетъ ходить по двору да ухмыляться: — пусть-де дѣвки страдаютъ по его удальству да потяпкамъ *).

Первою мыслью молодаго швеца, по окончаніи условнаго срока ученья, — установить свое мастерство и ходить особнякомъ отъ хозяина, — конечно, въ такомъ только случаѣ, если онъ не обязанъ отслужить учителю на спасибо. Но вѣдь и этотъ же срокъ имѣетъ конецъ. Какъ бы то ни было, задуманное предпріятіе на слѣдующую же осень приводится въ исполненіе; но почти всегда кончается неудачно. Поговорка ли, какую сами же швецы про себя сочинили, да еще и хвастаются: что мы-де швецы-портные, воры клѣтные, день съ иглой, а ночь съ

*) Простонародное названіе *ухватки*, но такой, которая исключительно задумана съ цѣлію *побахвалить* — покрасоваться.

обротью *), (ищемъ поймать лошадь о трехъ ногахъ), а можетъ быть и такое разсужденіе хозяевъ: „что поди-де еще къ новому-то молодцу привыкай, да на какого нарвешься, иной только взбудоражитъ все въ домѣ: и невѣстокъ перессоритъ, коли добро это заведется въ хозяйствѣ; а чего добраго, и штуку какую стянетъ: вѣдь есть же сорванцовъ-то на бѣломъ свѣтѣ; въ душу не влѣзешь, чужая душа—потемки, а грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ,—огонь и попа жжотъ.“ Вслѣдствіе такого разсужденія, мужичокъ какъ-то тугъ и неповадливъ на пріемъ незнакомаго швеца и любитъ держаться, по знатй, за старыхъ.

Попробуетъ новичокъ да на томъ и порѣшитъ, чтобъ искать на будущую зиму товарищей,—не возьмутъ ли въ артель. Куда ближе обратиться, какъ не къ учителю: онъ познакомитъ, мужички поприглядятся, — а ужъ тамъ, коли Богъ поможетъ, можно и самому учениковъ понабрать и хозяйство по путному обставить.

И нигдѣ, можно положительно сказать, нѣтъ такого единодушія и товарищества, какъ въ швецовскихъ артеляхъ. Нигдѣ такъ не оправдывается и не приводится въ исполненіе завѣтная поговорка: одинъ и въ домѣ бѣдуетъ, а семеро и въ полѣ воюютъ, какъ въ этомъ небольшомъ классѣ промышленниковъ. Ходятъ они вмѣстѣ; деньги дѣлятъ поровну, безобидно, такъ что въ зиму достанется каждому иногда свыше пятидесяти руб. асс.; никогда не пользуются заслужонною славою хорошихъ людей и мастеровъ, чтобы отбить у другой компаніи работу: только вывѣси въ окно пары двѣ овчинныхъ ремешковъ, — и пройдутъ

---

*) Или лучше *уздой*. Все ихъ различіе состоитъ въ томъ, что узда ременная, а оброть—конопляная или веревочная; по большой части она служитъ *недоуздкомъ*, т. е. уздой безъ *удилъ*.

ребята мимо этой деревни въ свою, знакомую. Не спорятъ и о томъ, если перебьетъ иной швецъ работу по сосѣдству, и засядетъ тамъ, гдѣ другой сидѣлъ въ прошлую зиму: тутъ весь народъ знаетъ другъ друга и самъ виноватъ, если запоздалъ, и прозѣвалъ урочное время, или худая слава на твою честь легла. Въ этомъ обоюдномъ братствѣ могутъ спорить со швецами одни, можетъ быть, земляки-плотники питерскіе въ своихъ артеляхъ.

Сергачъ.

Приступая къ разсказу объ одномъ изъ оригинальныхъ промысловъ, составляющемъ исключительную особенность русскаго народа, спѣшимъ оговориться.

Промыселъ или способъ прокормленія себя посредствомъ потѣхи досужихъ и любопытныхъ зрителей штуками и пляскою ученыхъ медвѣдей не такъ давно былъ довольно распространенъ. Теперь, при измѣнившихся взглядахъ, при усиліяхъ общества покровительства животнымъ, промыселъ сергачей значительно упалъ и близокъ къ окончательному паденію. Отъ столицъ сергачей положительно отогнали: теперь не видать ученыхъ медвѣдей, пляшущихъ на окрайнахъ, на дачахъ нашихъ столицъ въ лѣтнее время. Кое какъ держится еще этотъ промыселъ около мелкихъ ярмарокъ въ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ, всего больше въ сѣверныхъ лѣсныхъ и южныхъ степныхъ губерніяхъ. Но и на югѣ, въ Одессѣ, организовалось общество покровительства животнымъ, обезпечившееся членами въ разныхъ другихъ городахъ Херсонской, Подольской и Волынской губерній: оттого можетъ быть теперь и на сѣверѣ стали чаще появляться съ медвѣдями бессарабскіе цыгане. Въ тоже время очень мало уже показывается и сергачей изъ Приволжья.

Въ нашихъ сѣверныхъ великороссійскихъ губерніяхъ обычай водить медвѣдей усвоенъ жителями извѣстныхъ мѣстностей; большею частію водятъ ихъ татары Сергачскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. И вотъ происхожденіе названія сергача, которое переходитъ съ хозяина-поводатаря и на мохнатаго плясуна; одинъ проводникъ остается при своемъ неизмѣнномъ названіи козы. Имя сергачъ сдѣлалось въ послѣднее время до того общимъ, что будь поводатарь изъ Мышкина (Ярославской гу-

берніи), владимірецъ, костромичъ, ему непремѣнно дается имя нижегородскаго городка. Часто, однако, появленіе плясуновъ повѣщается и еще болѣе общимъ крикомъ, говорятъ обыкновенно: «медвѣди пришли!» Впрочемъ мало-мальски знакомый съ коренными, главными отличіями великороссійскихъ нарѣчій и говоровъ легко отличить сергача отъ мышкинца и владимірца: первый говоритъ своимъ мягкимъ низовымъ— нижегородскимъ нарѣчіемъ, оба остальныхъ суздальскимъ грубо-окающимъ. Цыгане съ медвѣдемъ рѣшительно никогда не заходятъ на сѣверъ вѣроятно ограничиваясь своей благодатной Украйной. Однако не лишное замѣтить и то обстоятельство, что нѣтъ правилъ безъ исключеній, нѣтъ закона безусловно неизмѣннаго: попадаются и такіе, которые такъ-себѣ надумали приняться за медвѣдя, безъ исконнаго обычая предковъ, и потому неудивительно, если при распросахъ признается поводатарь, что онъ не ближе, не дальше—сосѣдъ вашъ, только бы жилъ онъ на бору да водились въ этомъ лѣсу медвѣди. Но это бываетъ очень и очень рѣдко.

Ученые медвѣди носятъ еще названіе смѳргонцовъ, нашъ «Сергацкій баринъ» переименовывался въ «Сморгонскаго студента, Сморгонскаго бурсака», но это медвѣжье прозвище было распространено лишь въ западной половинѣ Россіи, да и тамъ теперь исчезло. Исчезновеніе произошло вслѣдъ за тѣмъ, какъ прекратились, повымерли всѣ тѣ ученые медвѣди, которыхъ воспитывалъ богачъ Радзивилъ, знаменитый «Пане-Коханку» и на которыхъ—по преданію—онъ ѣздилъ въ Вильну и разъ даже явился на сеймъ въ Варшавѣ. По преданію этому (кое-какъ сохранившемуся на мѣстѣ) Радзивилу ловили медвѣдей въ густыхъ первобытно-дикихъ лѣсахъ Полѣсья по Припети около Давидъ-Городка. Вели ихъ 300 верстъ до знаменитой резиденціи Радзивила— Несвижа, въ 3 верстахъ отъ котораго (въ фольваркѣ Альбѣ) существовалъ разнообразный звѣринецъ. Здѣсь косолапый ставленикъ отдыхалъ короткое время и затѣмъ уводимъ былъ въ другое имѣніе Радзивила — мѣстечко Сморгоны, лежащее на почтовомъ трактѣ изъ Вильны въ Минскъ, въ 30 верстахъ отъ г. Ошмянъ и болѣе, чѣмъ въ 200 отъ бывшей резиденціи князя Радзивила. Здѣсь въ Сморгонахъ было особое каменное строеніе, медвѣжье училище, носившее шуточное прозвище Сморгонской Академіи. Косолапые студенты здѣсь

обучались особыми мастерами въ двухъэтажномъ зданіи, въ которомъ каменный полъ втораго этажа накаливался громадною печью изъ нижняго этажа. Студенту надѣвали лапти (каверзни) на заднія лапы, предоставляя переднимъ становиться на горячій полъ; но такъ какъ нѣжныя медвѣжьи подошвы жару не выдерживали, то медвѣдь и былъ принужденъ держаться на заднихъ лапахъ на дыбахъ. Достигая такой привычки или способности, медвѣдь пріучался затѣмъ къ извѣстнымъ штукамъ, которые дѣлали изъ него звѣря ученаго, но которыя однако не вызывали такихъ остроумныхъ приговоровъ, какими славятся нижегородскіе сергачи. Выученные медвѣди производили репетиціи и жили потомъ въ мѣстечкѣ Мирѣ, другомъ радзивиловскомъ имѣніи, въ 46 верстахъ отъ г. Новогрудка (въ Минской губ.) и уже только въ 28 верстахъ отъ радзивиловскихъ дворцовъ въ Несвижѣ. Въ Мирѣ ученые медвѣди поступали къ цыганамъ, которые, какъ извѣстно,—издавна были поселены здѣсь и имѣли,—по преданію—даже собственнаго короля, пожалованнаго въ это званіе чудакомъ и самодуромъ Паномъ-Коханкомъ. Мирскіе цыгане водились со сморгонскими бурсаками, бывшими въ саду въ особомъ деревянномъ зданіи-звѣринцѣ, превратившемся теперь въ уютный и теплый жилой домъ современнаго владѣльца (гр. Витгенштейна). Кромѣ экстренныхъ случаевъ сеймовыхъ поѣздокъ эксцентрическаго Пане Коханку и прогулокъ его на медвѣдяхъ по собственнымъ маетностямъ,—цыганамъ предоставлено было право водить медвѣдей на постороннія потѣхи и для собственныхъ заработковъ. Отсюда и появленіе съ учоными медвѣдями—сморгонскими бурсаками и цыганъ вслѣдъ за нижегородскими татарами. Въ настоящее время (по личнымъ нашимъ распросамъ въ тѣхъ мѣстахъ) не только не существуетъ въ Сморгонахъ чего-либо похожаго на этотъ промыселъ, но и въ Мирѣ не осталось даже слѣда цыганъ, переродившихся въ коренныхъ бѣлоруссовъ. Самыя преданія очень слабы, неточны, хотя и существуютъ указанія на мѣсто бывшихъ звѣринцовъ. И только въ склепѣ несвижскаго огромнаго костела среди другихъ Радзивиловъ сохраняется скелетъ и Пана-Коханка, человѣка огромнаго роста съ высокою грудью, одѣтаго въ высокіе кожаные ботфорты (хорошо сохранившіеся), въ полуистлѣвшій бархатный кунтушъ, съ вышитой на лѣвой сторонѣ высокой груди звѣздою и со тканымъ серебромъ широкимъ шолковымъ поясомъ.

— Ну-ко, Михайло Потапычъ, поворачивайся! Привстань— приподнимись, на цыпочкахъ пройдись: поразломай-ко свои старыя кости. Видишь: народъ собрался подивиться да твоимъ заморскимъ потяпкамъ поучиться.

Слова эти выкрикивалъ нараспѣвъ и тѣмъ низовымъ нарѣчіемъ, въ которомъ слышится паденіе на мягкія буквы съ нѣкоторой задержкой или какъ бы коротенькимъ, едва примѣтнымъ заиканьемъ (какимъ говорятъ по всей правой сторонѣ Волги) — низенькій мужичокъ, въ круглой изломанной шляпѣ съ перехватомъ по серединѣ, перевязаннымъ ленточкой. Кругомъ поясницы его обходилъ широкій ремень съ привязанною къ нему толстою желѣзною цѣпью; въ правой рукѣ у него была огромная палка—орясина, а лѣвой держался онъ за середину длинной цѣпи.

Въ одну минуту, на заманчивой выкрикъ, сбѣжалась толпа со всѣхъ концовъ большаго села Бушнева, справлявшаго въ этотъ день свой годовой праздникъ лѣтней Казанской. Плотно обступила глашатая густая и разнообразная стѣна зрителей: тутъ были и подвязавшія пестрые передники подъ самыя мышки—доморощеныя орженушки, охотницы щолкать орѣхи, хихикать, закрываться рукавомъ и прятаться другъ у дружки за спиной, когда какой-нибудь незнакомый любезникъ начнетъ отгибать колѣна и поведетъ медовыя рѣчи. Толкались и ребята въ рубашкахъ, безъ шапокъ, готовые при первомъ удобномъ случаѣ прилично встрѣтить и проводить захожаго любезника, если онъ не сойдется съ ними зараньше. Подобрался позѣвать

и пріѣзжій посадскій парень, вырядившійся въ свою праздничную синюю сибирку, страстный любитель пощолкать въ бабки, и для того всегда державшій въ заднемъ карманѣ нѣсколько гнѣздъ и свинцовую битку, за которую часто доставалось его бокамъ и микиткамъ. Подошолъ посмотрѣть и волостной писарь въ халатѣ, мастеръ выкуривать однимъ духомъ цѣлую трубку самбраталическаго и не поперхнуться. Не было только однихъ стариковъ и солидныхъ гостей, которые, забравшись въ избы, поднимали страшный шумъ о какой-нибудь запущенной мельницѣ, да бабы-большухи, какъ угорѣлыя, метались отъ шестка къ столу и обратно, выставляя жирные пироги и поросятъ съ кашей на потребу дорогихъ гостей, которые кучами валили изъ избы въ избу отъ ранняго полудня до поздняго вечера.

Между-тѣмъ на площадкѣ раздавалось звяканье цѣпи, и мохнатый медвѣдь съ необычайнымъ ревомъ поднялся на дыбы и покачнулся въ сторону. Затѣмъ, по приказу хозяина, немилосердно дергавшаго за цѣпь, медвѣдь кланялся на всѣ четыре стороны, опускаясь на переднія лапы и уткнувъ разбитую морду въ пыльную землю.

— Съ праздникомъ, добрые люди, поздравляемъ!—приговаривалъ хозяинъ при всякомъ новомъ поклонѣ звѣря, а наконецъ и самъ снялъ свою измятую шляпу и кланялся низко.

Приподнявшись съ земли въ послѣдній разъ, медвѣдь пятится назадъ и переступаетъ съ ноги на ногу. Толпа немного осаживаетъ и поводатарь начинаетъ припѣвать козлинымъ голосомъ и семенить своими измочаленными лаптишками, подергивая плечами и уморительно повертывая бородкой. Поется пѣсенка, возбудившая задоръ во всѣхъ зрителяхъ, начинавшихъ снова подаваться впередъ:

Ну-ко, Миша, попляши,
У тя ножки хороши!

Тили, тили, тили-бомъ
Загорѣлся козій домъ:
Коза выскочила,
Глаза выпучила.
Тараканъ дрова рубилъ,
Въ грязи ноги завязилъ.

Раздается мучительный, оглушительно-нескладный стукъ въ лукошко, замѣняющее барабанъ, и медвѣдь съ прежнимъ ревомъ — яснымъ признакомъ недовольства — начинаетъ присѣдать и, дѣлая кругъ, загребаетъ широкими лапами землю, съ которой поднимается густая пыль. Другой проводникъ, молодой парень, стучавшій въ лукошко и до времени остававшійся простымъ зрителемъ, ставитъ барабанъ на землю и сбрасываетъ привязанную на спинѣ котомку. Вытащивъ оттуда грязный мѣшокъ, онъ быстро просовываетъ въ него голову и черезъ минуту является въ странномъ нарядѣ, имѣющемъ, какъ извѣстно, названіе козы. Мѣшокъ этотъ оканчивается на верху деревяннымъ снарядомъ козлиной морды, съ бородой, составленной изъ рваныхъ тряпицъ; рога замѣняютъ двѣ рогатки, которыя держитъ парень въ обѣихъ рукахъ. Нарядившись такимъ образомъ, онъ начинаетъ дергать за веревочку, отчего обѣ дощечки, изъ которыхъ сооружена морда, щолкаютъ въ тактъ уродливымъ прыжкамъ парня, который, переплетая ногами, время отъ времени подскакиваетъ къ медвѣдю и щекотитъ его своими вилами. Этотъ уже готовъ былъ опять принять прежнее, естественное положеніе, но дубина хозяина и щекотки козы продолжаютъ держать его на дыбахъ и заставляютъ опять и опять дѣлать кругъ подъ веселое продолженіе хозяйской пѣсни, которая къ концу перешла уже въ простое взвизгиванье и складные выкрики. Съ трудомъ можно различить только слѣдующія слова:

Ахъ коза, ахъ коза,
Лубяные глаза!

Тили, тили, тили-бомъ,
Загорѣлся козій домъ.

Медвѣдь огрызается, отмахиваетъ козу лапой, но все-таки присѣдаетъ и подымаетъ пыль.

Между-тѣмъ вниманіе зрителей доходитъ до крайнихъ предѣловъ: дѣвки хохочутъ и толкаютъ другъ-дружку подъ бочокъ, ребята уговариваютъ дѣвокъ быть поспокойнѣй и, въ тоже время, сильно напираютъ впередъ, отчего мѣсто пляски дѣлается все уже и уже и Топтыгину собственною спиною и задомъ приходится очищать себѣ мѣсто.

Пѣсенка кончилась; козы какъ не бывало. Хозяинъ бросилъ плясуну свою толстую палку и тотъ, немного огрызнувшись, поймалъ въ охапку и оперся на нее всею тяжестью своего неуклюжаго тѣла.

— А какъ, Михайло Потапычъ, бабы на барщину ходятъ? выкрикнулъ хозяинъ и самодовольно улыбнулся.

Михайло Потапычъ прихрамываетъ и, опираясь на палку, подвигается тихонько впередъ; наконецъ осѣдлалъ ее и попятился назадъ, возбудивъ неистовый хохотъ, который отдался глухимъ эхомъ далеко за сельскими овинами.

— А какъ бабы въ гости собираются, на лавку садятся, да обуваются?

Мишукъ садится на корточки и хватается передними лапами за заднія, въ простотѣ сердца убѣжденный въ исполненіи воли поводатаря, начавшаго между-тѣмъ слѣдующіе приговоры:

— А вотъ молодицы — красныя дѣвицы студеной водой умываются: тоже, вишь, въ гости собираются.

Медвѣдь обтираетъ лапами морду и повидимому доволенъ собой, потому-что совершенно перестаетъ ревѣть и только искоса поглядываетъ на непріятелей, тихонько напѣвая про себя какой-то лѣсной мотивъ. Хозяинъ между-тѣмъ продолжаетъ объяснять:

— А вотъ одна дѣва въ глядѣльцо поглядѣла, да и обомлѣла: носъ крючкомъ, голова тычкомъ, а на рябомъ рылѣ горохъ молотили.

Мишка приставляетъ къ носу лапу, замѣняющую на этотъ случай зеркало, и страшно косится глазами, во всей красотѣ выправляя бѣлки.

— А какъ старыя старухи въ банѣ парются, на полкѣ валяются? а вѣничкомъ во-какъ!.. во-какъ!.. приговариваетъ хозяинъ, когда Мишка опрокинулся навзничъ и, лежа на спинѣ, болталъ ногами и махалъ передними лапами. Эта минута была верхомъ торжества медвѣдя; смѣло можно было сказать ему: „умри, медвѣдь, лучше ничего не сдѣлаешь!“

Ребята закатились со смѣху, цѣлой толпой присѣли на корточки и махали руками, болѣзненно охая и поминутно хватаясь за бока. Болѣе хладнокровные и видавшіе виды сдѣлали нѣсколько замѣчаній, хотя и довольно сторонникъ, но все-таки болѣе или менѣе объяснявшихъ дѣло.

— Одна, вишь, угорѣла, продолжалъ мужикъ: у ней головушка заболѣла! А покажи-ко, Миша, которо мѣсто?

Медвѣдь продолжалъ валяться, видимо желая до конца напотѣшить зрителей, но хозяйская палка, имѣвшая глупое обыкновеніе падать какъ-разъ не на то мѣсто, гдѣ чешется, напомнила звѣрю, что нужно-де всему мѣру знать, а хозяйскіе уроки не запамятовать. Очнувшійся Мишка сѣлъ опять на корточки и приложилъ правую лапу сначала къ правому виску, потомъ перенесъ ее къ лѣвому, но не угодилъ на хозяина. Этотъ, желая еще больше распотѣшить зрителей, съострилъ, и, дернувъ порывисто за цѣпь и ударивъ медвѣдя по заду, примолвилъ:

— Ишь вѣдь, старый хрычъ какой! животъ ему ломитъ, а онъ скулу подвязалъ! Покажи-ко ты намъ, какъ малые ребята горохъ воруютъ, черезъ тынъ перелѣзаютъ.

Мишка переступаетъ черезъ подставленную палку, но вслѣдъ затѣмъ, ни съ того, ни съ сего, издаетъ ужасный ревъ и скалитъ уже неопасные зубы. Видно сообразилъ и вспомнилъ Мишка, что будетъ дальше, и крѣпко не понутру ему эта штука. Но знать такова хозяйская воля и боязно ей поперечить; медвѣдь ложится на брюхо, слушаясь объясненій поводатаря:

— Гдѣ сухо—тутъ брюхомъ, а гдѣ мокро—тамъ на колѣночкахъ.

Недаромъ Топтыгинъ непріязненнымъ ревомъ встрѣтилъ приказаніе: ему предстоитъ невыносимая пытка. Хозяинъ тащитъ его за цѣпь, отъ одной стѣны ребятъ до другой, противоположной, какъ бы забывъ о томъ, что звѣрь всегда послѣ подобной штуки утирается лапой. Съ величайшею неохотою поднимаетъ онъ брошенную палку и, схвативъ ее въ охапку, кричитъ и не возвращаетъ. Только сильныя угрозы, на время замедлившія представленіе, да можетъ-быть воспоминаніе о печальныхъ слѣдствіяхъ непослушанія, заставляютъ медвѣдя повиноваться. Сильно швырнулъ онъ палку, которая, прокозырявши въ воздухѣ, далеко перелетѣла за толпу зѣвакъ. Наказанный за непослушаніе, медвѣдь начинаетъ сердиться еще больше и яснѣе: онъ уже мститъ за обиду, подмявъ подъ себя вѣчно-непріязненную козу барабанщика, когда тотъ, въ заключеніе представленія, схватился съ нимъ побороться. Прижалъ медвѣдь парня лапой, разорвалъ ему армякъ, и безъ того худой и заплатанной, и остановился, опустивъ побѣдную головушку. Только хозяйская памятка привела его въ себя, громко напомнивъ и о плѣнѣ, и о томъ, что пора-де оставить шутки, не мѣсто имъ здѣсь.

Осталось Мишкѣ только пожалѣть объ этомъ и сойти со сцены, но неумолимая толпа трунитъ надъ побѣжденнымъ и поджисаетъ его схватиться снова съ медвѣдемъ. Однако этотъ послѣдній совсѣмъ не расположенъ тягаться, достаточно увѣренный

въ собственныхъ силахъ. Онъ окончательно побѣждаетъ противника уже простою уступкою: Мишка валится навзничъ, опрокидывая на себя и козу-барабанщика.

— Прибодрись же, Михайло Потапычъ, снова затянулъ хозяинъ, послѣ борьбы противниковъ. Поклонись на всѣ четыре вѣтра, да благодари за почотъ, за глядѣнье; — можетъ, и на твою сиротскую долю кроха какая выпадетъ.

Мишка хватаетъ съ хозяйской головы шляпу и, немилосердно комкая, надѣваетъ ее на себя, къ немалому удовольствію зрителей, которые однако же начинаютъ пятиться въ то время, какъ мохнатый артистъ, снявши шляпу и ухвативъ ее лапами, пошолъ, по приказу хозяина, за сборомъ. Вскорѣ посыпались туда яица, колобки, ватрушки съ творогомъ, гроши, рѣпа и другая посильная отплата за потѣху. Кончивши сборъ, медвѣдь опустилъ голову и тяжело дышалъ, сильно умаявшись и достаточно поломавшись.

Между-тѣмъ опять начались, на время прекратившіеся, хороводы, сопровождаемые пискомъ гармоникъ и пѣснями горластыхъ дѣвокъ. Въ одномъ углу, у забора, щолкали свайкой, въ другомъ играли въ бабки, соображаясь съ тѣмъ: жохомъ или ничкой ляжетъ битка. На одномъ крыльцѣ показалась толпа подгулявшихъ гостей и затянула пѣсню, конченную уже въ сосѣдней избѣ на порогѣ. Чванились гости, кланялись хозяева, прося хоть пригубить чарку и не погнушаться пирогомъ съ морковью, и буйно-весело разгорался деревенскій праздникъ, которому и вѣку-то только три дня, и то потому, что покосы кончились, а рожь только лишь недавно начала наливаться.

— Что, землякъ: поди съ Волги, аль съ Оки что-ли какой? спросилъ старикъ, подходя къ вожаку, пробиравшемуся въ питейной.

— Маленько развѣ что не оттѣда! отвѣчалъ тотъ и поплелся дальше.

— Давно, поди, возишься съ сусѣдушкой-то? разспрашивалъ старикъ, указавши на Мишку, который, понуривъ голову, плелся за хозяиномъ и искоса поглядывалъ на допрощика.

— Годовъ пять будетъ, коли не больше. Да не балуй, неповадной! продолжалъ онъ, дернувъ за цѣпь медвѣдя, который успѣлъ уже присѣсть на корточки и началъ сосать лапу.

— Отъ себя что-ли ходишь, али отъ хозяина?

— Мы отъ себя ходимъ. Нынче охотниковъ-то и въ нашей сторонѣ куды-куды мало стало: всякъ лѣзетъ въ бурлачину, а звѣрь и гуляетъ себѣ на всемъ просторѣ.

— А, поди, ужъ чай попривыкъ къ свояку-то? продолжалъ распрашивать любопытный старикъ и шепнулъ что-то парнишкѣ, который, спустивъ рукава рубашонки и разинувъ ротъ, пристально разглядывалъ мохнатаго плясуна.

— Вѣстимо попривыкъ: ко всему привыкнешь! — отвѣчалъ вожакъ, какъ бы нехотя и какъ-будто крѣпко надоѣли ему людскіе распросы на каждомъ перекресткѣ. Но когда парнишко принесъ деревянный жбанъ хмѣльной деревенской браги и старикъ попотчивалъ провожатаго, Сергачъ сталъ замѣтно словоохотливѣе и, утерши бороду, удовлетворялъ любопытству тароватаго старика.

— Да вотъ какъ привыкъ: коли когда поколѣетъ—ссохну съ тоски, коли не того еще хуже. Извѣстно, почти свой человѣкъ сталъ, безъ него хоть сгинь да пропади, — вотъ какъ привыкъ! На-ко, Миша, пивка, попей сколько сможешь; ты вѣдь у меня завсегда ко хмѣльному охочій былъ; годи вотъ маленько, а то и сердитѣй чего хватимъ. Пей-ко, братъ, коли есть что— не чванься!...

И вожакъ, наливъ пива въ шляпу, поднесъ своему кормильцу.

— Вотъ видишь, старина, самъ что ѣшь или пьешь — ему завсегда ужъ удѣлишь. И совѣсть тебя мучаетъ, коли не отломишь чего, да и онъ-то таково жалостно смотритъ, что кусокъ не лѣзетъ въ горло — и все дѣлишь пополамъ! — продолжалъ разсуждать поводатарь въ то время, какъ Мишка, утершись лапой и пощолкавъ зубами, выказалъ нетерпѣливое желаніе идти дальше.

И видѣлъ старикъ-распрощикъ какъ куцый задъ Топтыгина скрылся за дверью питейнаго, и слышалъ онъ, какъ взвизгнула баба, нагибавшая коромысло колодца и обернувшаяся назадъ какъ разъ въ ту минуту, когда мохнатый философъ проходилъ мимо, не дальше какъ пальца на три отъ ея сарафана. Бросилась она опрометью въ избу, оставивъ ведра подлѣ колоды, и долго ругала на всю деревню и звѣря, и провожатаго.

Не уйти сергачу отъ любопытныхъ распросовъ и не отмолчаться ему, когда возьметъ свое задорный хмѣль и начнетъ подмывать на похвальбу и задушевность.

— Маленькимъ, братцы, взялъ, вотъ эдакимъ маленькимъ, что еле отъ земли видать было, говорилъ онъ любопытнымъ завсегдатаямъ, обступившимъ пришельцовъ и всегда готовымъ слушать все, что ни предложитъ имъ досужество, будь это хоть въ десятый, хоть даже въ сотый разъ.

— Было, вишь, ихъ два брата, вѣстимо двояшки: ни тотъ, ни другой старше. А жилъ-то я, братцы, у нашего благочиннаго въ батракахъ; — отцомъ Иваномъ звали, — продолжалъ Сергачъ уже такимъ тономъ, который ясно говорилъ, что вы-де народъ темный, а мы люди бывалые, слушайте только, да не мѣшайте: такихъ диковинъ наскажемъ, что вамъ и во снѣ не привидится. Кое-кто изъ слушателей подперлись локотками, другіе самодовольно обтерли руки объ полы своихъ полушубковъ, а

краснорожій сидѣлецъ всею массою жирнаго тѣла перетянулся черезъ стойку и вытаращилъ масляные глаза.

— Жена у меня померла; домишко весь вѣтромъ продуло и солому всю снесло на сосѣдской овинникъ; а вонъ Мишутка мой еще махонькой былъ. Эхъ, думаю, худая жизнь безъ хозяйки! а все лучше хлѣбушко путемъ доставать,—не биться о холодной шестокъ: вотъ и нанялся я къ отцу-то Ивану. Ну и живу, братцы, ничего... живу путемъ — толкомъ, ни онъ меня, ни я его не обиждаемъ,—все идетъ по миру, по согласію. Да вотъ стали разъ какъ-то недобрые слухи ходить: ни откуда взялась медвѣдица, да и начала рвать скотину по сосѣдству, досталось-таки на порядкахъ и нашимъ сельскимъ: которой вымя выѣстъ, которую всю изломаетъ, а сычухинскій мельникъ еще хуже разсказывалъ. Ухватилъ, слышь, медвѣдь-отъ Базихину буренку за шиворотъ, да и поволокъ къ лѣсу. На первыхъ порахъ все, слышь, задомъ пятился, да знать корова-то больно ревѣла или самъ-отъ добре пріусталъ, только взвалилъ онъ ее на закорки, сталъ на дыбы, да и потащился къ оврагу. Собрались наши сельскіе міромъ, да и порѣшили идти съобща противъ звѣря: кое у кого ружьишки понабрались, у Матвѣя Горшка достали рогатину. Хотѣли-было ямы вырыть, да и позавалить берестомъ, такъ старики да дѣвки пристыдили. Начало, братцы, и меня подмывать пойти на охоту. Беретъ такой задоръ, словно въ лихоманкѣ хожу,—и ружьецо было: на тридцать саженъ хватало, и долото промыслилъ для заряду.

— Пусти, говорю, отецъ Иванъ, съ ребятами на охоту! Рогатины, говорю, достали и ружей никакъ съ пятокъ было.

Тотъ—никакъ,—и матушка тоже.

— Убьетъ, говорятъ!... что тебѣ въ этомъ толку? Да и парнишко сиротой останется, некому и порадѣть будетъ. Чѣмъ, говорятъ, на медвѣдя-то ходить, въ другомъ чемъ будешь при-

годенъ. А тамъ и безъ тебя народу много: самъ говоришь, все село идетъ.

— Дѣло, думаю, толкуешь!—твои бы рѣчи и слушать. Подумалъ я, братцы, подумалъ, да и пошолъ клепать косы на повить. Пришли наши ребята съ охоты и медвѣдя приволокли съ собою убитаго: шкура вся взбита, словно рѣшето какое, и брюхо распорото. Медвѣдь бы куды ни шло: за тѣмъ, стало быть, ходили, а то, вишь, съ нимъ еще барскаго повара притащили: тоже побывшился (умеръ). А дѣло-то было вотъ какъ: сунулся онъ съ ножомъ кухоннымъ, что говядину рѣжетъ; разогналъ ребятъ, никого не подпущалъ къ себѣ: „самъ, говоритъ, справлюсь, одинъ-на-одинъ; только, говоритъ, не мѣшайте“. Пошолъ онъ по медвѣжьей тропѣ, да и не приходилъ назадъ: слышали ребята, какъ ревѣлъ благимъ матомъ, а подступиться боялись, да ужъ потомъ цѣлымъ міромъ и подошли къ оврагу-то. Видятъ ребята, оба лежатъ не шолохнутся; подмялъ медвѣдь Еремку, задралъ, слышь, съ затылка, да и сосетъ мозги. Начали палить; не сдвинулся медвѣдь, все лежитъ на одномъ мѣстѣ. Подошли наши, а онъ ужъ и померъ. Кабы, говорятъ, Еремка въ сердце угораздилъ, да подшибъ его подъ ноги, можетъ и убилъ, говорятъ, и самъ бы живъ остался. А то какъ понажалъ тотъ его, да изловчился ухватить за затылокъ—ну и померъ.

— У насъ такъ это не такъ бываетъ, перебилъ одинъ изъ слушателей. Живемъ мы въ лѣсахъ глухихъ, волока верстъ по сотнѣ будутъ: ѣдешь ты лѣсомъ — ни одной деревни, все дубъ да береза — взглянуть такъ шапка валится. На всемъ волоку и жилья-то только двѣ, либо три избенки и то лѣсники строютъ.

— А ты изъ какихъ мѣстъ? спросили бушневскіе.

— Вятскіе, — изъ Яранска-города бывали.

— Не зналъ ты тамъ Гришуху Копыла: торговалъ хомутами, и пошолъ-то изъ нашей деревни?

— Гдѣ, братцы, знать: народу всякаго есть; всѣхъ не познаешь.

— Вѣстимо, гдѣ тамъ всякаго знать! подтвердилъ тотъ же, который задалъ вопросъ.

— Ну! крикнули завсегдатаи, проводивъ это „ну!“ тяжолымъ вздохомъ.

— Да вотъ теперь, онъ разсказывалъ, лѣтомъ было, а у насъ такъ по осенямъ за медвѣдемъ-то ходятъ. Какъ, примѣрно, началась первозимица, набросало снѣжку: онъ, говорятъ, и пойдетъ искать берлоги и все старую выбираетъ, а то выгребаютъ и новыя, такъ... на пол-аршина. А ужъ коли пошолъ онъ къ берлогѣ, знамо чорнотропъ послѣ себя оставитъ. Охотники-то ужъ и знаютъ это время, замѣчаютъ тропу по деревамъ да по кустамъ, а ему даютъ улечься. У нихъ только бы знать, въ какую сторону пошолъ, а ужъ тамъ найдутъ по чутью, на носъ.

— Берлогу-то найти нехитрая штука. Самъ, братъ, хаживалъ, хоть и не разсказывай, все самъ поизвѣдалъ, коли хошь такъ и тебѣ разскажу, — прихвастнулъ Сергачь. Берлогу онъ завсегда въ глубъ на три четверти роетъ, только бы самому улечься. Какъ, стало-быть, ляжетъ, такъ и навалитъ сверху хворосту всякаго, лапокъ сосновыхъ, валежнику, а дирочку для духу завсегда-таки оставитъ на верху. Вотъ и видишь, какъ завалитъ хворостъ-отъ снѣгомъ, — изъ дирочки пойдетъ паръ змѣйкой, — ну, знать, засѣлъ тутъ дѣдко и сосетъ лапу. Тутъ его только самъ не замай, да не говори про него, не поминай его имени, чтобы не услышалъ онъ: не тронетъ, ни за что не тронетъ, да и такой-то увалень, что и не повернется. Одинъ разъ только и повертывается онъ во всю зиму, а то цѣлыхъ ползимы на одномъ боку лежитъ, да ползимы на другомъ.

— Слыхать-то слыхали объ этомъ, поддакнули слушатели. Ну, а ловить-то какъ?

— Да такъ же, поди, какъ и у нихъ. Главная причина изъ берлоги вытравить: поймаютъ, вишь, зайца, да и начнутъ щипать, а самъ-отъ больно этого писку не любитъ; а не то собакъ улюлюкаютъ. Потапычъ-то, вишь, осерчаетъ, вылѣзетъ изъ берлоги, да и встанетъ на дыбы; тутъ его въ пять, шесть рогатинъ и начнутъ донимать. Изъ ружей мало стрѣляютъ, плохо беретъ его пуля-то — тепла, вишь, шуба: пальца въ три будетъ, коли не того больше. А ноготки? гляньте-ко, ноготки-то!

И хозяинъ полюбовался двухвершковыми когтями своего воспитанника.

— Вѣдь вотъ бьешь его палкой, — думаешь, больно, такъ нѣтъ тебѣ: словно деревянной, развѣ въ щекотное мѣсто попадешь. Только и надежа одна, что на кольцо, а то всего бы, кажись, изломалъ. Бывали и такіе случаи, что подымутъ облавой — собаками, тутъ бы и бить его, такъ иной разъ косой шутъ деру задаетъ съ перепугу да съ просонья; начнетъ кувыркать — на доброй лошади не догонишь, а коли онъ самъ пустился въ погоню — ни за что не уйдешь! Тутъ ужъ онъ всю зиму не лежитъ, — и бродитъ все по сосѣдству. Злѣй его тогда нѣтъ звѣря на свѣтѣ: хуже волка голоднаго. Человѣкъ тогда не попадайся ему, хоть въ другой разъ и не тронетъ, если молодой еще да не попробовалъ человѣчьяго мяса.

— Медъ, говорятъ, охотникъ онъ ѣсть? поджигали Сергача его слушатели.

— Винцо, братцы, больше любитъ. Вотъ и теперь бы выпилъ, кабы было чего...

Догадались Бушневскіе, куда намѣтилъ разскащикъ, да только переступили съ ноги на ногу и почесали затылки. Первый началъ вятскій:

— Не хорошо, говоритъ, братцы, обижать прохожаго человѣка. Пойдетъ далеко, понесетъ худую славу: „вотъ-де былъ

на бушневскомъ праздникѣ, да знать у нихъ свои свычаи: сами пьютъ, а гостей не потчуютъ".

Сергачъ, послѣ угощенія, сдѣлался еще разговорчивѣе. Мишка сладко облизывался и, когда хозяинъ опять растобарывалъ съ земляками, онъ свернулся на полу и крѣпко заснулъ, пустивъ страшный храпъ и сапъ на всю избу.

— А далеко ходишь? спросилъ опять вятскій. Домой-то, чай, не скоро попадешь?

— Наше время извѣстное: какъ вотъ начнетъ немного завертывать, станетъ эдакъ моросить первоснѣжье, — мы и потянемся на насѣдало. Ходимъ-то, вишь, босикомъ, такъ зимой ужъ и щекотно станетъ: самъ-то онъ не привыкъ, такъ и дѣлаешь во всемъ по его. А не то такъ куды больно серчаетъ!

И поводатарь, защуривъ глаза, медленно покрутилъ головой.

— Ни за что ты его не приневолишь на ноги встать, коли зима застанетъ; знаетъ шутъ это время: свои-то, вишь, въ берлогу залягутъ, да и сосутъ на досугѣ лапу; ну, а вѣдь на него не лапти жъ надѣть. Да коли правду сказать, такъ и самъ лѣто понамаешься: радъ-радъ какъ попадешь домой на печь поотогрѣться.

— Эхъ, землякъ, куды ни шло! Разскажи ужъ заодно: какъ ты его залучилъ подъ свою стать? А трудновато, поди было, долго не подавался: — да вѣдь чего человѣкъ-отъ не сдѣлаетъ? Вонъ одинъ, говорятъ, блохъ выучилъ пляскѣ, слыхалъ я въ Питерѣ а за моремъ такъ еще облизьяну выдумали!—поджигалъ Сергача одинъ изъ бушневскихъ и хитрою рѣчью и хмѣльной водкой, которая до того развеселила поводатаря, что онъ затянулъ пѣсню, подхвативши щоку, и такую заунывную, что самому сдѣлалось жалостно. Однако благодарность за угощеніе и чувство довольства самимъ собой, а еще больше воспоминаніе прошлаго, которое чѣмъ страшнѣе, тѣмъ пріятнѣе, — заставили Сергача

разсказать всю подноготную, которую у него же, у трезваго, не вышибешь коломъ, не то что лукавымъ словомъ.

— Давно, братцы, было: и признаться не то, чтобы очень, а таки Мишутка мой еще и пушкомъ не зашибался, а теперь, глядите-ко, и борода полѣзла. Да что, Мишукъ, нешто спать захотѣлъ, кажись, братъ, рано? Ты на этого-то мохнача не гляди, звѣрь вѣдь онъ, какъ есть звѣрь, поѣлъ, да и потяготки взяли,—говорилъ отецъ, обращаясь къ товарищу-сыну, который, сидя на лавкѣ, поминутно закрывалъ громкіе и широкіе зѣвки не менѣе широкимъ кулакомъ.

— Тоска, тятька, слушать-то все одно да одно. Который ужъ разъ доводится? вотъ и вечоръ тоже разсказывалъ, а мнѣ запретъ сдѣлалъ: „ничего, говоришь, про медвѣдя не разсказывай!“ А самъ, гдѣ ни спросятъ, всю подноготную скажешь!...

— Эхъ, Мишуха братъ ты, Мишуха! Правду старики молвятъ, продолжалъ отецъ съ тяжолымъ вздохомъ и съ укоромъ качая головой:—зеленъ горохъ невкусенъ, молодъ человѣкъ не искусенъ, и толкъ-отъ бы въ тебѣ, Миша, есть, да, знать, не втолканъ весь! Слушай-ко вотъ лучше: умная рѣчь завсегда и напредки пригодна бываетъ. Жилъ я, братцы, у нашего отца Ивана въ работникахъ и какъ-разъ вотъ на ту пору, какъ медвѣдя-то ребята убили...

— Помнимъ, землякъ, помнимъ, — еще барскаго-то кучера больно помяли! поддержали слушатели.

— Не то на другой, не то на третій день послѣ охоты, не помню, братцы — вотъ хоть лобъ взрѣжте, не помню — поѣхала матушка съ дочкой своихъ провѣдать. Жили-то они всего съ-поля-на-поле отъ нашего села, и церковь ихная словно на ладонкѣ стоитъ — все видно, только одна рѣка и отдѣляла. Съ нашей стороны берегъ и ничего бы: покатъ и ровень-гладень, а вотъ оттуда — крутояръ такой, что береги только скулы да

ребра придерживай, а то какъ разъ на макушку угораздишь. Прибѣжали, вишь, наши: волкомъ воютъ, все село перепугали; думали, ужъ опять не медвѣдь ли имъ встрѣнулся. Такъ, вишь, нѣтъ, говорятъ — другое что. Пошолъ я на дворъ, да и смѣкнулъ сразу, чему бабы взвыли. Пришла, вишь, буланая-то кобыла, что съ ними отпустилъ, да безъ телѣги; одну оглоблю цѣльную приволокла, — другой только осколышокъ, а завертокъ такъ совсѣмъ не нашолъ, — пополамъ порвались. Пришолъ я къ оврагу, стоитъ телѣга вверхъ бардашкой и на одномъ колесѣ шина лопнула и спицы повыпрыгали. Пришолъ я домой да и говорю батюшкѣ:

— Такъ и такъ, говорю, отецъ Иванъ, телѣга на мосту лежитъ, надо бы домой привезти.

— Чтожъ, говоритъ, возьми саврасаго мерина, да и привези.

— Что, говорю, савраску возьми:—я и на себѣ приволоку; не эдакую, говорю, тяжесть важивали.

— А что, говоритъ, Мартынъ, вѣдь колесо-то новое надо?

— Въ кузницу, говорю, снести надо — обтянуть шиной; на себѣ, говорю, снесу и коли хошь, такъ сегодня.

— И оглоблю-то, говоритъ, новую надо. Поди, говоритъ: выруби!

— Ладно, говорю, отецъ Иванъ, вырублю!

Взялъ я, братцы, топоръ, да и пошолъ за гуменники. Тутъ у насъ лѣсъ идетъ, да такой благодатный, что иное дерево съ утра начнешь тяпать, а къ обѣду едва одолишь.

— Нешто ужъ больно толсты? спросили бушневскіе.

— Сучковъ, видишь, много, да такіе коренастые,—насилу обрубишь: коли не прихватишь пилы,—хоть матушку-рѣпку пой. Выломилъ я ему оглоблю березовую—вѣку не будетъ, и для завертокъ зарубку намѣтилъ, да такъ, ради прохлажденія, и завернулъ въ малинникъ. Онъ тутъ и пойдетъ вплоть до рѣки:

пытаютъ ѣсть ребята, а все ягодъ много, и такія все сладкія да крупныя, что твоя морковь или рѣпа. Ѣлъ я, братцы, малину, и еще пѣсни попѣваю отъ радости. Слышу, сзади поурчитъ что-то, да пощолкаетъ, почавкаетъ, да опять заурчитъ. Забралась, думаю, корова чья, кому больше? Да нѣтъ, думаю, коровѣ тутъ нечего взять, да и не пойдетъ она въ малинникъ,— всю исколетъ. Взялъ меня, братцы, задоръ посмотрѣть. Только бъ ступить, анъ шмыгъ мнѣ подъ ноги медвѣжатка. Взвизгнулъ я благимъ-матомъ, да ужъ дома одумался: коли, думаю, не изломали, такъ стало-быть некому, а коли медвѣдицу убили, такъ, знать, это сироты ея горемычныя. Можетъ пѣстунъ остался при нихъ? Да гдѣ, думаю, поди, того теперь и съ собаками не сыщешь — далеко ухрялъ: ему до чужаго добра дѣла мало.

— Вотъ и загорѣлось, братцы, ретивое, больно захотѣлось медвѣжать-то изловить. Прихватилъ про всякой случай и ружьишко и рогатину,—думаю, коли пѣстунъ наскочитъ—поборемся, постоимъ за себя. А тамъ задами, чтобъ свои не знали, пробрался я въ малинникъ и смотрю изъ-за сосны, куда медвѣжатка подѣвались? Слышу, опять поляскаетъ, да пощолкаетъ, да опять: я выдвинулся немножко впередъ и рогатину наладилъ. Долго смотрѣлъ, больно долго: выбѣжали пострѣлята и начали на спинѣ кататься; одинъ ухватилъ лапами малину и сосетъ ягоду. Все, братцы, стою, да гляжу, какъ одинъ другаго лапой мазнетъ, да и отскочитъ и спрячется за кустомъ. Нѣтъ-нѣтъ, да опять подскочитъ и достаетъ другаго лапой, да не досталъ: кувырнулся черезъ голову, а братишку опять задѣваетъ. Одинъ подпрыгнулъ ко мнѣ. Стою, братцы, не трогаюсь, а сердце вотъ такъ ходуномъ и ходитъ, а все смотрю по сторонамъ: думаю, выскочитъ пѣстунъ, коли не мать сама, — приму на рогатину. Пострѣленокъ, тѣмъ часомъ, развязалъ мнѣ оборку у лаптя, ухватилъ въ ротъ и защолкалъ, а самъ жужжитъ, словно шмель или оса

какая. Немного погодя, и другой подскочилъ и тоже лапоть дергаетъ, а братишку нѣтъ-нѣтъ, да и мазнетъ лапой. Смотрѣлъ я, смотрѣлъ: сгребъ ихъ въ подолъ, да и свѣта въ очахъ не взвидѣлъ. Домой прибѣжалъ, — языка не доищусь; отъ одышки сердцо ходуномъ ходитъ. Своимъ показать боюсь: велятъ выбросить, а больно жаль. Снесъ я ихъ въ овинъ, да и заперъ до поры до времени. Сходилъ опять за оглоблей, прислушался — смирно вездѣ: нѣтъ, думаю, далеко пѣстунъ,—коли матери брюхо вспороте, хоть и братъ, а видно свои животы-то подороже.

— Знать правду говорятъ, что пѣстунъ-то имъ братомъ доводится? — допытывалъ любопытный вятскій.

— Да вѣдь вотъ какъ у нихъ это дѣло-то ведется: родила мать двояшекъ, одинъ медвѣдь, а другой Матрена Ивановна. Вотъ и ходятъ они съ матерью, говорятъ, до перваго снѣгу; медвѣдица-то поскорѣй ростетъ, такъ и мать поскорѣй ее отъ себя гонитъ: „ступай-де на свои харчи, а мнѣ тебя дѣвать некуда — не въ моготу ужъ стало.“ Братишко вотъ дѣло другое; его она всегда съ собой беретъ и въ берлогѣ холитъ, а какъ выведетъ новыхъ, то и приставитъ къ нимъ: „блюди-де, да посматривай за ними, чтобъ не баловали, а коли въ чемъ непослушны, самъ расправы не дѣлай: мнѣ скажи!“ И ужъ тутъ, что не по ней — выволочку задастъ такую, что, вонъ разсказывалъ Елистратъ Кривой, долго валяется на землѣ да реветъ, что есть мочи. Пореветъ, пореветъ, да и перестанетъ, а все, слышь, плетется за матерью: знать въ большомъ страхѣ держитъ, коли и колотухи не донимаютъ.

— И злущая же эта медвѣдица! замѣтилъ вятскій. Коли человѣка, говорятъ, гдѣ изломаетъ — все она. Самъ не таковъ, толкуетъ народъ. Того какъ-разъ самого испугать можно; только, слышь, коли завидѣлъ, иди смѣло на встрѣчу — не тронетъ. Сзади зашолъ, только ухни, что ни есть мочи — забѣжитъ, слышь,

и слѣда не отыщешь. Да если и начнетъ кувыркать онъ къ тебѣ, только на землю ложись, да не дыши. Придетъ, говорятъ, понюхаетъ, попробуетъ лапой, а лежачаго ни за что не тронетъ, только лежи дольше, пока совсѣмъ не уйдетъ, а завидѣлъ, что ты всталъ, да пошолъ, тутъ хоть и ложись опять — въ другой разъ не надуешь. А за задъ не даетъ хвататься; и ужъ если собаки впились туда, пропала медвѣжья сила. Такъ ли я говорю, дядя?

— Попыталъ, братъ, я этой медвѣжьей силы: былъ подъ хмѣлькомъ, да и ударь раза два для смѣху. Взревѣлъ Мишукъ и плясать пересталъ; какъ ни ломалъ — не хочетъ! Я его еще колонулъ, какъ онъ рявкнетъ, братцы, да вскинется: вотъ о-сюпору пямятка осталась.

И Сергачъ, въ удостовѣреніе истины, показалъ на изрытое рубцами плечо, гдѣ еще ясно можно было разглядѣть пять кругленькихъ ранъ — слѣды медвѣжьяго гнѣва.

— Насилу, братцы, водой отлили! закончилъ Сергачъ.

Дивились слушатели и качали головами.

— Вѣдь вотъ, почтенные, толковать теперь будемъ: и звѣрь, глядишь, а сердцо словно человѣчье! замѣтилъ цѣловальникъ.

— Да и ухватки-то все человѣчьи! поддержалъ его одинъ изъ самыхъ молчаливыхъ слушателей. И на лапахъ-то у него по пяти пальцовъ, и мычитъ-то онъ, словно говорить собирается, а съ боку попристальнѣе глянешь, словно видалъ гдѣ и человѣка-то такого.

— Ужъ и смышленъ же, ребята: откуда разуму понабрался! продолжалъ между-тѣмъ Сергачъ. Вотъ какъ повозишься-то съ ними и поприглядишься ко всему, и все запомнишь, коли и разсказать,—такъ слова не выкину. Все, бывало, въ овинѣ сижу, да съ ними занимаюсь: и на заднія-то лапы ставлю, и падогъ

въ руки дамъ, ну и побьешь въ ину-пору, коли не понимаетъ. Ужъ пыталъ батюшко-священникъ уговоры дѣлать:

— „Чтой-то, говоритъ, Мартынъ ты, братецъ, тотъ да не тотъ; никакъ тебя теперь къ дому не залучишь; ужъ не жениться ли собираешься? Вотъ овинъ бы, говоритъ, топить надо, да и сноповъ остатки нужно перевезти туда, а то погніютъ совсѣмъ."

— Тутъ-то меня словно по лбу кто, а у самого догадки-то не хватило: сгребъ я пострѣлятъ-то мохнатыхъ, да и поволокъ въ свою избу, что пустой стояла: жила тутъ нищенка, да померла въ осеняхъ. Бѣгомъ бѣгу я домой и крѣпко полы придерживаю, да какъ-разъ на самого-то тутъ тебѣ и наткнулся. Началъ стыдить: земля, братцы, подо мной загорѣлась.

— „Ты-де не малый ребенокъ; нанялся бы въ няньки, все лучше съ человѣкомъ-то возиться. Повойникъ бы, толкуетъ, надѣлъ, сарафанъ синій, взялъ бы копылъ и нитки сучилъ."

— Гвоздилъ, братцы, до того, что горю со стыда, дѣться негдѣ, а и выпустить медвѣжатъ—такъ въ пору. Да нѣтъ! удержался, хоть и народъ обступилъ. „Ни зачто, говорю, не брошу, хоть и стыдно больно, а не кину; привыкъ, говорю, водой не разольете!" Какъ приду, бывало, къ нимъ въ избу—овсянки натолочь или щей налить, что у матушки выпросишь,—идутъ къ тебѣ пострѣлята въ перевалку. Станутъ на заднія лапы и на руки къ тебѣ просятся, а сами другъ дружку толкаютъ; пріучилъ, вишь, такъ: кому первому, такъ и берутъ завидки и того и другаго. Поприласкаешь немножко, покормишь: играть начнутъ съ тобой. Дашь имъ палецъ — сосутъ, а не кусаютъ, пока зубовъ-то не было. Начали вотъ и зубы прорѣзаться, такъ съ зуду что ли, али потѣхи ради, всѣ лавки изгрызли. Корыто, вишь, было, такъ и то никуда стало негодно: все исщепали. Гляжу-погляжу: стали мои ребята промежъ собой драки заводить, да такъ часто, что уйму не было. Слышу,

бывало, изъ сѣнецъ, возню да ревъ подымутъ такой, что унеси ты мое горе. Прихожу какъ-то разъ въ осеняхъ: лежитъ одинъ косоглазенькой и еле дышетъ; глянулъ на меня, да и опять носъ подъ себя подвернулъ. Поставилъ я овсянки, — такъ не ѣстъ и съ мѣста не встаетъ; братишко его такой шустрой да веселенькой, нѣтъ-нѣтъ, да и щипнетъ лежачаго-то. Ну, думаю, подрались ребята, — помирятся. Пришолъ я по-вечеру, лежитъ еще тотъ и на меня ужъ не глянулъ. Братишко возлѣ сидитъ да нюхаетъ: и лапой-то двинетъ, и на меня-то обернется. Э, думаю, худое дѣло! зашла шутка не туда, гдѣ ей слѣдно быть. Потрепалъ живаго сорванца, да видно одно и осталось: стащилъ мертваго на зада, да и закопалъ въ ямку. А ужъ куды, братцы, жалостно было: ино мѣсто слеза прошибла. И остался я при одномъ, вотъ при этомъ, а ту, медвѣдицу-то, такъ и поучить не удалось.

— Возился-то я съ нимъ до весны, продолжалъ Сергачъ, утерши слезинку, выжатую не то хмѣлемъ, не то, и въ-самомъ-дѣлѣ, воспоминаніемъ объ утратѣ одного кормильца.

— Пришолъ я, братцы, въ хозяйскую избу: сидитъ эдакъ батюшко за столомъ, подъ тябломъ, и книгу толстущую съ полицы снялъ, да читаетъ. А тутъ попадья сидитъ на коникѣ и считаетъ яйца. Положилъ я на полати шапку, рукавицы, распоясался и началъ разболокаться. Слышу, крякнулъ отецъ Иванъ, поглядѣлъ на меня черезъ очки, да и сталъ выговаривать:

— Что ты, говоритъ, Мартынъ, не поприглядишь себѣ мѣстишка какого, вѣдь вонъ весна наступаетъ? Али съ медвѣжатами, говоритъ, пойдешь, да вѣдь поди еще не пляшутъ? А самъ улыбнулся, да и опять сердито смотритъ. „Ищи, говоритъ, Мартынъ, мѣста другаго, а ужъ намъ ты не нуженъ!“

— Больно разобидѣлъ онъ меня этимъ словомъ, ужъ лучше бы инако какъ вымолвилъ.

— „Ну, думаю, ладно: служилъ я тебѣ безъ перекору; а коли медвѣжонокъ тебѣ не любъ: — прости, отецъ Иванъ, не поминай лихомъ!“ Да на другой же день и перебрался я, братцы, къ себѣ въ избу. Кое-какъ перебился и лѣто и зиму: то лыки дралъ да плелъ лапотки, да березки молоденькія подрубалъ, то вѣники вязалъ, да продавалъ въ городъ. Больше, впрочемъ, ученика-то своего обучалъ. Прислушался у татаръ приговоровъ, кое-что отъ себя понабралъ на досугѣ, — да какъ попросохло весной, я и поволокъ его въ городъ: ходи-де, Миша, похаживай говори да приговаривай. Съ тѣхъ-поръ вотъ и мыкаемся съ нимъ по чужимъ людямъ и вездѣ — спасибо! обиды не видимъ. Развѣ у инаго ребятъ перепугаешь, такъ велятъ убираться. Зимой лежишь дома. Самъ-отъ спитъ, а ты свое дѣло справляешь: лапти что-ли тачаю... По три, братцы, пары въ сутки дѣлаю! — прихвастнулъ Сергачъ и, разбудивши товарищей, поплелся вонъ на свѣжій воздухъ, сопровождаемый единодушнымъ, тяжолымъ вздохомъ всѣхъ своихъ слушателей.

Вышелъ вятскій на крылецъ и видитъ онъ, какъ поднялся Сергачъ на гору и повернулъ направо къ густому перелѣску. Все меньше и меньше становятся путники; далеко бредутъ они по оголенному пару, чуть-чуть видна вдали деревенька, словно одна изба и ничего кругомъ: одно только длинное поле, по которому босому пройти кромѣшная мука; — торчатъ остатки ржаной соломы въ перемежку съ пестами, до которыхъ охотники малые ребята да деревенскія свиньи. Идетъ хозяинъ все впереди, опираясь на палку. Чуть-чуть передвигая ноги и низко опустивъ голову, плететься и его медвѣдь; сзади идетъ, съ котомкой, коза-щолкунья. Можно еще и цѣпь различить и ноги пѣшеходовъ; но вотъ все это слилось въ одну сплошную массу и чуть распознаешь ихъ отъ чорнаго перелѣска. Скоро и совсѣмъ потонули они въ кучѣ деревьевъ. Вотъ завыли гдѣ-то далеко собаки,

видно почуяли незнакомаго звѣря и дикое мясо. Вздохнулъ вятскій и вернулся въ питейный, да прямо къ сидѣльцу:

— Дай-ко, говоритъ, поскорѣй еще красовулю!

Недалеко ушли наши путники: гдѣ-нибудь подъ сосенкой или просто въ дорожной канавѣ завалятся они на ночевку: тутъ медвѣдь, рядомъ съ нимъ и самъ поводатарь. Ухватилъ Мишукъ хозяина лапой и дуетъ ему въ лицо и ухо цѣлые столбы пару. Крутитъ головой сонный хозяинъ, а проснуться не хочется, — крѣпко умаялся въ запрошлый день, да и отяжелѣла голова отъ бушневскаго угощенія. Къ утру только очнулся Сергачъ и, изловчившись отъ тяжолыхъ и удушливыхъ объятій звѣря, положилъ свою голову на его мягкую, мохнатую спину, и поглядѣлъ на сына. Крѣпко спитъ тотъ, уткнувшись въ котомку и накрывъ лицо шапкой; ни съ того, ни съ сего ухватился онъ за веревку на барабанѣ-лукошкѣ и тянетъ на доморощеномъ свисткѣ нескладную пѣсню. Но вотъ выкатилось солнышко изъ-за верхушекъ сосенъ, потянулось по небу и назойливо глянуло въ защуренные глаза нашихъ комедіантовъ: обдаетъ ихъ варомъ и ложится на лица загаръ новымъ слоемъ, а тутъ налетѣли комары да мошки; собака взвыла по близости, лошадь бѣшено заржала и коровы мычатъ какъ-то жалобно. Овцы брыкаютъ по полю и собрались свиньи въ особую кучу, тѣсно сбившись спинами. Проснулись и наши путники и, умывшись въ первой попавшейся рѣчкѣ, снова поплелись въ дальній путь-дорогу.

Сегодня опять будутъ плясать и медвѣдь, и коза, и поводатарь. Можетъ-быть, опять попадутъ на праздникъ и угостятъ ихъ густымъ пивомъ, крѣпко приправленнымъ свѣжимъ хмѣлемъ. Будетъ хозяинъ читать опять тѣже приговоры — ничего не прибавитъ. Попробовалъ-было разъ, да плохо вышло и почесалъ онъ

подъ бородой, а на другой день всталъ, совѣсть мучаетъ и спрашиваетъ вожакъ своего сына:

— А что, братъ Мишутка, никакъ ужъ я вечоръ больно дурить началъ? Вишь вѣдь эта хмѣль проклятая, прямо тебя на смѣхъ суетъ. Надо завсегда бояться того, чтобы какой приговоръ твой поперекъ сердца не пришолся становому что ли, или какому начальнику. Захочется брякнуть: оглянись, а то всего лучше привяжи языкъ свой на веревочку. Меня ужъ за это разъ въ городу отодрали и выгнали вонъ.

И зарекся онъ съ тѣхъ-поръ прибавлять отъ себя и рѣшилъ одинъ разъ навсегда: „видно, какъ всѣ говорятъ, такъ и мнѣ приходится, а новое-то какъ-то и не подъ-стать, да и ребятамъ не нравится, развѣ ужъ когда подъ хмѣльную руку и выскочитъ что, не думавши, такъ тому стало этакъ и быть“.

Можетъ-быть, попадетъ Сергачъ въ барскую усадьбу и начнетъ покрикивать передъ балкономъ, поминутно путаясь отъ стараніе говорить не то, что прилично слушать своему брату, а господскому уху не стать и не прилично.

Станетъ распрашивать его баринъ, пригласившій медвѣдя для удовольствія дѣтей:

— Что это у тебя: медвѣдь или медвѣдица?

Снявъ шапку и низко кланяясь, Сергачъ говоритъ своимъ низовымъ нарѣчіемъ, свысока и съ выкрикомъ: вядмидь, батюшка, вядмидича-та ашшо махонькой померла.

— А какъ ты выучилъ его пляскѣ?

Сергачъ, почесывая затылокъ и опять съ поклономъ, отвѣчаетъ барину: „все, батюшко, палкой! знать на все-то она пригодна, кормилецъ. Палкой Мишку донялъ, палкой и науку втемяшилъ“.

Усмѣхнулись всѣ гости и дальше продолжаютъ распросы:

— Изъ выручки-то остается, поди, лишекъ?

— Какой, господа милостивые, лишекъ: еле конецъ съ концомъ сведешь, да и то бы ладно.

Говорилъ поводарь сущую правду. Ремесло Сергача не для наживы, а для прокорму: еще ни одинъ изъ нихъ не только каменнаго, но и деревяннаго дома не выстроилъ, а вѣрнѣе что и тотъ у него, который отъ отца достался, разметалъ вѣтеръ и прогноили дожди. Промыселъ этотъ—весь ради шатанья, и эти плясуны—бродяги настоящіе (что и медвѣдь въ лѣсу), къ тому же бродяги такіе, которые и въ народѣ не пользуются никакимъ уваженіемъ, какъ шуты гороховые и скоморохи. Отъ послѣднихъ они впрочемъ и происходятъ по прямой нисходящей линіи, какъ законное и кровное потомство. Для медвѣжатниковъ какъ бы широко ни концентрировались круги, у всѣхъ одинъ центръ—кабакъ. Для вина и пьянства кажется Сергачи и съ мѣста поднимаются и лѣтъ по десятку не возвращаются на родную сторону. Не только спаиваются сами хозяева, но спаиваютъ и дѣлаютъ пьяницей и медвѣдей, звѣрей лѣсныхъ: пьютъ они съ горя по утратѣ воли.

Но баринъ продолжаетъ спрашивать:

— А не продать ли ты мнѣ медвѣдя-то? мнѣ бы вотъ сани казанскія обить хочется; знатная бы полость вышла изъ твоего звѣря.

Увлеченный предположеніемъ барина, сергачъ погладилъ медвѣдя, любуясь его густой, жосткой шерстью.

— Нѣтъ, кормилецъ, ста рублевъ твоихъ не надо! отвѣчалъ онъ рѣшительно. Пусть лучше самъ поколѣетъ, тогда развѣ не жаль будетъ и шкуру снять. А теперь намъ продать не изъ чего. Нѣтъ ужъ, ваша милость, не утруждайтесь! Еще послужитъ онъ на мое убожество. А убить за что? — худаго не сдѣлалъ, кромѣ добра одного, — продолжалъ разсуждать вожакъ, съ любовью гладя медвѣдя и кланяясь барину.

— Отчего онъ у тебя маленькій: молодъ что ли? спросила востроглазая барышня. Къ намъ недавно большаго приводили.

— Ужъ такой, стало-быть, уродился маленькій. Вотъ медвѣдица, такъ та, вишь, завсегда покрупнѣй бываетъ.

— А чѣмъ ты кормишь его? продолжала востроглазая разспрощица.

— Высѣвками, кормилица, да мякиной. Сдѣлаешь мѣсиво на горячей водицѣ, да тѣмъ и кормишь. Мяса-то, вишь, боимся давать, хоть и охочъ онъ до него, особѣ до сыроваго-то. Злится онъ больно, благуетъ такъ, что изъ послушанія выходитъ и уйму нѣтъ никакого. А ужъ плясать, матушка, такъ ничѣмъ не приневолишь: урчитъ да огрызается и рыло подъ себя подбираетъ.

— Принесешь ты намъ медвѣжоночковъ маленькихъ? картавилъ баловникъ въ плисовой курточкѣ. Папаша! вели ему принести медвѣжоночковъ.

Кланялся Сергачъ съ домочадцомъ, и утѣшалъ папенька баловня-сынишку.

— Не кусается онъ? спросила опять любопытная барышня.

— Нѣтъ, матушка, не кусается.

— Да, я думаю, и нечѣмъ? подтвердилъ баринъ. И кольца въ зубы продѣты, да и самые-то зубы, чай, всѣ повышибъ съ мѣста. Если и оставилъ какіе, такъ и тѣ, я думаю, сильно качаются. Такъ что ли?

— Какъ же, коли не такъ, ваша милость?

— Такъ ступайте же на кухню: тамъ васъ обѣдомъ накормятъ и вина поднесутъ. А это сынъ что ли твой?

— Сынокъ, кормилецъ, Мишуткой зовутъ.

Вотъ такъ, пробираясь по барскимъ усадьбамъ, маленькимъ городкамъ и деревенскимъ праздникамъ, бредетъ нашъ сергачъ

и на родину, чтобы плесть дома изъ лыка лапти, точать берестяные ступанцы, или веревочные шептуны изъ отрепленныхъ прядокъ, и вьетъ къ нимъ оборы, а потомъ цѣлымъ возомъ таскаетъ ихъ на ближній базаръ и кое-какъ пробивается до весны, въ которой ему ровно нѣтъ никакого дѣла. Ужъ если обзавелся медвѣдемъ, такъ одна дорога — метаться по чужимъ людямъ, куда рѣдко пойдетъ тотъ, у кого есть запашки и пожни, хотя даже и небольшія. Въ свою очередь ограничиваются и неприхотливые зрители однимъ и тѣмъ же представленіемъ и отъ души смѣются тѣмъ же присказкамъ и остротамъ, какія, можетъ-быть, только вчера разсыпалъ передъ ними другой вожакъ. Рѣдкое, диковинное наслажденіе, истинный на улицѣ праздникъ, когда появятся въ деревнѣ въ одинъ день два звѣря и четыре проводника: во-первыхъ и грому больше — въ два лукошка грохочутъ и борьбы больше — два парня снимаются. А во-вторыхъ (и это едвали не главное) стравливаютъ медвѣдей, которые, какъ звѣри незнакомые, рвутъ на себѣ шерсть до того, что клочья летятъ, ревутъ такъ, что у слушателей волосъ дыбомъ становится и сильная медвѣдица такъ быстро и далеко бросаетъ менѣе сильнаго медвѣдя, что человѣческой силѣ и во снѣ не привидится. Это удовольствіе хотя и просто дѣлается: стоитъ только соединить обѣ цѣпи противниковъ или столкнуть ихъ задами, да подальше прогнать толпу зѣвакъ; но за то случается чрезвычайно рѣдко. Не всякій хозяинъ рѣшается жертвовать своимъ кормильцомъ, развѣ соблазнятъ его большія деньги, затаенная мысль о предстоящихъ выгодахъ и прибыли, да крѣпкій задоръ похвастаться силою своего питомца. Тогда онъ даже готовъ согласиться съ охотникомъ-помѣщикомъ и на травлю собаками: сниметъ цѣпь, да и отойдетъ, подгорюнясь, къ сторонкѣ.

Долговѣчно ремесло Сергача, какъ и всякое другое, на какое попадетъ русскій человѣкъ, который не любитъ метаться отъ

одного къ другому и крѣпко стоитъ за знакомое и привычное, только бы полюбилось ему ремесло это. А тамъ не до жиру, быть бы живу, разсуждаетъ онъ, и сытъ и веселъ, какъ попался мосолъ, лишь бы только свой братъ не попрекалъ негожимъ словомъ. И ходитъ онъ съ медвѣдемъ, пока таскаютъ ноги, а свернулся звѣрь отъ лѣтъ или болѣзни и купитъ его шкуру наѣзжій кожевенникъ,—беретъ тоска хозяина: не ѣстъ, не пьетъ, все объ одномъ думаетъ. За дѣло хватится, — да все прыгаетъ вонъ изъ рукъ; отвыкъ отъ всего, ни къ чему способа нѣтъ приступиться. Подумаетъ, подумаетъ горемыка, да и пойдетъ, при первой вѣсти о лютомъ звѣрѣ, съ рогатиной или другой какой хитрой уловкой, чтобы загубить медвѣдицу и отнять у ней дѣтищей. Потомъ опять набирается онъ терпѣніемъ: учитъ медвѣжатъ стоять на заднихъ лапахъ, передвигаетъ имъ ноги для плясу и другихъ потѣхъ, какія дѣлалъ покойникъ, а тамъ кое-какъ продѣнетъ кольца, попытаетъ ученика передъ своей деревенской публикой и смотритъ:—повелъ онъ звѣря на людское позорище и опять выкрикиваетъ свои старые приговоры.

Но вотъ старѣетъ Сергачъ, долго ходитъ онъ все съ одной потѣхой, — пріѣлась она ему, какъ иному старику сулой съ овсянымъ киселемъ, и стыдно становится, да и укоры начались отъ другихъ стариковъ свояковъ: „что ребятской-де потѣхой занимаешься на старости лѣтъ? Зубы вѣдь крошатся, а ты пѣсни поешь, да пляшешь передъ народомъ.“

— Брось, Мартынъ, пора за умъ взяться, какое вѣдь твое ремесло? ничего ты не нажилъ, вотъ и выходитъ, что и съ сѣдой ты бородой, да съ худобой.

— Можетъ и дѣло говорятъ, подумаетъ вожакъ, да и сбудетъ выученика первому наклевавшемуся охотнику. Немного протоскуетъ, конечно, да найдетъ утѣшеніе: просто-на-просто дѣлается

изъ поводатаря записнымъ медвѣжатникомъ; одно отъ другаго не далеко, оба ремесла дворъ о дворъ, по сосѣдству живутъ.

Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть, говоритъ поговорка, такъ-то и медвѣжатникъ начинаетъ свою охоту хитрыми уловками, которыя состоятъ въ томъ, что онъ ловитъ медвѣдя тамъ, гдѣ этотъ невольно показываетъ свою слабую струнку. Извѣстно, что нѣтъ ни одного звѣря, который бы любилъ такъ медъ и такъ бы часто посѣщалъ борты, какъ мохнатый Михайло Потапычъ. Сколько смѣшныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остроумныхъ шутокъ придумалъ врагъ-человѣкъ: повѣситъ чурбанъ, который тѣмъ сильнѣе бьетъ медвѣдя въ лобъ, чѣмъ больше злится звѣрь и качаетъ чурбанъ лапами; соорудитъ навѣсецъ — лабазъ, который отгораживаетъ сласти отъ лакомки, и лишь только Мишка пропихнетъ свою лапу въ единственную щель, оставленную ему хитрыми врагами, и иной разъ даже вытащитъ соты, какъ десятки острыхъ гвоздей готовы уже къ его услугамъ: какъ ни бьется медвѣдь, а приходится умереть самою глупою смертью: разобьютъ его задъ тостыми палками и примутъ потомъ на рогатины. Къ такимъ штукамъ прибѣгаетъ на первыхъ порахъ охотникъ и не заводитъ собакъ, не покупаетъ двухствольнаго ружья, предоставляя это дѣло настоящимъ охотникамъ: онъ безъ крику и шуму выберетъ въ лѣсу березовую толстую палку, обточитъ ее поглаже, зайдетъ къ сосѣду-кузнецу и упроситъ сдѣлать копье-наконечникъ, потомъ придѣлаетъ подъ копьемъ перекладинку изъ той же березы — и вотъ онъ, обладатель рогатины, идетъ подбивать кое-кого изъ охотниковъ.

Втроемъ—вчетверомъ, всѣ съ рогатинами, одинъ про запасъ ружьишко прихватилъ,—идутъ смѣльчаки, по протоптаной тропѣ, прямо къ берлогѣ. Разбудили звѣря и крикомъ и шорохомъ, подняли на дыбы, и зачинщику первое мѣсто. Научонный заранѣе, какъ вести дѣло и остерегаться, чтобъ звѣрь не вышибъ

или не переломилъ бы рогатины, смѣльчакъ, не взвидѣвъ свѣта, рванулся на звѣря и врубилъ половину оружія въ медвѣжье мясо, прямо подъ ложечку. Дико заревѣлъ медвѣдь, но напалъ не на олуховъ. Не успѣлъ онъ, можетъ-быть, осмотрѣться порядкомъ, какъ охотникъ уперъ рогатину въ корень дерева, и чѣмъ больше бился звѣрь и хватался за рогатину, тѣмъ она дальше и дальше уходила внутръ. Осталось товарищамъ дорѣзать добычу ножемъ и раздѣлить между собою.

Но вотъ, полонивши съ десятокъ медвѣдей съобща съ товарищами, охотникъ задумалъ новую штуку: понабралъ пузырей, сыромятной кожи и обтянулъ себѣ затылокъ, шею и плеча; засѣлъ на печь, и заскорузли снаряды толстой броней. Два дня принимался онъ точить широкій ножъ, заостренный съ обоихъ концовъ, и никому не говорилъ о задуманномъ, какъ ни добивались ребята-товарищи. Они ужъ послѣ смекнули, что надумалъ онъ идти одинъ на одинъ.

— Пускай попытаетъ! рѣшили они, и ему ни полслова о своей догадкѣ.

Пришли только разъ, да сказали, что вотъ-де верстъ съ десятокъ оттуда проложилъ медвѣдь тропу и реветъ по зарямъ. Закипѣло сердце у охотника: и страхъ и радость, и боязнь и храбрость, все въ одинъ разъ приступило. Привязалъ онъ ножъ туго-на-туго ремешкомъ къ рукѣ, надѣлъ полушубокъ и захватилъ одну только рогатину. Идетъ по тропѣ и прямо къ тому мѣсту, гдѣ медвѣдь показался. Смотритъ мохначъ и заподозрилъ врага: всталъ на дыбы и прямо къ нему на встрѣчу. Минуты не прошло, какъ уже рогатина попала въ звѣря и крѣпко разсердила его. Пока онъ собирался съ духомъ, охотникъ прислонился за толстымъ деревомъ и выжидалъ удобной минуты. Свирѣпствуетъ звѣрь и хватаетъ землю огромными глыбами; началъ вырывать кусты и швырять ихъ въ сторону. Стоитъ охотникъ,

незамѣченный, и взбрела ему мысль непрошеная: дать тягу, да куда-нибудь подальше. Но видно не совсѣмъ потерялся: вспомнилъ, что тутъ-то ему въ бѣгствѣ и неминучая гибель. Загорѣлись его глаза какимъ-то страшнымъ огнемъ и губы дрожатъ, а мурашки такъ и сыплютъ по тѣлу: бросился онъ впередъ что было силы и, заслонивъ лицо лѣвымъ локтемъ, лежалъ ужъ подъ звѣремъ и поролъ ему брюхо острымъ ножемъ. Черезъ минуту внутренности медвѣдя, однѣ за другими, показались на свѣжій воздухъ. Угораздилъ смѣльчакъ, какъ истый знатокъ, въ самое сердце и разодралъ шкуру отъ самой лопатки до клочка хвоста. Льетъ съ него потъ крупнымъ дождемъ, и отъ трудной работы, и отъ огромной массы, которая тяжолымъ камнемъ легла ему на плечи. Облегчился онъ отъ нея, свалилъ мертваго медвѣдя и ни съ кѣмъ ужъ не дѣлилъ его, никого не бралъ въ складчину.

Было бы хорошо начало, а за другимъ чѣмъ ужъ дѣло не стало: понравилось молодцу ходить одинъ на одинъ и бьетъ онъ на то, чтобы дойти тридцатаго, а тамъ, говорятъ, сколько ни ходи, — ни одинъ ужъ медвѣдь не уйдетъ и не тронетъ.

Булыня.

(Очеркъ).

Булыня — представитель тѣхъ эксплоататоровъ крестьянской мелкой собственности, которая такимъ тяжолымъ трудомъ наживается и съ такою безсовѣстною беззастѣнчивостью выманивается различными способами. Типъ этотъ разнообразенъ и многочисленъ и появляется въ видѣ торгаша-плута, почти всюду съ одинаковыми пріемами, хотя и подъ различными названіями. Сюда относятся и мелкіе офени—торговцы (владимірскіе картавые проходимцы), мѣняющіе на свой залежалый и прогнившій товаръ домашнія издѣлія деревенскаго досужества, и разнаго рода закупни, перекупни, извѣстные подъ именемъ маклаковъ. У хлѣбнаго дѣла стоятъ такіе выжиги-посредники между базарнымъ продавцомъ и портовымъ негоціантомъ—прикащики какого-нибудь крупнаго хлѣбнаго торговца съ Волги, такъ характерно называемые кулаки, у крестьянскихъ лошадей—барышники: произрастеніе бойкихъ конныхъ торжковъ и ярмарокъ, умѣющіе организовываться въ шайки артелями и, по подобію офеней и столичныхъ мошенниковъ, для большихъ успѣховъ въ надуваньи, придумавшіе свои языки, цѣлые словари темныхъ условныхъ плутовскихъ словъ и выраженій. На инородцахъ русскихъ (въ особенности сѣверныхъ) и преимущественно на сибирскихъ налегаютъ цѣлыя стаи торговцовъ водкой и скупщиковъ у промышленныхъ

въ лѣсахъ пушныхъ и цѣнныхъ звѣрей и птицы,—торговцы, которые въ одно и тоже время спаиваютъ водкой дикихъ людей до вырожденія породы и обмѣномъ на соль, хлѣбъ, свинецъ и порохъ дорогихъ шкурокъ, доводятъ дикарей до кабалы, до неоплатныхъ долговъ. При долгахъ и скудномъ вымѣнѣ хлѣба инородцы доходятъ до отчаянія голодовокъ и повальной смертности. Такимъ домашнимъ благодѣтелямъ—имя легіонъ, прозваніе, наиболѣе точное и характерное — міроѣды, а дѣятельности и безпредѣльно-вредному вліянію еще до сихъ поръ не установлено никакихъ преградъ и не положено никакихъ препятствій. Кое-какія узаконенія выводили лишь умѣнье обходить ихъ, закупать и подкупать блюстителей закона. Язва задатковъ, кабальныхъ денегъ, выдаваемыхъ впередъ и притомъ въ самыя тяжелыя времена крестьянской нужды и инородческихъ голодовокъ продолжаетъ утѣснять бѣдный людъ и господствовать во всей силѣ на всемъ пространствѣ Русской земли. Замѣчательно при этомъ, что пріемы всѣхъ такихъ міроѣдовъ значительно между собою схожи и не представляютъ особаго труда и затрудненій для борьбы съ ними. Не двойной, а можно сказать—шестерной мелокъ, которымъ записываются отдаваемые въ долгъ товары, если отчасти и пишетъ успѣшно и бойко на слѣпыхъ глазахъ безграмотнаго люда, то съ другой стороны и приставленные закономъ и властью, вмѣсто того, чтобы быть исполнителями должности и долга, позволяютъ ослѣплять себя избытками отъ успѣховъ плутовства да сплошъ и рядомъ сами превращаются въ тѣхъ-же кулаковъ, перекупней, міроѣдовъ.

Къ сожалѣнію, для зла обширное поле въ средѣ долго-терпѣливаго люда, умѣющаго лишь разсказывать про такихъ кровопійцъ подспудные анекдоты въ родѣ того, что одному изъ нихъ за крестьянскія слезы прислали изъ Питера желѣзную шляпу въ полпуда и велѣли надѣвать всякій разъ, когда надо ему идти

въ какое-нибудь казенное мѣсто или по начальству другому дали желѣзную медаль въ пудъ вѣсомъ и не велѣли уже снимать во всякое время. Но по этимъ разсказамъ можно узнавать только про тѣхъ единицъ, которыя уже очень насолили; тѣ же, которые не успѣли еще истощить мѣру долготерпѣнія, продолжаютъ быть для своего околотка благодѣтелями: въ одно время и кулаками, и ростовщиками. И нѣтъ того пятка-десятка деревень, для которыхъ не существовало бы такого міроѣда! Не надо и ходить далеко, и какъ бы далеко ни зашли вы — вездѣ найдется сихъ дѣлъ мастеръ, который лишь на старости лѣтъ, когда уже очень зазритъ совѣсть, отольетъ большой колоколъ для сельской церкви, вычинитъ иконостасъ, построитъ новую каменную матушку—церковь, но опять-таки за себя, а не за грѣхи людскіе.

Но не объ этихъ большихъ карабляхъ разсказъ нашъ: въ тѣсныхъ предѣлахъ деревенскихъ околицъ, около которыхъ держатся настоящія наблюденія наши, дѣйствуетъ и суетится мелкій плутъ, болѣе другихъ намъ извѣстный и знакомый. Вспоминаемъ объ немъ по дѣяніямъ и заслугамъ его художества и досужества.

Съ весны уже начинаютъ бабы-хозяйки думать о будущемъ лѣтѣ и по примѣтамъ, пріобрѣтеннымъ навыкомъ или по преданію, судятъ объ немъ: стояло на Евдокеи погожо, будетъ и лѣто пригоже, по ихъ мнѣнію.

— Далъ бы Богъ на Сороки холодныхъ утренничковъ, — думаютъ онѣ, — въ хлѣба недороду не будетъ; а на Ѳофана (Ѳеофана 12 марта) да на Человѣка Божья (17 марта) станутъ ростилаться по землѣ густые туманы и на ленъ устоитъ урожай. Не лежали бы только замерзи дольше Благовѣщенья-дня и выпалъ бы на этотъ праздникъ дождичекъ теплый. Опытная и бывалая хозяйка въ этотъ день старается всячески избѣгать взглядовъ на пряжу, особенно суровую, не стоитъ подъ дымомъ, а на другой день на Архангела не станетъ прясть (работа въ прокъ не пойдетъ). Другія еще на первой сочельникъ гадаютъ, вытаскивая изъ-подъ скатерти соломенку и кладутъ въ кутью: какова длинна былинка, таковъ и ленъ будетъ. На Онисима (15 февраля) зарнятъ пряжу, выставляя мотокъ на утреникъ, чтобы была пряжа бѣлая.

И вотъ Марьи (1 марта) — зажглись снѣга, заиграли овражки; прилетѣли сверчки и жаворонки; вскорѣ воронъ выкупалъ въ новой водѣ своихъ дѣтенышей; тамъ подошли разсадницы и „разрой берега“ и Алексѣй— „съ горъ потоки“; на Ирину—урви берега засѣяли морковь и свеклу; мужикъ вывернулъ оглобли и бросилъ сани на повить. Прошло окликанье родителей, — пришла пора скотину въ поле выгонять и весну окликать. Береза сокъ дала:

по подоконьямъ пастухи пошли для обдариванья; Еремѣй: запрягальникъ на Власа выпала роса; а вотъ на дворѣ и подымай мужикъ сѣтево: сей рожь въ залу да въ пору, топчи овесъ въ грязь—будетъ князь, прорастетъ сквозъ лапоть. Бабамъ пора разсаживать по грядамъ разсаду, сѣять горохъ и засѣвать льнища льномъ-плауномъ такъ, чтобы успѣлъ волоконъ сдѣлаться длиннымъ, пока прилетятъ комары, минуютъ сиверы и явится на дворъ Елена—длинные льны. Первый засѣвъ на Сидора 14 мая. У хорошихъ хозяевъ на этотъ день такъ и бываетъ: лены Оленѣ.

Съ этой поры ленъ начинаетъ нѣжиться и крѣпнуть въ корнѣ, чему способствуютъ большія росы по іюньскимъ утренникамъ особенно хвалятъ и вѣрятъ въ росы Ѳедора (8 іюня), но боятся росъ на Марію Магдалину (22 іюля); отъ сильныхъ росъ, льны бываютъ сѣры и косы, а съ перваго Спаса всякая роса хороша. На третьяго Спаса старозавѣтныя бабы по жнивѣ катаются и приговариваютъ: „жнивка-жнивка! отдай мою силку: на пестъ, на колотило, на молотило, на кривое веретено“. Наконецъ ленъ зацвѣтаетъ и двѣ недѣли держится въ цвѣтѣ, послѣ чего семя пойдетъ въ наливъ и ленъ въ теченіи четырехъ недѣль станетъ поспѣвать въ ту пору, когда хлѣбъ начнутъ зорнить зорницы. На св. Прокопія озими доходятъ въ наливахъ на этотъ же день и ленъ уростаетъ, пока бабы полютъ огороды и дожидаются Ильина дня. Но тогда, говорятъ, и камень прозябаетъ.

И вотъ на Нерукотвореннаго Спаса защипали горохъ и запахали озими; на Успѣньщинѣ обмотали серпы въ солому; на Ивана Предтечу поспѣла брусника, овесъ созрѣлъ; а съ нимъ вмѣстѣ и ленъ доходитъ, какъ извѣстно: не даромъ на Лупа (23 августа) льны лупитъ, а на Ивана Поснаго послѣднее стлище на льны. Лопаются сами собой льняныя головки и полетѣло семя. Пора идти бабамъ въ поле, теребить ленъ и уставлять его въ

бабкахъ, *) чтобъ разщепились головки отъ солнечнаго жара и не разлѣталось бы по вѣтру семя. Тамъ—смотришь—полакомились бабы свѣжимъ толокномъ на овсяницахъ, пирогомъ съ новой капустой въ зазимки на Вздвиженьевъ-день и опять идутъ на льнище развязывать бабки, обивать семя вальками на рогожку и разстилать ленъ по-полю или озими, которая съ-этихъ-поръ называется стлищемъ. Изъ семя выжмется масло постное; а выжимки—избоина—пойдутъ на пищу коровамъ въ дурандѣ.

Отлеживается ленъ на своемъ стлищѣ до-тѣхъ-поръ, пока не увидитъ баба, что пробный снопикъ — опутокъ — хорошо обивается на мялнѣ и мало въ немъ, или нѣтъ совсѣмъ, негодной прозелени.

Тогда остается одно: поднимать ленъ со стлища, топить баню и тащить туда же съ повита мялки **), трепалы ***) и мочила ****). Послѣ Покрова (съ половины грязниковъ) настаетъ пора топтать ленъ, очищать его послѣ просушки и мочки. Отъ репье или охлошки пойдутъ на завалины около избъ, чтобы сберегалось въ нихъ тепло въ зимнюю пору и не задерживалась сырость весною. У иныхъ этимъ отрепьемъ выстелютъ клѣвъ или дворъ, у другихъ они и такъ сгніютъ около бань въ кучахъ и размоетъ ихъ весенними дождями и сыростью. Отоптанный ленъ бабы начинаютъ разчесывать гребнями и прибираютъ очески на продажу канатникамъ и веревочникамъ. Разчосаный ленъ назы-

---

*) Бабки—льняные снопики, низенькіе и тоненькіе.

**) Этотъ деревянный мечъ-кладенецъ, длинный и тяжолый, вкладывается въ довольно широкой и глубокой жолобъ. Жолобъ укрѣпляется на ножкахъ; а самая мялка однимъ концемъ утверждена бываетъ на деревянной кобылкѣ.

***) Трепало—родъ деревяннаго меча или тесака, съ рукояткой, около которой надѣланы зубчики; на другомъ концѣ дощечька эта островатая.

****) Какой-нибудь большой ушатъ или глубокое и широкое корыто, наливаемое теплой водой при совершеніи операціи.

вается мыканымъ и изгребнымъ. Чтобы получить нитку тоньше — перечосываютъ его въ третій разъ и называютъ пачеснымъ; остатки отъ этого чесанья — изгребье — пойдетъ мужику въ теплую шапку или на стяганье къ зимѣ бабьихъ понявъ.

Между-тѣмъ незамѣтно въ этихъ работахъ проходитъ для бабъ и Ѳекла Зоревница; а съ ней вмѣстѣ и овинъ отпраздновалъ свои именины, въ которые хозяину достался хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ. На Покровъ было послѣднее гулянье и первое зазимье; свадьбы кое-гдѣ затѣвались и разыгрывались къ Казанской, съ которой осенняя грязь, говорятъ, отстоитъ отъ зимы только на три седьмины. Вотъ уже на дворѣ и Парасковья-льняница (14 октября). А когда сомнетъ ленъ, то на Параскевинъ день постарается первинки принести въ церковь для приклада. Толковая хозяйка не сядетъ въ этотъ день за пряслицу, боясь ногтоѣда и заусеницы, отъ которыхъ, чего добраго, сведетъ ей и руки. Ленъ къ льняницамъ приготовленъ совсѣмъ въ отдѣлкѣ; у добраго хозяина выжато изъ сѣмянъ и масло свѣжее; стоитъ только садиться за столъ, ѣсть кисель овсяный или пшонную кашу съ новой новинкой. Молодой на этотъ обѣдъ зоветъ къ себѣ тестя и тещу и задаетъ имъ пирушку съ виномъ.

На 29-е ноября справляютъ Абрама-овчаря: въ третій разъ, послѣ весенней, начинается осенняя стрижка овецъ. Затѣмъ пройдутъ шерстобиты, обобьютъ бабамъ шерсть — волну — мужикамъ на сермягу; а тутъ, смотришь, нагрянутъ и швецы-портные. Въ деревняхъ наступаютъ Кузьминки, затѣваются ссыпки, на Михайловъ-день первый морозъ нагрянетъ: запирается простой человѣкъ со всей семьей въ избу; бабамъ настала пора затѣвать супрядки, которыя кончаются у нихъ позднимъ вечеромъ. Настала прибируха — зимняя пора и для мужика и для бабы. Въ избахъ зашумѣли веретена, затянулась пѣсня; у доброй хозяйки

что ни день, то новыя тальки выходятъ изъ рукъ гостей-попрядушекъ; намычки *) то и дѣло вытягиваются въ нитки. На прялицѣ дѣлаются нитки погрубѣе, на гребнѣ прядутъ только мастерицы, и не выпрядаютъ всей кудели — намычки, а оставляютъ изгребье — охлопки, которые идутъ, вмѣсто ваты, на подкладку подъ поневы и въ шапку.

Богатая баба-хозяйка къ концу супрядковъ уже и не прядетъ сама: ея дѣло принимать съ веретенъ на простни или клубки, а оттуда на мотовило, готовыя нитки, отсчитывать по четыре, чтобъ составить чисменку, и, перевязавъ веревочкой-пасменникомъ сорокъ чисменокъ, составить пасму. Двадцать такихъ пасмъ, свитыхъ на воробѣ **) въ двухъ-аршинную петлю, составятъ тальку.

И вотъ въ эту-то пору, когда уставитъ баба въ избѣ станокъ, натянетъ съ вороба на вертлявой турикъ всѣ пасмы для основы, приготовитъ въ челнокъ цѣвку ***) для утока, когда

---

*) Намычки—ленъ, расчосанный предварительно на гребнѣ, когда уже онъ годенъ для пряжи на прясляцѣ или на томъ же гребнѣ.

**) Воробъ состоитъ изъ двухъ брусочковъ, сложенныхъ въ *замокъ* крестъ-на-крестъ; въ обоихъ верхнихъ концахъ—дырочки, куда вбиты деревянные гвозди. Оба бруска вертятся на желѣзной палочкѣ, укрѣпленной въ столбикъ, называемый *бабой*. Съ вороба пряжа перематывается на деревянные цилиндрики-турики, которые вертятся на своей оси; съ турика снуютъ основу или основной навой, натягиваемый на станокъ и продернутый сквозь бердо и ниченки (бердо—длинный гребень въ родѣ рамы съ поперечными, тоненькими пластинками; а ниченки—нитяныя петли, при ударѣ ногой поднимающіяся и опускающіяся. Между ними продѣваютъ нити основы). Съ вороба свиваютъ пряжу на тростниковыя или берестяныя трубочки, шпульки-цѣвки, съ нихъ пряжа идетъ уже на утокъ; они для этого вставляются въ середину челнока. Уточныя нити—поперечныя нити основъ; ихъ-то прибиваютъ бердомъ одну къ другой, чтобы составить полотно, холстъ и проч.

***) Цѣвки—береста, свитая въ плотную трубочку; они надѣваются на одинъ конецъ желѣзнаго прута скальни и обматываются нитками, назначенными для утока. Скальня—два столбика, утвержденные въ доску,

навѣситъ бердо и начнетъ имъ прищолкивать утокъ къ основѣ — является въ избѣ булыня *) — старый знакомый покупщикъ-барышникъ.

Онъ молится иконамъ, кланяется, желаетъ „Бога на помочь! чолночокъ въ основку!„

— Гдѣ-же у тебя большакъ-то: что это его не видать въ избѣ? — спрашиваетъ булыня вовсе не кстати, потому-что самъ-же выглядѣлъ то время, когда хозяинъ сошолъ со двора.

— Да со швецами пошолъ въ кабакъ раздѣлъ дѣлать, Михей Спиридонычъ, отвѣчаетъ однакожъ хозяйка, зная, зачѣмъ пришолъ этотъ плутъ съ бѣглыми-рысьими глазами, которые такъ и носятся съ палатей въ кутъ и подъ лавки, и не поглядятъ совѣстливо, не остановятся на мѣстѣ даже на минуту. Хозяйка спѣшитъ сама предупредить булыню, который подошолъ къ стану и разсматриваетъ нитки, навитыя на цѣвкахъ, и готовое уже полотно, намотанное на щеколду **).

— Тебѣ поди пряжи нужно? спрашиваетъ она.

въ верхнихъ концахъ которыхъ сдѣланы дырочки и сквозъ нихъ продѣтъ валикъ. Одинъ конецъ валика имѣетъ тяжесть—деревянный кружокъ, а другой желѣзную спицу для цѣвки. Со скальни на цѣвки навивается уточная пряжа; валикъ скальни вертятъ ладонью.

*) Булыни ведутся только въ тѣхъ губерніяхъ Россіи, которыя смежны или близки къ портамъ: Рижскому, Петербургскому, Одесскому и проч.; часто попадаются они и около тѣхъ мѣстъ, гдѣ сильно развито фабричное производство. Напримѣръ богатый фабриками шуйскій уѣздъ (Влад. губ.) обратилъ къ этому роду промышленности всѣхъ мѣщанъ и ближнихъ крестьянъ города Нерехты (Костромской губерніи). Издавна уже они прозваны отъ своихъ земляковъ, въ насмѣшку за этотъ родъ промышленности, *бѣгунами* и до-сихъ еще поръ *бѣгаютъ* изъ одного селенія въ другое съ своимъ безмѣномъ для покупки пряжи. Булыня въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи называется *закупень*.

**) Щеколда—тотъ валъ на ткацкомъ станкѣ, на которомъ наматывается вновь вытканное полотно или холстъ; она вертится на оси.

Булыня спохватился, чуть-было не измѣнилъ себѣ, но оправляется:

— Нѣтъ, не нужно пряжи: много и такъ накупилъ! Заполъ, признаться, погрѣться только да провѣдать хозяина: цѣлую нечесть зиму не видалъ. Живемъ-то далеконько; въ вашихъ мѣстахъ только по надобности бываемъ — отвѣчаетъ нашъ булыня; но хитритъ, какъ записной плутъ, котораго не очень-то жалуютъ богатые хозяева, не нуждаясь въ ихъ деньгахъ и при первомъ же посѣщеніи указывая имъ—гдѣ Богъ и гдѣ двери.

Хозяйка опять начинаетъ прищолкивать чолнокомъ; булыня безсознательно вертитъ пустой валикъ на скальнѣ и опять пробуетъ цѣвку. Оба молчатъ; но время дорого для булыни: можетъ вернуться хозяинъ, хотя и пошолъ на такое дѣло, которое не скоро кончаютъ. Булыня первымъ нарушаетъ молчаніе:

— Вотъ коли льну у тебя осталось немыканаго: пожалуй, возьмемъ! — да и то ужъ такъ... изъ повадки хорошему человѣку; а у насъ, признательно, много накуплено, пожалуй и не увезешь на одной-то лошади...

— Немыканаго нѣтъ, а есть изгребной!—отвѣчаетъ хозяйка.

— Такова не надо! — вретъ булыня. Нынѣча онъ совсѣмъ не имѣетъ ходу: не берутъ!.. Хозяинъ нынѣшній годъ въ биржахъ снялъ подрядъ на сырье, а нитокъ и совсѣмъ не велѣлъ покупать.

— Ладно одначе, коли залишній есть да не много, возьмемъ и изгребнаго! — рѣшаетъ булыня, вполнѣ увѣренный, что убѣдилъ тупоголовую бабу, которая, пожалуй, съ разу-то и не сообразитъ, что изгребной ленъ и лучше (т. е. мягче, чище сырья, особенно если пройдешься по немъ гребнемъ раза три-четыре), и дороже:

Но изгребной ленъ не понравился булынѣ:

— Не хорошо, говоритъ, трепанъ: кострики *) много осталось, не вся обита трепаломъ, да и волоть **) коротка, и не такъ крѣпка, да и черна что-то... не выбѣлилась!..

Однимъ словомъ, забраковалъ булыня ленъ, какъ никуда не годный; другая баба и не вынесла-бы, пожалуй, такой срамоты на хозяйствѣ — вырвала-бы ленъ, закричала-бъ, затопала на барышника: алтынникомъ-бы, кулашникомъ нечосанымъ обозвала, но большая часть поступаетъ иначе.

Пока разсматривалъ и браковалъ ленъ покупщикъ, хозяйка успѣла надумать многое, отъ чего ей сдѣлалось даже жутко.

— „Вотъ, думалось ей, купилъ-бы онъ у меня этотъ залишекъ, да далъ-бы денегъ хоть пять гривенокъ съ пятакомъ— и ладно-бы. Мужъ-то не знаетъ, сколько всего льну осталось, совсѣмъ не мѣшается въ наше бабье дѣло; а я бы купила себѣ бусы (старенькія-то почернѣли больно), либо позументику на штофную-то душегрѣйку, тамъ съ одного краю не хватило; а самому боюсь молвить...“

Булыня между-тѣмъ успѣлъ вытащить изъ-за кушака безмѣнъ и прикинуть ленъ на фунты, мысленно посуливъ бабѣ дать полтора рубля — свою цѣну, если только упрется она, зная цѣны ходячія. Между-тѣмъ для большаго успѣха онъ все еще продолжаетъ встряхивать ленъ и даже швырнулъ его опять въ голбецъ.

— Надо-быть матерня—ленъ, что больно въ стволъ пошолъ; а не то долгунецъ — либо ростунъ какой: такихъ не беремъ!.. Прощенья просимъ! — говорилъ онъ, взявшись за шапку, но не двигаясь съ мѣста.

Булыня угодилъ какъ нельзя больше во-время: въ воображеніи бабы только-что начала рисоваться заманчивая картина:

*) Кострика—кора, верхніе наружные покровы льнянаго стебля.

**) Волоть—внутренняя выстилка льнянаго стебля, самая сердцевина, изъ которой собственно и выпрядаются нити.

какъ она въ новой душегрѣйкѣ пойдетъ на село, какъ эта душегрѣйка будетъ топыриться сзади и отливать и бѣленькимъ заячьимъ мѣхомъ, и новымъ золотымъ позументомъ... Она остановила торговца, начала торговаться съ двухъ гривенъ и еле-еле добралась до завѣтной полтины. Булыня смекнулъ, что бабѣ и еще-таки нужны деньги, но ошибся, потому что она была удовлетворена въ своихъ планахъ, и къ тому-же не имѣла залишняго льну.

— Можетъ нитки продашь?—подсказалъ неотступный булыня.

— Да вотъ еще не знаю, батько, сколько на крѳсна пойдетъ! коли дашь гривенничекъ за тальку, бери, Христосъ съ тобой!..

Но булыня уже не браковалъ нитокъ; цѣна запрошеная бабой была ему съ-руки, но чтобы не уйдти съ такою ничтожною покупкою, онъ явился соблазнять бабу пряниками, которые выдавалъ за вяземскіе, хотя и пекъ ихъ самъ на досугѣ.

Такимъ-образомъ ходитъ торгашъ съ своимъ безмѣномъ и сладкой приманкой изъ избы въ избу, только отъ бездѣлья въ глухую пору зимы послѣ святокъ. Настоящее же время его дѣятельности обыкновенно бываетъ по лѣту, когда у бабъ начнетъ наливаться ленъ, заколосится рожъ, заиграютъ по полямъ зорницы и время подойдетъ къ покосамъ.

Обыкновенно эти торгаши — довѣренные какого-нибудь богатаго купца въ уѣздномъ городѣ, который пріобрѣлъ кредитъ на сосѣднихъ биржахъ и буянахъ. По веснѣ онъ собираетъ своихъ довѣрителей, одѣляетъ каждаго изъ нихъ достаточнымъ количествомъ денегъ, судя по способностямъ каждаго; наконецъ тутъ-же выдаетъ свидѣтельства, выправляемыя на свое имя, дѣлаетъ приличное угощеніе, съ нужными наставленіями и прощается съ ними до поздней зимы. Булыни расходятся по разнымъ сторонамъ,

и стараются вести дѣло особенно отъ своихъ товарищей, сходясь въ своихъ интересахъ только тогда, когда являются на рынкахъ или замѣчаютъ пройдошество какого-нибудь новичка-перебойщика. Съ этимъ у нихъ обыкновенно дѣло кончается слитками въ спопутномъ питейномъ, а на рынкахъ съ-обща подводятъ любаго мужика-перекупня подъ обухъ, т. е. или заставляютъ его уѣхать въ свою деревню, не продавши товару, или дадутъ ему цѣну свою, меньшую даже той, которую даютъ они по деревнямъ на домахъ. Вотъ почему рѣдкій мужикъ вывозитъ свой ленъ и нитки на базаръ, а дожидается прихода булыней къ себѣ на домъ по лѣту.

И вотъ со дня Петра-Афонскаго солнце стало укорачивать свой ходъ: мѣсяцъ пошолъ на прибыль. По гумнамъ забѣгали вереницы мышей, по полямъ зарыскали голодные волки, вороны застлали свѣтъ Божій, застонала земля. На скотину напала мошка, по лѣсамъ полетѣлъ паутинникъ, засвистали перепелы, пчолы полетѣли изъ ульевъ, стала поспѣвать земляника, по полямъ показалась кашка и чернобыльникъ; трава въ кое-какихъ мѣстахъ пригорѣла отъ солнца: скоро наступитъ Петровъ-день—красное лѣто, зеленый покосъ, когда и солнышко играетъ и зорница зоритъ хлѣбъ на поляхъ — однимъ словомъ, подходитъ пора сѣнокосная. Знаетъ объ этомъ мужичокъ, но еще лучше знаетъ объ этомъ нашъ булыня.

Онъ нагрузилъ цѣлый возъ косами и серпами, сталъ на ту пору косникомъ, и идетъ въ знакомую деревню, прямо ко двору старосты. Отыскавъ его, кланяется ему парой косъ и разукрашеннымъ серпомъ, проситъ не оставить въ дружбѣ напредки и скрѣпить теперь запойнымъ полуштофикомъ, который на тотъ грѣхъ и тащитъ ужъ изъ-за пазухи.

— Вотъ, говоритъ, къ Демиду теперь пойду, да къ Матвѣю, да къ Ильюшкѣ, да къ Егору косолапому, не оставь нашу милость!..

— Хорошо, хорошо! говоритъ ему староста или бурмистръ чванливый, но податчивый.—Коли не устоитъ кто,—смѣкай къ Юрьеву-дню...

— Я тебѣ, говоритъ булыня, и грамотку принесу; все пропишу, что кому дамъ и на сколько заторгую изъ сырца. Посени опять понавѣдаюсь съ поклономъ.

— Ну, ладно, ладно! отвѣчаетъ бурмистръ: приноси тамъ какую смастеришь грамотку-то. Ты вѣдь грамотный, а мнѣ и земской скажетъ, что ты тамъ настрочишь; да мотри-же не больно шибко... строчи-то!...

— Ради служить твоей милости безъ обиды, говоритъ заручившійся торгашъ и спѣшитъ къ какому-нибудь Демиду или Егору косолапому. Отыскиваетъ того и другаго гдѣ-нибудь на повитѣ; тамъ они либо старыя косы клеплютъ, либо точилки натираютъ пескомъ со смолой.

Булыня для нихъ старый знакомый, по-старому и входитъ съ маслянымъ рыломъ, съ уснащоной разнымъ доморощенымъ краснобайствомъ рѣчью. Начинаетъ кланяться, словно кто его сзади за жилы дергаетъ: и плечами перебираетъ, и ногами заплетаетъ, и шапкой помахиваетъ, какъ цыганъ-плясунъ съ диковинными колѣнами въ пляскѣ:

— Какъ-де ты, дядя Демидъ, живешь-можешь?

— Твоими-молитвами! отвѣчаетъ дядя Демидъ и загремитъ опять молоткомъ по заклепкамъ.

— Давай-то Богъ добраго здоровья хорошему человѣку! улещаетъ булыня. Но дядя Демидъ не внимаетъ гласу, стучитъ себѣ словно кузнецъ какой по заказу.

— Не утруждайся: спина заболитъ! спѣшитъ перебить досадный стукъ торгашъ-булыня. Нешто у тебя на запасѣ-то нѣту новыхъ?...

И духъ у булыни замеръ: вотъ, думаетъ, скажетъ, что есть.

— То-то грѣхъ, что нѣтъ: были лѣтось, да разбились! Вотъ теперь мастерю клепки, авось, можетъ, выдержатъ; а въ городъ идти не удосужишься...

— Да на что тебѣ въ городъ идти? купи у меня!

— Нешто ты нонѣ не съ ложками ѣздишь?

— Было, дядя Демидъ, и на это время; сѣмъ-ко, смѣкаю, въ другомъ попытаюсь! Я и серповъ привезъ, коли хошь, и лопатки есть готовыя...

— Купилы-то, знакомый человѣкъ, притупѣли: весь измаялся, одежонка съ плечъ лѣзетъ, ребятишки голы-голехоньки, собаки въ избѣ ложки моютъ, козы въ огородѣ капусту полятъ... отвѣчаетъ дядя Демидъ.

— Съ тебя, дядя Демидъ, не дорого возьму! — подхватилъ булыня. Коли надо: двѣ косы такъ — деньги по-осени, ну и серпъ идетъ въ придачу; а за останное сколотись какъ-нибудь хоть на половинной пай. Ладно-ли я говорю, толковый ты человѣкъ? угостилъ бы я тебя, право: да гляди, нонича хозяинъто словно кобыла норовистая: закупай, говоритъ, на свои, коли надо; а я де-тебя не обижу на скличкѣ!.. Вотъ оно, дѣла-то нонѣ какія стали!

И долго ли разжалобить простоплетенаго мужика базарному человѣку-пройдохѣ; трудно-ли навязать мужику вещи, очевидно-нужныя ему для хозяйства?

Въ другихъ случаяхъ булыня поступаетъ иначе: ему извѣстна вся подноготная въ знакомыхъ деревняхъ. Знаетъ онъ, въ какомъ домѣ мужикъ большакомъ, въ какомъ сама баба на дыбкахъ ходитъ, а гдѣ и семейная разладица стоитъ. Булыня умѣетъ въ мутной водѣ ловить рыбу...

— Выведемъ все, думаетъ онъ, на свою поверхность: на то вотъ мы у этого дѣла и приставлены. Вотъ Ивановъ-день подойдетъ — на село поѣдемъ!...

И сдержитъ слово: въ Ивановъ-день или въ ближное воскресенье до сѣнокосной поры стоитъ онъ на видномъ мѣстѣ въ ту пору, когда мужики выходятъ изъ церкви, помолившись Богу и одни тянутся за своими бабами на погостъ, а оттуда домой, другіе, позадорнѣе, спѣшатъ, по-привычкѣ, провѣдать Ивана Елкина, чтобы не такъ же проходилъ праздникъ, какъ будень. Булыня нашъ такихъ знаетъ, выглядитъ ихъ въ толпѣ и прослѣдитъ въ путешествіи до старой избенки со сгнившимъ крыличкомъ и разбитыми стеклами, именуемой кабакомъ, или иногда, для нѣжнаго слова — и питейнымъ.

Булыня здѣсь совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ на деревенскомъ повитѣ: онъ, подкрѣпившись немного, начинаетъ шутить, какъ бы и записной завсегдатай, и скоро собираетъ около себя цѣлую кучу, но не упускаетъ изъ виду заранѣе имъ намѣченныхъ. Мужички тѣмъ временемъ выпьютъ на послѣднія, хотя и всегда незалишнія; времени до обѣда остается у нихъ еще много, отчего же часокъ не потолкаться, не побалагурить съ досужимъ человѣкомъ. На то въ кабакѣ и лавочки подѣланы и разные инструменты держатъ: балалайку, гармонію; цѣловальникъ на торбанѣ поигрываетъ и заходятъ заклятые верезги, которые и пѣсню, пожалуй, залихватскую вытянутъ. Однимъ словомъ, мужики замѣшкаются; а булыня и радъ тому: къ тому да къ другому прицѣпится съ словомъ, начинаетъ шутить.

— Вотъ, говоритъ, почтенные! болитъ у меня бокъ девятый годъ, да не знаю въ какомъ мѣстѣ — снадобился-было у старухъ, да слышь, надо голову обрить до гола, ошпарить, да молоткомъ приударить...

Въ заведеніе входитъ новый гость, знакомый, но не нужный булынѣ, хотя и отвѣсившій ему поклонъ. Булыня къ немалому смѣху почтилъ его привѣтомъ:

— Будь здоровъ, дядя Миронъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ!..

Вошедшій не обидѣлся; а булыня успѣлъ уже прицѣпиться къ другому, вырядившемуся въ красную рубаху. Онъ потрепалъ его по плечу и промолвилъ:

— Эхъ, ты, щоголь Яшка: что ни годъ, то рубашка; а портамъ да сапогамъ и смѣны нѣтъ!...

Но этотъ молодецъ оказался покрутѣе нравомъ:

— Да ты что же богачествомъ своимъ расчванился? Мы, братъ, и въ лаптяхъ не спотыкаемся...

Но булыня нашолся и тутъ:

— Будь же здоровъ и ты съ четырехъ сторонъ. Мы, братъ, и сами коли дома живемъ, такъ ѣдимъ пока не упадемъ, а и на ноги поставятъ, опять ѣсть станемъ, — и прочее, тому подобное, по доморощеному складу, умѣнью и досужеству.

Мужичкамъ почему-то весело становится отъ этихъ шутокъ. Булыня смѣкаетъ свое: беретъ балалайку и пляшетъ; бросаетъ балалайку, — дергаетъ на гармоніи и своей веселостью увлекаетъ всѣхъ, но опоминается во время. Вскакиваетъ съ полу, на которомъ стлался въ присядку, и задаетъ громогласный вопросъ:

— Эхъ-ма-хма! денегъ-то тьма: кого бы братцы угостить изъ васъ?

Желающихъ, разумѣется, много, но избранный, лучше — намѣченный — одинъ какой-нибудь Егоръ косолапой, котораго и хватаетъ булыня въ охапку и тащитъ къ стойкѣ, зная, что этотъ мужикъ побогаче прочихъ; не одни гоны засѣваетъ льномъ и яровыми, и, не довольствуясь своею, кортомитъ чужія земли. Мужикъ этотъ, что называется, идетъ въ гору и торговлю смѣкаетъ, да и не прочь въ сдѣлку втянуться. А и втолковать ему что, за стаканчикомъ водки, — не хитрое дѣло для привычнаго человѣка.

— Сколько ты нонѣ гоновъ-то засѣялъ? спрашиваетъ прямо булыня мужичка, уже порядочно подрумянивъ его.

Мужичокъ отвѣчаетъ.

— А почемъ продавать думаешь?

— Да каковъ уродится! — отвѣчаетъ мужичокъ. А ты какимъ манеромъ покупать норовишь?

— Много засѣялъ, — такъ и сырымъ возьмемъ... на пуды! пожалуй и съ посконью купимъ, намъ все едино на бракъ — въ биржевое дѣло пойдетъ, самъ ты, умная голова, знаешь!..

— Обчесать-то бабамъ велишь, али самъ будешь?

— Да коли раннимъ дѣломъ зададутся — отрепли только, расчешутъ и на хозяйскихъ шофахъ!..

Мужичокъ соглашается и на это, потому что онъ радъ продать, а въ рабочихъ рукахъ у него на дому нѣтъ недостатка. Наконецъ доходитъ дѣло и до цѣнъ. Булыня, какъ знатокъ своего дѣла, спѣшитъ увѣрить мужичка, что по ономняшнимъ цѣнамъ покупать не сходно, хоть самъ-де на базарахъ справься, да еще кто знаетъ, каковъ будетъ урожай и каковъ задастся ленъ въ учесѣ: передъ хозяиномъ-де отвѣчаетъ мошна и спина его, булыни, а не продавцова. Покупаемъ-де на вѣру и то потому только, что знаешь хорошаго человѣка, да хочешь отъ сердца помочь ему, когда нужда приспѣетъ: — на томъ-де стоимъ.

Долго они, по обыкновенію, не сходятся въ цѣнѣ; но хмѣль не свой братъ, улещанья булыни сахаромъ обсыпаны. Краснобай этотъ такъ мягко выстилаетъ и уснащиваетъ, что мужику уже стыдно даже и за угощенье, полученное имъ на чужой счотъ. Онъ соглашается и беретъ задатокъ. Задатокъ пригодится ему на подушной окладъ, на оброчную статью, глядишь — лошадь замоталась, зачахла отъ волчьяго зубу, или закаталась отъ чемеру, а время подойдетъ къ тому, что снопы придется свозить съ поля. Залишная деньга мужичку и тутъ подмога. Онъ бьетъ по рукамъ съ булыней, запиваетъ съ нимъ слитки и идетъ повѣстить домашнихъ о продажѣ.

Едва только бабы успѣютъ къ осени выщипать ленъ, булыня сдетъ опять павѣдываться: сначала, по обѣщанію, къ бурмистру или старостѣ, а потомъ и къ задаточнымъ.

— Веди его бабы въ поле: покажи, что за ленъ задался!

Здѣсь смѣтливый и привычный булыня уже по корню судитъ о достоинствѣ закупленнаго товара: голъ корень—волоть плоха и ленъ плохъ задастся въ учосѣ, дастъ много въ очоскѣ негодныхъ пачесей. Если корень мохнатъ и съ усиками—ленъ будетъ и мягокъ и ловко потянется въ нитку, не будетъ сѣчься. Эти свѣдѣнія необходимы для торговца при производствѣ будущей расплаты, равно какъ и то, чтобъ не изростался онъ выше 10-ти вершковъ въ стеблѣ, не текло бы семя само по себѣ еще на корню, да не выбили бы его бабы прежде урочнаго срока отдачи въ хозяйскія руки. Булыню не обманешь: онъ знаетъ на сколько съ пуда кудели выходитъ фунтовъ, сѣмянъ, и даже смекнетъ, пожалуй, на сколько обивается въ то же время кострики. Однимъ словомъ, не надуютъ бабы булыню, не надулъ бы онъ ихъ при расплатѣ, когда онъ не прочь толковать и объ томъ, что ленъ вѣсокъ оттого, что не той чистотой трепанъ, много моченъ, плохо сушенъ, кострика мало бита. Въ этомъ торгашъ—настоящій алтынникъ, крохоборъ, кулакъ надувало, который къ тому же имѣетъ еще и заручку съ самой главной стороны. Расплата никогда не обходится безъ ссоры, но ее умѣетъ русскій человѣкъ заливать легко и дешево и забываетъ скоро:

— Не я первый, не я и послѣдній! думаетъ мужичокъ. А все оттого, что къ бабьему дѣлу свой мужичій разумъ приспособилъ; вонъ въ кузовьяхъ либо въ яровыхъ меня не надуешь!.. На томъ, стало, и стоимъ!... Поди бабамъ еще хуже достается. Съ моего гроша не разбогатѣетъ, да и я не обѣднѣю. Господь съ нимъ и съ бурмистромъ-то!—утѣшаетъ себя мужикъ и опять

не прочь сойдтись въ сдѣлкѣ съ булыней, который, забравши на воза весь товаръ, свозитъ его къ хозяину-довѣрителю.

Здѣсь — въ домѣ довѣрителя — дѣлается въ урочное время общая сходка или скликъ всѣхъ его булыней-прикащиковъ. Свезенный съ разныхъ концовъ уѣзда ленъ въ сырьѣ и часто въ ниткахъ передается воротилѣ — главному хозяйскому прикащику, который къ веснѣ и свозитъ его на ближнія биржи или продаетъ оптомъ на фабрики скупщикамъ. Изъ валовой цѣны дѣлается разсчотъ — въ руку — за всѣ убытки, получаемые ими при покупкѣ и перевозкѣ къ хозяину, который довольствуется небольшими процентами на выданную сумму для купли. Эти проценты при большомъ хозяйствѣ, конечно, бываютъ весьма значительны и даютъ возможность главному булынѣ заводить у себя на-дому ткацкіе станы и мало-по-малу фабрику для выдѣлки посконныхъ полосушокъ, понитковъ *), портнинъ **), равендуковъ, новинъ ***), холстовъ, пестряди ****) и прочаго. Быль бы только охота къ этому дѣлу, да знакомство и умѣнье держать въ рукахъ закупней.

Мелкій булыня продолжаетъ скупать холстъ домотканной, издѣлье самихъ деревенскихъ хозяекъ. Съ восьми лѣтъ каждая дѣвушка уже посвящается во всѣ тайны хозяйства домашняго; съ пяти пріучается къ прялкѣ; съ семи она уже умѣетъ вышивать полотенца (рушники, утиральники), вязать чулки, шить домашное платье, и затѣмъ послѣ 12 лѣтъ, она уже мастерица ткать холсты и полотна.

---

*) Понитокъ — ткань, основа которой, т. е. нитки основныя, выпрядены изъ льняныхъ вычесей, а не изъ изгребья.

**) Портнина — гдѣ и основа и утокъ посконные.

***) Новина — холстъ въ девять вершковъ ширины, но если бердо плотнѣе и въ немъ болѣе 200 зубцовъ, то что тся не новина, а уже холстъ

****) Пестрядь — грубая ткань, въ которой основа красная, синяя, а утокъ бѣлый или на-оборотъ.

Холсты и полотна — лакомый кусъ для торговца-булыни: за суровой холстъ платитъ подешевле; за бученой, т.-е. бѣленой и сами хозяйки просятъ вдвое дороже.

Ткутъ они холстъ пасмъ 9, 10 и 12 (широкій и узкій). Бѣлятъ его на солнечномъ припекѣ на травѣ и для этого поливаютъ холодной водой, чтобы не просыхалъ. Черезъ четыре дни снимаютъ суровье и бучатъ въ небольшой кадкѣ или бадьѣ, куда складываютъ суровье. Сверху кладутъ толстую холстину; на нее насыпаютъ золу; весь букъ наполняютъ водою, въ которую съ ранняго утра и до вечера спускаютъ раскаленные уголья и перемѣняютъ ихъ, лишь только они перестаютъ кипятить воду. На ночь букъ оставляется съ холстомъ, утромъ рано разбирается. Вынутый холстъ снова разстилаютъ по травѣ и поливаютъ. Послѣ трехъ солнопечныхъ дней холстъ полощется въ водѣ, сушится и снова бучится тѣмъ же порядкомъ. Послѣ четырехъ буковъ холстъ выходитъ отличной бѣлизны.

Изъ холста дѣлаютъ полотенца—непремѣнная принадлежность приданаго всякой дѣвушки невѣсты. Вышиваютъ полотенца узорами. Узоръ съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи бываетъ вездѣ одинаковъ: древо, левъ, орелъ, звѣзда, утка и другіе. Полотенца эти любятъ покупать прохожіе богомольцы для приношенія къ святымъ мощамъ и для подвѣсокъ къ честнымъ и чудотворнымъ иконамъ и въ такомъ случаѣ полотенцы непремѣнно должны быть съ узорами. Они же поступаютъ у невѣстъ дружкамъ черезъ плечо, по образцу кавалерскихъ орденскихъ лентъ. Этими же полотенцами одариваетъ кума́ ку́ма на крестинахъ.

Закупень,—булыня поступаетъ къ хозяину или за порукой отъ довѣреннаго человѣка, или на основаніи испытанной честности. Отъ хозяина идутъ деньги небольшія, довѣріе маленькое: онъ уже самъ долженъ извертываться и изворачиваться, чтобы и на свой пай зашибить копѣйку. Толковый обыкновенно вкрадывается

сначала въ довѣріе хозяина и начинаетъ вести свои дѣла не шибко: ходитъ съ безмѣномъ и скупаетъ немного, что только можно ухватить подъ мышку, но чѣмъ дальше — тѣмъ больше. Бабы къ нему приглядятся, освоятся съ нимъ, а тамъ—долго-ли русскому человѣку побрататься со своимъ своякомъ. Молодцу довѣряютъ, съ молодцомъ ведутъ дѣла. У него завелась залишняя копѣйка на то, чтобъ угостить стариннаго опытнаго булыню. За штофъ выпытываетъ молодой отъ него всѣ тайны будущаго ремесла.

— Вотъ-де ты, говорятъ ему: не покупай льну мокраго, да не просушонаго; не ходи въ тотъ домъ, гдѣ большакъ самъ торговецъ, улучай поймать бабу: съ бабами сходнѣе дѣла имѣть...

— Мочки встряхивай хорошенько, чтобъ чище были отъ охлопковъ: коли попадется подъ руку трепало, такъ и самъ обей мочки, коли купить тутъ хочешь. Это опять хорошо и прибыльно, не то сбѣсятся съ жиру; а ты съ худобы сблагуешь.

— Сначала приглядись къ нитяному дѣлу: оно проще, толковитѣе; а потомъ, пожалуй, приступай и къ льняному, да слушайся—смотри—не перечь артели своей: тутъ рука руку моетъ; всѣ за-одно — хоть самъ пройдись по базарамъ, посмотри, какъ стоимъ за себя, словно за братьевъ-свойственниковъ. Опять же не дремли, пронюхивай... Въ деревняхъ-то со всѣми ведись, да всѣхъ знай.

Новый булыня мотаетъ на усъ всѣ наставленія стариковъ; безъ нихъ онъ бы пропалъ и съ руками и ногами. Въ слѣдующую же зиму онъ является въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ снискалъ довѣріе— и мѣряетъ пряжу смѣло, оставаясь въ полной надеждѣ утянуть въ свою пользу двѣ-три тальки пряжи, мотокъ или два кудели, которые, при окончательной перевѣскѣ у хозяина на вѣсахъ, разсчитываются обыкновенно въ его пользу и увеличиваютъ его мошну лишними гривнами и даже рублями. Ловкость булыни въ

этомъ случаѣ удивительна. Онъ, при, дальнѣйшей приглядкѣ къ дѣлу, часто поступаетъ на пропалую, рискуетъ платиться потерей довѣрія и собственными боками, но всегда выйдетъ чистъ изъ воды. Его выкупаютъ тѣ же закадышные пріятели, отъ которыхъ онъ выучивается снаровкѣ. Они готовы уступить ему свои деревни и потомъ въ тѣхъ, гдѣ прогорѣлъ ихъ товарищъ, пожалуй посудачатъ о немъ, поругаютъ за глаза, но съ нимъ же посмѣются на сходкѣ въ кабакѣ и еще ловчѣе подведутъ свою штуку подъ довѣрившихся, да еще и похвастаются ею, какъ бы дѣломъ обыкновеннымъ и законнымъ.

Булыню или въ конецъ загубятъ неудачи и онъ — навсегда бросаетъ свое ремесло, принимаясь за другое, или поступаетъ на хозяйскіе шофы и фабрику. А повезетъ булынѣ одноглазое счастье — онъ самъ глядитъ попасть въ хозяева. Начинаетъ порѣже заглядывать въ кабакъ, наливаясь до послѣдняго нельзя чаемъ въ городскихъ харчевняхъ, побранивая здѣсь и главнаго хозяина, и прикащика-воротилу. Если женатъ онъ — жена уже ходитъ въ шугаяхъ; сарафаны на ней ситцовые да кумачные, на крашенинные она и глядѣть теперь не станетъ, хозяйство правитъ изъ-за наемной работницы, а сама подъ-часъ ничего въ немъ не видитъ. Навѣдаются къ нему старые побратимы, онъ къ нимъ словно всѣмъ сердцемъ поворотился: не знаетъ гдѣ посадить, чѣмъ угостить; для нихъ — и другаго нужнаго человѣка — у него и самоваръ завелся, и чашечки съ воробья и съ надписями приличныхъ пожеланій. Угощая чаемъ, нѣтъ-нѣтъ да и ругнетъ онъ хозяина и рѣзко и зло, но какъ-будто къ слову, безъ умысла.

— Онъ, говоритъ, пузыри на глазахъ насыпаетъ, лежитъ на печи, словно тѣсто на опарѣ киснетъ; а у тебя Андроны ѣдутъ — Мироновъ везутъ, спина свербитъ, словно передъ баней,

не вѣдаешь — куды сунуться, во что кинуться... Кормитъ калачомъ, да по спинѣ наровитъ кирпичомъ...

— Добрый онъ, братецъ ты мой, человѣкъ! замѣтитъ иной разъ кто-нибудь изъ гостей.

— Воды не выжмешь, самъ поди, помнишь! Съ тобой же и было на скличкѣ-то, когда впередъ на подушное денегъ попросилъ. Я бы, братъ, послѣднюю рубаху далъ, по мнѣ это дѣло святое: вотъ какъ теперича вижу этотъ сахаръ... все едино!

Булыня обыкновенно не договариваетъ, а спѣшитъ глубоко вздохнуть, какъ-бы давая намекъ, что вотъ-де у меня какая душа широкая и сердце теплое: если хочешь — съ ногами полѣзай, будетъ мѣсто.

Иной гость заикнется про смиренство хозяина и его добрые обычаи, но разсерженный булыня и ихъ отвергаетъ:

— Смиренство его знамое смиренство: когда спитъ — безъ палки проходи смѣло; а про добрые-то обычаи — натощакъ не выговоришь. Да и упрямъ опять-же: ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ два ставитъ. На пусто-то николи не плюнетъ, а все — глядишь — норовитъ въ горшокъ, либо въ чашку. Стоитъ хозяина-то вашего подарить чорту, да незнакомому развѣ, чтобы назадъ не принесъ...

И вотъ, когда наступила вторая весенняя скличка, на которой хозяинъ-булыня раздаетъ воловыя деньги и свидѣтельства, ругавшій его булыня не явился. Хозяинъ наводитъ справки. Отвѣчаютъ:

— Самъ хочетъ хозяйствовать.

— Отъ себя по міру ходить. Что же, со всей дурости-то, али только съ полудурья надумалъ? шутитъ хозяинъ.

— Чего, говорятъ, съ полудурья: — выправилъ, слышь, и свидѣтельство на третью гильдію. Да это, говоритъ, такъ только: а то бы на вторую-молъ надо. Вотъ-молъ въ городъ скоро

переѣду, жить тамъ стану, новый сарай на сто трепаленъ выстрою: назову шофомъ и работниковъ скличу побольше хозяйскаго десятка...

— Да что это вы, ребята, въ глумъ ли говорите, али и въ заправду?

— Тебя, хозяинъ, пыталъ ругать, разшумѣлся—слышь, словно голикъ по полу — подвернулъ работникъ себѣ на умѣ. У,— костоватъ!—и работникъ покрутилъ головой.

— Умъ-то у парня не съ шило былъ, что говорить!—рѣшилъ хозяинъ, но не вѣрилъ слухамъ до-тѣхъ-поръ, пока не почувствовалъ самъ, что подъ бокомъ у него засѣлъ опасный сосѣдъ, который сгоряча-то и на-новѣ повелъ дѣла такъ бойко, что многихъ старыхъ булыней сманилъ къ себѣ и забралъ почти всю окольность. Зачѣмъ-то, сказывали, уѣзжалъ недѣль на шесть и вернулся домой въ лисьей шубѣ.

— Стало-быть нашолъ довѣрителей!—рѣшилъ прежній хозяинъ булыни. Давай ему Богъ!...

— А збойливая, братцы, собака все-таки изподтишка ѣстъ. Оказалъ мнѣ смиреніе — ну и поддался я, старый дуракъ, на соблазнъ. Правда сказана: съѣшь съ человѣкомъ пудъ соли, тогда только узнаешь его. Клалъ онъ стало-быть, какъ вытный прикащикъ, грошъ въ ящикъ, да пятакъ за сапогъ. Не оставьте, братцы, не покиньте!—За порукой я не стою!...

Прикащики дадутъ слово и сдержатъ, пожалуй, т. е. на первомъ же базарѣ начнутъ перебивать на залишнія хозяйскія деньги пряжу и ленъ, иной разъ и съумѣютъ это сдѣлать какъ нельзя лучше и удачнѣе. Новый хозяинъ даже можетъ увидѣть бѣду на вороту, но не поддастся ей, выдержитъ напоръ со славой.

— Это ли бѣда?—спрашиваетъ онъ. Бѣда изъ бѣдъ бѣдѣй всѣхъ бѣдъ, когда денегъ нѣтъ; а коли денегъ столько—что и

большой чортъ не унесетъ на себѣ, такъ нечего надрываться и кручиниться.

— Бейте, братцы, на перебой въ мою голову! — говоритъ онъ своимъ прикащикамъ и во всякомъ случаѣ или выгоритъ, подымется въ гору, если первымъ подастся соперникъ, или, при неровной, но усиленной борьбѣ, что называется надорвется — прогоритъ вмѣстѣ съ нимъ и закроетъ хозяйство. Тогда — ясное дѣло — изъ этаго перебоя выходятъ чистыми одни перебойщики, отъ изворотливости которыхъ зависитъ самимъ сдѣлаться хозяевами, начиная съ мелкаго крохоборничества до большаго дѣла на трепальняхъ и ткацкихъ станахъ въ шофахъ.

Задорный, хотя и прогорѣвшій булыня — хозяинъ (если здоровье еще прыщетъ въ немъ и гомозится рискъ) не скоро угомонится, не скоро поддастся неудачамъ. Испытавъ ихъ въ булынномъ промыслѣ, онъ поспѣшитъ приняться за другое, болѣе надежное и не шаткое.

Упорно сидитъ онъ въ избѣ, пилитъ, строгаетъ, почти никуда не выходитъ: вотъ онъ выстрогалъ саженный шестъ — лучокъ, толщиной вершка въ полтора. На обоихъ концахъ его придѣлалъ двѣ кобылки: одну большую, другую поменьше. Въ большой наружную сторону сдѣлалъ потолще, прорѣзалъ въ ней жолобокъ и накрылъ его кожанымъ ремнемъ, объяснивъ ребятенкамъ, что этотъ ремешокъ называется наволочкой. Прикрѣпивъ эту наволочку крѣпкими бичевками къ большому шесту — лучку, онъ натянулъ струну, за которой нарочно сходилъ въ городъ. Настрогалъ тоненькихъ лучинокъ и связалъ ихъ веревочками въ возможно-мелкую рѣшотку, длиной въ полтора аршина. Затѣмъ обточилъ онъ изъ березоваго полѣна тоненькій брусочекъ — катеринку. Съ одного конца выдолбилъ въ немъ дыру, чтобъ можно было ухватиться большимъ пальцомъ, съ другаго надѣлалъ зарубочекъ въ родѣ пилы; потомъ выстрогалъ другую де-

ревянную палочку, которую сносилъ въ кузницу и тамъ придѣлалъ къ ней желѣзный наконечникъ.

Палочку эту или пику онъ приладилъ къ рѣшоткѣ. Потомъ, смотрятъ домашніе, мастеръ уперъ эту пику однимъ концомъ въ стѣну, другимъ въ рѣшотку, отъ чего та скрипнула и выгнулась въ полукружье; тутъ же привязалъ онъ къ низу рѣшотки холстинную сѣтку и весело улыбнулся. Велѣлъ бабамъ нести скорѣе изъ голбца остатки шерсти, класть ее на рѣшотку и смотрѣть на его мастерства шерстобитню. Новый шерстобитъ приладилъ узенькій ремешокъ — подкладокъ, забилъ его подъ наволочку, кобылка приподнялась, натянула струну, мастеръ дернулъ по струнѣ зубцами катеринки, но струна подалась плохо, какъ-то задребезжала, нужно было опять поправить подкладокъ...

Струна ударила сильно и густо, и пошла гудѣть на всю избу; ребятёнки запрыгали на одной ногѣ, бабы усмѣхнулись въ рукавокъ и обступили торжествующаго мастера. Онъ двинетъ по струнѣ катеринкой: струна застонетъ; ударитъ по шерсти: взобьетъ ее, выровняетъ. За рѣшотку летитъ уже на полъ негодная пыль, или соръ-подрѣшотка; на рѣшоткѣ остается шерсть пушоная, кудрями... Бабы снимаютъ ее въ кузовья; мастеръ смотритъ гордо и торжественно. Бабамъ уже не до-смѣху, только одни ребятёнки продолжаютъ прыгать на одной ногѣ; а струна все гудитъ да стонетъ, а кузовъ—полнѣй да полнѣй.

Мастеръ съ радости забѣжалъ въ питейный, поздравилъ себя и цѣловальника съ новымъ ремесломъ, и послѣ Кузьминокъ на овчаря взвалилъ шерстобитню на плечи, обмотавъ струну тряпицей, и пошолъ мѣрять версты отъ деревни до деревни, гдѣ надобно шерсть взбивать и пушить. Здѣсь станетъ онъ снимать подрядъ по полтинѣ съ лукошка; здѣсь удивятся ему и, пожалуй, обрадуются, какъ человѣку давно знакомому, давно-невиданному, хотя ужъ и не былинѣ, а горемычному волнотёпу.

Разъ пройдется онъ весной, когда сбиваютъ шерсть однострижку — ста́ричну. Если есть у него досугъ — пройдетъ и въ другой разъ по лѣту, когда готова двустрижка, и непремѣнно бродитъ въ Кузьминки, когда разбиваютъ руно двухъ-годовалыхъ овецъ или пушатъ поярокъ: молодыхъ первачковъ-ягнятъ. Походитъ онъ волнотепомъ много два года, на третій увидитъ, что, ремесло это не сытно кормитъ, благо—поправило немного бѣду хотя и не избыло ее совсѣмъ въ таръ-тарары, да и съ его ли задоромъ щолкать струной и стоять у полтиннаго подряда съ дому?

Толковая сметка подмываетъ его пуще прежняго; а недавно покинутое ремесло булыни стоитъ передъ глазами какъ живое, только въ новомъ свѣтѣ и при иной обстановкѣ: привычка беретъ верхъ, кропотливое досужество приходитъ на выручку и старый булыня изъ волнотеповъ незамѣтно превращается въ скупщика, но только не льну, а залишной шерсти. Онъ порывается открыть новое хозяйство и кое-какъ, въ долгъ да въ поколоть, достигаетъ цѣли.

Сначала онъ заводитъ прялки и самъ и жену заставляетъ выпрядать на нихъ шерсть. Шерсть эту продаетъ онъ или на базарахъ, или по домамъ, или на фабрики въ нитках, а часто и въ чулкахъ, въ варежкахъ и въ прочемъ. Онъ уже знаетъ, что ту шерсть, которая пойдетъ на утокъ, сначала расчосываютъ гребнемъ, а потомъ натираютъ масломъ, а ту, которая годна для основы, моютъ только мыломъ. Мало-по-малу знакомится старый булыня съ валяльнымъ дѣломъ, приспособляется различать доброту шерсти, какъ той, которая снята со спины, такъ и той, которая обстригается съ горла и подбрюшины. Онъ давно уже знаетъ, что осенняя шерсть—руно и мягче, и тоньше, и гуще, курчавѣе весенней; что пуша, снятая съ молодыхъ овецъ—ярокъ, самая мягкая, самая нѣжная шерсть.

Остается ему завестись небольшимъ хозяйствомъ: смастерить

катокъ, на которой будетъ наматывать шерсть, купить стальной гребень, который передъ расчисткой шерсти онъ будетъ накаливать въ печи до-красна, и обзавестись скребачомъ—желѣзными граблями. Скребачомъ валяльщикъ вспушитъ сначала шерсть, потомъ навернетъ ее на катокъ и будетъ повертывать до-тѣхъ-поръ, пока слой шерсти не превратится въ сплошной, плотной войлокъ. Войлокъ этотъ онъ будетъ сращивать — загибать края вмѣстѣ, чтобъ образовать сапогъ, и потомъ начинаетъ катать, плотя сапогъ, т. е. накладывая новые клочки шерсти на тонины (гдѣ мало шерсти). Затѣмъ дѣлаетъ сростку или шовъ и начинаетъ стирку. Въ желѣзномъ котлѣ кипятится вода до ключеваго боя, и жамкается вывернутый на изнанку сапогъ съ головы, закатываемый взадъ и впередъ до половины голенища. Если дѣлается подъемъ не ниже трехъ вершковъ, а носокъ вытянется въ полтора—валяный сапогъ готовъ. Онъ идетъ купцамъ на продажу. Бѣлый натирается мѣломъ и стоитъ дороже, чорный для прочности обсоюзивается кожей и носится бережливымъ хозяиномъ зимы три или четыре...

Въ новомъ ремеслѣ стараго булыни нѣтъ перебоя, хозяйство его идетъ ровнымъ гладнемъ. Тутъ работа не базарная, а домашная и, большею частью, по заказу отъ состоятельныхъ купцовъ и барышниковъ. Валяльщикъ ремесло свое чуть только въ могилу не уноситъ съ собою. Недругъ его не укуситъ, какъ ни точи зубы, была бы только у него устойка въ дѣлѣ, вскакивалъ бы онъ горошкомъ на дѣло свое. Встань эта мужика кормитъ, лѣнь только портитъ. Недоброму, завистливому человѣку долго приходится ждать: у людей голова кругомъ,—а у него еще и не болѣла.

Маляръ.

Питерщики-пришельцы столичнаго города изъ разныхъ губерній Россіи, составляютъ, какъ извѣстно, большую половину всего городскаго населенія. При этомъ самое большое число захожихъ работниковъ получаетъ Петербургъ не изъ сосѣднихъ губерній, какъ бы слѣдовало ожидать, но изъ болѣе отдаленныхъ. Ближайшія высылаютъ преимущественно чернорабочихъ, таковы всѣ пришельцы изъ городовъ и уѣздовъ Петербургской губ. и изъ губерній Новгородской и Псковской. Отдаленныя губерніи выставляютъ своихъ представителей всегда съ какимъ-либо искуствомъ-мастерствомъ и спеціальными знаніями по роду промышленности и ремеслъ, усвоенныхъ извѣстными урочищами или мѣстностями разнообразной Земли Русской.

Вся масса пришлаго изъ Россіи въ Петербургъ люда, къ 1868 году, равнялась 539,122. Въ этомъ числѣ мущинъ— 313, 443 и женщинъ 225,679.

Въ этомъ случаѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ губерніи: Ярославская, Тверская и Костромская. Затѣмъ слѣдуютъ въ строгомъ порядкѣ постепенности: Новгородская, Рязанская, Псковская, Калужская, Лифляндская, Московская, Смоленская, Витебская, Вологодская, Курляндская и Эстляндская, Олонецкая, и Архангельская.

Съ крайнаго востока, юга и юго-запада приходитъ народа такъ мало, что не стоитъ и упоминать о томъ. При этомъ многія изъ губерній высылаютъ людей какого-либо одного занятія

преимущественно передъ другими. Вотъ какъ сказывается это по точнымъ статистическимъ вычисленіямъ:

Извощики (ломовые и легковые) приходятъ большею частію изъ губ. Петербургской, затѣмъ Тверской, Рязанской, Новгородской, и наконецъ, Калужской. Портные—или Петербургскіе уроженцы, или Ярославцы и Тверяки. Въ сапожникахъ всего больше Тверяковъ (Кимряковъ); между столярами-Костромичей. Плотники либо Костромичи, либо Тверяки исключительно. Кузнецы-Ярославцы и Тверяки. Обойщики-Ярославцы. Печники либо Ярославцы, либо Костромичи. Шапошники и шляпники-Костромичи и Ярославцы. Половина садовниковъ и огородниковъ-Ростовцы; мѣдники-также Ярославцы. Ярославцовъ же всего больше въ штукатурахъ; въ каменьщикахъ—Вологжанъ и Смоляковъ, въ скорнякахъ также все Ярославцы (Романовцы) и Калужане; полотеры—Воложане, и т. под.

Маляры всей своей массой принадлежатъ Костромской губерніи (а потому для обрисовки питерщика и взятъ этотъ типъ ремесла); на Костромичей приходится 43%, на Ярославцовъ (которыхъ также очень много) 12% и на Новгородцовъ 4%, всѣхъ маляровъ столицы. Поселяются они на жительство всего больше въ Ямской и около Сѣнной и весьма не любятъ жить въ такихъ отдаленныхъ частяхъ города, какъ сторона Выборгская и Пески. Маляры, не ушедшіе въ побывку на родину, какъ извѣстно, на осеннее время превращаются въ стекольщиковъ.

На петербургскихъ улицахъ разыгрывались обыкновенныя будничныя сцены: проѣхала карета съ опущенными сторами, коляска съ поднятымъ верхомъ; пѣшеходы идутъ съ утомленными, красными лицами; барыня, съ зонтикомъ, обмахивается батистовымъ платочкомъ и повременамъ утираетъ лицо. За какимъ-то толстякомъ плетется огромный водолазъ, высунувъ на полъ-аршина красный и сухой языкъ; извощикъ провезъ кого-то съ огромнымъ зонтикомъ; другой извощикъ хитро улегся на своемъ калиберѣ, оборотившись спиной въ ту сторону, откуда припекало жгучее солнце; дворники поливаютъ улицу, въ надеждѣ угомонить ѣдкую и несносную пыль, поднимаемую и экипажами и самими дворниками.

Съ противоположныхъ сторонъ улицы сошлись два человѣка: оба мастеровые, потому-что оба запачканы краской, но съ тѣмъ главнымъ различіемъ, что одинъ почти весь бѣлый и рубашка бѣлая, тогда какъ на рубашкѣ и фартукѣ другаго замѣтно преобладаніе двухъ цвѣтовъ: чернаго и зеленаго. У перваго на лицѣ бѣлильныя крапинки, у втораго-жолтая полоса между лѣвымъ глазомъ и ухомъ, оба въ пуховыхъ шапкахъ. У перваго въ рукахъ огромная кисть и ведерко, а сзади за поясомъ скирка; у разноцвѣтнаго нѣтъ ничего и даже сапоги его замѣтно получше и показистѣе. Первый непремѣнно штукатуръ,—Ярославецъ, вто-

рой — маляръ, можетъ быть, Костромичъ, т. е. Чухломецъ. Узнать и это не трудно: стоитъ только прислушаться къ разговору, который завязался у нихъ, послѣ того какъ они сошлись и поздоровались. Остановившись посреди тротуара, мастеровые потрясли-покачали руками, оглянули другъ друга съ головы до ногъ, по обычаю, и улыбнулись.

— Куда путь-дорога? спросилъ штукатуръ.

— Къ домамъ пробираюсь, хозяинъ послалъ, вишь парнишко у насъ больно захворалъ, отвѣтилъ маляръ.

— А давно хвораетъ? опять спросилъ штукатуръ.

— Да вечоръ еще въ лавочку бѣгалъ за квасомъ.

— Ну а дѣла-то твои какъ? у стараго хозяина живешь?... все у того-то... у рыжаго?

— У него еще пока.

— Прощай!

— Прощай, землякъ; заходи когда къ намъ.

Мастеровые разошлись и не оглянулись.

Одинъ въ разговорѣ сильно напиралъ на *о*, даже слишкомъ, что называется, пересаливалъ; другой какъ-то тянулъ слова и округлялъ фразу совершенно инымъ образомъ, чѣмъ первый, который говорилъ отрывисто и какъ бы нехотя; напротивъ, маляръ говорилъ такъ, какъ-будто онъ любитъ говорить, и ему это очень пріятно. Какъ бы то ни было, только давно уже извѣстно здѣсь, что плотники — Галичане, штукатуры — Мышкинцы, огородники — Ростовцы, колбасники — если не Нѣмцы, такъ непремѣнно Угличане, сидѣльцы въ питейныхъ и портерныхъ — Рязанцы, т. е. дѣдновскіе макары и проч. Такъ и маляръ, если не Ярославецъ то почти всегда Чухломецъ.

Какъ же онъ попалъ сюда? Да очень просто. Издавна завелся этотъ обычай ходить на заработки въ столицы; знаетъ объ этомъ вотъ хоть бы и Дементій Сысоевъ, у котораго стар-

шій парнишко изъ годковъ выходить сталъ:—двѣнадцать минуло. Дай-ко я пущу его на чужую сторону; кромѣ добра, худа не видно изъ этого.

— Слышьте-ко ребята, говорилъ онъ питерщикамъ, когда тѣ снова въ Великомъ Посту собрались на заработки въ столицу: не возьмете ли моего Петруньку съ собою, можетъ пригодится?

— Ладно, дядя Дементій, пожалуй! Да вотъ, вишь, въ чемъ главная-то причина: намъ, признаться сказать, на своихъ харчахъ вести его въ Питеръ совсѣмъ не рука, — самъ знаешь это. Кабы вотъ ты далъ намъ пособьишко что ли какое—маху бы не дали и дѣло статочное было. Лиха бѣда до Питера дотянуть, а тамъ все беремъ на себя и найдемъ парню мѣстишко. Да вотъ нѣшто не возьмешь ли ты, Егоръ Кузьмичъ?—говорили свояки, обратясь къ тому маляру, который уже другой годъ ходилъ отъ себя и собирался тоже сдѣлать и на это лѣто.

— Отчего не взять парня? Человѣкъ не лишній, коли еще пользы нѣтъ въ этомъ. Собери да и по рукамъ.

Сборы эти не долги: въ назначенной день отецъ уже прощается съ сыномъ.

— Полно, бабы, ревѣть! Вѣдь ни на вѣсть какое дѣло, что въ люди парень идетъ, на путь на дорогу. Собирайся, Петруня, не гляди на бабьи-то на слезы: тоску только нагоняютъ и ничего путнаго. Вѣдь не на смерть идешь, и то сказать: коли Богъ грѣхамъ потерпитъ, — не далека вѣха: годка черезъ два придешь на побывщину, и опять, стало, свидимся. Тоже слово бабы, — да не такъ молвятъ! Нишните же, говорятъ! Дѣло толкомъ не дадутъ молвить: ишь вѣдь благо дорвались и обрадовались! — И большакъ сердито топнулъ ногой, желая прекратить громкія причитыванья домашныхъ.

Парень оболокся: туго-на-туго подпоясалъ овчинную шубу и накинулъ сверху заплатанный кафтанишко; мать сунула ему за

пазуху кое-что изъ съѣстнаго, а сама встала въ сторонку между золовками и невѣстками. Подпершись локоткомъ, бабы какъ бы поджидали снова того времени, когда можно будетъ опять напутствовать парня посильными криками.

Большакъ сѣлъ на лавку подлѣ стола и усадилъ бабъ, громко прикрикнувъ:

— Садись-ко вотъ лучше, да пора и прощаться съ Петруней!

Въ избѣ наступила тишина. Молча отецъ поднялся съ лавки и началъ молиться иконамъ, подавая примѣръ и остальной семьѣ. Кончивъ поклоны, онъ обратился къ сыну:

— Ну, прости, Петруня, прости нашъ голубчикъ, — не забывай же, смотри, стариковъ: грѣхъ тебѣ будетъ и никакого талану. Отписывай ты намъ, да почаще смотри, какъ ты тамъ умѣстишься. Да коли надо чего, повѣсти только: все тебѣ справимъ по твоему пожеланью...

И не утерпѣлъ старикъ: проелезился и самъ, когда началъ надѣвать створчатый мѣдный образъ, которымъ давно-давно благословилъ умиравшій отецъ его — дѣдушка будущаго питерщика.

Тутъ въ избѣ опять начался плачь, на который чуть ли не вся деревня собралась въ Деменьтьеву избу.

— Ишь, никакъ Петрушка-то Коряга въ Питеръ собирается? говорили другъ другу сосѣди и валомъ валили посмотрѣть на такое диво.

Виновникъ всего этаго прощался со своими и, тихо всхлипывая, пошолъ къ выходу, прощаясь на пути и съ чужими. Дошолъ Петруха до дверей, да и вспомнилъ, что маленькая сестра, разбросавши ручонки, спитъ на материной постели за переборкой.

— Какъ, думаетъ онъ, не повидать на послѣдяхъ сестренку: вѣдь почти что самъ ее вынянчилъ: все, бывало, на закоркахъ таскалъ и кормилъ чѣмъ ни попало. Вотъ и теперь вся черникой замарана.

Любилъ Петрунька сестру, да и она не оставалась неблагодарною: вчера еще гдѣ-то пряниковъ достала, пришла въ избу и протянула ручонку: „на вотъ, возьми, говоритъ, съѣдимъ вмѣстѣ, ты для меня ничего не жалѣлъ.“ Вспомнилъ онъ это и, простившись съ сестрой, перемѣнилъ свои сдержанныя слезы на сильную икоту: пошолъ снова къ дверямъ и начало его подергивать. А бабы-то, бабы-то!...

— Ну ладно никакъ, Дементій Григорьичъ, пора, кажись, эту оказію порѣшить!.. Садись-ко Петруха вотъ такъ-то: хорошо будетъ! Прощай, дядя Михѣй!.. Прости, тетка Орина!.. Марья Тереньтьева, прости, матушка!.. не поминайте лихомъ!.. Эй, ну, сивко! трогай!.. И возъ питерщиковъ, трускомъ, потянулся на выгонъ, за деревенскіе овины и бани.

Смотришь тамъ рысцой да пѣшечкомъ, да на чугункѣ сидя, добрались маляры и до Питера. Разошлись они по своимъ мѣстамъ, куда кому линія шла, а Егоръ Кузмичъ поплелся съ новобранцомъ въ свой уголъ на Васильевской островъ, къ Смоленскому кладбищу.

Здѣсь то вотъ и началось ученье Петрушки, пока онъ не сдѣлался Петромъ Дементьевымъ, то-есть пока не кончилъ ученья.

Время это подошло незамѣтно, но для ученика чрезвычайно ощутительно. Во первыхъ потому, что былъ онъ въ ученьѣ, а во вторыхъ оттого, что имѣлъ учителя. Извѣстное дѣло, что хозяинъ ему не давалъ ни въ чемъ потачки, хотя на первыхъ порахъ ученикъ и былъ словно бука — тише воды, ниже травы. Сидитъ въ углу, насупившись: словно впервые въ свѣтъ Божій вглядывается и все ему чуждо. Заставитъ дѣло хозяинъ дѣлать, такъ точно машина какая: третъ ему краски, болтаетъ въ ведеркѣ мѣлъ и не обернется, не броситъ дѣла, пока не крикнетъ хозяинъ и не велитъ оставить. Спросятъ ли о чемъ — отвѣту не даетъ никакаго; скажетъ слово, да и то все не впопадъ.

Мальчишки задѣнутъ, — схватитъ щепку, да и мѣтитъ въ задорныхъ, того и гляди въ лобъ или глазъ попадетъ: не вяжись-де ко мнѣ, коли незамаю.

Послалъ его хозяинъ не то въ лавочку за квасомъ, не то въ питейное за очищенной: идетъ онъ по панели и видитъ — какой-то баринъ, въ сертукѣ и безъ шапки, стоитъ въ дверяхъ нижняго жилья и слышитъ Петруха, какъ зоветъ его баринъ и машетъ рукой.

— Эй, малецъ! — ходи немножко ко мнѣ!

Петруха ни слова въ отвѣтъ,—не спросилъ зачѣмъ и нужно, и даже не противился, когда два молодца, въ сертукахъ и съ ножницами, схватили его подъ руки, посадили на стулъ и начали щипать кто за високъ, кто за вихоръ; досталось даже и уху и затылку. Окарнали до-чиста хохлатую голову, нагородили лѣстницъ и пустили къ хозяину.

А между-тѣмъ это дѣло было не послѣдней важности и вотъ почему: любилъ озарникъ-хозяинъ показать Петрухѣ, какъ колбасники щетину щиплютъ и все, бывало, на его затылкѣ упражняется. А не то схватитъ, обѣими ладонями за виски, да и велитъ Москву смотрѣть: не видать ли Ивана Великаго. Да еще подсмѣивается: — можетъ, говоритъ, туманомъ позаволокло, такъ и не видно. Тутъ бы и кстати, что ученики—цирульники удружили, такъ шутникъ-хозяинъ новую штуку придумалъ: схватитъ за носъ, либо за ухо, да и спрашиваетъ: чей носъ? Тутъ какъ ни отвѣтишь, — все не ладно; надеретъ ухо до того, что слеза прошибетъ и больно станетъ.

Особенно участилъ эти шутки хозяинъ съ той поры, какъ ученикъ, по его мнѣнію, сталъ поосперяться и поосматриваться. Пойдетъ бывало за дѣломъ, да и толкается у колоды и слушаетъ о чемъ толкуютъ дворники, а тамъ началъ задѣвать и встрѣчнаго мальчишку — сапожника; разъ до того осерчалъ, что по-

ставилъ посудину со скипидаромъ къ тумбѣ, да и началъ сажать сапожнику подъ микитики: не замѣтилъ даже, какъ какой-то прохожій схватилъ посудину, да и далъ тягу. Какъ же тутъ не серчать хозяину, и не учить парня уму-разуму? Затѣмъ вѣдь и взялъ: извѣстное дѣло!

Но вотъ хозяинъ сталъ Петруху брать съ собою на работу и показалъ ему диковинный городъ, весь какъ есть на лицо. Что ни шагъ, то новость молодцу: на каждомъ углѣ только и видно, что навѣсецъ съ маковниками, пряниками и разными соблазнительными сластями. И продается-то, сколько замѣтилъ Петруха, по разницѣ и не слишкомъ чтобы дорогой цѣной: можно купить и на грошъ, можно и на три копѣйки. А тутъ вотъ тебѣ баба сидитъ на тычкѣ — на боевомъ мѣстѣ, гдѣ народу рабочаго много ходитъ, охотниковъ поѣсть и сердито, и дешево. Словно сорока щебечетъ она то съ тѣмъ, то съ другимъ; а народу обступило ее таки-очень на порядкахъ: знать диковинное дѣло показываетъ. Не утерпѣлъ и Петруха, чтобъ не посмотрѣть, что такое продаетъ она и расхваливаетъ. Подняла баба чорную тряпицу и хоть чихнуть такъ впору: пронесся парокъ и защекоталъ въ носу чѣмъ-то какъ будто жаренымъ. Присѣли зрители на корточки и словно ни живы, ни мертвы отъ нетерпѣнія; присѣлъ вмѣстѣ съ ними и Петруха, и купилъ бы онъ, да денегъ-то больно мало: —ровно ничего. Вынула торговка большой кусокъ сычуга, разрѣзала на кусочки, сгребла въ руку и подала первому счастливцу, который тутъ же и истребилъ вкусное кушанье. И видитъ Петруха, какъ потянулся счастливецъ-плотникъ въ другой разъ, и досада Петруху беретъ, что плотникъ еще спорить началъ, когда кусокъ ему показался что-то очень чоренъ.

— Толкуй съ тобой глупымъ, а еще плотникомъ зовешься, дома рубишь! — щебетала торговка: словно въ первый разъ сычуги-то ѣшь — не знаешь, что это-то самый сочный и есть:

вишь какъ облѣпило, — и подливки не надо. Бери-кось небось экую мякоть, а не то опять въ чугунъ опущу, да прихвати сольцы, хоть и солила дома. Вѣдь на вашего брата не угодишь.

А сама суетъ ему кусочки въ руку, да о какомъ-то скусѣ толкуетъ; выхватилъ тотъ изъ кармана морковь, да и началъ закусывать.

— Ишь какъ уплетаетъ! — думалъ Петруха и щолкалъ языкомъ, набивая смаку и слѣдя за торговкой. Вона солдатъ пришолъ!.. Знать знакомый — даромъ даетъ. Эхъ, кабы пятиалтынникъ, али гривенникъ: всю бы корчагу съѣлъ!.. кажинный бы день ходилъ, — все бы ѣлъ!..

И просидѣлъ онъ тутъ до послѣдняго куска и долго смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжавшей торговкѣ.

— А тутъ рядомъ другая: тоже съ корчагой и на тележкѣ, и кричитъ она проходившему каменщику:

— Эй поди-ко, дядя, за копѣйку горло отрѣжу?

Оглянулся дядя, посмотрѣлъ на торговку, проворчавъ что-то подъ носъ и пошолъ дальше.

Петруху мучатъ соблазны на каждомъ шагу вплоть до хозяйской квартиры: то квасъ малиновый продаютъ, то сбитенъ пьютъ съ молокомъ и съ булкой. Тамъ мастеровые какіе-то сѣли на калиберъ и дѣлятся съ извощикомъ рѣпой.

— Вотъ тутъ, думаетъ онъ, и живи въ ученикахъ, да ходи въ городъ; хоть бы хозяинъ-то переѣхалъ сюда, — все-бъ, гляди лучше было. Да нѣтъ, поди, не послушаетъ онъ меня, коли переговорить съ нимъ объ этомъ, да еще того гляди, Москву покажетъ. Э, ну, его!... все онъ съ своимъ показываньемъ — нали надоѣлъ совсѣмъ: — словно потолковѣй чего не найдетъ!...

Думалъ, да гадалъ Петруха, и наконецъ-таки напалъ на то, чего ему надо: рѣшилъ во что бъ ни стало достать себѣ денегъ

и прямо къ пріятелю — мальчишкѣ, съ которымъ свелъ недавную дружбу въ лавочкѣ.

— Какъ бы, Матюха, хошь пятакъ достать? а то, братъ, хочется сладкаго, а купить не на что. Стянешь вотъ морковь съ шестка у хозяйки, коли выйдетъ изъ фатеры, да того гляди увидятъ и выжмутъ тебѣ ее сокомъ? Гдѣ ты берешь, паря: у тея завсегда почти деньги есть?

— Я-то гдѣ беру? да либо бабки продаю, либо бутылки эти хозяйскія, мѣняю. У насъ, братъ, не то что у вашего хозяина: добра много. Къ намъ, братъ, все разные господа купечество ѣздятъ?—Работы много, такъ большія, вишь, и дѣла ведемъ. Пріѣдутъ, да все меня, вонъ въ угольной погребокъ и посылаютъ. По три копѣйки, братъ, даютъ въ погребѣ-то,— хвастался сосѣдъ-мальчишко.

— Не возьметъ ли меня, Матюха, хозяинъ-отъ твой?

— Ладно, коли хошь, я похлопочу. Будетъ говорить, — замолвлю словечко. Да у насъ, вишь, все артельный Иванъ Прохоровъ дѣлаетъ, всѣмъ онъ и завѣдуетъ. Работники у насъ народъ хорошій; только дѣло свое знай, да сполняй все, что тебѣ укажутъ. Да и ты, поди, краски натирать умѣешь, клей разведешь и бѣлила размѣсишь. Вотъ вѣдь и все, коли хочешь знать! А я съ тобой не прочь подружиться: давай-ко вотъ такъ.

Матюха взялъ руку новаго друга и, покачавши ее, продолжалъ опять покровительственнымъ тономъ:

— Ладно, ну!... ладно!... похлопочу: — только вишь у насъ больно крутъ артельной Иванъ Прохоровъ.

— Ишь, какъ у нихъ знатно! Попрошусь-ко пойду къ Егору Кузьмичу—не отпуститъ ли къ нимъ: ему, кажись, все одно и безъ меня будетъ. А тамъ бутылки бы вмѣстѣ съ Матюхой продавали!—рѣшилъ этимъ Петруха и попросился у хозяина, но, конечно, получилъ отказъ съ неизбѣжнымъ показаніемъ, какъ

кухарки рябчиковъ, да куръ щиплютъ: пора-де, глупый, баловства остановить, семнадцатый годъ пошолъ. А не то, такъ вотъ-де штука, какъ Чухонцы масло ковыряютъ.

— Такъ, говоритъ хозяинъ, возьмутъ снизу, да и ведутъ-ведутъ, да и ковырнутъ: тебѣ вишь больно, а маслу-то ничего.

— Ну, нѣтъ! думаетъ Петрушка: коли на то пошло, хозяинъ, такъ больно ты бьешь, хоть на разумъ наводишь.

И началъ съ-тѣхъ-поръ заговаривать Петруха съ хозяиномъ и довольно частенько: придетъ къ нему и стоитъ, почесываясь.

— Егоръ Кузьмичъ!

— Что, небось, опять къ сосѣдскимъ?

— Нѣту, Егоръ Кузьмичъ, не хочу, что правда то правда: много доволенъ!... Дай, хозяинъ, пятакъ на баню.

Получитъ пятакъ, да и купитъ три банки мочонаго гороху: если дѣло зимой, или краснаго крыжевнику, если дѣло въ урожайное лѣто. Тамъ, глядишь, опять:

— Егоръ Кузьмичъ!

— Что тебѣ надо?

— Дай я твой полштофъ—отъ, что въ шкафѣ стоитъ, отнесу назадъ!

— А Москву видалъ?

— Видалъ, братъ Егоръ Кузьмичъ отвѣтилъ Петрушка, и спрятался за дверь. Но полштофъ таки взялъ и уже стоялъ на рынкѣ и щипалъ киту гороху зеленаго, да запивалъ его сбитнемъ. А послѣ:

— Скипидару, Егоръ Кузмичъ, налилъ: вишь, бѣлила надо было развести, поставилъ полштофъ-отъ на лѣстницѣ, да вонъ изъ тово дома пришла кошка, и разбила. Коли не вѣришь, осколки тутъ валяются, самъ посмотри!

— Егоръ Кузьмичъ!

— Опять дуришь, сорванецъ эдакой!

— Вахреневскіе ребята приходили давѣ; бають, коли хозяинъ съ работы придетъ, посылай скорѣй къ намъ. У нихъ, вишь, Евсей именинникъ сегодня.

— Ну ладно же, смотри сиди дома; не забѣгай далеко, да и свѣчей не зажигай, а то знаешь манѣры мои?

Съ этими словами хозяинъ ушолъ со двора и пришолъ уже довольно поздно, приведя съ собой двоихъ, изъ которыхъ только одного узналъ Митька, другой совсѣмъ былъ незнакомый и одѣтъ довольно чисто: въ сертукѣ коротенькомъ, при часахъ, и папиросы куритъ.

На другой день Петруха уже разсказывалъ своему пріятелю Мотькѣ, слѣдующую исторію:

— Хозяинъ-отъ мой, слышь, пришолъ; смотрю я на него. „Вонъ бери, говоритъ, Иванъ Прохорычъ, бери этого молодца! Поди, Петрунька, сюда.“ — Вишь, ужъ они совсѣмъ въ переводъ сладили: я завтра перехожу, а хозяинъ опосля обѣщался — съ фатерой, вишь надо, говоритъ, раздѣлаться! Гляжу, они оба цѣлуются, да обнимаются, а вашъ-отъ жметъ моему руку. „Небось, говоритъ, не оставимъ: не впервые съ тобой хлѣбъ-соль ведемъ; свои, говоритъ, земляцкіе. И кто тебя, говоритъ, подрядъ-отъ эдакой снять сунулъ, да и работниковъ-то, говоритъ все выжегу нанялъ: у насъ не жили, — къ тебѣ пришли“, говорилъ вашъ-отъ, самъ головой качаетъ. Я стою около печи и все слышу: весь разговоръ-отъ ихъ взялъ въ толкъ. Вишь, нашему-то хозяину подошло то, что хоть по міру ходить, а запрежъ козырялся; цѣлый заводъ, говоритъ, на подрядъ сниму и тебя, говоритъ, Петрунька, артельнымъ старостой сдѣлаю. А самъ въ-тѣ-поры ухмыляется. Вотъ вишь, Матюха, они и порѣшили къ вамъ; завтра совсѣмъ перейдемъ!

Немногимъ чѣмъ лучше стало Петрухѣ у новаго хозяина, только можетъ быть больше перепадало на его долю того балов-

ства, о которомъ мечталъ онъ. Все-таки незамѣтно протекло и для Петрухи время его ученичества, и видитъ артельный, что молодецъ и ведро окраситъ не хуже другаго, и фигуры наведетъ на полу по трафареткѣ, если заставятъ, и со шпалерами сладитъ.

— Могимъ и это сдѣлать тепереча, хвастался Петруха товарищамъ. Лиха бѣда въ шпалерѣ конецъ найти, да надумать, какая фигура къ какой идетъ, коли наставочку придется приложить. Да что, хоть бы и другіе ребята: тоже иной разъ артельнаго спрашиваютъ! Что жъ что вывѣски пишутъ? и я бы писалъ, какъ бы грамотѣ-то хоть маленько мароковалъ. Картины, вишь, на вывѣскахъ берутся наши ребята писать, — эдакъ-то и я возьму, да что толку-то: принесешь, —приругаютъ только; вонъ какъ было съ Матюхой, да еще и вывѣску-то цирюльникъ назадъ отдалъ. Глаза, слышь, словно очки вывелъ, да и носъ-то, толкуетъ, не тутъ посадилъ.

Смиренно сознавался Петруха въ своемъ неумѣньѣ исполнять живописную работу, но въ тоже время получилъ отъ хозяина первую мѣсячную плату за житье въ работникахъ, и незамѣтно перешолъ онъ за тотъ предѣлъ, дальше котораго нѣтъ уже ни пинковъ, ни щелчковъ хозяйскихъ: пришла пора самому о себѣ радѣть и стараться.

Между-тѣмъ подошла масляница со своими самокатами, райками, паяцами, пушечной пальбой и другими затѣями. Сказалось это время и мастеровымъ ребятамъ: крѣпко захотѣлось имъ позѣвать на потѣхи; ктому же работу шабашили. Но вѣдь вотъ бѣда: худая гулянка безъ денегъ, а ихъ-то у всѣхъ ребятъ, что называется, только такъ.

Собрались они въ кучку и калякаютъ, какъ бы дѣлу ходъ дать, чтобъ и самимъ любо было, да и хозяина не обидѣть, какъ выразился Матюха. Но гдѣ же достать денегъ, какъ не у хозяина? И тутъ бѣда: одинъ на баню, да на отсылъ забрал-

ся столько, что чуть ли не всю зиму придется жить задаромъ; другой пошолъ бы просить, да армякъ когда-то шить задумалъ и взялъ на это деньги, но хоть армяка и не купилъ, а завелъ сапоги личные, да гармонію за двугривенной, а все-таки денегъ нѣтъ, да и за хозяиномъ всего тоже очень немного. Думалъ-было и Петруха какъ дѣлу пособить, да видитъ и ему не везетъ; недавно денегъ просилъ на отсылъ, а часто безпокоить хозяина — совсѣмъ не годится: въ другой разъ не повѣритъ.

Судили, да рядили ребята: и языкомъ-то щолкали и затылки чуть не въ кровь расчесали, а видятъ, что ушли не дальше того, съ чего начали. Стоятъ въ кучкѣ и молчатъ, и долго бъ такъ было, если-бъ не закадышный другъ косолапый дворникъ Тихонъ, всегдашній ихъ совѣтникъ, а въ случаѣ—ходатай и покровитель. Онъ-то и выручилъ ихъ изъ бѣды, нечаянно вспомнивъ одно обстоятельство:

— Да что, ребята: нѣшто забыли, что съ Петрухи Кореги магарычъ еще надо? Вѣдь, кажись, третій мѣсяцъ беретъ работницкія-то?

— И впрямъ, братъ Петруха, что ты глыздишь? Поди къ хозяину, проси у него.

Промолчалъ тотъ, какъ бы и не его дѣло.

— Поди же проси, неча отмалкиваться-то! ишь вѣдь и резоны взяли. Совѣсть что ли зазрить начала?

И ребята начали поталкивать его прямо въ калитку къ хозяину.

— Ступай, братъ; знаемъ вѣдь твои счоты съ хозяиномъ; знаемъ, когда бралъ и сколько осталось. Пѣхайте его ребята въ калитку, пусть увидитъ хозяинъ, да позоветъ, коли самого честью не упросить.

Петруху уже просунули между вереей и дверью, но онъ оставался непреклоненъ.

— Нѣтъ, ребята, пустите лучше! Скажу вамъ всю правду: недавно въ деревню бралъ отсылать, — всѣ деньги забралъ, ничего, братцы, не осталось: сами спросите хозяина.

— Нѣту, братъ, врешь, — три рубли твоихъ за хозяиномъ осталось, ступай! Нѣшто думаешь не отдастъ что ли?

— Ужъ я тебѣ говорю не отдастъ! Да и что вы, ребята, пристали, словно варъ какой: Ступайте сами!... Ишь и боитесь!

— Э, братъ Петруха! корить началъ? — Ладно коли такъ, удружимъ сами. Небось любилъ нашъ чай-то пить, да еще и лимону разъ попросилъ. Мы, братъ, тебѣ ничего не говорили.

— Нѣшто я просилъ вашего чаю-то? защищался Петруха.

— А лимону-то тоже не просилъ?

— Отвяжись, Матюха, что ты присталъ къ нему... ишъ каприз взялъ! Правду молвитъ хозяинъ пословку-то: „Кузька, иди молотить! — Брюхо, тятька, болитъ! — Кузька, — иди горохъ хлебать! А гдѣ, слышь, моя крашеная ложка.“ Такъ-то и нашъ Петруха! порѣшилъ косолапый Тихонъ.

— Прахъ его побери, коли товарищей знать не хочетъ. Сами удружимъ, когда ни на есть подвернется! Учить еще, вишь, надо, какъ по дружеству, въ согласіи надо жить съ нами.

Вспылилъ обиженный: крѣпко не понутру пришлись ему послѣднія слова товарищей.

— Ладно, ребята, нишните, сейчасъ принесу! вскричалъ Петруха и пошолъ въ перевалку въ калиткѣ. Ребята за нимъ и смотрятъ изъ-за косяка, что съ нимъ сталось: идетъ мимо оконъ и руками разводитъ и, какъ слышно, ворчитъ про себя, а на хозяйскія окна и взглянуть боится. Отворилъ вотъ и дверь въ сѣни и скрылся за нею.

Вернулся Петруха отъ хозяина съ цалковымъ. Немного погодя въ ушахъ ребятъ послышались учащонные выстрѣлы, уже

на площади, изъ ближняго балагана. Эта неожиданность такъ поразила маляровъ, что они только усмѣхнулись, разинувъ рты, и взглянули другъ на друга, какъ бы неудомѣвая.

Гулянье было въ полномъ разгарѣ: кучками сбирались тулупы, шубы и полушубки около тѣхъ мѣстъ, гдѣ виднѣлись кудельные парики, бороды и пуховыя шапки, подобныя тѣмъ, которыя надѣваютъ тароватые хозяева на огородныхъ чучелъ. Примкнули и наши ребята сюда и вплоть до вечера слушали потѣшныя остроты паяцовъ и смотрѣли, какъ барышни то и дѣло прыгаютъ на дощечкахъ. Не мало занялъ ихъ, на обратномъ пути, маленькій мальчишка—кукла въ красненькой рубашенкѣ, которая стоитъ на крышкѣ зеленаго ящика и хлопаетъ въ мѣдныя ладоши. Подошли ребята и, оскаливъ зубы и приложивъ ухо, слушали веселенькую пѣсню:

Чики — брики
Такъ и быть,
Какъ бы тетокъ не забыть,
Какъ бы тетокъ, какъ бы бабъ,
Какъ бы малы-эхъ ребятъ.
Живы будемъ,
Не забудемъ,
А умремъ —
Такъ прочь пойдемъ.

— Ну, ребята, хотите что ли смотрѣть? и недорого бъ взялъ — по грошу съ брата! — спросилъ борода-хозяинъ, по окончаніи пѣсни.

— Нѣту, братъ, не охота! отвѣчали ребята и поворотили оглобли.

— Ну!... пятакъ со всѣхъ: эй вы!.. маляры!

— Мелкихъ нѣту.

— Размѣняю!.. сдачи дамъ!..

— Мѣнять не охота; деньги, вишь, крупны: у тебя и сдачи не хватитъ.

Ребята однако пошутили только изъ обычая, но, наклонившись и прилипнувъ глазами къ круглымъ стеклушкамъ видѣли ярко размалеванныя картины и слушали безсмертной приговоръ базарнаго остряка на этотъ разъ въ такомъ тонѣ и смыслѣ:

— Вотъ я вамъ буду первоначально разсказывать и показывать иностранныхъ мѣстовъ, разныхъ городовъ, городовъ прекрасныхъ. Города прекрасны — не пропадутъ ваши денежки напрасно. Города мои смотрите, а карманы берегите.

И пошла писать:

— Это извольте смотрѣть—глядѣть: городъ Москва бьетъ съ носка и лежачихъ поталкиватъ. Ивана Великаго колокольня, Сухарева башня, Успенской соборъ: 600 вышины, а 900 ширины, а можетъ и поменьше. Ежели не вѣрите, пошлите повѣрить да помѣрить.

— А это извольте смотрѣть да разсматривать, глядѣть да разглядывать: какъ на Хотинскомъ полѣ изъ Петровскаго дворца самъ Императоръ Александръ Николаевичъ выѣзжалъ въ Москву—на коронацыю: антилерія, кавалерія по правую сторону, а пѣхота по лѣвую.

— А это извольте смотрѣть да разсматривать, глядѣть да разглядывать: какъ отъ французьскаго Напольона бѣжатъ триста кораблевъ, полтораста галетовъ съ дымомъ-съ пылью, съ свиными рогами, съ заморскимъ саломъ-дорогимъ товаромъ, а этотъ товаръ московскаго купца Левки—торгуетъ ловко.

— А это вотъ городъ Парижъ не доѣдешь—угоришь, а кто не бывалъ въ Парижѣ, такъ купите лыжи: завтра будете въ Парижѣ.

— А это вотъ Лѣтній садъ: тамъ дѣвушки гуляютъ въ шубкахъ—въ юбкахъ, въ тряпкахъ—шляпкахъ, зеленыхъ подкладкахъ. Юбки на ваткахъ; пукли фальшивы, а дѣвицы плѣшивы.

Ребята смотрятъ, да не разбираютъ, что подчасъ не то ви-

дятъ, о чемъ толкуется. У раевщика не хватило картины на весь ящикъ, онъ къ одной картинѣ совсѣмъ другую приклеилъ. Берутъ ребята на вѣру и понимаютъ, что тутъ больше слова, чѣмъ самая картина. А слова такія занятныя:

— А это извольте смотрѣть — разсматривать, глядѣть да разглядывать: городъ Цареградъ. Изъ Цареграда выѣзжаетъ салтанъ турецкой со своими турками, съ мурзами и татарами-булгаметами и со своими пашами. И сбирается Расею воевать и трубку табаку куритъ и себѣ носъ коптитъ, а потому въ Росеи зимой бываютъ большіе холода, а носу отъ того большая вереда, а копченой носъ не портится и на морозѣ не лопается.

— А вотъ извольте смотрѣть, какъ князь Меншиковъ Севастополь бралъ: турки паляютъ все мимо да мимо, а наши палятъ все въ рыло да въ рыло. А нашихъ Богъ миловалъ—безъ головъ стоятъ, промежъ собой говорятъ, да трубки покуриваютъ, да табачокъ понюхиваютъ. И это бываетъ, а бываетъ, что и ничего не бываетъ.

— А вотъ извольте смотрѣть разсматривать, глядѣть разглядывать, какъ въ городѣ Адестѣ, на чудесномъ мѣстѣ, верстъ за двѣсти, прапорщикъ Щоголевъ агличанъ угощаетъ: каленымъ арбузами въ зубы пущаетъ.

— Это Московской пожаръ: пожарная команда скачетъ, по карманамъ трубки прячетъ, а Яшка кривой сидитъ на бочкѣ съ трубой, самъ плачетъ да кричитъ: чужой домъ горитъ.

— А вотъ и Макарьевская ярмарка, что въ городѣ Нижномъ бываетъ. Московскіе купцы продаютъ рубцы, сѣно съ хрѣномъ, суконные пироги съ навозомъ. Московскій купецъ Левка торгуетъ ловко, пріѣхалъ на лошади: лошадь-то пѣгая—со двора не бѣгаетъ, а другая чала—головой качаетъ, пріѣхалъ съ форсу, съ дымомъ, съ пылью, съ копотью, а нечего дома лопать. При-

везъ барыша три гроша. Хотѣлъ домъ купить съ крышкой, а привезъ глазъ съ шишкой.

— Ну, теперь, будетъ.

Достаточно смерклось, и ребята отправились въ подвалъ харчевни, исполнить обѣщаніе, — похолить себя чайкомъ — кипяточкомъ.

Этимъ начались похожденія Петрухи: не было ни одного праздника когда бы не пилъ онъ чаю, отъ котораго недалекъ переходъ къ меду и пиву. Конечно, на заработываемыя деньги не разгуляешься, потому-что извѣстна залишняя копѣйка мастероваго: только и хватитъ развѣ чаю напиться. Выпрошенъ гривенникъ на баню, изъ него три копѣйки отдано за бѣленькій мѣдный билетикъ, а остальныхъ, въ складчинѣ, хватитъ раза на два напиться горяченькой водки изъ подъ невской лодки.

Незамѣтно за длинной порой гороху, гречневой каши съ конопляннымъ масломъ, да тертой рѣдьки съ лавочнымъ квасомъ и лукомъ, наступило и то время, когда хозяинъ одѣлилъ трехъ своихъ работниковъ, которые были постарше, въ томъ числѣ и Корегу, деньгами, давши имъ по рублю серебромъ на гулянку. Молодцы побрели опять на качели, но не дошли туда, по простому обстоятельству. Дѣло это вотъ какъ случилось:

Идутъ ребята по Гороховой и толкуютъ всякій вздоръ, какъ взбредетъ въ голову.

Видятъ, въ одномъ окнѣ хитрая штука: торчитъ деревянная съ золотомъ птица и вертится кругомъ, а въ зубахъ у ней бумажникъ, въ которомъ господа носятъ деньги и сигары.

— Вѣдь вотъ братцы! — началъ Петруха: кому какой таланъ дается. — Хоть бы и наше дѣло тепереча взять: поди заставь плотника шпалеръ натянуть; анъ нѣтъ! шалишь — не дотянетъ. Намнясь въ Лѣсномъ на дачѣ и сами обойщики клеили, да что вышло? насъ же, гляди, позвали, потому, значитъ, что все от-

клеилось. Выходитъ, что на то мы маляры, намъ и честь предлежитъ. Не такъ ли я, братцы, говорю?

— Умныя рѣчи хорошо и слушать. Какъ же коли не такъ? штукатуры, вишь, еще съ нами въ линію лезутъ! Да гдѣ имъ глинянымъ лбамъ, сапогамъ плетенымъ, такой узоръ подвести, какъ я вечоръ на печи вывелъ? Мраморъ, братецъ, настоящій мраморъ,—никакъ, значитъ, не отличишь. Самъ вѣдь видѣлъ, Петруха. Хорошо вѣдь было?

— Что и толковать, паря? Извѣстно, штукатура одно дѣло: положи, выходитъ, настилку, примѣрно,—да и ступай подальше: безъ тебя, значитъ сдѣлаемъ. Такъ-то и обойщика дѣло, чтобъ коло каретъ, да колясокъ возиться. А покажи-ка мнѣ эту штуку хоть одинъ разъ: подведу, значитъ, такъ, что любо, да два. Коли на правду дѣло пошло, такъ я бы обойщику только и дѣла давалъ, чтобъ къ плотничьимъ сапогамъ подошвы однотесомъ подбивать!... острилъ Матюха къ единодушному смѣху товарищей.

— Стой ребята!.. громко крикнулъ косолапый Тихонъ, незамѣтно увязавшійся съ малярами и до времени слушавшій ихъ тары-бары. Коли такъ толковать будемъ, такъ тово и гляди попадемъ на площадь, а вѣдь дорога привалы любитъ и идетъ-то вонъ прямо туда!—И дворникъ указалъ на одну дверь.

— Нѣтъ я не пойду... началъ Петруха.

— Что же, братъ, такъ?

— Вишь дѣло-то это впервые будетъ со мною, такъ оно маненько опасно. Коли хотите знать, такъ я не знаю, какъ и двери-то туда отпираются.

— Вотъ, лихая бѣда узнать еднова, а ужъ попадешь, такъ оттуда силой не вытащишь. Нѣшто, Петруха, ты не пивалъ еще водки, а кажись, братъ, было дѣло? допытывался Матюха.

— Ну, братъ, нѣтъ! ужъ этимъ, значитъ, ты меня не кори:

въ чемъ другомъ, а этому грѣху, не причастникъ. Ужъ братъ, и не кори,—дѣло небывалое...

— Да идешь что ли? а то одни пойдемъ. Смотри, чтобъ послѣ попрековъ не дѣлать. А,—Петрухъ?

— Претитъ, ребята!... не охота!..

— Что это, Петруха, нѣшто ротъ у тебя сахарный, и водка тебѣ не по губамъ?

И ребята ввалились съ Петрухой, куда желали. Немного погодя, Петруха очутился впереди всѣхъ и требовалъ водки.

Долго морщился Петруха и вздрагивалъ для потѣхи всѣми членами, словно морозъ пробѣгалъ мелкимъ горошкомъ по тѣлу: и плечами крутитъ, и ухаетъ съ перекатами, да съ одышкой; наконецъ и выпилъ и началъ послѣ оплевываться.

Спустя полчаса Петруха предлагалъ пѣсни пѣть. Товарищи рѣшились идти въ полпивную, и дралъ же тамъ Петруха нескладицу своимъ зычнымъ разносистымъ голосомъ! Объ одномъ жалѣлъ косолапый дворникъ, что забылъ захватить рукавицу свою, въ которой носитъ жильцамъ дрова, чтобы закрыть ею, какъ онъ называлъ, Петрухину прорву.

Такимъ образомъ издержали ребята все до послѣдней копѣйки. Послѣ этого раза сталъ Петруха какъ-будто и не тотъ: стали заводиться за нимъ и прогульные дни и неизбѣжные хозяйскіе вычеты, споры и другія неудовольствія. Начала у него и голова кружиться, когда случилось ему лѣзть на лѣса или козла, и синяго цвѣта бывало не отличитъ отъ бѣлаго, а вмѣсто того, чтобы влѣзть на верхъ, у Петрухи зачастую подкашивались ноги и онъ всѣмъ туловищемъ ложился на полъ, къ общему смѣху товарищей. Только хозяйскій обычай не задавать много денегъ работнику, мѣшалъ всѣмъ затѣямъ Петрухи, который сталъ уже теперь просто Петромъ—у хозяина, и Петромъ Деменьтьевымъ или просто Корегой—у товарищей. Наконецъ сталъ замѣчать

хозяинъ, что Корега началъ запивать, и совой глядитъ и работа не мила, словно впервые спознался съ ней. А тамъ ужъ и слышитъ сторонкой, что работникъ началъ новыхъ хозяевъ присматривать, о цѣнахъ справляться. Вотъ онъ и самъ пришолъ наконецъ и плачется.

— Изъ деревни письмо, говоритъ, получилъ; баютъ овинъ перестраивать надо; да дворѣ навѣсъ настилать новый. Пособи, Кузьма Петровичъ! заслужимъ твоей милости; коли не нонѣ, такъ на будущую весну пригодимся. Дай, говоритъ, двадцать рублевъ: до зарѣзу нужно. А то хоть въ гробъ ложиться,—такъ въ пору. Такая-то напасть подошла!

— Нѣтъ денегъ, говоритъ хозяинъ: вчера послѣднія вашимъ роздалъ. А самъ смотритъ на работника, да такъ смотритъ, что смѣкаетъ тотъ, что и деньги есть, да дать не хочетъ: не вѣритъ ему.

— Коли такъ, Кузьма Петровичъ, говоритъ Петруха: такъ расчитай меня; кажись тамъ еще что-то доводится. Ужъ я къ Андрею Ѳомичу пойду. Бери, говоритъ, пачпортъ, да приноси— тридцать рублевъ дамъ говоритъ.

Какъ бы то ни было, но Петруха расчтоъ получилъ немедленно. Конечно этотъ расчотъ и весь-то состоялъ изъ полтинника, да и Андрей Ѳомичъ далъ ему за остатокъ лѣта всего только десять рублей, но все-таки Петруха простился съ прежними товарищами, тяжело вздохнулъ, махнувъ рукой, и побрелъ на новыя нары.

Андрей Ѳомичъ былъ обстоятельнѣе и крутѣе Кузьмы Петровича: онъ просто не далъ Корегѣ ни копѣйки впередъ и пригналъ дѣло къ тому, что тотъ поневолѣ долженъ былъ работать такъ, что самъ хозяинъ прихвалилъ его. Ясно, что Корега наконецъ взялся за умъ и нечаянно сохранилъ заработанныя деньги. Получивши ихъ, онъ отослалъ въ деревню; самъ хозяинъ,

и письмо написалъ, самъ и деньги отнесъ на почту. Мало-помалу вбивался работникъ въ хозяйскую довѣренность и даже получилъ еще три рубля прибавки.

Осенью сталъ Корега потолковывать и о томъ, какъ бы въ деревню справиться, откуда уже начали наказывать ему, что пора-де Петръ и на побывку придти: шестой годъ въ Питерѣ живешь, а какъ уѣхалъ туда, съ-тѣхъ-поръ и не видали, да и отписываешь рѣдко: возгордился что-ли? — кто тебя знаетъ. И міръ толкуетъ, что пора-де, Дементій, оженить сына: однолѣтки его почесть всѣ хозяйками обзавелись, а кой у кого ужъ и ребятишки попискиваютъ. Пусть пріѣдетъ парень, да посмотритъ, а дѣвокъ у насъ, кажись, не занимать стать: самъ ты это, Дементій Сысоичъ, знаешь.

— Знать тому и быть, чтобъ въ деревню ѣхать, думалъ Корега. Вѣдь и то сказать,—не вѣкъ же бобылемъ по свѣту таскаться; посмотрю-погляжу, авось невѣстъ и на мой пай хватитъ. Да вотъ хоть бы и Матвѣева Матренка, коли не померла: знатная, поди, дѣвонька вышла, право знатная!

И въ воображеніи жениха рисуется обликъ невѣсты: полная, румяная дѣвка—кровь съ молокомъ, и брови дугой, и словно боръ густыя, а изъ-подъ нихъ смотрятъ чорные, большіе глаза. Идетъ она съ работы, вмѣстѣ съ товарками, косы да грабли на плечахъ несутъ: поютъ дѣвки пѣсни, а Матрена шибче всѣхъ задираетъ, почти одну только и слышно ее, голосистую.

Улыбнулся Корега, укладываясь на нары, и снится ему свой, деревенскій праздникъ: всѣ дѣвки собрались и ведутъ хороводы; ребята плотной стѣной окружили ихъ и играютъ, кто на балалайкѣ, кто на гармоніи. Вотъ Матрена плотная, рослая, гладышъ-дѣвка, вышла на средину и разносисто и громко поетъ знакомую пѣсню, а сама ходитъ воробушкомъ. Откуда потяпки такія, откуда стать и посадка! Мокрая курица передъ нею

порука ея, хоть и эту хвалять ребята. Любо молодцамъ: толкаютъ они другъ друга въ бочокъ, пальцами на Петруху указываютъ и кричатъ ему громко, на всю улицу: „Ишь, гляди, ребята, дѣвка Корегу полюбила, сговоръ былъ, а все оттого, что въ Питерѣ живетъ, да подарковъ разныхъ навезъ ей съ отцомъ, съ матерью. Вотъ и сошлись въ пожеланіяхъ. Эй, Корега, счастливъ, братецъ, ты!„

Можетъ быть и еще лучше бы приснилось Корегѣ, если бъ только ночь у путнаго человѣка была подлиннѣе, а то такъ коротка, что не успѣлъ Корега и налюбоваться Матреной. Какъ встрепенулся утромъ, такъ и побрелъ къ хозяину, чтобы застать его дома.

— А я къ тебѣ, Андрей Ѳомичъ! пусти въ деревню побывать. Назадъ вернусь—къ твоей милости приду, коли не противенъ сталъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало? отвѣтилъ хозяинъ, собирайся! Не худое дѣло родныхъ повидать, а работы, видѣлъ самъ, вплоть до весны почти никакой не будетъ. Придешь въ постѣ,—понавѣдайся: можетъ опять возьму!

— Спасибо, Андрей Ѳомичъ, ужъ не откажи.—

И Корега поклонился хозяину въ поясъ.

— Мы отъ твоей милости ни за что не отстанемъ; то-исть не въ обиду тебѣ, ужъ эдакой хозяинъ, какъ ты, просто, значитъ, на рѣдкость. Всѣ ребята это говорятъ, да и я нынче хвалить тебя всѣмъ: Егорка Семеновъ затѣмъ и пришолъ къ твоей милости отъ Кузьмы Петрова, что я за тебя крѣпко стоялъ; ино, слышь, слеза прошибла! Во какъ полюбилъ тебя, Андрей Ѳомичъ, и ни за что, братъ, не отстану!... Хоть рѣжь, не отстану. Да и денегъ твоихъ, что прибавку положилъ, не возьму: любя тебя, значитъ, все дѣло буду сполнять, только ужъ ты не оставь попеченіемъ, не гони отъ себя, коли изъ деревни къ тебѣ заверну.

Понравились хозяину Кореги рѣчи, кусалъ онъ свою бороду, пока работникъ хвалилъ его и чествовалъ. Хотѣлъ-было говорить и самъ, да рѣчь не сложилась: только и словъ было:

— Ладно!.. тово!.. спасибо, тово... хорошо!.. хорошо!.. Да нѣтъ ли, тово, нужды тебѣ какой для деревни? спросилъ наконецъ довольный хозяинъ,—пособія тамъ что ли, не надоли?...“

— Благодаримъ покорно Андрей Ѳомичъ. Пособіе какое жъ для деревни?—Самъ знаешь! да и мнѣ тоже немного надо. А мы не изъ чего твоей милости служимъ: такъ, значитъ, изъ любви. Вотъ спроси, братъ, ребятъ нашихъ, хоть самъ спроси, что они про меня скажутъ?

И Корега прослезился.

— Не въ обиду ли тебѣ, молодецъ? тово... поправки можетъ быть дома нужны?...

— Какія поправки, ваша милость, Андрей Ѳомичъ? Все твоя доброта сдѣлала: и овинъ перестроенъ, и баня новая поставлена, лошадь новую вымѣняли, овецъ прикупили... А все твое пособіе, Андрей Ѳомичъ,—вотъ вѣдь ты, какъ человѣкъ-отъ доброхотный: по гробъ не забудешь!..

— Ну, что пособіе?.. пособіе, тово?.. говорилъ растроганный хозяинъ: коли денегъ надо,—я дамъ и теперь; впередъ дамъ, сколько тово... можно, а послѣ сочтемся... вѣдь за тобой не пропадетъ!

— Эхъ, Андрей Ѳомичъ, закричалъ Корега: ужъ коли ты такая душа добродѣтельная, вотъ тебѣ всю душу на распашку, какъ отцу родному. Жениться хочу, понизивъ голосъ, продолжалъ работникъ, больно, вишь, пора жениться-то. Невѣстѣ подарокъ бы надо, роднымъ... тоже, ну и свадьбу справлять. А коли не такъ, такъ и апосля можно сдѣлать. Коли твоя милость, Андрей Ѳомичъ, не согласны, такъ и отложить дѣло можемъ, не важная штука!..

— Зачѣмъ же, зачѣмъ откладывать?... можно, тово... и теперь сдѣлать, я радъ помочь хорошему дѣлу, въ худомъ только не участникъ, тово.... не потатчикъ!... А сколько тебѣ нужно, денегъ-то?

— Нѣтъ, ужъ и не спрашивай, Андрей Ѳомичъ, твое дѣло! Сколько твоей милости, значитъ, угодно, и на тѣмъ по гробъ благодарны. Самъ вѣдь лучше нашего знаешь, сколько дать, а мы и женимся то впервые.

— Да ты, скажи, примѣрно... тридцать тово.... рублевъ будетъ что ли? брякнулъ хозяинъ. Али поменьше возьмешь?...

— Дай ужъ тридцать пять, Андрей Ѳомичъ! Во какъ благодарны будемъ!...

И Корега поклонился низко, такъ низко, что когда поднялся, всѣ волосы лежали у него на лицѣ, багровомъ отъ низкаго поклона.

— Ну ладно, молодецъ, получишь! слова назадъ не вернешь. Принеси только записочку съ поручительствомъ: сходи къ управляющему что ли... или кто у васъ тутъ завѣдываетъ-то? Напиши, что вотъ-де взялъ впередъ за лѣто, и что обѣщаюсь-де къ хозяину въ апрѣлѣ придти, ну и все тамъ... какъ слѣдуетъ.

Уладивши дѣло, Корега уже подговорилъ попутчиковъ, нашолъ даже совсѣмъ изъ одной деревни; слѣдомъ затѣмъ выхлопоталъ поручительство отъ управляющаго и уже спалъ въ вагонѣ, спалъ невыносимо крѣпко: ни пинки перелезавшихъ черезъ него, ни холодъ, ни говоръ и шумъ пассажировъ, ни сквозной вѣтеръ, — ни что ему не мѣшало. Развѣ проснется чтобъ выпить збитню или закусить чорнымъ хлѣбомъ, что прихватилъ съ собою изъ города, да и опять завалится подъ скамейку. Вылѣзетъ оттуда, да начнетъ зѣвать и протирать глаза, — смѣхъ и шутки пуститъ на цѣлый вагонъ, такъ что иную пору обидно станетъ и отшутился бы за нападки, — да больно много

скалозубовъ-то. Тратился онъ мало дорогой, но за то холстинный мѣшокъ, что клалъ онъ себѣ подъ голову и выносилъ на платформу, любаго могъ убѣдить, что Петруха уже довольно поизрасходовался: не даромъ же цѣлое утро, наканунѣ отъѣзда, шатался онъ по Апраксину.

Только тогда поддался Петруха и сдѣлалъ заодно съ попутчиками, когда выровнялось передъ ними послѣднее село по дорогѣ, отъ котораго верстъ только тридцать осталось и до родной деревушки. Пришли Питерщики въ это село пѣшкомъ, да и завернули къ знакомому мужичку, что возилъ купеческіе товары на ярмарки и держалъ для того двѣ тройки.

— Здорово, сватъ Иванъ Спиридонычъ, мы опять къ тебѣ съ прежной просьбой: жениха, вишь, веземъ, такъ опять прокатиться захотѣлось. А за деньгами, самъ знаешь, не стоимъ: почемъ съ брата положишь—и ладно. Знаемъ, что у тебя вихорь—не кони, да и самъ ты даромъ что старъ, а насъ молодыхъ въ этомъ дѣлѣ за поясъ заткнешь!... На дыбкахъ стоишь и ни одинъ почтарь за тобой не угонится,—дружно просили Питерщики, хитро подобравъ рѣчи.

Знали они, что старикъ крѣпко любилъ своихъ коней, да любилъ похвастаться и своею стариковскою удалью и умѣньемъ ямщишничать.

— Ну садись, дружки, туда на задки. Да держись покрѣпче: сиваго мерина въ корень пустилъ, не даромъ его ребята чортомъ прозвали. Попривяжи назади, Еремѣюшка, рогожу-то: чтобы коробомъ, знаешь, стояла отъ вѣтру, а шоркунцовъ—бубенцовъ по три на каждое ухо я привязалъ. Да не привязать ли, ребята, колокольчикъ для задору, да и для потѣхи? Пусть тамъ бабы очи повыглядятъ, а дѣвки сердца поизнобятъ. А дуга-то, дуга-то, ребята!... десять рублевъ за одну дугу заплатилъ: одного золота на лобанчикъ будетъ. Ишь индо сизитъ, да солнышкомъ въ

глаза отдаетъ, коли съ боку посмотришь,—расхвастался старый, подбирая полы и усаживаясь на козлы.

Загремѣли шоркунцы, словно ребятскія трещотки на лугахъ, когда собираютъ они тамъ лошадей чтобы вести ихъ купать, или въ стойло загонять, а колокольчикъ заболталъ языкомъ свою нескладную, монотонную пѣсню. Потомъ мелкой рысцой ѣхали ухари наши больше, чѣмъ полпути. Но лишь завидѣлись имъ знакомыя деревни верстахъ въ семи, тамъ за лѣскомъ, да за горкой,—гикнулъ старый, словно испугавшись, что всѣ зубы изо рту потерялъ, да и замеръ его дрожащій голосъ. Зачастилъ онъ, зачастилъ кнутомъ по пристяжнымъ, сталъ на дыбки и шапку какъ-то ненарокомъ, на лѣвое ухо сдвинулъ. Крикнулъ еще разъ, оборотившись назадъ: „держись, ребята! да посматривай, чтобъ не растерять васъ:—вона и гумна Соснинскія видно!“ Замололъ старый, замололъ языкомъ что-то складное, вскочилъ на подножки, закрутилъ кнутомъ надъ головой, да и свѣта въ глазахъ не видитъ: того и гляди, что прыгнетъ черезъ лошадей, да и побѣжитъ самъ прытчѣе ихъ.

Сидятъ Питерщики, улыбаются, да переглядываются; только немного поддаетъ на ухабахъ, а избы такъ и летятъ мимо—сторонятся. И видятъ они чуть-чуть изъ-за виска, искоса, что въ избахъ задвижки въ окнахъ поотодвинулись, а дѣвки съ ребятами выбѣжали за ворота посмотрѣть, что за шумъ и грохотъ несется съ поля, а, кажись, теперь свадьбамъ не время быть.

— Это Питерщики, дѣвки, да не наши; справа то ровно бы Петруха Лошковскій. Ишь, какъ парятъ! замѣтилъ одинъ изъ парней.

— А крякнутъ подпруги, либо завертки, то и быть бычкамъ на веревочкѣ!—подхватилъ другой.

— Ну, нѣтъ! Иванъ Спиридоновъ не таковской!... у него все сыромятное, не мочальное, что у нашего брата,—отвѣтилъ третій.

— Поди, денегъ много везутъ и подарковъ всякихъ невѣстамъ! — подумали старухи на полатяхъ.

Между-тѣмъ Питерщики, со звономъ и присвистомъ старика-ямщика, изъ конца въ конецъ разъ промчались по своей деревнѣ, другой разъ назадъ и опять также, а въ третій рысцой да и легонько: время ужъ и изъ саней вылезать, молодецки, да осанисто, и разойтись по своимъ избамъ.

— Батюшка ты нашъ, яблочко наливное, красавецъ ты всесвѣтной! Дождались-то мы тебя! голосили бабы въ Корегиной избѣ.

И цалуютъ то Петра, и вдоль спины-то гладятъ. Три бабы овчинный тулупъ снимаютъ, одна беретъ изъ рукъ шапку и положить куда не найдетъ мѣста. Усадить не знаютъ гдѣ Питерщика, а сами ревомъ ревутъ бабы не то отъ удивленья, не то съ радости.

— Ишь вѣдь и пріѣхалъ къ намъ — и не чаяли нашего свѣтика! Поѣшь-ко, кормилецъ, соломаты съ овсянымъ кисельком. А тамъ разговѣемся — яишенку-глазунью сдѣлаемъ. Да не хошь ли гороху съ толчонымъ лукомъ: ты вѣдь и до него куды какой охотникъ былъ! Не велишь ли къ утрѣ изъ любимаго чего приготовить? Охъ ты, нашъ красавецъ — Питерецъ! Глядите-ко, бабы, какъ вытянулся Петруня-то нашъ, и не узнали, коли бы самъ не пришолъ, да не сказался! говорила мать-большуха, угощая сына. А сама изъ угла въ уголъ бѣгаетъ, словно угорѣлая, и къ сыну-то подсядетъ да гладитъ его по головѣ, и бабъ-то бранитъ, что не тѣмъ угощаютъ.

Слезъ и отецъ съ полатей, гдѣ нарочно подольше сидѣлъ, чтобъ угомонились бабы.

— Здорово, Петрованъ, здорово Питерецъ! Ишь какой!... ишь какой!... говорилъ онъ, цалуя сына.

Сыну, на радостяхъ, и кусокъ въ горло нейдетъ: всталъ

изъ-за стола и началъ одѣлять домашнихъ подарками: кому платокъ росписной, съ городочками, кому ситцу на рубаху, а отцу столичный картузъ привезъ съ козырькомъ кожаннымъ, да перчатки зеленыя. Всѣхъ одѣлилъ, никого не позабылъ, и не обидѣлъ; даже сестренкѣ и той привезъ картинку.

— Спасибо, Петрованушко, спасибо, говорилъ отецъ. На радость ты намъ выросъ на старости лѣтъ. А колькой ему годокъ-то, бабы, пошолъ:—кажись восемнадцатый...

— Али двадцатый? отвѣчала мать.

— Полно, сестра! подхватила старая тетка Питерщика: вѣдь Петя родился еще Онтушево не горѣло; ровно въ тотъ годъ, какъ бурмистръ овинъ новый строилъ. Пришла я, мать моя, съ покосу, а ты ужъ и съ постели встаешь, — совсѣмъ отпустило!...

— И, нѣтъ, дѣва, кажись опосля бурмистрина-то овина. Матушка, а, матушка! закричала большуха и повернулась къ печи, откуда немедленно послышался глухой, раскатистый кашель съ перхотой, оханьемъ и вздохами, наконецъ раздался шепелявый, старушечій отзывъ:

— Меня, что ли, бабы?

— Которой годокъ внуку-то пошолъ, помнишь, аль нѣту? опять крикнула большуха и опять начался кашель, да оханье.

— Не слышу, дѣвоньки, не слышу; что хошь, не слышу. Одолѣлъ проклятый кашель, да и уши словно куделей завалило. О чемъ ты тутъ спрашиваешь? Кому годокъ?

— Вотъ, Петровану-то?—и мать указала на сына.

— Ему-то? И бабушка задумалась. Ровно бы пятнадцатую зиму живетъ, начала она наконецъ,—вотъ сёмая пошла, какъ я ничего не слышу, да пятая, какъ кашель началъ долить. Кажись, такъ, бабы? аль шестая пошла, какъ я кашлять-то начала?

— Больше никакъ будетъ. Да не въ томъ толкъ, бабы?— перебилъ большакъ и подвинулся къ сыну поближе, наказавши своимъ не спорить, а слушать хозяйскія рѣчи.

— Вотъ объ чемъ разговоръ будетъ—началъ Дементій Сысоичъ. Невѣсту присмотрѣть пора, Петруня! Походи-ко по супрядкамъ: не приглянется ли какая, а тамъ, на посѣдкахъ и переговорите другъ съ другомъ. Съ нашей стороны никакой помѣхи не будетъ; коли на то пойдетъ — самъ пойду сватомъ. А есть у насъ про тебя, Петя, клевая дѣвка на примѣтѣ—Матвѣя Чижа дочка, Матрена. Эдакихъ-то поди у васъ и въ Питерѣ мало, а тебѣ самому, чай и не снилась такая.

— Было дѣло! отвѣтилъ Питерщикъ: объ ней, признаться-и дума-то у меня была.

— Вотъ и ладно, коли такъ! рѣшилъ Дементій. — Коли сойдетесь миромъ, да согласіемъ — и спорить не станемъ. А поперечить, да неволить, я, братъ, самъ не хочу: тебѣ съ ней жить. Дѣвка она честная, ведется хорошо и семья, вѣдь самъ знаешь, хорошая. Мы, признаться, брали ужъ ее послѣ Кузьминокъ на испытаніе: ничего, братецъ, не грублива, не перекорщица и къ работѣ пріобычна. Такъ ли я, бабы, говорю?

Рѣшила семья взять Матрену и дѣло не за многимъ стало: походилъ молодецъ по посѣдкамъ, заручилъ невѣсту подарками, да похвальбой столичной—и сталъ женишкомъ. Образомъ сговоренъ благословили, на другой день дѣвишникъ, да покоры поѣзжанамъ, чтобы больше дѣвкамъ подарковъ давали, не скупились. Лишь кончились святки и начали затѣваться по сосѣдямъ свадьбы, и изъ Дементьевой избы потянулся длинный поѣздъ съ колокольцами, прямо на горку, въ приходскую церковь. Пріѣхали молодые за свадебный столъ: хмѣлемъ обсыпали, подъ образъ и хлѣбъ подошли, сѣли въ передній уголъ и началось чествованье, да угощенье, подслащалась горькая водка сладкими

поцалуями, кланялись въ поясъ и молодые, и родители. Дружка носитъ, да подчуетъ, другой стоитъ у притолки, подлѣ печи, да приговоры ведетъ, словно по-писаному: не то для смѣху, не то ужъ такъ слѣдуетъ, по завѣтному обычаю. Вынесли ребятамъ браги — и хорошо, спокойно было: еще изъ ружей на вспольѣ стрѣляли.

Черезъ день красный столъ, для ребятъ да дѣвокъ, развернулся. Словомъ—сдѣлалось все по старинѣ, да по обычаю. По обычаю же пошолъ молодой съ ребятами въ приходъ свой въ первое воскресенье послѣ свадьбы: здѣсь купили водки и пили посередъ улицы. Вытащилъ Петруха изъ-подъ полы балалайку, засучилъ рукава сѣраго кафтана и тѣшился напослѣдяхъ съ товарищами, провожая свою молодость за тридевять земель, въ тридесятое.

Пришолъ онъ домой и принесъ женѣ съ подругами орѣховъ, да пряниковъ сладкихъ. И у нихъ стало такъ, что вотъ-де тебѣ паренекъ—женушка-лапушка, а вотъ-де тебѣ, дѣвка, кокуй:—съ нимъ и ликуй. Дай же вамъ Богъ любовь, да совѣтъ, живите да богатѣйте!...

Велся въ той сторонѣ обычай, чтобъ выѣзжать молодымъ въ посадъ на масляницѣ, кататься въ посадскомъ поѣздѣ. Такъ сдѣлали и наши молодые. Петръ Дементьичъ запрегъ лошадку въ казанскія саночки, и коврикъ на задокъ выбросилъ. Самъ надѣлъ синій армякъ, зеленыя перчатки, повязался шерстянымъ шарфомъ; платокъ желтый шолковый высунулъ изъ кармана, какъ-будто ненарокомъ. Сидитъ рядомъ съ нимъ Матрена Матвѣевна, словно куколка, въ штофной душегрѣечкѣ и въ новенькой кичкѣ съ разноцвѣтными подвѣсками изъ крупнаго бисеру, на вискахъ и на лбу. Катались они вплоть до прощальнаго воскресенья, пѣли съ посадскими пѣсни, и ѣздили шажкомъ по серединѣ широкой, какъ поле, посадской улицы. Медленно тяну-

лась пѣсня, и слышался въ ней звонкій и бойкій голосокъ Матрены Матвѣевны. Подпѣвалъ козелкомъ и муженекъ ея Питерщикъ.

Но вотъ подошло время разставанья съ молодой женой.

Слеза въ этихъ случаяхъ идетъ больше женская. У рабочаго съ отхожимъ промысломъ по большей части и самая женитьба не такой обрядъ, чтобы щемилъ онъ послѣ сердце при разлукахъ. Изъ Питера приходятъ всегда передѣланые, съ форсомъ, съ похвальбой, хвастуны и охолодѣлые. Мужнина ласка — за стыдъ, женнина—въ большое неудовольствіе, особенно, если при людяхъ. Сплошъ и рядомъ случается, что столичныя сударки выучиваютъ такъ, что вызываютъ на другой сторонѣ прохожихъ молодцовъ, а отсюда такая пропасть сказокъ и разсказовъ, пѣсенъ и загадокъ про отхожаго отца и прохожаго молодца, что бойкому сказочнику—швецу и въ два вечера не пересказать. У новобрачныхъ только и радости и наслажденій по первопутью, когда все свѣжо и все новенькое.

На эту тему у тѣхъ же Питерщиковъ имѣется ими же сами сложенная пѣсенка, которую конечно они въ деревняхъ своихъ не поютъ (развѣ въ подпитіи и ради шутки), но которую можно слышать и на костыляхъ при ремонтѣ наружныхъ стѣнъ столичныхъ домовъ, и на лѣсахъ съ потолковъ, и отъ извощиковъ, беззаботно возвращающихся съ выручкой къ хозяевамъ въ Ямскую, и на невскихъ лодкахъ отъ перевощиковъ. Мы слышали незатѣйливую пѣсенку эту на огородахъ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ и передаемъ ее въ такомъ видѣ, какъ тамъ записали:

Ну, не полноль тѣ, Ванюша,
Съ долгохвостыми гулять?
Не пора-ль тебѣ жениться:
Ты не будешь баловать.
Наконецъ Ваню женили:

Ну, объ чемъ тутъ толковать?
Посылали въ Питеръ жить,
Снова денежки копить.
Одинъ годикъ постарался, —
Сотъ пятокъ рублей досталъ,
Ему милъ домикъ достался,
Свою жоночку досталъ,
Когда, денежки пославши,
Самъ по Невскому пошолъ,
Свою прежную нашолъ.
Ну, нечаянно сошлися, —
Поздоровкалися.
Какъ сказалъ онъ, что женился:
Разговоръ другой пошолъ:
«Охъ ты, Ванюшка-дружочекъ!
Вспомни рощу и лѣсокъ.
Какъ во рощицѣ гуляли,
Ты съ Катюшой баловалъ.
Катя пѣсенки запѣла,
Ты въ гитару заигралъ.
Какъ вотъ Груня возставала,
Поправляла фартукъ свой:
Всѣмъ подружкамъ разсказала:
«Безпокойный милый мой!»
Не Московскій былъ трактирщикъ
Не послѣдній былъ красильщикъ:
Разны ситцы набивалъ.
Получалъ денегъ не мало:
По восьми сотъ рублей въ годъ,
Во деревню не хватало
Двадцати рублей въ оброкъ;
Изъ оброку была нужда.
Онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ
Въ бѣломъ фартучкѣ красотку,
Во сафьяныхъ башмачкахъ.
Придетъ праздникъ: въ душегрейкѣ,
Сарафанчикъ съ галуномъ:
У насъ послѣдняя копѣйка
Вылетала кверхъ орломъ.
Мы войдемъ тогда въ избушку,
Когда мать съ отцомъ войдетъ,
Мы сдѣлаемъ пирушку,
Только дымъ столбомъ пойдетъ.
Пріѣзжалъ домой безъ денегъ:
Отецъ съ матерью ругалъ:
Ты, рас.к....нъ сынъ, бездѣльникъ,

Гдѣ жъ ты денежки дѣвалъ?
Какъ товарищи приходятъ,
По три ста рублей приносятъ:
Шестьдесятъ въ оброкъ относятъ,
Двѣсти сорокъ на расходъ,
Отъ тебя мы не видали
Лѣтъ пять больше ничего,
Намъ недавно разсказали:
Теперь знаемъ отчего.

Вотъ сходилъ нашъ Питерщикъ въ Питеръ. Зимой, исполняя желаніе молодухи, опять навѣдался въ деревню, но не тотъ ужъ сталъ. Жена все ему сдѣлай — и дровъ наколи, да вотъ онъ въ посадъ хочетъ съѣздить — такъ и лошадь впряги, навяжи и возжи, и супонь подтяни. Ребятишки помогутъ, коли сама не сможешь. Его дѣло пріодѣться только, пріосаниться, сѣсть въ праздничномъ нарядѣ, да и ѣхать.

— Да скорѣй, жена, одѣвайся: по-нашему, по-питерски. Залежались вы здѣсь, зажирѣли, а мужья про васъ ломомъ-ломай на чужой сторонѣ. Ужъ коли въ деревню ѣдемъ, значитъ, отдохнуть хотимъ — и все тутъ!

Съ-этихъ-поръ Петръ Дементьевъ всю зиму ничего не дѣлаетъ и лежитъ себѣ на полатяхъ, ни рукой, ни ногой не шевельнетъ, словно другой Илья Муромецъ на печи родительской во селѣ Карачаровѣ.

— Обѣдать готово! скажетъ жена.

— Иду сейчасъ: да что жъ вы хлѣба-то не нарушали, — чего зѣваете? Ваше бабье дѣло за домашнымъ хозяйствомъ блюсти. А поила-ли, Матрена, лошадей; а убрала ли, Матрена, шлею-то? Супони не подшила: клочья торчать начали.

— Подай-ко мнѣ трубочку! да уголекъ принеси изъ горнушки. А поставьте-ко, Матрена Матвѣевна, самоварчикъ, да сливочекъ принесите. Я полежу вотъ маненько, что-то всего разломало. И кто ее пойметъ эту болѣсть какую: не то угорѣлъ въ избѣ отъ

бабьей стряпни, да ребячьяго крику, не то поѣлъ много жирнаго? Охъ-хо-хо! проворчитъ Корега и затрещатъ подъ нимъ полати.

Будетъ ходить Корега въ Питеръ, а разбогатѣетъ ли онъ?

— Да вѣдь это, батюшка, человѣкомъ ведется,—отвѣтитъ любой изъ его хозяевъ. Коли не пьетъ, извѣстное дѣло — приживетъ съ достаткомъ. Лѣтомъ у хозяина, а посмышленѣй кто, да попроныристѣй—и подрядецъ маленькій можетъ снять. Зимой, когда глухая пора настаетъ: работы у нашего брата маляра мало и такъ къ обойщику можетъ наняться, это дѣло не хитмое. А то со стеклами ходятъ, да посматриваютъ: нѣтъ ли гдѣ битыхъ. Все на надобности хватитъ, а объ выпивкѣ отставь думать. Въ нашемъ ремеслѣ всего больше умѣнье значитъ, ну извѣстное дѣло, и черезвымъ быть слѣдуетъ, а пуще того гратотнымъ. Вывѣски славное дѣло, коли умѣешь грамотѣ! Все наше мѣло, да и въ другихъ мастерствахъ также, портитъ кутежъ этотъ, съ горя, и такъ себѣ, а нѣтъ—такъ съ похмѣдья. Пропьетъ всѣ денежки-то, какія накопилъ, да и поетъ что коза на привязи, а тамъ зиму-то за свою глупость съ крохи на кроху делкотой и перебивается. А вѣдь, если правду говорить, на ушко да по секрету: такъ ужъ мы хозяйство-то съ большими деньгами начинаемъ, да со своими, съ готовенькими.

Сотской.

Въ квартиру становаго пристава между многими просителями и другими мужичками, имѣющими до него дѣло, или, какъ говорятъ они, касательство, пришолъ одинъ, приземистый, коренастый, въ синемъ праздничномъ армякѣ и въ личныхъ сапогахъ, отъ которыхъ сильно отшибало дегтемъ. Опросивши по очереди каждаго, становой и къ нему обратился съ обычнымъ вопросомъ:

— А тебѣ что надо?

— Да такъ-какъ теперича значитъ... дѣло мірское, міръ выходитъ...

Проситель при этомъ дергалъ урывисто плечами, переступалъ съ ноги на ногу, разводилъ руками: видимо не приготовился и тяготился отвѣтомъ. Становой понялъ это по своему:

— Что же, обидѣлъ тебя міръ?

— Это бы къ примѣру, ничего: міръ въ правѣ обидѣть человѣка, потому какъ всякой тамъ свое слово имѣетъ, и я...

— Ты пожалуйста безъ разсужденій: говори прямо!

Становой видимо началъ досадовать и выходить изъ терпѣнія.

— Вотъ потому-то я и пришолъ къ твоему благородію, что такъ-какъ у насъ сходка вечоръ была и сегодня слитки были по этому по самому по дѣлу...

— Это я вижу; не серди же меня, приступай! Васъ много — я одинъ: толковать съ вами мнѣ некогда, — всѣхъ и всего не переговоришь.

— А вотъ я сказываю тебѣ, что я, къ примѣру, въ сотскіе приговоренъ. Положили, выходитъ, сходить къ тебѣ: что-де скажешь?

При послѣднихъ словахъ становой поспѣшилъ осмотрѣть новаго сотскаго съ головы до ногъ разъ, другой и третій.

— Ты такой коренастый:—драться, стало быть, любишь?

— Пошто драться, кто это любитъ: драться по мнѣ—надо бы тебѣ такъ говорить—дѣло худое...

— Я тебя, дурака, разсуждать объ этомъ не просилъ. Разсуждать у меня никогда не смѣй. Не на то ты сотскимъ выбранъ, чтобы разсуждать. Твое дѣло исполнять, что я разсужу. Ты и думать объ этомъ не смѣй.

— Ладно, слышу. Сказывай-ко, сказывай дальше. Я вѣдь темной, не знаю... Поучи!

— Если не любишь драться, такъ по крайней-мѣрѣ умѣешь?

— Ну, этого какъ не умѣть, этому ужъ извѣстно съ измалѣтства учишься...

— Водку пьешь?

— Да тебѣ какъ велишь сказывать, бранить-то не станешь?

— Говори прямо, какъ попу на-духу.

— Водку пью-ли, спрашиваешь?—Занимаюсь.

— А запоемъ?

— Загулами больше, и то когда денегъ много, жена...

— Объ этомъ ты и думать не смѣй. Выпить ты немного можешь, хоть каждый день, потому-что водка и храбрости, и силы придаетъ. Это я по себѣ знаю. На полштофъ разрѣшаю!

— Это... Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородье, такъ и знать будемъ. Сказывай-ко: еще что надо?

— Палку надо имѣть, держать ее всегда при себѣ, но дѣйствовать ею отнюдь не смѣй.

— Это знаемъ, что-де именины безъ пирога, то сотскій безъ падога. Пойду вотъ отъ тебя къ дому: вырѣжу. Еще что надо?

— Значокъ нашей на груди подлѣ лѣваго плеча; на базарахъ будь, въ кабакахъ будутъ драки — разнимай; вызнай всѣхъ мужиковъ... Ну ступай! принеси дровъ на кухню ко мнѣ! Маршъ!

Становой при послѣднихъ словахъ повернулъ сотскаго и толкнулъ въ двери. Сотскій обернулся и счолъ за благо поклониться.

Такимъ образомъ утвержденіе кончилось. Умершаго (и почти всегда умершаго) сотскаго смѣнилъ новый, которому тоже износу не будетъ, какъ говорятъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ люди присяжные, коротко знакомые съ дѣломъ.

— Ну что, какъ, ты, Артемей, со своимъ со становымъ: привыкаешь-ли? — спрашивали его вскорѣ потомъ добрые сосѣди и ближніе благопріятели.

— Ничего, — жить можно! отвѣчаетъ имъ новый сотскій, почесываясь и весело улыбаясь.

— Чай, бранится поди, да и часто?

— Бранится больно часто!... Да это что... Горячъ ужъ очень.

— А за што больше ругаетъ: за твою вину, али свою на тебѣ вымѣщаетъ?

— Да всяко. Ину пору сутки трои прибираешь въ умѣ, за что онъ побранилъ, никакъ не придумаешь. Такъ ужъ и сказываешь себѣ: стало-быть такъ, молъ, надо; на то, молъ, начальникъ — становой.

И слушатели, и разскащикъ весело хохочутъ.

— Ну, а какъ, охотно-ли привыкаешь-то?

— Извѣстно была-бы воля — охота будетъ. По хозяйству-то по его правлю должность. — Угождаю: довольны всѣ!... Одно братцы, ужъ оченно-больно тяжело!

— Грамотѣ, что-ли, учить?

— Этого не надо — говоритъ. Съ неграмотнымъ-де въ нашемъ ремеслѣ легче справляться. А вотъ ужъ оченно тяжело, какъ онъ тебѣ стегать виноватаго котораго велитъ, тутъ... и отказаться—такъ въ пору.

— Нѣшто ужъ тебѣ привелось?

— Кого стягали-то? спрашивали мужики.

— Не изъ нашихъ. Тутъ ужъ больно тяжело съ непривычки-то было. Мужичоночко этотъ—слышь—оброкъ доносилъ къ управителю. Принесъ. Высчитали, дали сдачи, радъ, значитъ: въ кабакъ зашолъ. Выпилъ и крѣпко-на-крѣпко. Въ ночовку попросился. Отказали: „Нѣтъ-де, слышь, знаемъ мы такихъ, что коли-де въ ночовку попросился, пить затѣмъ много станешь,—облопаешься. Ступай-де туда, откуда пришолъ". Ну, и не выдержалъ онъ тутъ: пьяное-то, выходитъ, зелье силу свою возымѣло какъ слѣдуетъ; ругаться сталъ, его унимать—онъ за бороду того, да другаго, да третьяго. Полѣно ухватилъ; рѣзнулъ за стойку—съ двухъ полокъ посудину какъ языкомъ слизнулъ. Тутъ извѣстно платить-бы надо. Стали въ карманахъ шарить, а у него и всего-то тамъ заблудящій полтинникъ. Исколотили его порядкомъ; къ намъ привели. Повѣренной—слышь, къ барину ѣздилъ, жаловался. Онъ у насъ сидѣлъ надъ погребомъ три дня. На четвертой и сошолъ барскій приказъ: дать-де ему съ солью—и вывели. Мнѣ велѣли розогъ принести. Принесъ. Раздѣвать велѣли,—сталъ. Да какъ глянулъ я ему въ лицо-то, а лицо-то такое болѣзное, словно бы его къ смерти приговорили... слеза проступаетъ—и Господи!—Такъ меня всего и продернуло дрожью! Опустилъ я руки и кушачишка не успѣлъ распутать. А онъ стоитъ и не двигается. Мнѣ спустили откуда-то—я опомнился; распуталъ кушакъ и армякъ снялъ, и въ лицо не глядѣлъ: боялся. Только-бы мнѣ дальше... какъ взвоетъ сердобольной-отъ человѣкъ этотъ, да какъ

закричитъ: „батюшки, говоритъ, не троньте! лучше, говоритъ, мнѣ всю бороду, всю голову по волоску вытреплите, не замайте вы тѣла-то моего: отецъ вѣдь я, свои ребятенки про то узнаютъ, вся вотчина!!“ Какъ услышалъ я это самое—махнулъ что было мочи-то обѣими руками отъ самыхъ отъ плечъ отъ своихъ, да и отошолъ въ сторону. Становой на меня. „Нѣтъ, говорю, не стану, не обижайте меня! Получилъ я за то опять разъ, другой... Съ той поры я и пришолъ въ послушаніе.

— Смѣкаешь—молъ, теперь-то?

— Да что станешь дѣлать, коли на то призванъ? Своя-то спина однимъ вѣдь рублемъ дороже...

И опять всѣ смѣются, хотя далеко и не тѣмъ искреннымъ, честнымъ и простодушнымъ смѣхомъ.

Черезъ нѣсколько времени нашъ сотскій разсказывалъ уже вотъ что:

— Въ одномъ, братцы, на его благородье хитро потрафлять: сердится часто. А ужъ сердится онъ на котораго на бурмистра, съ тѣмъ ты человѣкомъ и на улицѣ не смѣй разговоровъ разговаривать, и въ избу къ нему не входи. Эдакъ-то вонъ онамедни Соснинской, досадилъ что-ли нашему-то, и поймай меня у себя на селѣ: „зайди, говоритъ, Артюша, ко мнѣ: угощенье-де хорошее будетъ да и поговорить, молъ, надо. Отчего думаю не зайти къ куму, коли зазывъ онъ тебѣ такой ласковый сказывалъ? „Спасибо, молъ, на почестяхъ на твоихъ“. И зашолъ. Выпили. Груздей поставилъ. Гуся, пироговъ поѣли. Полтинникъ давалъ на дорогу,—отказался. Барскимъ сказывалъ—взялъ. Пошолъ это домой, шапочку на ухо, пѣсенки запѣлъ: весело мнѣ таково на ту пору было. Прохожій человѣкъ какъ-то встрѣнулся,—шапку ему снять велѣлъ: сотскій, молъ, идетъ, почтеніе давай-де и всякое уваженіе!“ Шутилъ значитъ. Да съ веселаго-то ума своего пройди въ становую квартиру: со становенками, молъ, поиграю! Духъ,

молъ, такой веселый нашолъ: за одно ужъ; все же и на предки, молъ, пригодится ласка эта. Зашолъ. Сказали самому, что пришолъ-де Артемей-отъ. Вышелъ онъ ко мнѣ въ сердцахъ, подбоченился. Плохо—думаю—дѣло: знаю—молъ, я ухватку твою. Я молчу; онъ и началъ:

— Гдѣ, говоритъ, это ты шуры-то разводишь? Подруги, говоритъ, сутки ищутъ тебя, не найдутъ. Что, говоритъ, не жаль тебѣ образа-то своего, не купленой чтоли? Знаешь манеру мою: люблю чистить.

— Какъ, молъ, не знать порядка твоего, чего другаго?— думаю себѣ.

— Сказывай: гдѣ налимонился.

— А такъ, молъ, и такъ... Все и повѣдалъ. Такъ онъ и досказать мнѣ словъ моихъ не далъ: такъ и заревѣлъ... Я оправился, стряхнулъ волосья и ни слова не говорю противу этого. Потому, какъ ужъ не въ первый разъ, и знаю: отвѣчать станешь, опять зареветъ. Такой ужъ обычай имѣетъ. Сталъ онъ опять сказывать:

— Вотъ, говоритъ, владыка на поповъ выѣзжаетъ: подводы ему сбивать надо. Двѣнадцать лошадей подъ него, шесть подъ пѣвчую братію, тройку протодіакону, шесть архимандрику, шесть-де подъ ризницу, три подъ исправника, три подъ меня и подъ все другое.

— Гдѣ соберешь? а пора лѣтняя, рабочая, всѣ лошадки въ полѣ, работаютъ...

— Загуляевской, молъ, вотчинѣ чередъ, ваше благородіе: знаю молъ! И угодилъ, думаю, сказомъ этимъ. Такъ нѣтъ вишь: опять зарычалъ еще пуще...

— Ты, говоритъ, разсуждать не смѣй, когда начальство говоритъ. А ступай-де въ Соснинскую вотчину, да тамъ и сбивай, а загуляевскаго бурмистра ко мнѣ пришли. Да такъ,—слышь,

и сдѣлай по моему. Послалъ я загуляевскаго, да и къ сосновскому-то зашолъ. Старое угощеніе помню и сказываю: „Становой, молъ, противу тебя сердце имѣетъ, не въ чередъ вотчину выгонять велѣлъ, да я до времени-де не стану: шолъ-бы ты къ нему, да поклонился.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Такъ становой-отъ его и на глаза къ себѣ не пустилъ, а велѣлъ позвать меня да и спрашиваетъ:

— Ты, говоритъ, зачѣмъ опять своимъ умомъ жить сталъ, и разсужденіе имѣешь?

Молчу.

— Не надо—говоритъ—не надо.

И говоритъ-то все это мирно таково! и ничего не дѣлаетъ.

Молчу.

Ступай—говоритъ—на кухню; обожди.

Пошолъ я, по его по приказу, куда велѣлъ. Сижу я тамъ долго, ничего это такова худова не думая. Вижу кучеръ его Гаранька приволокъ изъ сарая розогъ, да и положилъ въ воду. Посмотрѣлъ на меня, усмѣхается да и опрашиваетъ:

— Знаешь—говоритъ,—къ чему это все клонитъ?

— Какъ, молъ, не знать, Гарасимъ Стеффичъ?

— Смѣкай—говоритъ: про тебя вѣдь все это. Такъ-де приказано, и за сотскими послали-де на село. У меня такъ и захватило сердечушко-то мое, защемило его, и въ глазахъ помутилось. Вспомнилъ, какъ это въ мальчикахъ было это дѣло: и еще того горше отъ думы отъ этой стало! Сижу самъ себя невѣдая; на розги на тѣ, что мокли, и не взглядывалъ. И пошли мнѣ тутъ разныя такія мысли: и про мужичоночка-то про того про сердобольнаго вспомнилъ, и барскаго холуя.... Разныхъ я тутъ вспомнилъ: какъ одинъ молитвы вслухъ зачиталъ, какъ другой удралъ-было изъ сарая-то. Вспомнилъ бабушкину молитву, что читать наказывала, коли сердится на тебя кто: „Помяни,

молъ, Господи царя Давида и всю кротость его.“ Что коли-де припомнишь ее, отойдетъ человѣкъ тотъ. Такъ и рѣшилъ.

Пришли на тотъ часъ и наши сотскіе: Василій да Микита. Взглянули на розги, спрашиваютъ:

— Али-де стегать кого хотятъ? У меня опять ухватило сердечушко-то поперегъ. Смолчалъ.

— Не тебя ли-де, Артюха?—они-то. Смолчалъ.

— За что?—говорятъ; какая такая провинность вышла. Али-де пьянъ былъ да подрался съ кѣмъ? Красть-де ты не крадешь, кабаковъ не бьешь и господамъ грубостей не говоришь никакихъ.

Проняли.

— Самъ, молъ, говорю, братцы, не знаю за что.

Ребята головушками покачали, тронули пуще. Сказываю все какъ было. Молчатъ оба и опять головушками покачали. Хотѣлъ-было я имъ тутъ просьбу свою сказать, чтобы полегче накладывали,—да удержался. Совѣсть не поднялась. Сидимъ опять и молчимъ всѣ. У меня опять сердечушко-то мое нѣтъ-нѣтъ да и обдастъ всего его варомъ. Пытку я тутъ выдержалъ, братцы, такую, что никому не дай Господи! И за тѣмъ было... ужъ порядочно таки было. Сердечшко такъ и опустилось все на ту пору—на самое—надо быть—на донушко. Оправился это я—сердце въ злобѣ большой, сокрушенія накопилось много. Поднесъ становой рюмочку, другую; ласково потрепалъ, сказывалъ много хорошаго—простилъ я ему, забылъ злобу. И съ той поры и я къ нему, и онъ ко мнѣ какъ будто и разладу никакого не было—друзьями стали. И правлю я ему, братцы, должность, какъ слѣдуетъ: боюсь ужъ.

И дѣйствительно, что было у Артемья на словахъ въ мірскихъ бесѣдахъ, то было и на дѣлѣ,—въ мірскихъ собраніяхъ. Разведетъ-ли гдѣ православный народъ базаръ, ярмарку, и. по обычаю, подопьетъ и зашумитъ къ ночи, пропивая безъ оглядки,

безъ сожалѣнія трудовой грошъ, не всегда лишній и всегда честный—сотскій миритъ пьяныхъ. Велитъ ему становой запереть въ сарай вышедшихъ изъ возможныхъ границъ буйства и пропойства—Артемій прежде приложитъ руку, потѣшитъ себя и потомъ уже поспѣшитъ буквально исполнить приказаніе. Понадобится-ли сбить народъ на мірскую сходку для толковъ о подушномъ, о дорогахъ, о починкѣ мостовъ, о размежеваньяхъ и обо всемъ другомъ—Артемій дѣйствуетъ спѣшно и послушно, не забывая ни значка своего, ни кулаковъ, на которые уполномочилъ его становой приставъ своею властію, своимъ правомъ и приказомъ.

И спросятъ его бывало:

— Что блажишь, Артюха? Смирной такой прежде былъ, а теперь словно бѣлены объѣлся.

— А то, скажетъ, братъ, что выбралъ меня міръ на такую на должность на собачью—стало быть не уважилъ. А не уважилъ міръ Артемья, и Артемій угождать ему не станетъ.

Въ этомъ былъ весь его отвѣтъ и все объясненіе дальнѣйшихъ поступковъ. Черезъ полгода его узнать нельзя было: изъ мужика онъ сдѣлался рѣшительнымъ сотскимъ.

Прошла между тѣмъ ненастная осень со слякотью, замателями, падью и другими ненавистными проявленіями непогодей.

Наступила зима. По большимъ торговымъ селамъ начались очередные еженедѣльные базары: въ одномъ по воскресеньямъ, въ другомъ по четвергамъ, въ третьемъ по вторникамъ. Кое-кто изъ домовитыхъ толковыхъ мужиковъ—трудниковъ считалъ ужъ въ мошнѣ залишную копѣйку, полученную за проданный избытокъ изъ предметовъ домашняго хозяйства, и, лежа на полатяхъ въ теплой избѣ, толковалъ съ доброхотнымъ сосѣдомъ дружелюбно и міролюбиво:

— Все-то пошло у насъ, кумъ, хорошохонько...

— Зима встала такая кроткая; снѣжку накидалъ Господь вдо-

сталь; и на базары выѣзжать спорко и лошаденки не затягиваются—добавлялъ отъ себя кумъ и сосѣдъ.

— И міръ-то промежъ себя зажилъ таково ладно: хоть бы тѣже базары взять. Наклевался на товаръ твой купецъ—не бойсь, не перебьютъ: тебѣ ему и отдать свое и починъ получить. Хорошо, кумъ, Матерь Божья! хорошо пошло.

— Со становымъ въ ладахъ. Опять же исправникъ проѣзжалъ—не обидѣлъ. Къ мірскимъ толкамъ поприслушаешься—тоже опять всѣмъ довольны. Однимъ міръ скучаетъ: сотской Артюха благуетъ.

— Съ какихъ прибытковъ-то: чего ему мало?

— Поди вотъ ты тутъ... озорничаетъ.

— Обидѣлъ его что-ли кто, али лѣшой на лѣсу обошолъ?

— Дѣло-то это сказываютъ вотъ какъ было: пришолъ онъ въ посадской кабакъ, въ которомъ Андрюха сидитъ. Пришолъ-де,и слышь, и „здоровье“ не сказывалъ. Мужичонко тутъ на ту пору такой немудрой сидѣлъ; посмотрѣлъ, слышь, на него впристаль да и крякнулъ. Опять же и ему ни словечка не молвилъ. Снялъ рукавицы, рукава засучилъ.

— Дай, говоритъ, мнѣ Андрюха, балалайку.

Извѣстно, какой же кабакъ безъ балалайки живетъ: и Андрюха держалъ ее. Далъ онъ ему балалайку: супротивнаго слова не молвилъ. Побаловалъ это онъ на балалайкѣ-то, выбилъ тамъ трепака что-ли какого, назадъ отдалъ. Опять взглянулъ на мужичонка-то на того впристаль и опять не спросилъ его... Ничего. Слушай. Перекинулся этакъ, слышь, черезъ стойку-то, голову-то на стойку положилъ, да и спрашиваетъ Андрюху-то:

— А что, говоритъ, угощеніе мнѣ отъ тебя будетъ сегодня?

— Какое, говоритъ, тебѣ угощеніе? Давно-ли, парень, полштофъ-отъ раздавилъ: отъ меня вѣдь онъ тебѣ шолъ.

— Зато тебѣ и „спасибо“ сказывали тогда. Теперь за новымъ кланяемся.

— Мнѣ, говоритъ Андрюха-то, давать тебѣ не изъ чего да и часто такъ. Мы, говоритъ, на отчотѣ, съ насъ всякую каплю спрашиваютъ. А ты что больно разлакомился-то? Проси, коли хочешь, у повѣреннаго, вонъ на дняхъ поѣдетъ выручку обирать. Дастъ онъ тебѣ, такъ и я слова не скажу.

— Ладно, говоритъ, коли у повѣреннаго, такъ у повѣреннаго!... А ты не дашь?

— Не дамъ, говоритъ, и не проси!

— Ну коли по закону, говоритъ, не поступаешь, ладно, говоритъ. И изобидѣлся Артюха, крѣпко изобидѣлся; въ глаза цѣловальнику въ упоръ посмотрѣлъ; перегнулся назадъ; взялъ руки въ боки; ноги разставилъ; глядитъ на мужичонка-то на того, да и спрашиваетъ его:

— Ты, говоритъ, какой-такой?

— А не здѣшной — молъ.

Артюха-то къ нему, и рукава засучилъ опять.

— Ты, говоритъ, если съ кѣмъ говорить хочешь, такъ долженъ узнать сперва человѣка того. Я, говоритъ, могу вонъ этотъ кабакъ розорить. Вотъ оно что.

Мужичонко только замигалъ на слова на его, а цѣловальникъ не вытерпѣлъ:

— Да ты, говоритъ, съ того свѣту пришолъ, а ли со здѣшняго?

Ничего Артюха ему не молвилъ; опять присталъ, слышь, къ мужичонку-то:

— Я, говоритъ, таковъ человѣкъ, что вотъ поставлю промежъ себя и тебя палку свою — и ты со мной говорить не можешь: — потому я начальникъ!

— Кто же набольшой-то у васъ, спрашиваетъ Андрюха: ты, али становой. И смѣется. Мужичонко опять замигалъ.

— А кто, говоритъ, набольшой? Такъ вотъ я, слышь, ста-

новаго-то и благородьемъ не зову, по мнѣ онъ Иванъ Семенычъ, такъ Иванъ Семенычъ и есть. А ты по напрасну меня, Андрюха, не попотчивалъ давѣ на первой мой просъ. Теперь ужъ я самъ не стану пить.

И опять, слышь, къ мужичоночку присталъ. Много-де онъ ему тутъ всякой обиды сказывалъ, корилъ его всякими покорами. Мужичоночко на все молчалъ, да и выговорилъ:

— Мы-де не здѣшнѣе. У насъ свои сотскіе, а вашихъ-де мы не больно боимся.

— А гдѣ, говоритъ, у тебя пачпортъ?

— Дома, говоритъ, оставилъ.

— Ну такъ пойдемъ-де, слышь, къ становому. А тебѣ, Андрюха, не законъ бѣглыхъ людей принимать, да паспортовъ у всякаго у прохожаго не спрашивать: объ этомъ, братъ, нигдѣ не писано!...

Мужичоночко нейдетъ съ нимъ, — онъ его въ ухо разъ... и другой... и третій.

Сталась, такимъ манеромъ, драка у нихъ. И что затѣмъ было!!.. Артюха, слышь, въ снѣгу очнулся за околицей, въ крови весь и въ лѣвомъ боку боль учуялъ, крѣпкую такую боль, что словно-де туда пика попала. И пилила она его безперечь, сказывали, недѣли двѣ, на силу-де баней оправилъ, выпарилъ ее вѣниками, выхлесталъ, и то не всю. На лѣвой бокъ свихнулся маленько, да вотъ съ той поры и ходитъ кривобокимъ. И прозвали его ребятенки селезнемъ.

Такъ съ того-ли самого, али съ покору цѣловальникова, когда тотъ за битаго-то мужичоночка вступился да выговорилъ Артюхѣ:

— Что коли-де ты драться сталъ, такъ знай — молъ и моя отмашъ не объ однóмъ суставѣ. Вчиню-де и я тебѣ нашинскаго!...

Испортился нашъ Артемей. Къ становому пришолъ. Тотъ

заступился за своего за приспѣшника и пошолъ благовать Артемей. Да вотъ и озорничаетъ. Пришолъ, слышь, въ кабакъ (да не въ тотъ ужъ) и сказываетъ:

— Люблю я Ивана Семеныча за то, что онъ мнѣ во всякомъ моемъ словѣ послушаніе оказываетъ и почитаетъ меня. Придешь къ нему на домъ по его по вызову, станешь отказъ ему дѣлать, что вотъ-де слава Богу кругомъ все хорошо, никакихъ-такихъ произшествій не было, а что-де Матрена одночасно померла, такъ, отъ угару, молъ. Возьметъ онъ это меня за бороду, потреплетъ за нее, подлецомъ приласкаетъ да накажетъ: ты-де въ Митино пойдешь: „такъ отъ меня поклонъ сказывай!... Слушаю молъ!“ И стрижёная дѣвка косы не успѣетъ заплесть: Лукешка у меня въ становомъ огородкѣ за банями снѣгъ уминаетъ... И что тамъ дальше—не наше дѣло! Я тѣмъ часомъ завсегда ужъ у становихи дѣтямъ сказки сказываю, пѣтухомъ пою, опять же по телячьи... Соловьемъ свищу Барыня сама выходитъ,—слушаетъ, смѣется, чаемъ, виномъ поитъ. Наше дѣло такое—умѣй всякому угодить,—а затѣмъ ужъ тебя—никто не смѣй обиждать. Вонъ обидѣлъ меня Андрюха посадской, взялъ я у него мужика небѣглаго. Мужика этого отпустили, а посадской кабакъ три дня запертъ стоялъ. Тридцать, слышь, рублевъ у откупщика и изъ мошны вонъ. А мнѣ съ той поры ихній ревизоръ во всякомъ кабакѣ по полуштофу въ недѣлю велѣлъ отпускать безъ отказу. Такъ и знаю!...

Такъ объясняли себѣ мужики-сосѣди перемѣну въ Артемьѣ, такъ разсказывалъ и онъ самъ о себѣ. Новыя вѣсти приносили немного хорошаго. Артемій на всѣ спросы говорилъ мало или совсѣмъ не отвѣчалъ; къ сосѣдямъ завертывалъ только за дѣломъ, и не бражничалъ ни съ кѣмъ изъ нихъ и почти нигдѣ, ограничиваясь исключительнымъ правомъ получать отъ откупа выговоренное угощеніе. Въ избахъ у сосѣдей являлся онъ только по

должности съ словеснымъ извѣщеніемъ, и то не всегда входилъ въ дверь, а удовлетворялся обыкновенно только тѣмъ, что стучалъ своей палкой въ подоконницу. Къ стуку этому, всегда урывистому и громкому, давно уже примѣнились бабы и, при первыхъ ударахъ, умѣли отличить его отъ стука, напр. нищей братіи, которая стучитъ своими падогами обыкновенно слегка и учащенно и немедленно затѣмъ вытягиваетъ свой окликъ, не богатый словами, но глубокій смысломъ. Заколотитъ Артемій громко-громко, изо всей силы, задребезжитъ стекло и взвоетъ въ люлькѣ разбуженный ребенокъ — бабы перемолвятся:

— Надо-быть опять горлодеръ-Артемей, — чего надо?

— Дома-ли, большакъ-отъ?

— А на полатяхъ спитъ. Съ мельницы вернулся, — умаялся, слышь.

— Буди его поскорѣе, да гони къ окну.

— Сказывай, чего надо, — перескажемъ ему когда очнется: вишь недавно захрапѣлъ только... жаль!

Сотской въ отвѣтъ на это еще немилосерднѣе застучалъ въ подоконницу. Бабы опять разругали его промежъ себя и опять окликнули черезъ волоковое, всегда готовое къ услугѣ, окошко:

— Да ты бы въ избу вошолъ, отдохнулъ бы, молока бы что-ли похлебалъ.

— Некогда... у насъ дѣла... мы на полатяхъ не спимъ, намъ некогда. Буди, слышь, а то окно разобью.

— Ну, вишь вѣдь ты озорной какой, пошто окно-то бить станешь? Стеколъ-то здѣсь чай нѣтути — все изъ города возятъ, купленыя вѣдь. Вошолъ бы...

Но сотской не умолимъ: онъ обстукиваетъ оконницу со всѣхъ четырехъ сторонъ, и заставляетъ-таки бабъ будить большака. Долго тотъ не слышитъ ничего, не можетъ понять, наконецъ открываетъ глаза, щурится, опять закрываетъ и, повернувшись

на другой бокъ, опять готовится заснуть. Но новый стукъ и сильная брань подъ окномъ и новые навязчивые толчки будильщицъ подымаютъ его съ полатей. Чешется, зѣваетъ, еле шевелитъ ногами, чмокаетъ и опять зѣваетъ и потягивается разбуженный не во время и не въ доброй часъ. Подходитъ къ столу, выпиваетъ цѣлый жбанъ кислаго квасу, кряхтитъ, крутитъ головой, и, только теперь приходя въ сознаніе, съ открытымъ воротомъ рубахи, садится къ открытому окну слушать начальническія требованія неугомоннаго сотскаго.

— Партія солдатиковъ пришла, слышится голосъ сотскаго— троихъ поставить некуда—слышь! Въ твою избу велѣли,— слышь! Приварокъ давай—слышь. Завтра уйдутъ въ походъ. Принимай-ко слышь!

— Давно-ли, парень, ставилъ? Шолъ-бы къ Воробьихѣ: ей надо!

— Начальство на тебя указало,—слышь!

— А ты-то чего забываешь очереди-то?

— Чего указываешь-то: дѣлай что велятъ—слышь.

Сотскій опять застучалъ въ подоконницу.

— Бога ты не боишься. Есть-ли крестъ-отъ на тебѣ, что стучишь-то. Слышу вѣдь.

— Дѣлай что велѣно. Не ругайся!

Къ ругательствамъ сотскаго присоединяются новыя ругательства. Бабы въ избѣ тоже сѣтуютъ и перебраниваются промежъ себя.

— Шли бы вы-то, крещоные люди, не по сотскому указу, а по своему по разуму.

— Нашъ разумъ таковъ, куда указываютъ, туда и идемъ, отвѣчаютъ солдаты. А намъ не на улицѣ же спать.

— И то дѣло, братцы! А то гляди, сотской-отъ нашъ какой озорникъ, богоотмѣтчикъ. Ладно, идите!

Солдаты входятъ, бранятъ сотскаго и вскорѣ успѣваютъ по старому долгому навыку умирволить хозяевъ, всегда сострадающихъ, по свойству русской природы, и всегда готовыхъ умилиться духомъ, полюбить всякаго сострадающаго ихъ горю, хотя и не всегда искренно, большею частію голословно.

Хозяева беззавѣтно и готовно напоятъ—накормятъ временныхъ постояльцовъ всѣмъ, что найдется у нихъ горячаго и хорошаго, всѣмъ, чего ни попросятъ солдаты, отпустятъ и съ ними на дорогу и забудутъ вчерашнюю непріятность, хотя подъчасъ и выговорятъ при случаѣ и при встрѣчѣ сотскому:

— Благуешь, братъ Артюха, право слово благуешь! На кого золъ безъ пути, безъ причины, на томъ и ѣздишь, тому и колъ ставишь, прости твою душеньку безгрѣшную Господь многомилостивый.

Молчитъ Артемій на эти покоры, не вздохнетъ, не оправдается и опять также назойливо, часто и громко стучитъ своей палкой въ подоконницу: надо-ли выгнать вотчину на поправку выбоинъ на почтовой дорогѣ передъ проѣздомъ по губерніи губернатора, архіерея, вельможи-ревизора изъ Петербурга, надо-ли мірскую сходку собрать—всегда крикливую и не всегда толковую, надоли подводы сбивать подъ рекрутовъ, подъ заболѣвшихъ колодниковъ, или чего другаго. Повѣлительно-сухо высказываетъ онъ начальственныя требованія.

— И словно сердцомъ-то своимъ окаменѣлъ сердечный?! толкуютъ промежъ себя мужики.—Ни онъ тебѣ разскажетъ: вотъ такъ-де надо, затѣмъ молъ и отъ того, ни онъ тебя лаской потѣшитъ, умиритъ. Все словно съ дубу, будь ему слово это въ покоръ, а не въ почесть. Избаловался Артюха, совсѣмъ обозлился, словно на немъ и не мужичья шкура, словно міру-то такого разбойника, такова міроѣда и надо было. И виномъ ты его по-христіански не удовлетворишь, и ни на какую ласку не подается.

Ну-ко, братцы, дурь какую задумалъ, ну-ко на какой грѣхъ душу свою запропастилъ! Эко не́ рожоно, эко не крещоно дитятко!

— А что то еще выдумалъ?

— Да выдумалъ-то онъ по десяти копѣекъ со двора сбирать.

— За какія же за такія корысти? мало нѣшто и тѣхъ поборовъ, что есть. Эка, пара, не рожоныя и есть, не крещоныя дитятки!

— Становому-то, слышь, деньги понадобились: мало, вишь, у него ихъ.

— Разсказывай-ко, разсказывай, слушаемъ!

— Значитъ: святки на дворѣ, надо свѣчей много, водки тоже, потому какъ пляски плясать барышеньки да барыньки наши-ряжоныя пріѣдутъ—безъ угощенія нельзя. На другой разъ—пожалуй—не пріѣдутъ. Ну вотъ онъ по самому по этому дѣлу и позови Артюху-то (Лукьянъ сотской въ кабакѣ разсказывалъ). Позвалъ Артюху-то: „Ты, говоритъ, мнѣ придумай такое дѣло, чтобы у меня рублей десять на серебро было, потому какъ я тебѣ вѣрю и знаю, что у тебя голова не брюква, а изъ золота кована, жемчугомъ низана. Ну вотъ она, жемчужная-то голова, отъ большой трезвости отъ своей и поразгадала, попридумала:

— Вишь,—говоритъ,—ваше благородіе Иванъ Семенычъ, не на всякой, слышь, избѣ доски съ обозначеніемъ: кому и съ чѣмъ на пожаръ бѣжать: съ ведромъ-ли, съ лѣсницей-ли, съ лопатой, али съ кобылой. Вели оправить, а кто не можетъ, пущай деньги даетъ.

Тотъ ему за эти слова въ темя цѣлованіе, на руки благословеніе и крѣпкій наказъ:

— Губернаторъ-де велѣлъ это дѣло сдѣлать и отставкой-де пристрожилъ меня, коли ты-де Артюха не сдѣлаешь.

Вотъ и пошолъ нашъ Офонасъ по бѣдныхъ насъ. Собрали-то надо быть много. Иванъ Кузьмичъ Соснинской сказывалъ, слышь,

на Артемьевъ-то сказъ такое: нате-де вамъ вмѣсто гривенника три рубли на серебро, а ужъ-де дощечку-то я самъ нарисую; вы-де и не безпокойтесь о томъ. А коли-де кто по бѣдности такого дѣла не сможетъ, ко мнѣ опять приходи—еще дамъ! „И нашлась-де Агафья-нищенка (и къ той-де Артюха-то съ пьяну зѣнки-то свои безстыжія принесъ), сама-де сказывала—у меня душа за собой, да и та болѣзная, а мнѣ ужъ—говорила—за доской за вашей и отъ смерти отъ моей не ухорониться. Пришолъ, вѣдь, слышь, Артюха къ Ивану Кузьмичу, по его наказу.

— Ну—перебили слушатели.

— Отдалъ Иванъ Кузьмичъ за старуху десять копѣекъ.

— Что же Артемей-то?

— Взялъ—извѣстно.

— Экой чортъ, экой лѣшой, рука-то не отвалилась на ту пору?

— Нѣту, сказываютъ.

— Экой чортъ, экой лѣшой!

— Да ужъ это самое слово ваше вѣрно; накопилъ-таки на душѣ чертовщинки-то, позапасся.

— Сказываютъ, напредки грозится. Выговаривалъ-де Артюха-то дѣвкамъ: „вы-де слышь, ссыпчины-то не дѣлайте; зима-де нонѣ крутая стоитъ, поседковъ по книгамъ значится—на тотъ годъ дѣлать грѣхъ, такъ-де его благородье и наказывалъ мнѣ. Оставьте думать!“ Орженухи-то наши, слышь, въ слезы: „такъ, слышь, поправить-де это дѣло въ нашей силѣ.“ Со словами-де этими и отошолъ отъ нихъ.

— Ну, знать, отвѣтъ держать ребятамъ придется, да и отвѣтъ-отъ денежный....

— Ужъ это не безъ того...

— Возьмутъ, други, возьмутъ и съ нихъ поручнаго. Быть дѣлу этому.

— За ребятъ боюсь: и побьютъ Артюху...

— Да это и дѣло: на то и бьютъ, затѣмъ, знать, и пошолъ по непоказаной дорогѣ...

Такъ толковали мужички передъ святками, толковали послѣ святокъ, когда посѣдки затѣваются уже безъ ряженыхъ, хоть и съ пѣснями до масляницы.

— А вѣдь ребята-то наши взяли свое...

— О чемъ это ты?

— Артюхѣ-то за поборъ его за посѣдки бороду выщипали.

— Поколотили что-ли?

И поколотили, и полбороды выкосили: двѣ недѣли подвязаной ходилъ, а снялъ повязку: борода что мочалка—одно только званіе! Ходитъ и не стыдится...

— Ну!

— Обозлился теперь до зѣла! Какъ подвыпилъ, такъ и лѣзетъ изобидѣть бы кого, да облаять... Ужъ и бьютъ же—вѣрно слово!

— Больно?

— Въ клочья треплютъ. Кажись съ тѣмъ и въ гробъ уложатъ. Да ужъ больно жаль!...

— Чего такого?

— Человѣкъ-отъ былъ допрежъ оченно больно хорошій, а сталъ вотъ сотскимъ, съ того и пошло.

— Да ужъ это точно-что такъ: брось хлѣбъ въ лѣсъ—пойдешь найдешь. Пошли же ему Господи міръ безмятежный да покой! А жаль коли тѣмъ износится, право жаль. Христова, вѣдь, въ немъ душа-то, Христова. Вонъ, слышь, ономнясь у Прохора рекрута окликалъ: тѣ, выходитъ, вѣстимо позамѣшкали. Жаль было: одинъ вѣдь у нихъ сынъ-отъ и всей радости. Пришолъ къ нимъ Артюха въ другой разъ со строгимъ наказомъ. Пришолъ и взлаялъ по своему, сердито: „при мнѣ-де и лошадей впрягайте,

мнѣ-де велѣно и за-околицу васъ проводить.“ Ну, извѣстно, начальный указъ принесъ:—слушать надо. Стали иконамъ молиться. Артюха стоитъ, ждетъ: свою, значитъ, должность правитъ, приговариваетъ:“ торопитесь, молъ, торопитесь, тугой-де поля не изъѣздишь, нудой моря не переплывешь. Его—извѣстно—слушаютъ, будьто слушаютъ, а сами ревутъ да прощаются. Артюха стоитъ съ падогомъ со своимъ, словно на свадьбѣ, чѣреда своего въ угощеньи дожидаетъ: не его-де дѣло! Глазомъ, сказывали, не сморгнулъ. Стали тѣмъ часомъ парня образомъ благословлять—воетъ парень. Артюха падожкомъ своимъ постучалъ, слышь, объ полъ, да и опять-де свое слово сказываетъ: скорѣй-де, братцы, скорѣй, ждать некогда. Перекрестили парня образомъ, старикъ Прохоръ все молчалъ, что и Артюха же. Сталъ свою рѣчь сказывать:“ сердешной-де ты мой, единое око, послѣдня-де надежда на спасенье!... И все такое.

„Рубашку-то ты, слышь, любимую-то свою, красную-то надѣнь, армячишко синей мой, штаны-то плисовые, сапоги-то-де новые! Погуляй, покрасуйся на послѣдней часъ свой, отведи свою душеньку-то, жемчугъ ты мой самокатной, ангелъ ты нашъ хранитель — поитель. Вотъ двадцать рублевъ, слышь, уберегъ отъ своихъ отъ трудовъ грѣшныхъ, не одну-де недѣлю копилъ... послѣднія!...“ Сказываетъ это Прохоръ-отъ, а самъ дрожитъ и голосомъ переливаетъ плачевно такъ.

„Возьми ты, говоритъ, деньги эти: гармонію себѣ купи, потѣшься сколько сможешь на трудовыя на наши деньги. Вѣдь наши они, и никто-де ихъ отъ насъ отнять не можетъ. Пропей-де ты ихъ, слышь, прогуляй. Пущай пойдутъ они прахомъ, лишь-бы-де на твое на послѣднее ликованье во своей вольной волюшкѣ, въ дому отеческомъ. Какъ сказалъ эти слова-то всѣ старикъ Прохоръ, да какъ зареветъ, слышь что молодое дитя, во всю свою силу, да какъ кинется на шею къ парню-то... Сказываютъ, у

Артюхи слеза на ту пору проступила, и онъ заревѣлъ: затѣмъ-де, слышь, изъ избы вышелъ. Вернулся — сказываютъ — на другой день трепаной такой, скучной. Говоритъ — голосомъ дрожитъ, и смирно таково и ласково: „Я-де, говоритъ, становому сказывалъ, что прихворнулъ парень-отъ твой, въ два-де дня не оправится.“ Нѣтъ ужъ, — говорятъ, — спасибо, Артемьюшко, дальше откладывать — тяготы больше. Бери, говоритъ, да и вези коли велѣно! „Такъ слышь, Артемей-отъ, ни слова на это: опять прослезился. Везите, говоритъ сами, а я не поѣду; я, говоритъ, и на облучокъ не сяду: не въ моготу, молъ, мнѣ.“ Такъ и не сѣлъ, такъ и не выпроваживалъ за околицу. И ровно-бы на двѣ недѣли замѣчали — посмирнѣе сталъ: озорства отъ него большаго не видать. Все либо, слышь, дома, либо у становаго сидитъ, а чтобы эти крючки свои, — нѣтъ: не закидывалъ, не задѣвалъ ни кого!

— Ну, а теперь-то, молъ, какъ?

— Да ужъ извѣстное дѣло: поваженой что наряженой — отбою не бываетъ; опять дуритъ по старому...

— Экой не уладистой какой, экой не угребистой — міроѣдъ.

— Міроѣдъ и впрямъ! Къ колдуну-бы что-ли сводить его: тотъ не поможетъ-ли?

— Не поможетъ.

— Такъ къ знахаркѣ, что-ли?

— Не пойдетъ.

— Ну и считай — знать, опять дѣло пропащимъ.

— Такъ знать и будемъ считать до другаго сотскаго, али до новаго станового.

— А Артюха какъ есть пропащій человѣкъ, такъ и будетъ.

— Такъ, братъ, сосѣдъ дорогой, и будетъ, такъ и будетъ: Артюха пропащій человѣкъ. Это какъ передъ Богомъ!

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Колдунъ.

Колдуны — не всегда ловкіе плуты, обманывающіе темный и суевѣрный народъ при помощи своей сметки, которая дальше другихъ видитъ и выше стоитъ, но также и знахари, какъ остатокъ древнихъ волхвовъ и кудесниковъ, вызванные народною потребностію въ качествѣ врачей и значеніи цѣлителей отъ дѣйствія всякой вражьей силы. Не всякая болѣзнь, по народнымъ понятіямъ, зависитъ отъ себя самого, но большая часть изъ нихъ почти всѣ болѣзни происходятъ отъ злаго духа; болѣзни его шалости, самаго рукъ дѣло. Какія нибудь поносы (поносъ, кашель, насморкъ) отъ повѣтрія, отъ простудъ (да и то подъ большимъ сомнѣніемъ), а стрѣлы, притчи, вѣтряной носъ, даже нарывы, чирьи и другое многое непремѣнно отъ злаго духа и злыхъ людей: по наговору или съ глаза, по вѣтру, или по слѣду. Этито причины и долженъ разбирать достойный человѣкъ, знахарь. Настоящій колдунъ, колдунъ въ собственномъ смыслѣ, такія болѣзни умѣетъ насылать, но онъ же знаетъ и замокъ отпирать. Отпираютъ замокъ и простые знающіе люди. Оттого-то ни одна болѣзнь и не лечится безъ наговоровъ и не одинъ наговоръ безъ замка не бываетъ. Оттого-то нѣтъ болѣе или менѣе живыхъ околотковъ, гдѣ бы ни ходилъ слухъ о какомъ-нибудь колдунѣ, которые не всегда старики, но сплошъ и рядомъ молодые люди и люди среднихъ лѣтъ. Въ Великороссіи только колдуны поубавились; колдуновъ еще очень много.

Чѣмъ глуше мѣсто, темнѣе народъ, чѣмъ погуще лѣса и по-

дальше большіе города и торговые центры, тѣмъ вѣрнѣе встрѣча съ колдуномъ. Въ настоящей глуши они, впрочемъ, и сами не затрудняются объявлять о себѣ и хвастаться (въ чемъ, однако, ради барышей и корыстей, ихъ существенный и главный интересъ личный). Взглянетъ въ лицо да и скажетъ „счастья у тебя нѣтъ, а коли злыхъ дней не запомнишь, значитъ чужимъ счастьемъ живешь“, а разговорится, то и начнетъ хвастать: „мужа съ женой поссорить грѣхъ, для того, что союзъ-отъ Богомъ благословленой, а поссорить парня съ подругой не грѣхъ; то и я могу сдѣлать, а какъ—про то не сказывается“. Вотъ такимъ-то доточникамъ и на свадьбахъ первое мѣсто впереди, чтобы прочищать дорогу къ вѣнцу; такимъ и на пиру первое мѣсто, первая чарка и особой почотъ. Это — одиночки.

Колдуны водятся, по Архангельскимъ слухамъ — въ Корелѣ (между Корелами), по Уральскимъ заводскимъ извѣстіямъ, колдуны цѣлыми деревнями живутъ въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ Чердынскаго уѣзда (Пермской губ.), оттого и существуетъ повѣрье и присловье, что Чердаки-колдуны, чортовы знахари; тамъ на Ивана Лѣствичника (30 Марта), когда домовой бѣсится, и они, одинъ только разъ въ году, замираютъ. Но тамъ же, на Уралѣ тѣ самые невинные коновалы, у которыхъ и инструменты всѣ на виду, коновалы, которые толпами выходятъ на востокъ (въ Сибирь) изъ Кологривскаго уѣзда (Костр. губ.), дѣлаются на время колдунами и слывутъ таковыми вовсе не по заслугамъ и безъ всякаго права.

Не про этихъ промышленниковъ, но про двухъ изъ настоящихъ и присяжныхъ колдуновъ разсказъ нашъ, основанный на недавней были, къ сожалѣнію окончившейся такъ неожиданно. Придумали на колдуна лекарство, но не изъ той аптеки взяли, вопреки указаніямъ и совѣтамъ здраваго смысла, а гдѣ слѣпой слѣпаго водитъ.

Чорнымъ, полусгнившимъ и надломившимся въ серединѣ домишкомъ глядитъ кабакъ Заверняйко въ глаза всякому проѣзжему по тому дальному и глухому проселку, гдѣ поставила кабакъ этотъ насущная потребность окрестнаго люда и личный произволъ туземнаго откупа. Судьба поставила его, по обыкновенію, на тычкѣ—бойкомъ мѣстѣ: и хотя кругомъ прошли пустыри, да лѣсъ, да поля, и ближнія селенія далеко ушли въ сторону, тѣмъ не менѣе сюда забѣжитъ и сосѣдній мужикъ, праздничнымъ дѣломъ пропить накопившуюся за недѣлю бѣшеную копѣйку, и извощикъ, везущій ближнимъ путемъ купеческій товаръ, и ямщикъ туземной власти, осчастливленный милостивымъ снисхожденіемъ своего сѣдока, выбѣжитъ оттуда, обтираясь рукавомъ, покрякивая и похлопывая себя рукавицами по бедрамъ, какъ и всегда.

Въ кабакѣ Заверняйкѣ народная сходка. Безтолковый крикъ, покоры и перебранка мѣшаются съ пѣснями бойко и голосисто затянутыми, не во время и глухо кончаемыми. Громкій гулъ этотъ, вырываясь въ отворенную дверь и открытыя окна, возбуждаютъ со стороны проходящихъ нѣкоторыя замѣчанія:

— Путиловскіе землю раздѣлили: міроѣдовъ поятъ...

— Больно ужъ распоясались-то. Ну да вѣдь и то, парень, молвить—удѣльные?

— Пущай гуляютъ: ихное дѣло дворянское, какъ есть господа, а міроѣды-то наши, народъ теплой, на повадкѣ... къ бражничанью-то!

— Да ужъ это святое твое слово, чай вѣдь и Еремка тута!

— Гдѣ ему ледащему, не свои полати: на всѣхъ перепутьяхъ первая кочка, завсегда!...

— Зайдемъ, паря, взглянемъ!

— И то дѣло! Можетъ еще и попоштуютъ! Чай ужъ всѣ въ загулѣ!

— Съ утра еще забрались, какъ чай не въ загулѣ. Пойдемъ, взглянемъ...

Передъ глазами входившихъ — старые, давно знакомые виды, съ которыми не разставаться русскому человѣку во вѣкъ ни въ одномъ изъ питейныхъ: прямо полки съ стеклянной четвероугольной посудой различныхъ величинъ и цвѣтовъ и по нимъ печатныя надписанія. Стойка потертая, просаленная, напротивъ, мрачный и грубый цаловальникъ въ сторонкѣ, недалеко отъ него парнишко-поднощикъ-пропащій на вѣкъ человѣкъ; дверь сбоку, ведущая въ квартиру цаловальника; кругомъ лавки; на этотъ разъ пропасть народу пьянаго, и потому говорливаго. Всѣ въ шапкахъ, картузахъ или шляпахъ, всѣ до единаго заняты разговоромъ. Только двое вошедшихъ составляли исключеніе, но и то не надолго: они были замѣчены тотчасъ же, какъ показалъ голосъ, вылетѣвшій изъ середины толпившагося подлѣ стойки народа:

— Первачки пришли, пропустите! Эй, ребята, полезай впередъ, вы... Соснинскіе!

— Пошто впередъ: намъ и здѣсь ладно!

— Подходи, ребята къ стойкѣ: пей за путиловскихъ. Путиловскіе цѣлую полку откупили: станетъ на васъ!

— Нѣту, ненадо: пошто? мы вѣдь такъ зашли по себѣ: не надо, не просите!

— Пей знай — не ваше дѣло; послѣ сосчитаемся.

— Нѣтъ, да нельзя ли уволить, пошто пить: не надо!

— Помни знай, да берись за свое, не то и безъ васъ выпьемъ!

— Не просите лучше, не надо: благодаримъ покорно!

— Сказывай спасибо, когда выпьешь, а теперь знай пей за путиловскихъ, дѣло то мы ихъ порѣшили. Любовное дѣло вышло, знай пей, не заставляй кланяться...

— Не такъ ли лучше полно? мы... по себѣ зашли. Ну да знать ладно; быть по вашему: давай за путиловскихъ! выпьемъ.

И опять все смѣшалось и перепуталось въ общемъ гулѣ и сумятицѣ; только цаловальнику, можетъ быть не всегда впрочемъ любознательному, да навѣрное двумъ соснинскимъ мужикамъ — могли бросаться въ глаза нѣсколько мужиковъ, составляющихъ цѣль предпочтительнаго, общаго подчиванья. Между ними одинъ былъ веселѣе и бойчѣе другихъ. Онъ то поиграетъ на балалайкѣ, то врѣжетъ бойкое замѣчаніе въ толпу мужиковъ и поворотитъ весь разговоръ въ другую, желаемую имъ сторону, то подойдетъ къ стойкѣ и потребуетъ новую-свѣжую посудину на потребленіе то взвоетъ пѣсню, то опять идетъ къ стойкѣ. Глядитъ рѣшительнымъ хозяиномъ-распорядителемъ настоящей попойки. Соснинскіе мужики подошли къ нему и заговорили:

— Что, братъ Еремушко, какъ?

— Что, какъ?

— Ты... тово, здѣся!

— А то нѣтъ, что ли, не видишь?

— Что дѣло-то, порѣшилъ значитъ?

— Какое дѣло?

— А путиловское-то?

— Ну?

— То-то порѣшилъ-молъ?

— А вамъ-то что?

— А ничего, Еремушка, какъ есть ничего...

— Видѣли вы, братцы, воровъ-то соснинскихъ? кричалъ Еремушка уже вслухъ всей компаніи, вытащивши пришедшихъ мужиковъ въ середину. Вотъ Божье рожденіе, все какъ слѣдно, съ руками и съ ногами, и голова есть, а не то, потому значитъ господскій народъ. Спроси-ты его по суду напримѣръ—не отвѣтитъ, не съумѣетъ, потому подневольный—выходитъ—человѣкъ; рѣчи своей онъ не имѣетъ.

Еремушка кончилъ; толпа молчала. Соснинскіе мужики стояли, понуривъ головы, словно громомъ пришибенные, а можетъ быть и потребленная на чужой счотъ водка отняла у нихъ право говорить свое. Можетъ даже быть, что они не смекнули сразу, къ чему повелъ рѣчь затронутый ими знакомецъ. Еремушка явился передъ ними съ водкой и продолжалъ свое:

— Вотъ они теперича выпить должны, потому водка рѣчь даетъ; а опять-таки у нихъ мірскаго суда нѣту—подневольный народъ. Дай ты ему, выходитъ—землю: на молъ твоя она, онъ и возьметъ, хоть по всей то по ей камни прошли: возьметъ и камни зубами повытаскаетъ: потому самому, что господскому человѣку не велятъ разсужденіе имѣть. Сказали—и дѣлай! Такъ-ли я говорю, святые человѣки? Не вру вѣдь. .

— Да ты пошто это про насъ-то, Еремей Калистратычъ—теперича-то? Наше дѣло извѣстно, въ барской волѣ состоимъ, ему повинны, все отъ него: и судъ отъ него...

— Не на мое ли же опять вышло: такъ-ли я началъ-то? Такъ такъ стало быть и будетъ! А вы пошто у барина-то управляющаго новаго не просили?

— Большаки отказали: старики не пошли.

— А пошто стариковъ слушали? пошто не пошли сами? сказывалъ вѣдь я вамъ, какъ надо-то? Такъ вишь: сами молъ съ усами, а дураки, дураки несосвѣтные.

— На совѣтѣ твоемъ спасибо, потому тебѣ и угощеніе тогда предоставили; а сталесь вотъ такъ, что не пошли...

— Вотъ и выходитъ опять стало быть — по моему: подневольной вы народъ, рѣчи у васъ своей нѣту, воли нѣту... пропащій вы народъ—вотъ что.

— Да ты пошто это говорить-то зачалъ? Въ другую бы пору когда... а то вишь, народъ всякой...

— Народъ этотъ—свой. Народъ этотъ такой, тепереча, что вотъ три года землей-то не помирили промежъ себя; а пришли ко мнѣ: приставь слышь — голову къ плечамъ, научи! и давно бы такъ. А мнѣ что? я таковъ человѣкъ ужъ отъ рожденія, что для свово брата православнаго жену куплю да на кобылу вымѣняю, только что вотъ свѣтлыхъ-то пуговицъ не ношу: сдѣлалъ дѣло, какъ слѣдно. Вотъ потому и пьемъ, цѣлой кабакъ для меня откупить рады!...

— Безъ меня бы, слышь, ребята, ни Матвѣй, ни дядя Евлампій, ни Титъ, ни Гришутка, ничего бы не подѣлали, а со мной и каша уварилась! говорилъ онъ уже шопотомъ на ухо разгулявшимся мужикамъ. Вотъ тепереча мы пѣсни станемъ пѣть, а утрѣ я опять къ вамъ зайду—и опять потолкуемъ!...

Въ отвѣтъ на это, Соснинскіе мужики тяжело вздохнули и, махнувъ руками, отошли въ сторонку. Еремушка уже растилался въ присядку, и весело взвизгивалъ, какъ человѣкъ, у котораго въ эту минуту не было никакой заботы, кромѣ насущнаго потребленія водки. Соснинскіе мужики вполголоса перемолвились.

— Не дѣло, онъ, парень, затѣялъ; не такъ, бы ему, парень, говорить-то надо!

— При чужихъ-то—вѣстимо — не ладно!

— Не ровенъ чортъ управляющему-то молвитъ, опять загнетъ...

— Загнетъ, паря, безпремѣнно загнетъ.

— Не надо-бы эдакъ-то, въ слухъ-отъ!...

— Вотъ-то-то не надо-бы, больно не надо-бы!

— Самъ зачинщикъ—самъ и отвѣтчикъ, пущай такъ и станется.

— Эхъ, паря, не заходить бы намъ сюда-то!...

— То-то не надо бы: по себѣ бы лучше!

— Ужь это извѣстное дѣло!

— Ну да ладно, нишкни дока. Смотри вонъ Еремушка-то, пляску задалъ каково, нали—смѣхота беретъ! Вотъ какъ!... что въ ступу!... колесомъ пошолъ, на всѣ парень руки!—огонь!

Кабацкая толпа представляла въ эту минуту рѣшительный хаосъ; крѣпко-трезвый человѣкъ не нашолъ-бы тутъ ничего общаго и толковаго: все перемѣшалось и перепуталось, какъ и бываетъ это всегда на всякой пирушкѣ, гдѣ православный людъ живетъ прямо по себѣ, своимъ доморощенымъ толкомъ и на своей рѣдкой, но дорогой волѣ. Только одни кабаки видятъ эти безконечно веселыя картины, всегда впрочемъ поучительныя и глубоко знаменательныя.

Наступили сумерки: внутренность Заверняйки, по обыкновенію, мрачная и грязная, сдѣлалась еще мрачнѣе, но за то стала представлять болѣе оживленную картину. Весело было всему собравшемуся здѣсь люду, подъ задорную пѣсню гуляки, подхватившаго ухо и встряхивавшаго хохлатой головой, и другаго, выбивающаго всей пятерней веселыя трели на балалайкѣ. Вся ватага представляла на этотъ разъ одну дружную согласную артель, изъ среды которой выдѣлялись только двѣ фигуры, по видимому не принимавшія живаго участія въ общей попойкѣ, гдѣ всякой встрѣчной—по обыкновенію русскаго человѣка—гость и побратимъ, святая душа. Этимъ двумъ какъ-то и дѣла нѣтъ до того, что творилось вокругъ, и какъ будто дивились они и непонятнымъ казалось имъ, отчего и изъ чего бѣсятся и пляшутъ въ задорномъ загулѣ всѣ остальные посѣтители веселаго Заверняйки.

Собираются ли они здѣсь на ночевку или выжидаютъ конца общей свалки — рѣшить пока трудно, тѣмъ болѣе, что гульба принимаетъ еще болѣе оживленный и шумный видъ. Слышались поощренія, подзадориванья, ободрительный крикъ и хохотъ.

— Ну-ко, Иванушко, прорѣжь еще задорненькаго-то, да знаешь эту-то... разухабистую.

— Съ ломомъ-то что-ли которая?

— Айда!

Рябой, худощавый парень распоясывался, откашливался, прорѣзалъ стаканчикъ задорненькаго, становился фертомъ, билъ дробь ногами, съ гикомъ присѣдалъ, выкидывая изъ подъ себя то правую, то лѣвую ногу далеко вверхъ; бѣшено вскрикивалъ, выгибая плечи и летѣлъ въ такомъ видѣ отъ двери къ стойкѣ и отъ стойки обратно къ двери. Общее вниманіе исключительно было устремлено на него.

По окончаніи пляски снова выковыривалась пробка крючкомъ цаловальника, снова наполнялись и опорожнялись стаканчики, снова гудѣла пѣсня, снова вижжалъ и трещалъ полъ отъ задорной пляски и снова оглушительный крикъ и хохотъ еще сильнѣе, еще чаще выносился изъ дверей кабака Заверняйки въ лѣсъ и на опустѣлой, глухой проселокъ. Но, по прежнему, молча сидѣли оба мрачныхъ гостя, словно выдѣленные, словно попавшіе не на свое мѣсто: чорный, словно цыганъ, старшій мужикъ и худощавый, но съ плутовскими глазами, приспѣшникъ его — парень подростокъ. Старшій покойно и незлобиво созерцалъ все, что происходило передъ его глазами; младшій показывалъ больше нетерпѣнія и озабоченности. Наконецъ не выдержалъ послѣ того, какъ много перепѣлось пѣсенъ, много выпилось вина другими гостями:

— Дядя Кузьма, дядя Кузьма! не пора ли?

— Чего пора?

— Къ ночи вишь пошло: негожо!

— Что больно?

— Пора, дядя Кузьма, ей Богу!

— Помани маленько; дай уходиться: ишь гульба какая ходитъ. Разговоры еще у насъ будутъ, не про всѣхъ!... Чего тебѣ?

— Боязко больно!

— Чего такаго?—Чортъ ты, право чортъ—вотъ и все!

— Знобитъ, дядя Кузьма! къ ночи вишь...

— Ну, да ладно—поставь поди: и мы шорконемъ по-ихному. Ставь ступай косушку на первую пору!

Парень видимо радъ былъ разрѣшенію: и онъ и чорная борода дяди Кузьмы видѣлись уже у стойки. Послѣдній между тѣмъ разговаривалъ съ цаловальникомъ:

— Что больно сердитъ нонѣ, Кузя? спрашивалъ цаловальникъ.

— Всегда вѣдь такой, какъ отъ матери вышелъ,—сухо и отрывисто отвѣчалъ тотъ.

— Чей это молодякъ-отъ съ тобой?

— Дальной.

— А чей такой?

— Не здѣшной.

— Сердитъ ты, Кузя, право слово — сердитъ, не видалъ тебя экимъ, а и давно мы дружбу ведемъ.

— Всегда такой, всегда такой: и вчера и завтра!—также непривѣтливо и неохотно отвѣчалъ дядя Кузя; но цаловальникъ стоялъ на своемъ.

— Не учить ли парня-то думаешь, али просто погадать онъ къ тебѣ пришолъ?

Но дядя Кузьма былъ уже опять на старомъ мѣстѣ и опять молча созерцалъ играющую передъ нимъ картину до той поры, пока цаловальникъ не положилъ ей конецъ повѣлительнымъ крикомъ:

— Будетъ благовать-то, ребята: надо и честь знать; запираюсь, спать ложусь.

— Дай послѣднюю споемъ!

— Будетъ: наслушался! допѣвай на полѣ—тамъ привольнѣе.

— Давай еще выпьемъ на тебя!

— Нѣту вина у меня: часъ не показаной!

— Экой ты какой лѣшой: ходить къ тебѣ не станемъ.

— Не пугай — придешь.

— Идемъ, братцы: наплюемъ ему рыжому чорту въ бороду. Забирай ребятъ-то, кто изъ васъ пободрѣе!

Вскорѣ вся ватага вывалила вонъ. Дядя Кузьма и его приспѣшникъ видимо ожили: первый стоялъ уже опять у стойки и, засучивая рукава и покрякивая, говоритъ цаловальнику:

— Вотъ теперь и мы съ тобой поведемъ разговоры: давай-ко покрупнѣе-то которой, да вспѣнь его, мошенника, пусти искру...

Явился штофъ и три стакана. Выпили. Цаловальникъ началъ первымъ:

— Смекнулъ вѣдь я давѣ-то: чужой молъ народъ естъ, оттого-молъ и дядя Кузя сердитой такой.

— Ну, какъ тебѣ не смекнуть? плутъ вѣдь ты, не даромъ рыжой-отъ со сковороды соскочилъ.

— Что-молъ парня-то на выучку что ли взялъ? спрашивалъ цаловальникъ вкрадчивымъ, льстиво-добродушнымъ голосомъ.

— Тебѣ, дядя Калистратъ, что бабѣ: все сказывай, до всего охочъ. Задоренъ больно!

— Ужъ и ты лихой чортъ, что глухая старуха, все про себя, да на себя.

— Гадаетъ! отрывисто отвѣтилъ дядя Кузьма и указалъ бородой на приспѣшника.

— Аль зазнобило? спрашивалъ Калистратъ.

Парень молчалъ.

— Его знобитъ только съ холоду, а то этого, чтобы отъ дѣвокъ тамъ... не бываетъ, не такой! отвѣтилъ за парня дядя Кузьма.

Самъ молодецъ только ухмыльнулся и почесалъ затылокъ.

— Что это не видать тебя, Кузя, съ недѣлю никакъ не бывалъ у меня? спрашивалъ цаловальникъ.

— Наше дѣло извѣстное: все со своимъ ремесломъ. Въ Митюхино поля звали опахивать—ходилъ.

— А что у нихъ неладнаго-то?

— Скотина вишь падала; пришли да и взмолились. Поучи— говорятъ — нѣту-де такихъ-то, чтобы указали, какъ надо. Три рубли на серебро выговорилъ — показалъ на дѣвокъ. И ужь и дѣвки же тамъ, паря, что рѣпа! Вырѣзали слышь этой бороной полосы вершка на два въ глубъ, что лошади! Ядрень-дѣвки такая, что не привидывалъ.

— Ну, да тебѣ цыгану то и на руку.

Слушатели засмѣялись, и даже на сухомъ каменномъ лицѣ самого дяди Кузьмы прыгнула улыбка, высказавшаяся легонькой дрожью губъ и лѣваго глаза.

— Будетъ, Калистратъ, ты насъ не держи, намъ пора!

— Постой; поговори, посмѣши!

— Въ другорядь приду, а теперь не до смѣху, нечего и распоясываться по пустому. Съ позаранку ничего не ѣлъ, да знать и до утра такъ-то. Ты намъ водки съ собой отпусти; утрѣ занесемъ посудину-то, да ведерко дай да кочергу...

— Ну, Кузя, что не говори, а парня учить ведешь.

— Не будь ты Калистратъ: сказалъ бы я тебѣ такое слово, чтобы ты у меня до утра не прочихался. До завтра не брось не хватило-бъ тебя подождать-то. Экой народъ! Давай кочергу-то, да золы, да соли!

— Не сердись: будетъ по твоему.

— Сказано: смалкивай невѣстка — сарафанъ куплю, ну и цыцъ пострѣлъ, коли кашу съѣлъ.

— Идемъ Матюха, Калистратъ не переслушаетъ всего-то, на него хоть намордникъ накидывай: по недѣлямъ, розиня ротъ, охочій слушать...

Съ тѣмъ и вышли.

Черная осенняя ночь, не возмущонная ни однимъ порывомъ вѣтра, ни однимъ людскимъ крикомъ или говоромъ—была уже на дворѣ. Еще чернѣе ея стоялъ вдали лѣсъ безъ просвѣту, безъ звука, словно творилась въ немъ великая тайна и выжидалось оттуда страшное чудо.

Смѣло шолъ по его направленію дядя Кузьма, робко плелся за нимъ его приспѣшникъ-парень. Прошли поляну, прошли перелѣсокъ, не проронивъ ни единаго слова. Вступили въ лѣсъ: дядя Кузьма началъ первой такимъ сиплымъ голосомъ, какъ будто не выходилъ онъ изъ кабака нѣсколько сутокъ и не спалъ онъ эти сутки въ бѣшеномъ загулѣ:

— Помнишь ли зачуранья, какъ я тебѣ давѣ сказывалъ?

— Помню, дядюшка! отвѣчалъ Матюха такимъ робкимъ голосомъ, какъ будто съ молоду били его и забили въ немъ всякое смѣлое, самобытное слово.

— Сказывай! рѣзко выговорилъ дядя Кузьма.

Парень молчалъ.

— Сказывай про китовъ, на которыхъ земля держится; сказывай поскорѣе: скоро, гляди, кочетье взвопятъ.

— Это не страшно: отпустилъ душу—скажу. На тѣхъ китахъ земля стоитъ, началъ Матюха болѣе смѣлымъ, хотя еще и дрожащимъ голосомъ: — одинъ китъ потронется—земля всколыхнется, а всѣ-то вмѣстѣ—въ тартарары пойдемъ; одинъ помретъ —всѣ туда-жъ пойдемъ.

— Что китовъ держитъ?

— Огненная рѣка.

— Что рѣку держитъ?

— Дубъ желѣзной.

— Куда солнце на ночь уходитъ?

— Въ златотканные чертоги на востокѣ; тамъ стоитъ Буянъ-островъ и живетъ на немъ змія Македоница, всѣмъ зміямъ старшая, на зеленой осокѣ сидитъ птица, всѣмъ птицамъ старшая, и воронъ, — всѣмъ воронамъ старшій братъ и стоятъ, тамъ рѣки-кладези студеные...

— Сказывай дальше про Аѳонскую гору!..

— На горѣ Аѳонской дубъ стоитъ ни нагъ, ни одѣтъ, а подъ дубомъ тѣмъ живутъ семь старцовъ, семь ставцовъ, ни скованыхъ, ни связаныхъ. И приходитъ одинъ старецъ и приноситъ семь муріевъ чорныхъ и велитъ ихъ взять и колоть. И клюетъ тѣхъ муріевъ птица Гагана. И лежитъ тамъ бѣлъ-горючь камень Алатырь, и излизываютъ тотъ камень лютые зміи весь и ядовиты лѣтомъ и черезъ всю зиму оттого сыты бываютъ.

— Ладно, побратиме! обернись назадъ, снимай крестъ, да и клади подъ пяту въ лапоть и — не оборачивайся.

— Теперь, Кузьма Семенычъ, что хошь сдѣлаю все по твоему, по велѣнію — мнѣ-ко што: не ругались бы надъ тобой опосля, а то все сдѣлаю — говорилъ Матюха задыхающимся голосомъ и какъ будто сквозъ слезы.

— Лишняго говорить не надо. Становись и сказывай: „отдаю себя въ руки дьяволамъ“ — перебилъ его дядя Кузьма.

Матюха сдѣлалъ все, какъ указалъ ему тотъ: выворотилъ рубаху наизнанку, лѣвой лапоть надѣлъ на правую ногу и обратно; два раза перевернулся черезъ голову, опять сказалъ послѣ всего старое заклятіе и обернулся лицомъ на западъ, по приказанію и при словахъ учителя:

— Пройдетъ день на вечеръ, вынь ты тотъ крестъ на вѣ-

теръ: на стѣну повѣсь и придутъ къ тебѣ дьяволи. Для того ты спать ложись, не молясь, не крестясь. Придутъ—не придутъ: сказывай имъ что я училъ—примутъ и учить тебя станутъ по всякому. А вотъ тебѣ соль и кусочекъ; соль наговорена, кусочекъ—страшное дѣло: потеряешь, дня не проживешь.

Видитъ Матюха, что соль, какъ соль, и кусочекъ поменьше горошины и кусочекъ этотъ не то сосновая сѣра, не то воскъ или варъ, липкой такой:

— Зачѣмъ соль-то, дядюшка? пущай варъ, терять его значитъ, не надо.

— На соль шептать надо то, что хочешь супротивнику твоему сдѣлать: сохни, молъ, тотъ человѣкъ, какъ эта соль сохнуть станетъ; отступите-молъ, дьяволи, отъ меня и приступите къ тому человѣку, а мнѣ-ко, молъ, благо. И ступай на дорогу или въ избу ступай, гдѣ тому человѣку идти надо будетъ, и зарой ту соль, и не вдолгѣ опять сходи, и вырой и скажи: подидедьявольщина прочь отъ меня. И крестъ надѣнь. А супротивнику твоему будетъ скорбь и сухота. И вотъ тебѣ слово мое крѣпко. Чурайся, какъ училъ съ утра; говори за мной!

— Стать мнѣ на мѣстѣ, быть вѣдуномъ; знали бы меня люди и боялися: добрые и злые, невѣдомые и знаемые, и всякая душа человѣчья, и звѣрья, и птичья. И будь то чистое мѣсто, на которомъ стою, нечисто, и будь тотъ вѣтеръ, на который дышу, поганымъ. Слово мое крѣпко, запечатано, заказано, замокъ, замокъ!.. аминь, аминь, аминь!..

— Ложись и не вставай, пока не взвоплю!

Матюха легъ навзничъ и долго лежалъ, пока дядя Кузьма говорилъ надъ нимъ много всякаго вздору, какой только лѣзъ въ его голову, и руками махалъ, и кричалъ совой, и глухо лаялъ собакой, мяукалъ кошкой, какъ и всякой другой искусникъ, которыхъ такъ много ходитъ по бѣлому свѣту на смѣхъ и за-

баву добраго православнаго люда. Другой разъ тотъ же бы Матюха поджалъ животъ отъ смѣха, махалъ бы руками и надрывался бы до слезъ и кашлю: теперь онъ лежалъ на землѣ не шелохнувшись, и когда поднялся, по приказанію хозяина, по щекамъ его текли обильныя слезы. Учитель понялъ ихъ по своему.

— Плачь, Матюха, пока слезы текутъ; тутъ не токма́ человѣкъ, и кремень возрыдаетъ. Знай же разъ навсегда, что теперь ты колдунъ сталъ и будетъ тебѣ все по желанью по твоему. Съ тѣмъ и пойдемъ опять къ Калистрату.

Сосредоточенно, молчаливо шли они перелѣскомъ, полемъ, проселкомъ и выгономъ; молча вошли и въ кабакъ, гдѣ дядя Калистратъ только-что проснулся и, опершись руками на стойку, по временамъ зѣвалъ съ выкриками и глубокими вздохами, вперивъ свой масляной взоръ въ потрескавшуюся невыбѣленную огромную кабацкую печь. Дядя Кузьма подвелъ къ нему Матюху съ самодовольнымъ и смѣлымъ видомъ, примолвивъ:

— А вотъ тебѣ, дядя Калистратъ, и новоставленой! Давай ты намъ теперь водки побольше, да не казенной. А тамъ знай указывай всякому и на его, какъ и на меня. Знаетъ-де молъ и трясцу напускать, и домовыхъ окуривать, и съ лѣшими знается отъ мала до велика, что съ братьями, и отъ дьявольскихъ напущеній способитъ. А смекнулъ ты вечоръ, да признанья спрашивалъ, больше матери знать хотѣлъ. Это не слѣдъ, чтобы нашему брату все о себѣ сказывать, на то и голова у насъ въ кости скована.

— Откуда, Кузя, парня досталъ? думалъ Калистратъ-цаловальникъ, проводивши гостей и оставшись одинъ на одинъ съ собою. Знаю я всякаго народа много, затѣмъ и на тычкѣ живу: ходятъ въ мое жилье и господа проѣзжіе, а изъ сосѣднихъ бабъ всѣ на примѣтѣ, нетокмя мужики. А нѣтъ, такого молод-

ца не видалъ и не знаю. Надо быть и впрямъ изъ дальныхъ, — рѣшилъ цаловальникъ и на томъ крѣпко задумался.

Разъ запавшая съ этой минуты мысль, не находя прямаго исхода, не давала ему потомъ покоя. Много разсказывалось съ той поры въ Заверняйкѣ разныхъ исторій, веселыхъ и плачевныхъ, проѣзжими мужиками, всегда откровенно-простосердечными и добродушными, а тѣмъ болѣе еще подъ пьяную руку; но любопытный, пріучившій себя прислушиваться къ чужимъ толкамъ проѣзжаго люда, цаловальникъ, не могъ поймать даже намека на интересовавшую его тайну. Всегда нетерпѣливый и въ этомъ отношеніи даже безпокоющійся Калистратъ пробовалъ и самъ задирать кое-кого изъ болѣе толковыхъ сосѣдей кабака Заверняйки.

— Не знаете ли вы, ребята, парня такого: съ Кузей хаживалъ, хохлатенькой, что самъ Кузя. Не то чтобы онъ рыжій, а эдакъ сивенькой и косой такой, что заяцъ; говоритъ не охочій и на вино такой крѣпкій, что тебѣ соцкой любой, али бо и самъ становой.

— Это какой же такой, ребята? спрашивали обыкновенно мужики и другъ друга, и самого Калистрата.

— Да у тебя-то часто бываетъ?

— Разъ видѣлъ и наказъ получилъ, чтобъ сказывать, что и онъ такой же колдунъ.

— Ну, а звать-то какъ?

— Матюха, никакъ.

— Матюха, вишь.... да можетъ кузнецъ!

— Ишь тоже: того-то знаемъ доподлинно, еще солью закусываетъ и въ карманѣ ее на тотъ конецъ носитъ.

— Ну, такъ дьячокъ.

— Про дьячковъ и не сказывай; весь причетъ знаю: заходятъ и они посидѣть.

— Другихъ не приберемъ.

— У извощиковъ поспрошай: тѣ доточнѣй; нищую братью опять: тѣ только, кажись, пѣгаго чорта не знаютъ, а чорнаго видывали.

Попробовалъ Калистратъ спросить у нищей братіи: нашлась такая дряблая старушонка, тихая какъ агнецъ на паперти церковной, бойкая щебетунья въ кабакѣ придорожномъ, межидворница-сплетница во всякомъ селеніи, куда вводятъ ее страсть къ бродяжничеству и попрошайству и сердоболье ко всякой бабѣ деревенской, плаксивой и вѣчно недовольной своимъ настоящимъ.

Калистратъ только заикнулся: „не знаешь ли, молъ, того-то и такого-то, съ тѣмъ-то, молъ, ходитъ“,—нищенка и досказать не дала:

— Мнѣ чего не знать, Калистратушко, такъ обидно-нали просто: выходитъ, въ землю ложись и гробовой доской накрывайся. Матюхой звать, Ивановъ сынъ, въ Питеръ ходилъ — не поладилъ, назадъ пришолъ, полюбовница за солдатами въ походъ ушла, косой....

— Да ты постой, постой: сказывай по порядку, перебилъ защебетавшую побируху цаловальникъ.

— На ухо тебѣ молвить, да не при всѣхъ, Калистратушко, не ладное дѣло съ нимъ сталось: душеньку-то свою онъ въ недоброе мѣсто продалъ,—шептала побируха.

— Знаю: сказывай по порядку.

— Косушечку отъ себя поставишь: всю подноготную повѣдаю, безъ утайки.

— Не стоимъ о томъ, а потому—намъ знать любопытно.

Побируха подхватилась локоткомъ, цаловальникъ оперся локтями на стойку и начался разсказъ:

— Паренька-то этого я еще оттого помню, какъ съ покойничкомъ сынишечкомъ со своимъ съ Михайлушкомъ, міромъ побирались, за Христовымъ то-есть подаяньецомъ ходила. Завсегда

былъ збойливъ, завсегда шустрой такой, что опосля того и не привидывала. Не пропуститъ это онъ ни единой старушечки, ни единой Христовой сестры, чтобы не наскочилъ онъ на тебя, Или-бо тебѣ шлыкъ сшибетъ, либо котомочку-дароносицу оборветъ, али-бо костыль вырветъ да и учнетъ на немъ, что на лошадкѣ ѣздить. Бѣгаешь за нимъ бѣгаешь, лаешь его лаешь; уморишься ину пору до ручья кроваваго. Пойдешь къ батькѣ нажалуешься: натреплетъ онъ его, нащиплетъ, такъ слышь зайдется даже, въ пѣнѣ по-полу валяется: „я не билъ,' говоритъ, не вырывалъ костыля, не наскакивалъ, говоритъ, не дрался.“ Померли у него старики — зашибать сталъ, крѣпко зашибалъ: на базарахъ на этихъ, въ обѣдни пьянъ, а и въ свалкахъ то и дѣло онъ первый задираетъ; опять же о святкахъ дѣвушкамъ проходу не даетъ; гдѣ онъ, тамъ знай, слышь: поседка до первыхъ пѣтуховъ разойдется отъ его отъ окаяннаго отъ озорства. На становыхъ писарей нападать сталъ, чего бы тебѣ кажись? Постегали крѣпко-на-крѣпко и тутъ уйму не дался.

— Головорѣзъ — выходитъ! билъ стало быть на то, что прямо бы головой-то хохлатой своей да въ петлю, замѣтилъ отъ себя цаловальникъ.

— Да ужь это вѣстимое дѣло! Въ рекрута, Калистратушко, возили: вернулся вѣдь! Сказывали, и косъ молъ, и лѣвое-де плечо выше праваго. Ни подъ какую стать и не подошолъ. Вотъ онъ каковъ угорѣлый человѣкъ есть!

— И жила у нихъ тутъ въ деревнѣ дѣвонька такая, Лукешкой звать, потаскуха. Изъ себя она такая бы видная и не рябая, да худую по себѣ славу по міру пустила. Становой ли, слышь, наѣдетъ, да хоть и въ другой деревнѣ встанетъ, соцкой подъ вечеръ у ней подъ окномъ завсегда падогомъ стучитъ. Одно тебѣ это слово; опять же другое: ни одинъ человѣкъ ее въ избу къ себѣ не пускалъ, — за своихъ за дѣвокъ опасались значитъ.

И у Лукешки у этой по праздникамъ бы что-ли, а то и въ будни не въ рѣдкую, гульбу такую ребята наши пускаютъ, что дымъ коромысломъ идетъ. И стегали ее и въ волостное звали, страмили всякимъ дѣломъ: все прошло съ нее прахомъ, что съ гуся вода. Все въ глумъ взяла; пошла еще пуще того, что сорвасъ безъ узды. Старики взялись за свое: стали ребятамъ наказывать, чтобъ взяли бы ее да и бросили. Рекрутствомъ пристращали. Такъ только и угодили тѣмъ: перестали ходить къ Лукешкѣ и вою изъ ея избы не слыхать стало. И она стала что своя не своя, уходилась. И на то пошло: выйдетъ ли за ворота—ребята стали глумъ на нее напущать, позорили, ворота дегтемъ мазали. Выходить перестала. Идешь бывало за своимъ за мірскимъ подаяньемъ—сидитъ себѣ подъ оконцомъ, да пѣсенки про себя поетъ-потѣшается, и ни тебѣ у ней прялка въ рукахъ, мотовильцо бы какое: сидитъ себѣ барынькой коптеевской и знать не знаетъ. Худѣть, глядимъ, начала: со скуки молъ; плакать стала, у оконца-то, глядючи на бѣлъ на свѣтъ. Со кручины-молъ. А сама хоть бы тѣ ногой къ кому за совѣтомъ; со тоской со своей. Все одна. Стали замѣчать, что Матюха, этотъ озорной, допрежъ наругался на ней, а тутъ ни съ чего сблаговалъ: сталъ подъ окошко къ ней ходить, разговорами ублажалъ, а тамъ поглядятъ: не думаючи, не гадаючи, и въ избу къ ней залѣзъ, да съ той поры, почесь и не выходитъ, и долго бы и по времени-то. А поваженой, вѣстимо ужь молъ, что наряженой: отбою не бываетъ.

— Обворожила это его дѣвка, обложила это его красотами своими, что ни входу, ни выходу ни ему, ни другому кому. Стали по деревнѣ слухи такіе ходить опосля, что молъ они ужь и согласіе другъ другу сказали, на женитьбу то-исъ; и на улицѣ показывалися рука объ руку. У Матюшки и блажъ эта озорная прошла: думчивой такой сталъ, смирной: не лается, не дерется,

за однимъ дѣломъ ходитъ. Все бы это такъ и было: да поставили на ту пору въ деревню ихную солдатовъ. Ужь извѣстно это, Калистратушко, въ деревнѣ солдаты на постоѣ встали, завивай горе веревочкой: держись мужики крѣпче зубами за женнины понявы и ворота припирай плотнѣе.

— Солдатъ не даетъ маху: извѣстно, цѣлыми деревнями бабы на проводы выть выходятъ, примолвилъ Калистратычъ.

— Сказывай дальше! — И Калистратычъ махнулъ рукой, и повѣсилъ голову.

— Пришли эти солдаты, родной человѣкъ, разставили ихъ это по избамъ. Въ Лукешкину не поставили. Наша сестра, извѣстно, сейчасъ на глядь: которой лучше да у котораго усы чорные да круче вьются, которой опять краше фертомъ стоитъ у воротъ. Все берутъ на примѣту и бабы и дѣвки. Матюшка ровно того и ждалъ, что и Лукешка отъ другихъ не отстанетъ. Она первая. Торчатъ солдатскіе усы въ ея оконцѣ что не день все тѣ же, хоть ты что хошь. Матюшка опять въ озоръ! Побился съ солдатомъ-то до крови, по начальству ходили. И Матюшку въ управѣ постегали, и солдата тоже. Да Матюшкѣ не въ прокъ пошло,—дѣвонька его другаго пріучила: и съ тѣмъ подрался, а ушолъ полкъ-отъ изъ деревни и Лукешка за солдатомъ увязалась. И съ той самой поры, что въ воду канула. О ю пору ни привѣту, ни отвѣту. Матюшка только слышь догналъ ее гдѣ-то на дорогѣ да поколотилъ шибко, тѣмъ-де душеньку-то свою и отвелъ.

— И еще пуще опослѣдяхъ закручинился Матвѣюшко, а отошолъ, сталъ присватываться — инъ нейдетъ никто. Тому не гожъ, этому не ладенъ; той бы и подъ стать, такъ вишь за дурости-то за его поопасивались. Тутъ вотъ онъ и сталъ толковать неладное такое: „хорошо жъ говоритъ: коли не было мнѣ талану ни въ чемъ, стану я искать въ другомъ какомъ мѣстѣ,

а къ вамъ, говоритъ, приду не такой: по мнѣ-молъ либо полонъ дворъ, либо корень вонъ, а ужь къ лихому человѣку понавѣдаюсь.“ И пропалъ изъ деревни-то, что Лукешка же его. Да вотъ въ вашихъ мѣстахъ и нашолъ человѣка-то экаго, Михѣята Иваныча. Я — согрѣшила окаянная — и жилье-то его указала. У земскаго у Терентья, въ Матюшкиной деревнѣ-то, въ Раздерихѣ-то, на то время сказывали денегъ тридцать рублевъ бумажками пропало и на вора указать не смогли; а Матюшка-де Михѣю слышь може опять тридцать рублевъ за науку-то далъ и черезъ двѣнадцать ножей кувыркался: такой же колдунъ-де сталъ! Да не наше это дѣло-то: поклеплешь, сказываютъ, на чужую душу, своей худо будетъ. У тебя въ кабакѣ и деньги-то эти слышь отдавалъ Матюшка Михѣю-то: а я вѣдь не то чтобы.... не для худа. Что сказываютъ, по тому и смѣкаемъ. А ты меня не бей, убогая вѣдь я, и зашла-то попрощаться — въ Соловецки пробираюсь, кормилецъ!.

— Порадѣй на убогое мѣсто копѣечку во имя Христово! выпѣла побирушка своимъ заученымъ плаксивымъ голосомъ въ заключеніе разсказа и — получила-таки вспоможеніе.

Вернулся Матюха въ свою деревню почти черезъ мѣсяцъ; сталъ показываться на улицѣ веселымъ такимъ и далеко не сумрачнымъ, какъ всѣ предполагали. Вскорѣ сталъ являться и въ избахъ, какъ доброй землякъ и сосѣдъ: и на образа крестится не старымъ крестомъ, а все тѣмъ же — прежнимъ. И хозяевъ привѣтствуетъ по обычаю. и здравствуется добрымъ пожеланіемъ: „все ли добро поживаете; подавай вамъ Господи добрымъ совѣтомъ и согласіемъ на вѣка вѣчные„.

Стали его спрашивать:

— Гдѣ это ты пропадалъ, Матвѣюшко?

Молчитъ, какъ будьто вчера только не былъ тутъ.

— Сказываютъ, стращалъ ты насъ чѣмъ-то недобрымъ на отходѣ?

Улыбается Матюха и на этотъ вопросъ и рукой машетъ, какъ бу́дьто обмахиваетъ отъ себя всѣ злые навѣты и наговоры сосѣдей.

Болѣе любопытные и сомнѣвающіеся уходили дальше и между разговорами, какъ будто невзначай, упоминали имя колдуна Кузьки. И на это Матюха отвѣчалъ рѣшительнымъ вопросомъ:

— Кто съ такими негожими людьми знается?

— А въ кабакѣ Заверняйкѣ бываешь?

— Да коли на путь попадался, да выпить хотѣлось—заходилъ погрѣться.

— А цаловальника Калистрата знаешь?

— Рыжой такой да толстой?—Видалъ.

— Онъ вѣдь Кузькѣ-то колдуну сердечной другъ: всѣ, слышь-краденыя вещи отъ него принимаетъ; за одно-де съ нимъ.

— А кто ихъ знаетъ! отвѣчалъ обыкновенно сердито Матюха всѣмъ одно и тоже.

А самъ между тѣмъ и въ сельской кабакъ сталъ заходить послѣ обѣдни: и не буянилъ тамъ, не запойничалъ. Сказки прежде охотникъ былъ разсказывать,—теперь и красныя дѣвки не допросятся, не только ребятишки.

Лечить попросили его—отказался: на то-де знахари да знахарки живутъ на бѣломъ свѣтѣ. Нанялся подъ конецъ въ батраки на полевыя работы: такъ никто противъ него не былъ ретивѣе въ этихъ работахъ.

Сталъ — однимъ словомъ — Матюха совсѣмъ инымъ человѣкомъ:

— И лезетъ же вамъ, бабы, въ шабалы ваши такое все несхожее да негожее — толковали потомъ большаки: ну-комѣсто

какое: Матюха-де колдуномъ сталъ! Да видано ли гдѣ, что колдуны въ батраки нанимаются, да отъ лечьбы отнѣкиваются. Охочъ парень былъ до сказокъ, да пригрозилъ въ сердцахъ — вы и на толки нищей братіи развѣсили уши. Было бы слушать кого? А то, ишь что выдумали, непутныя, право непутныя!..

Но и этимъ дѣло не завершилось: бабы творили свое.

На другой день Ивана Лѣтняго вотъ что разсказывали онѣ шопотомъ сначала другъ-другу по принадлежности, а потомъ и самимъ большакамъ:

— Агафья—барской подпасокъ — передъ зарей на рѣку вышла и видѣла-де мужика на рáменьяхъ, въ рубахѣ безъ пояса и безъ лáпотокъ, нá-босу-ногу, ходитъ-де да траву какую-то щиплетъ. А какъ стала заря заниматься, мужикъ-то завернулъ траву эту въ тряпицу, подпоясался и лапотки обулъ, а Агафья-де стала ни жива ни мертва: мужикъ-отъ Матюха былъ, нечесаной такой, словно битой. Сказываютъ нищенки, что-де Адамову голову собиралъ; трава-де такая есть, что нечистыхъ духовъ показываетъ, нарядными-де такими кукшинцами кажетъ, и при себѣ носить надо... и другое разное такое тѣ нищенки сказывали...

— Нѣтъ, бабы, что-нибудь и такъ да не такъ. Матюха сказываетъ, что на повѣтѣ-де спалъ, а по ночамъ боится ходить, не токмя на Ивановъ-день, когда и лѣшіе бродятъ, и мертвые изъ гробовъ встаютъ и плачутся—рѣшили мужики. И продолжали-таки горой стоять за Матюху и не опрашивали его потомъ ни одного раза, боясь разсердить и озлобить.

Когда такимъ образомъ мужики, всегда туго одающіеся на всякую бабью сплетню, примирительно смотрѣли на все, что говорилось про Матюху, сами вѣстовщицы не остановились на одномъ.

Еще спустя немного времени, онѣ опять перешептались между собою и опять окликали мужей новѣйшими новинками:

— Слышалъ ли, Кудинычъ?

— Опять-чай про Матюху, да про колдуновъ?

— Нѣту, не про него: про Прасковьюшку.

— Чего съ ней такого недобраго?

— Выкрикать стала.

— На кого?

— Не сказываетъ дока́, а знобитъ-де ее бо́лѣсть: начнется-то молъ въ горлѣ перхотой по первоначалу и стоитъ тамъ недолго — внизъ скатывается, да и ухватитъ у сердца-то и нажметъ его такъ, что и себя-де не взвидитъ и не вспомнитъ ничего, ругается-де затѣмъ таково неладно! Отъ лукаваго-молъ это, отъ напуску: душу-то-де лукавой не замаетъ, а все сердцето у ней щемитъ и таково туго, что сердце икать-де начинаетъ, глаза подъ лобъ подпираетъ; по полу валяется — мужики не сдерживаютъ: откуда сила берется. Все, вѣдь, это отъ нечистаго все отъ него!

Немного спустя опять новыя вѣсти:

— На Ѳедосьюшку икоту наложили и она вопитъ; говѣла на Успѣнье, къ причастью хотѣла идти, не пустила бо́лѣсть. Степанидушка за обѣдней выкрикала, когда „Иже Херувимы“ запѣли; вывели—перестала. Просилъ у ней Матвѣй-отъ кушака, слышь коломянковаго запрежъ того—не дала: за то-де...

Но и этимъ вѣстямъ мужики не давали вѣры; наконецъ сами видѣли все и слышали—и все-таки стояли на своемъ, пока не втолковали бабы, что беретъ-де немочь все больше молодухъ, да и изъ молодухъ именно тѣхъ, къ которымъ присватывался когда-то Матюха.

— И зачѣмъ Матюха—прибавляли онѣ—имъ свой солодъ навязывалъ, когда становаго на мертвое тѣло выжидали и потому пива варили? Сказывалъ имъ Матюха, что мой-де солодъ сдѣланъ такъ, какъ на Волгѣ дѣлаютъ, а потому-де и крѣпче. Чѣмъ

же нашъ-отъ худъ: впервые что ли земскихъ-то поимъ и не нахвалятся?...

Задумались мужики, навели справки,—вышло на бабье: Матюха продавалъ солодъ. Спрашивали его—не отнѣкивается.

— Зачѣмъ же?—выпытываютъ.

— Да залеживался.

— Много ли его у тебя было?

— Пуда полтора.

— Ты, Матвѣюшко, дурни съ нами не дѣлай! Мы вѣдь крещоные.

— А я-то какой? а съ чего мнѣ съ вами дурню-то дѣлать: не обижали вѣдь вы меня; а слово—не укоръ.

— Ну, а бабы что тебѣ сдѣлали?

— Бабы-то сдѣлали?—и бабы ничего не сдѣлали.

— Ты, Матвѣюшко, не обидься, коли мы тебя въ становую квартиру съ Кузькой сведемъ?

— Почто обижусь? сведите!... А не то подождали бы малое время—мы бы... я бы позапасся.

— Да не надо, Матвѣюшко, твое дѣло правое—не спросятъ; зачѣмъ запасаться?

— Обождите!... Али ужь коли на правду пошло—пойдемъ и теперь, пожалуй! выговорилъ Матюха тѣмъ рѣзкимъ, рѣшительнымъ тономъ и голосомъ, который заставилъ мужиковъ немного попятиться и съ недоумѣніемъ посмотрѣть другъ на друга.

Пришли къ становому. Спрашиваетъ и этотъ:

— Опаивалъ, оговаривалъ?

— Нѣту.

— А сибирскую дорогу знаешь?

— Какую-такую?

— По которой звонъ-отъ на ногахъ носятъ.

— Ну!

— А вотъ тебѣ и ну! Покажите-ка ему!

Зазвенѣли кандалы: Матюха попятился.

— Въ полчаса готовъ будешь; стриженая дѣвка косы не успѣетъ заплесть — зазвенятъ на ногахъ. Кузьму Кропивина знаешь?

— Не слыхалъ, а можетъ и знаю, ваше благородье.

— Пишите! Въ кабакѣ Заверняйкѣ бывалъ?

— Тамъ бывалъ, бывалъ не однова.

— Одинъ?

— Не одинъ, съ Кузьмой бывалъ и съ другими бывалъ.

— Пишите! На первый разъ будетъ и съ меня и съ него.

Съ этого дня Матюха уже не былъ свободенъ.

Черезъ пять уже лѣтъ, когда видѣли его и на большомъ прогонномъ пути и на дорогѣ въ судъ, сказывалось на площади во всеуслышаніе такое рѣшеніе:

— „Кузьму Кропивина наказать плетьми, давъ, по крѣпкому въ корпусѣ сложенію, тридцать пять ударовъ, и по наказаніи отдать церковному публичному покаянію, что и предоставить духовному начальству; касательно до Матвѣя Жеребцова, то какъ Кропивинъ уличить его не могъ ничѣмъ, а вѣрить ему Кропивину одному не можно и за справедливое признавать нельзя и упоминаемый Жеребцовъ ни съ допросовъ, ему учиненныхъ, ниже на очной ставкѣ, данной ему съ Кропивинымъ, при священническомъ увѣщаніи, признанія не учинилъ, то въ разсужденіи сего, яко невиннаго учинить отъ суда свободнымъ и по настоящему теперь нужному дѣлу посѣва хлѣба времени и домашнихъ крестьянскихъ работъ препроводить его въ свое селеніе, а Кропивина содержать подъ карауломъ.“

— На міръ Матюхѣ клепать нечего — выручилъ міръ, хоть и по самое горлышко въ водѣ сидѣлъ. А Кузѣ подѣломъ — зашалился больно, и меня ни за што, ни про што подвелъ — перену-

тался. Ну, пущай посидѣлъ я немного въ негожомъ мѣстѣ, да у меня хозяева есть, хорошіе хозяева, можно за нихъ Бога молить—откупили... то бишь оправили и опять въ кабакъ сидѣть отослали! — хвастался Калистратъ — цаловальникъ, спустя уже многое время послѣ того, какъ провели столбовой колдуна Кузьму.

— А примешь, Калистратушко, сибирку синюю купецкую: Не можется — выпилъ бы! — перебилъ его робкой голосъ одного изъ гостей-слушателей.

— Спроси хозяйку мою: самъ не принимаю нонѣ....

— Что такъ, Калистратъ Иванычъ?—въ одинъ голосъ выговорили посѣтители.

— Да чтобъ съ живаго лыкъ не драли: теперь, братъ, и я стараго лѣсу кочерга и меня на кривыхъ-то оглобляхъ не объѣдешь тоже: первая голова на плечахъ и шкура невороченая. Всякую штуку къ бабѣ теперь неси, а мнѣ-ка—деньги.

— Да и то смотри, братцы, по-кабацки: что слышалъ здѣсь— не сказывай тамъ. Прощайте-кось: запираюсь!

II.

Вотяки.

Увлеченный непреодолимымъ любопытствомъ короче познакомиться съ кое-какими представительными промыслами нашего проистонародья, чтобъ видѣть на мѣстѣ кропотливую, трудовую жизнь, авторъ предлагаемой статьи ѣхалъ по Вятской губерніи.

Далеко впереди неясно рисовалось его воображенію обильное поле для наблюденій: цѣлыя картины живой, интересной, оригинальной жизни; но пока передъ глазами одна только сухая дѣйствительность—поѣздка къ предположенной цѣли, а слѣдовательно нетерпѣніе скорѣе доѣхать.

До цѣли еще слишкомъ двѣсти верстъ, цѣлыя сутки ѣзды по вятскимъ дорогамъ, — остается неизбѣжная обязанность собственными средствами скоротать это время. Разговорился бы съ ямщикомъ, но вятскій ямщикъ не словоохотенъ, даже угрюмъ, если не съумѣешь навести его на любимой предметъ; къ тому же онъ слишкомъ занятъ своею обязанностью: посадивъ проѣзжающаго и объявивъ о количествѣ полученныхъ и переложенныхъ имъ вещей, онъ тотчасъ подбираетъ возжи, спѣшитъ выѣхать за околицу, чтобы тамъ, на вольномъ просторѣ, за глазами ямскаго старосты, пріударить по тройкѣ и на у н о с ъ промчать свою станцію, по гладкому, какъ доска, полотну дороги.

Остановить его нѣтъ никакой возможности: всякое слово ваше,

будетъ ли это даже просьба ѣхать по-тише, онъ не выслушаетъ и пойметъ по-своему: не оборачиваясь назадъ, ямщикъ учащоннѣе задергаетъ лѣвой рукой, и завертитъ надъ головою правой, кнутъ въ которой вьется и визжитъ. Лошади бѣшено схватываются, ямщикъ гикаетъ, лошади вытягиваются и мчатъ быстро впередъ.

Вотъ мелькнулъ пестренькій верстовой столбъ и остался назади: вы успѣваете замѣтить поле, перебѣжать глазами до самаго дальнаго его конца, гдѣ чернѣется дальной перелѣсокъ, по которому опять глазъ добирается до дороги и опять видитъ пестрый верстовой столбъ немного впереди, потомъ ближе, ближе... опять подлѣ и опять назади.

Поля прекращаются: ихъ смѣняетъ перелѣсокъ, густая чаща котораго чернѣетъ на-право и на-лѣво и тянется вдаль, гдѣ опять поле, сѣренькій мостъ, перекинутый черезъ вражекъ, небольшая гора, по которой на встрѣчу дороги раскинулась вятская деревня. Въ ней съ перваго взгляда видно довольство и достатокъ, начиная отъ избъ, вездѣ крытыхъ тесомъ, до анбарушокъ, помѣстившихся на-противъ и вѣтреныхъ мельницъ, усыпавшихъ околицы.

Незамѣтно долетаемъ до станціи, гдѣ встрѣчаетъ услужливость и повиновеніе, и гдѣ черезъ четверть часа готовы уже лошади, чтобы мчать все дальше и дальше къ цѣли поѣздки и желаній.

Время незамѣтно летитъ впередъ. На землю падаютъ сумерки, густо застилающіе всю окольность; съ трудомъ различаешь ближайшіе предметы. Мѣсяцъ еще не выплывалъ. Въ воздухѣ стоитъ какая-то свѣжесть, заставляющая ямщика накинуть на плечи армякъ. Легонькой рысцой выѣзжаемъ на поляну. На-право тянется поле, за нимъ чорный боръ; на-лѣво тоже поле и вдали густой туманъ, поднимающійся надъ рѣкою. Ни впереди, ни назади ни однаго огонька, ни одной искры, которая дала бы вамъ воз-

можность заподозрить близость селенія. Всюду тишина замѣчательная, нарушаемая только стукомъ колесъ тарантаса и урывистымъ, нескладнымъ звономъ колокольчика.

Сумерки густѣютъ и непроницаемый мракъ окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ; съ трудомъ даже замѣчаешь своего ямщика, который, инстинктивно подергивая возжами, шатается справа налѣво, какъ будто дремлетъ. На вашъ крикъ онъ вздрагиваетъ, вскрикиваетъ на лошадей, бьетъ на-право и на-лѣво, бранится. Язычокъ колокольчика отъ скорой ѣзды заплетается, на нѣкоторое время смолкаетъ, чтобы опять звякнуть разъ десять и опять замолчать.

Вамъ, одинокому въ этой пустой и темной окрестности, скучно; въ голову лѣзутъ Богъ-вѣсть какія мысли и одна изъ нихъ навязчивѣе прочихъ—это мысль о возможности нападенія разбойниковъ. Припоминаются старинные разсказы о поимкѣ негодяевъ, которые отрѣзывали чемоданы сзади и пугали проѣзжихъ. При этомъ воспоминаніи, становится немножко неловко, немножко даже страшно. Вы увѣрены въ ямщикѣ, но боитесь права и лѣва, въ темнотѣ которыхъ не знаешь, что творится: можетъ-быть цѣлая шайка грабителей насторожила уши и ждетъ—не дождется. Праздное воображеніе утомляется между-тѣмъ до того, что забываетъ эти картины, берется за новыя, забываешь и ихъ, забываешь все на нѣкоторое время... начинаешь дремать. Но Богъ-знаетъ отчего чуткое ухо слышитъ гдѣ-то звонъ, воображеніе съ силою ухватывается за оставленную мысль о разбойникахъ, вы просыпаетесь и съ особеннымъ удивленіемъ слышите звонъ своего колокольчика, и еще новый, который несется вамъ не встрѣчу. Ямщикъ останавливается, слезаетъ съ козелъ. Явно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ?

— Лошадями помѣняемся—отвѣчаютъ вамъ. Не безпокойтесь, ваше благородье,—ничего!

Вы волей-неволей подчиняетесь желанію ямщика и обернув-

шись направо—видите тарантасъ, откуда слышится такой же вопросъ, произнесенный хриплымъ заспаннымъ голосомъ. Оба проѣзжающихъ соблазнены однимъ желаніемъ ѣхать на менѣе утомленныхъ лошадяхъ, и слѣдовательно еще скорѣе, чѣмъ прежде.

Голосъ въ тарантасѣ замолчалъ, слышится только скрипъ и звяканье упряжи. Ямщики поправляютъ обѣ дуги, при чомъ колокольчики звѣнятъ, а лошади фыркаютъ и жуютъ оторванный ими клокъ придорожной травы. Скучно слѣдить за процессомъ впряганья, а сонъ нейдетъ въ голову, вытѣсняемый старою мыслью, которая продолжаетъ преслѣдовать и въ то время, когда безсознательно устремивъ взоры впередъ, вы начинаете прислушиваться.

Издалека прямо на васъ несутся чьи-то голоса. По мѣрѣ приближенія ихъ не трудно выслушать упреки, которые сыплются на вашъ счотъ: говорятъ, напрасно вы останавливаетесь ночью, въ глухомъ мѣстѣ, гдѣ можетъ случится всякая непріятность.

— Хорошо еще (говорятъ) что вы на большой дорогѣ встрѣтились; на проселкѣ была бы совсѣмъ бѣда.

Вы видите, сколько позволяетъ мракъ, движующіяся фигуры на лошадяхъ. Страхъ окончательно овладѣваетъ вами. Словно въ забытьи, вы насчитываете шесть человѣкъ, видите ружья.... готовы кричать,— но разбойники проѣзжаютъ мимо въ противную сторону. Тарантасъ отъѣзжаетъ, равняется съ верховыми, ямщикъ браниТъ ихъ названіемъ ночныхъ шаталъ, велитъ сторониться. Дальше вы уже ничего не слышите; ваша тройка схватывается съ мѣста. Ямщикъ покрикиваетъ, вы спасены. Завтра, когда лѣтнее солнышко далеко поднимется въ небѣ, вы будете гдѣ-нибудь въ селѣ.

Здѣсь только-что кончилась обѣдня и прихожане въ праздничныхъ платьяхъ кучами усыпали дорогу. Ямщикъ не вытерпѣлъ, крикнулъ во все горло, и закрутилъ надъ головою плетью еще учащоннѣе и сильнѣе. Мужики снимаютъ шляпы; породистыя

бабы и дѣвки кланяются. Всюду вамъ привѣтъ радушный, который вы только и можете встрѣтить вдали отъ большихъ городовъ.

Однообразіе увеличивается по мѣрѣ-того, какъ вы опять углубляетесь дальше впередъ и все-таки мелькаютъ поля и перелѣски, деревни и села и, какъ-бы въ награду за долгое терпѣнье, попадется на глаза уѣздный городокъ.

Вы здѣсь останавливаетесь на нѣкоторое время, садитесь къ окну, выходящему на главную улицу, и отъ-нечего дѣлать слушаете болтаніе прислужника.

— Вотъ-съ, говоритъ онъ вамъ, указывая на странный экипажъ — долгушку, на которой умѣстилось по-крайней-мѣрѣ человѣкъ десять, — семейство судьи! У нихъ вчера-съ крестины были: хозяйка ихной милости десятымъ разрѣшилась и все болѣе дочекъ рождаютъ; три ужь на возрастѣ: остальныя малолѣтки-съ...

— Это-съ исправница! спѣшитъ предупредить васъ половой, замѣтивъ ваше удивленіе при видѣ чернoглазой дамы, одѣтой въ тальму едва-ли не послѣдняго рисунка.

Съ ними-то рядомъ идетъ купецъ здѣшной, молодой человѣкъ богатыхъ родителей, да промотался-съ....

— У насъ въ это время всѣ господа прогуливаются передъ чаемъ!...—вставляетъ половой свое замѣчаніе.

— А потомъ? спрашиваете вы его безсознательно.

— А потомъ болѣе въ карты играютъ. На этотъ предметъ и вечера межъ-собой разложили: сегодня вотъ у окружнаго, завтра у судьи.... Барышни окружнаго отлично на фортопьянахъ играютъ-съ и поютъ.

Надоѣдаютъ и эти разсказы половаго, и этотъ городокъ, въ которомъ чернoглазая исправница и барышни окружнаго, играющія на фортопьяно, и эта однообразная дорога, которая опять начнетъ преслѣдовать до самой цѣли.

Но вотъ уже эта цѣль не далеко, осталась одна станція, и

же послѣдняя. Радостно сжимается сердце и вы томитесь и нетерпѣніемъ поскорѣе во все взглядѣться, ко многому прислушаться, и сомнѣніемъ въ томъ: какимъ же образомъ приступить, съ какого конца начать? Сторона неизвѣстная, людей знакомыхъ никого, все зависитъ отъ собственнаго умѣнья и догадки. Обращаетесь къ ямщику, но онъ знаетъ едва-ли не меньше, да и какъ его спросить: какъ вызвать на откровенность? Начинаете теряться въ догадкахъ, чувствуете себя совсѣмъ неловко, нападаетъ даже раскаяніе, боязнь за себя. Едва осиливаете вы эти чувства, замѣняя ихъ однимъ, самымъ спасительнымъ въ подобныхъ случаяхъ — надеждою.

Вы понукаете ямщика ѣхать скорѣе.

— А далеко ли еще? — спрашиваете его.

— Да вотъ эта тепереча деревня наша, та опять будетъ наша. А какъ повернемъ въ боръ, да перекинемся черезъ оврагъ, пойдутъ ужъ все ихнія....

Эти простыя слова еще болѣе усиливаютъ нетерпѣніе: даже смѣшнымъ и досаднымъ становится собственное положеніе и роль, которую вы добровольно возьмете на себя среди этихъ людей, живущихъ за дальнимъ оврагомъ. Зачѣмъ вы будете пользоваться ихъ простотой, и можетъ-быть, довѣріемъ и искренностью; кто знаетъ, что они сдѣлаютъ съ вами, на основаніи той же простоты и искренности, когда узнаютъ съ какою цѣлью забрались къ нимъ? Къ тому же и ямщикъ успѣлъ предварить, что совсѣмъ-де дикой народъ: съ нашими не братается, и хлѣба-соли не водитъ, а все по себѣ и праздникъ, значитъ, по себѣ, и харчи свои потребляетъ, да и на насъ совсѣмъ-дескать не похожъ....

Неизвѣстность о томъ, что будетъ дальше, продолжаетъ томить и надоѣдать, а между тѣмъ вотъ и лѣсокъ, вотъ и овражекъ сухой, обсыпавшійся, не такъ глубокій. На днѣ рѣчонка: высохла. По сторонамъ ветлы.... стогъ сѣна, ни души кругомъ.

Поднимаемся на гору шажкомъ и поля видимъ и деревню, которая подвигается все ближе и ближе. Кругомъ обступили ее глухіе лѣса, вятскіе лѣса, гдѣ и медвѣдей и всякихъ дивъ много.

Лѣсъ одной стороной подвинулся къ самой деревнѣ, другой ушолъ далеко вдаль, можетъ-быть въ Сибирь, въ Камчатку Сколько въ немъ болотъ, паленики, какъ тихо! Иныя деревья Татарской погромъ помнятъ. Ни за что бы, кажется, не рѣшился пройдти этотъ лѣсъ изъ конца въ конецъ: медвѣди бы, волки съѣли,—въ болотѣ потонулъ.

— А вотъ тебѣ, сударь, ваше благородіе и орда ихняя угмордая! *)—перебилъ мои размышленія ямщикъ, не позволяя ихъ дальнѣйшему развитію.

Мы въѣхали въ одну изъ Вотяцкихъ деревень Глазовскаго уѣзда, верстахъ въ полутораста отъ—города. Это было лѣтомъ, въ чудную ясную, теплую погоду, въ самый день празднованія Преображенія Господня.

Въ деревнѣ, видно было, рады были этому празднику: чуть ли не всѣ высыпали на улицу, по-крайней-мѣрѣ, женская часть населенія; мужчины попадались рѣже; ребятишекъ почти совсѣмъ не было видно. Кое-гдѣ бродили коровы и пропасть гусей и утокъ. Дома рѣшительно во всемъ походили на обыкновенныя русскія крестьянскія избы въ деревняхъ. Всѣ также были выкрыты тесомъ; тѣже деревянныя трубы съ деревянной крышкой или горшкомъ на верху, съ тѣми же продушинами по бокамъ. Кое-гдѣ скрипѣли колодцы съ очепами, которые, можетъ-быть здѣсь называются иначе. Странно только поражалъ глаза какой-то развалившійся навѣсъ на столбахъ, соединенныхъ между-собою полусгнившею рѣшоткою, которая внутри окружена была также

*) Значеніе насмѣшки угмордъ, объясняется тѣмъ, что Вотяки сами себя называютъ Утъ-мурдъ.

сгнившими и обрушившимися скамьями. Въ самой серединѣ навѣса были еще цѣлы четыре столбика; на нихъ вѣроятно, укрѣплена была доска; я началъ догадываться, но не совсѣмъ еще довѣрялъ своей догадкѣ.

— Что это такое, не знаешь? — спросилъ я ямщика, который остановилъ лошадей прямо противъ этого навѣса на площадкѣ.

— По ихному-то это старинная кереметь, выходитъ. Тутъ вишь, ваше благородье, часовню будутъ строить. А я вотъ, ваше благородье, старшину твоей милости приведу: поди вѣдь тебѣ пристать гдѣ надо? — продолжалъ ямщикъ, измѣнивши самый тонъ рѣчи.

При словѣ кереметь, воображеніе невольно перенеслось во времена давно-минувшія, языческія, когда Вотяки не были еще христіанами, и уже рисовало картину, отъ которой какъ-то вовсе не хотѣлось оторваться безъ того, чтобъ не прослѣдить ее до конца.

— Вотъ, (думалось мнѣ,) въ этой же самой деревнѣ давно-давно случился падежъ на рогатой скотъ. Скотина валилась десятками; у хозяевъ нѣтъ средствъ и умѣнья избыть бѣду непрошеную. Народъ выбираетъ старшинъ и посылаетъ ихъ къ своему волхву — тунѣ, рыжая, лохматая борода котораго страшила не только одну эту деревню, но и много другихъ въ окрестности.

Туна этотъ страшенъ не только видомъ, но и обычаемъ; туна знается съ шайтаномъ, туна и съ алидомъ (лѣсовикомъ) и съ ву-муртомъ (водянымъ) дружбу ведетъ, а съ албастомъ (домовымъ) онъ всегда свой человѣкъ. Входятъ старшины въ избу, и въ поясъ:

— Отврати, туна, бѣду отъ деревни! У меня четыре головы шайтанъ загубилъ, у него — пять, у этого — шесть...

Туна хмурится, чешетъ голову; встаетъ съ мѣста, по избѣ ходитъ, а самъ молчитъ, хоть бы словомъ порадовалъ рыжихъ старшинъ.

Видятъ они, что трудна бѣда, не легко избыть, не съ-ровнымъ дѣло вести приходится. Одна надежда на умѣнье туны: отъ его рукъ никакое дѣло не отбивалось. Не даромъ онъ шесть-десятковъ лѣтъ все этимъ занимается: изъ чужихъ деревень къ нему ходятъ...

Ушолъ туна въ подъизбицу, долго возился тамъ и вышелъ оттуда страшнѣе шайтана самаго: весь въ бѣломъ; на лбу какія-то бляхи навязалъ...

Пали старшины въ землю и не поднимались на ноги безъ его приказу. Сѣлъ туна за столъ, выкинулъ сорокъ-одинъ синій бобъ и сталъ перекидывать съ одного мѣста на другое. Хмурится туна пуще прежняго; страшнѣе и глаза его стали, и борода копной... Собралъ туна бобы, опять ничего не сказалъ и опять ушолъ въ подъизбицу.

Вышелъ назадъ весь въ красномъ; опять старшины пали на землю, опять садится туна за столъ и кладетъ два куска хлѣба, да два угля одинъ противъ другаго. Въ середину положилъ онъ одинъ кусокъ хлѣба, иглу въ него воткнулъ, поднялъ руки и началъ смотрѣть, страшно смотрѣть.—Глаза наливаются кровью, всего ведутъ судороги...

Туна быстро всталъ съ мѣста и объявилъ вслухъ, что съ самымъ старшимъ шайтаномъ ведутъ дѣло: нужно завтра собраться въ кереметь и привести съ собой двухъ коровъ, такъ-какъ на нихъ сильнѣе падежъ. Велитъ пригласить изъ сосѣдней деревни гостей, чтобы при нихъ спорчѣе шло дѣло, и посылаетъ старшинъ идти повѣстить объ его рѣшеніи всю деревню.

Вышли старшины отъ туны и собрали совѣтъ у керемети, чтобъ рѣшить безобидно: съ чьего двора вести скотину. Долго они спорятъ, по обыкновенію кричатъ и ссорятся; перекорили другъ-друга и женами и дочерями, подрались даже съ-горяча и кое-какъ рѣшили, что на комъ больше несчастье стрясется,

да осталось у него въ живыхъ хоть одна голова рогатая, тому и отвѣтъ держать.

По утру, на другой день рано, всѣ обмылись; надѣли чистое бѣлье и платье, а у кого было новое, тотъ и въ новое вырядился. Взяли у бабъ коровай прѣснаго ржанаго хлѣба, виноватые вывели свою скотину, и къ восходу солнечному вся деревня была уже въ керемети, въ глухомъ лѣсу, на широкой площадкѣ. Въ деревнѣ остались только бабы да ребятишки, и то потому, что не мѣсто имъ тамъ, гдѣ стоятъ за мірское дѣло.

Приходитъ куреза-старшій жрецъ, велитъ бить скотину, собрать кровь въ горшки, содрать кожу и потомъ повѣсить эту кожу на суку того дерева, которое стоитъ прямо противъ того мѣста, гдѣ восходитъ солнце. Въ тоже время у скотины вырѣзывались особо глаза и уши, вынималось сердце и требушина. Все это сваливалось въ котелъ, наполненный водою. Народъ раздѣлился: одни обчищали жиръ и сало, и потомъ смѣшивали все это съ кровью и овсяной крупой, клали въ пузырь, связывали ниткой, опускали въ котелъ въ то время, когда изрубленное мясо, другой половиной народа, варилось въ котлѣ. Пѣны не снимаютъ, не выбрасываютъ. Народъ съ трепетомъ ожидаетъ молитвы. Куреза встаетъ и обращается къ востоку и повѣшенной кожѣ; всѣ падаютъ ницъ. Раздается, при общемъ молчаніи, голосъ молитвы къ верховному Инмѣ, который торжественно возсѣдаетъ на солнцѣ съ своей матерью Кальциной и теткой Шундой:

— Инма! батиръ! вюлихъ!.. Инма!.. Шунда!.. Калцина!.. батиръ вюлихъ *)!.. продолжалъ кричать своимъ разбитымъ голосомъ куреза.

Народъ билъ головою въ землю. Въ лѣсу все тихо. Только

---

*) Помилуй скотъ.

трескъ дровъ, да крикъ куреэы, нарушалъ тишину и глухимъ эхомъ отдавался въ оврагахъ.

Молитва кончилась; народъ поднимался, помолившись за себя, за женъ и дѣтей. Куреза отламывалъ кусокъ хлѣба, вынималъ изъ котла кусокъ мяса, бросалъ все это на землю и подавалъ знакъ къ пиршеству. Ничего не оставляли Вотяки изъ съѣдомаго, боясь оскорбить верховнаго Инму. Только кости уносили они домой на храненіе и прятали ихъ далеко отъ глазъ кровожадной собаки и чужаго глаза. Въ лѣсу, послѣ буйнаго шуму, наступала опять тишина. Дрова догорали, бросая искры; куреза сидѣлъ въ подполье и переодѣвался; народъ—въ надеждѣ на умилостивленіе Инмы.—Всѣ при своемъ...

— Вотъ, ваше благородье, старшину привелъ! перебилъ ямщикъ мечтанія, указывая на рыжаго мужика въ бѣлой рубашкѣ.

— На-силу отыскалъ, ваше благородье, продолжалъ ямщикъ: у нихъ нонче выходитъ праздникъ, такъ и разбрелись всѣ.

Я взглянулъ на старшину, который низко поклонился, и впервыхъ замѣтилъ, что борода его была клиномъ и рѣшительно рыжая, даже красная, подходившая скорѣе къ печному пламени, чѣмъ къ каштану, но за то волоса замѣтно побѣлѣли и неровными прядями обрамляли загорѣлое лицо. Глаза какіе-то узенькіе, подслѣповатые; носъ широкій. Самъ Вотякъ сугорбый, приземистый, и по худощавости представлялъ рѣшительный контрастъ съ ямщикомъ. Не то старикъ былъ болѣнъ, не то ежился нарочно, какъ казалось мнѣ съ перваго взгляда. Впослѣдствіи я нашолъ между всѣми Вотяками рѣшительное сходство; одинъ былъ похожъ на другаго, какъ капля воды, даже женщины ихъ походили на мужей и братьевъ; такіе же подслѣповатые глаза, такой же обликъ физіономіи; та же тупость во взорѣ и неповоротливость. Разница одна: у мужчинъ были бороды, безъ чего, кажется, совсѣмъ было бы трудно отличить ихъ отъ женщинъ.

Нѣкоторые между ними попадались бѣлокурые, какъ женщины, такъ и мужчины, но большая часть, и исключительно — рыжіе. То же единообразіе и въ одеждѣ: старшина пришолъ ко мнѣ въ армякѣ — пониткѣ до колѣнъ, изъ-подъ котораго виднѣлась бѣлая холщовая рубаха, отороченная кругомъ красными нитками въ самыхъ прихотливыхъ узорахъ. Видѣлъ я и поясъ, на который мѣшкомъ спущена сверху рубашка; чуть ли не видалъ даже на этомъ поясѣ мѣднаго гребешка. На ногахъ старшины надѣты были чистыя сѣрыя шерстяныя портянки, кругомъ которыхъ обвивались оборы новыхъ веревочныхъ лаптей, порусски — шептуновъ. На головѣ надѣтъ былъ родъ какого-то бурака, съ виду похожій на грешневикъ, какой носятъ извощики въ Москвѣ и по Нижегородской дорогѣ.

Старшина пошолъ впередъ, я за нимъ. На дорогѣ догоняетъ ямщикъ:

— У нихъ, сударь, брага-то своя. Отъ откупа запрету нѣтъ, сами стало и курятъ.

— Что-же такое, и къ чему ты сказалъ это?

— Да вишь нонича они Спасовъ день справляютъ; знать по нашимъ деревнямъ провѣдали. Такъ поди кумышку станутъ пить. А ужъ какое средствіе, баринъ, кумышка-та эта!...

Новое слово, особенно поразившее слухъ, заставило меня обратиться къ ямщику съ вопросомъ, и потребовать объясненія, что такое кумышка.

— Не то, чтобы пиво, али вино, маненько рази по-гуще вина. А есть у нихъ еще медъ; и ставятъ они этотъ медъ въ бутылкѣ въ песокъ, да и заморятъ такъ, что оченно хорошо бываетъ.

— На водочку-то, ваше благородье пожалуйте! хорошо вашу милость приставилъ, да вотъ и касательно фатеры-то раденіе имѣлъ.

Исполнивъ желаніе ямщика, я вошолъ въ избу и немного удивился, увидѣвъ во всемъ обстановку любой крестьянской избы. На-лѣво накатная печь изъ глины, рядомъ переборка; подлѣ нея на очепѣ зыбка; на-лѣво въ уголъ придвинутъ былъ ткацкій станокъ съ натянутыми нитками, на которыхъ валялся челнокъ. Я разсмотрѣлъ станокъ этотъ пристально и увидѣлъ начатый холстъ, намотанный на валекъ. Кругомъ всей избы пристроены лавки, и въ нихъ въ заднемъ углу — или куту — коникъ; въ переднемъ углу чисто-выскобленный столъ и тябло, на которомъ замѣтилъ я створчатый мѣдный образъ и другой на деревяной доскѣ, писаный яичными красками и источенный тараканами. Надъ кутомъ надстроены полати, и на нихъ валялись тулупы, какія-то тряпки, пустыя крынки, горшки.

На печи зашевелилась и закашлялн баба. Скоро спустила она ноги на приступки и слезла внизъ, оправляя свой высокій шлыкъ, въ которомъ, кажется, и спала даже. Она дала такимъ образомъ возможность осмотрѣть и ея костюмъ, который состоялъ изъ той же рубашки, мѣшкомъ опускавшейся спереди и сзади на поясъ. На ногахъ я замѣтилъ тѣ же сѣрыя портянки и бѣлые веревочные шептуны, какъ и у мужчины. На плечи опускались концы бѣлаго платка, также, какъ и рубашка, отороченнаго красными, замысловатыми узорами. Въ ушахъ продѣты серги, къ которымъ прикрѣплялись крупныя бисерныя бусы, болтавшіяся на груди. Головой шлыкъ на лбу отороченъ былъ подвѣсками изъ тѣхъ же крупныхъ бусъ, рядовъ въ восемь. Коса сзади опускалась на спину и концами привязана къ поясу; въ нее вплетены монеты: старинные полуполтинники, полтинники, цѣлковые, и откуда ни взялся французскій франковикъ.

Старуха была рѣшительно безобразна: таже подслѣповатость, какъ у мужика, крупныя морщины, какъ у всякой старухи, прожившей на свѣтѣ десятковъ семь или восемь лѣтъ, но желтизну

непріятную и поражающую съ перваго же взгляда, едва ли можно встрѣтить на чьемъ-либо другомъ лицѣ, кромѣ лица Вотячки.

Она подошла къ столу, поклонилась низко-низко, открыла деревянный жбанъ и начала пить, давъ возможность разглядѣть и плесень, которую она обдувала съ влаги, наполнявшей жбанъ, и безцвѣтность самой влаги, похожей на русскій молодой, еще не выбродившійся квасъ.

Я попробовалъ, и можно ли представить себѣ что-нибудь отвратительнѣе этого напитка?

— Что это такое: затхлый квасъ или болотная вода?

— Сюкась, бачько! отвѣтилъ Вотякъ, приведшій меня въ избу, и до того времени хранившій молчаніе.

Старуха подошла къ печи, разрыла въ горнушкѣ уголья, притащила маленькій желѣзный чугунъ и на деревяномъ крюкѣ повѣсила его надъ угольями.

— Вѣрно угощать она меня хочетъ? — подумалось мнѣ и, чтобы предупредить ея угодливость, я поспѣшилъ выйдти на улицу вонъ изъ этой избы, духота которой становилась невыносимою: и отъ нечистаго, никогда, кажется, не мытаго пола, и отъ скважинъ въ немъ, выходившихъ въ подполицу, гдѣ непремѣнно запирались и свиньи, и телята.

Въ дверяхъ остановилъ меня хозяинъ.

— Хоць, бацько, кумышка напиваться?

— Спасибо, хозяинъ! Поди, не хороша вѣдь, хуже сюкася?

— Хорошо, бацько! кумышка — водка, сама гонялъ! — Повѣренный ньетъ!

Нужно было согласиться на предложеніе, чтобъ, попробовавъ, окончательно убѣдиться, что у Вотяка все дурно, а кумышка его Богъ-вѣсть какая дрянь.

Только лишь открылъ хозяинъ бутылку, она уже поразила своимъ отвратительнымъ запахомъ:

— Спасибо, хозяинъ: не хочу!

— Пей, бацько, слабо!... а лихо!

Онъ покрутилъ головой.

— Это молодой, бацько! А старая медъ былъ... три года въ землѣ стоялъ, а пріѣхалъ повѣренный маленькую выпилъ.

Говоря это, Вотякъ улыбнулся и продолжалъ:

— Повѣренному хорошо. Дай, говоритъ, еще! — „Не дамъ бацько“! Жалко? говоритъ. „Тебя, бацько, жалко! меду не жалко, тебѣ будетъ хорошо и мнѣ хорошо!“ Дай, говоритъ. „Тебя, бацько, жалко.“ Самъ налилъ и выпилъ, да и съ мѣста не встаетъ: сердился, меня прибилъ, а не пьянъ, а ноги стой...

Вотякъ смѣялся долго, смѣялся отъ души, какъ ребенокъ. Вотякъ едва успокоился и махнулъ рукой:

— Ступай, бацько, и я пойду вонъ туда!

Онъ показалъ на лѣсъ, который начинался тотчасъ же за его избой, и, какъ сказано, тянулся далеко въ даль.

На улицѣ открылись виды обыкновенные: рядъ чорныхъ избъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, одна вышла какъ-то криво, угломъ; другая подалась на зады: всѣ безъ дворовъ и навѣсовъ — это особенность, какой нельзя замѣтить по всѣмъ вятскимъ деревнямъ, гдѣ живутъ Русскіе.

У Вотяковъ всѣ эти дворы, отчасти замѣняются амбарушками, рядъ которыхъ идетъ параллельно съ избами и клевами, которые выходятъ на дальные зады. И здѣсь особенность: всѣ замки деревянные, даже петли, гвозди и ключи такіе же. Внѣшняя обстановка избы рѣшительно одинаковая съ русскими: окна большею частью волоконныя; косящетыхъ, какъ замѣтно, не любятъ; во всей деревнѣ, въ двадцати дворахъ, не насчитаешь и пяти. Внутри избы: какъ у одного, такъ и у другаго, грязь и нечистота; въ углу столъ, на большей части которыхъ (сколько я могъ замѣтить, заглядывая, отъ бездѣлья, въ нѣкоторыя избы),

кромѣ жбана съ сюкасемъ, валялись неприбранными грязныя тряпки—родъ домашнихъ скатертей съ заплатками, а въ нихъ хлѣбъ и морковь, или рѣдька.

Попробуешь кусокъ хлѣба и опять раскаеваешься, что рѣшился и на этотъ подвигъ; хлѣбъ—недопеча, мякоть липнетъ къ рукамъ; на вкусъ что-то вяжущее; наводитъ на сомнѣніе, не по-поламъ ли съ золой онъ печется; къ тому же кусокъ такой сѣренькой, запахъ затхлый...

Духота избы выгоняетъ опять на улицу, гдѣ изрѣдка попадаются на встрѣчу Вотячки, однѣ въ шлыкахъ, какъ и старуха-хозяйка, другія въ шапочкахъ, на подобіе тѣхъ, какія носятъ странники. Это наводитъ на сомнѣніе; стараешься допытаться причины у самихъ Вотячекъ, которыя такъ некрасивы и даже похожи другъ-на-друга, но Вотячки смотрятъ странно, не понимаютъ вопроса, переговариваются на своемъ картавомъ, непріятномъ для слуха языкѣ, по выговору очень схожемъ съ татарскимъ, улыбаются своими узенькими глазами и молчатъ. Прибѣгаешь къ извѣстному средству—распрашиваешь знаками, т. е. дотрогиваешься рукою до головнаго убора и на собственномъ лицѣ стараешься изобразить, по возможности, вопросительное выраженіе. Вотячки улыбаются, опять взглядываютъ другъ-на-друга, и отрывисто бунчатъ:

— Аишонъ, бацька!

Понятно, что головной уборъ называется аишономъ, но отчего въ покроѣ его такая разница?

— Въ шапочкахъ-то, выходитъ, дѣвки, а въ кичкѣ-то молодухи! объясняетъ мнѣ ямщикъ, явившійся на помощь, и ужъ, какъ замѣтно, немного навеселѣ.

— Гдѣ же это ты пропадалъ?

— А въ чумахъ былъ, и онъ показалъ рукой на лѣсъ. Кумышкой тамъ почтовали. Да нѣтъ же,—дрянь водка!.. Наша

лучше: цѣлый, почитай, штофъ одинъ выпилъ, никакого удобле-творенія, такъ только слабость. Есть вонъ медъ замореной, да не даютъ:—скупость одолѣла!

— Ты, баринъ, не гляди на нихъ: коли что хочешь, бери—не спрашивай, а то такія жилы, что на-поди!..—говорилъ ямщикъ наставительнымъ тономъ и былъ правъ, какъ послѣ и удалось мнѣ испытать на самомъ себѣ.

— Гдѣ же мужики?—спросилъ я его, встрѣчая на улицѣ однихъ только женщинъ.

— Они въ чумахъ всѣ теперича. Поди-ко у нихъ какая тамъ гульба идетъ, а съ чего?—дрянь эта кумышка, долго не разбираетъ. Да и они-то ни съ чего благуютъ? Не столько пьяны, что притворяются, какъ бы и нашъ братъ мужикъ. Не стану пить этой кумышки!..

— Веди же меня въ чумы.

— Не осерчали бы, баринъ. Пьяные-то они больно блажные, ни къ чему придираются. Черезвый-то бы и ничего—ровно теленокъ, а подвыпилъ кумышки—и пошолъ на кулакахъ ходить.—Знаемъ мы эту орду!..

Нужны были нѣкоторыя настойчивыя убѣжденія, чтобъ уговорить ямщика проводить до чумовъ, дорога къ которымъ тянулась позади деревни, черезъ лѣсъ, по узенькой тропинкѣ.

Лѣсъ былъ такъ густъ, какъ бываютъ густы и непроходимы лѣса, не назначаемые въ рубку, но здѣсь поражала та особенность, что на рѣдкомъ деревѣ не было бортей для пчолъ. Послѣднія то и дѣло жужжали во всѣхъ концахъ. Не трудно было повѣрить теперь, что однимъ изъ любимыхъ и коренныхъ занятій Вотяковъ считается пчеловодство, и что не даромъ извѣстенъ по Вяткѣ сарапульскій медъ. Не вывозятъ отсюда только воску, потому-что Вотяки упорно держатся того повѣрья, что продать

воскъ — обездомить улья и такимъ-образомъ лишиться меду и, слѣдовательно, вѣрнаго сбыта его въ руки купцовъ.

Кругомъ было тихо: видно, Вотяки забрались съ своими чумами далеко. Мы прошли съ полверсты, но ни одного звука человѣческаго голоса не долетало до насъ. Тропинка вилась прихотливо на-право, потомъ перегибалась около овражка, чтобы пойти на-лѣво въ дальную чащу.

Посмотришь въ верхъ — тѣ же ульи на высокихъ столѣтнихъ лиственицахъ; прислушаешься кругомъ — трескъ подъ ногами хвороста и звонкіе удары носа дятла въ кору липы. Услышавъ шорохъ, дятелъ поднимаетъ голову, смотритъ на насъ и опять принимается за свою работу и, съ прежнею настойчивостью и терпѣніемъ, достаетъ лакомыхъ червячковъ. Не любитъ Вотякъ этой птицы, не любитъ за то, что клюетъ она личинки у пчолъ. Боится Вотякъ дятла, какъ опасной птицы, личнаго своего врага.

Вотъ начался малинникъ, облѣпившій стволы липъ, березъ и лиственицъ. Сюда забираются вотяцкіе ребятишки, да заходитъ медвѣдь по пути на прогулкѣ; къ тому же и ульи близко, но не даромъ же надъ ульями надстроены навѣсцы изъ досокъ, въ родѣ балкона. Въ серединѣ навѣсца дира съ гвоздями; глупый медвѣдь влезетъ на дерево, упрется головой въ навѣсъ, просунетъ лапу къ улью, да не достанетъ меду, потащитъ лапу назадъ и завязнетъ въ гвоздяхъ, повиснетъ... Вотякъ убьетъ его въ задъ изъ ружья, а не то и палками заколотитъ до смерти.

По высокому дереву взбирается вѣкша: проводникъ мой жалѣетъ объ ружьѣ, котораго не захватилъ съ собой, и сообщаетъ мнѣ интересную новость:

— Вотъ что мнѣ теперь вѣкша!—говоритъ онъ,—гривенника въ нашихъ мѣстахъ не дадутъ, а Вотяки жрутъ ее, неповитые: да еще и сласть, слышь, находятъ. Ѣдятъ они теперь лягушей, говорятъ...

— Да не врутъ ли?

— А кто ихъ знаетъ, можетъ и вретъ народъ, да коли сказано, что не ѣшь лошади, а ѣшь корову, потому-что копыта раздвоены, и не ѣшь ту птицу, которая человѣчьимъ голосомъ вопитъ...

— Что же еще-то ѣдятъ Вотяки?—перебилъ я его философію.

— Да ѣдятъ они теперь молоко квашоное, по нашему сыворотку, и не то, чтобы съ творогомъ, какъ слѣдно быть. Одурь возьметъ, какъ попробуешь, такая приторь!.. Гуся сушатъ, да въ ступѣ толкутъ. Тепереча опять ѣдятъ они кашу-размазѣйку на молокѣ. До луку охотники—всѣ огородцы лукомъ поусѣяны. Ѣдалъ я у нихъ яичницу, рѣдьку по постамъ. Капусты не квасятъ, щей и въ заводѣ нѣтъ; одно варево — похлебка, либо уха. У нихъ тутъ Кама прошла, — рыбы вдоволь. Ну къ картошкѣ попривыкли—жарятъ. Есть у нихъ яшка теперь (такъ они кушанье свое зовутъ), словно бы лапша наша, только тѣсто по-крупнѣе сучатъ и не съ молокомъ, а въ горячей водѣ подаютъ, съ масломъ. Опять теперь мясо свиное любятъ, не то что Татаре, тѣхъ вонъ коло насъ тоже много живетъ, тѣ, слышь, лошадей потребляютъ. Сказано: ѣшь ту скотину, у которой копыто раздвоено...

— Кто же по твоему лучше: Вотякъ или Татаринъ? перебилъ я ямщика.

— Вотякъ посходнѣе будетъ: Вотяка не замай — смиренъ. Татаринъ сердитъ: чѣмъ ни попало кидаетъ въ тебя — совсѣмъ зелье. А Вотякъ что? вернешь по крѣпче — и съ ногъ летитъ. Тепереча бы и поймалъ его въ чемъ: ты укралъ?—нѣту, говоритъ, Бегашъ тамъ какой-нибудь, либо Уракъ укралъ. А коли сослался на другаго, бери его да и веди къ старшинѣ, — онъ укралъ, а туда же хитритъ.

— И все отъ Татаръ, ваше благородье, заимствуются. По себѣ ничего—робокъ!...

— Говорятъ, они скупы?

— Это̀ есть: что̀ купилъ,—ничего не дастъ, а что̀ въ избѣ лежитъ свое, — бери не спросясь, не тронутъ, робѣютъ тебя... Опять-таки и богаты они очень!

— То есть, чѣмъ богаты: скотомъ, птицей?...

— Всякимъ добромъ богаты: и денегъ много копятъ; винотo свое, такъ и траты мало, а бережъ ихъ на удивленье. Тепереча они деньги свои въ кубышки прячутъ и зарываютъ въ лѣсу.

— Былъ, повѣренный по кабакамъ у насъ, и этакой ему таланъ задался, баринъ: принюхался къ лѣсу такъ, что ни пріѣдетъ, то и выроетъ кубышку, разъ такъ цѣлое рѣшето откопалъ и все-то со старыми полтинниками, и цѣлковые попадались. А оттого это опять выкопалъ, что клады кладутъ. Живутъ, словно жиды какія. Попроси вонъ утку зажарить, либо гуся; да задавится скорѣй, и денегъ съ тебя не возьметъ, а гуся не дастъ... Вонъ оно, какой народъ! Давѣча кумышки просилъ, не даютъ, а подошолъ самъ, да выпилъ—и ничего, слова не сказали...

Въ истинѣ словъ ямщика мнѣ удалось убѣдиться самому лично, я просилъ утку—не дали, и денегъ рубля серебромъ не взяли. Подсказывалъ мнѣ волостной писарь: „вы, говоритъ, возьмите-ко просто ружье, да и стрѣляйте въ любую птицу.“

Мы шли дальше; къ намъ доносились голоса, слышались какъ будто крики. Лѣсъ порѣдѣлъ. Открылась поляна, отдѣленная отъ лѣса рѣчонкой, черезъ которую перекинутъ былъ пѣшеходный мостикъ — нѣсколько досокъ, связанныхъ прутьями. Влѣво — большой накатный мостъ, съ котораго тянулась дорога, изрытая колеями, прямо въ чащу лѣса съ одной стороны; съ другой—на поляну, довольно большую и почти сплошъ установленную чумами.

Это — низенькія, сплоченныя изъ тонкихъ досокъ палатки или балаганы. Всѣ безъ крыши, безъ дверей, которыя замѣняются цыновкою, и только у нѣкоторыхъ парусиной; крыши нѣтъ, оконъ также, но серединѣ яма, въ ямѣ разведенъ огонь, надъ огнемъ виситъ чугунный котелокъ; кругомъ этой теплины, на голой землѣ, разбросаны пуки соломы и сѣна. Таковъ внутренный и наружный видъ чума, который такъ напоминаетъ любую палатку въ цыганскомъ таборѣ. Нѣтъ только лошадей, привязанныхъ на длинной веревкѣ; нѣтъ тѣлегъ и кибитокъ, до-верху набитыхъ разными тряпками; но за то вокругъ тѣ же лица, хотя и не въ такой мѣрѣ смуглыя. Бѣлый цвѣтъ преобладаетъ надъ другими; та же жизнь, то же движеніе и тотъ же крикъ, который несется со всѣхъ концовъ поляны.

Въ серединѣ ея собралась куча. Оттуда доносятся до слуха звуки пѣсни, но однообразной до крайности; слышится только: „дуй, дуй! ай, ай, яй!...“ сопровождаемые нескладнымъ и не въ тактъ хлопаньемъ въ рукавицы.

— Разобрала знать кумышка-то: пляшутъ! — замѣчаетъ ямщикъ.

Идемъ смотрѣть, какъ пляшутъ, но разочаровываемся; это не пляска, скорѣе толкотня, хлопанье ногами, съ приличными ударами въ ладоши. Невольно приходитъ на мысль, сравнить эту пляску съ чѣмъ-нибудь другимъ; пріискиваемъ похожее и кажется намъ, что эти веселые люди сняли подрядъ ухлопать ногами эту землю, но какъ можно скорѣе, и какъ можно глаже. Жалѣешь объ ихъ шептунахъ, которые они могутъ измочалить, и потомъ на утро осмотрѣть и, по скупости, горько всплакаться. Зачѣмъ они пляшутъ: весело имъ, плясать хочется? — но пусть бы въ такомъ случаѣ поучились плясѣ у своихъ сосѣдей Русскихъ, а вотяцкая пляска нехороша, до того нехороша, что даже ямщикъ рѣшился замѣтить:

— Словно въ ступу толкутъ! досада-нали беретъ, глумовство одно, а не пляска. Вишь старый хрычъ какъ уперъ на одно мѣсто, такъ тутъ и толчотся. Вонъ тотъ молодякъ хоть ногами дрягатъ, отскаковатъ. Ишь какъ брыкаетъ: нали-упрѣлъ!

— Не такъ по нашему! говоритъ ямщикъ, слѣдя за движеніями подгулявшихъ Вотяковъ, которые до того были заняты своей пляской, что не обратили даже вниманія на нашъ приходъ.

Всѣ сбились въ кучу и съ замѣчательнымъ вниманіемъ смотрѣли на тѣхъ пятерыхъ, которые убивали землю. Къ нимъ постепенно присоединялись новые плясуны, тѣ, которые стояли молча и били въ ладоши. Они отходили на середину и тоже начинали топать, иногда хватая другъ-друга за плечи, иногда разводили руками изъ стороны въ сторону. Иной, умаявшись, садился на землю и билъ по ней руками; пѣсня звучала нескладно. Становилось скучно, утомительно-скучно!

Вдругъ ямщикъ улыбнулся, задергалъ плечами, подбоченился:

— Позвольте, ваше б-е, покажу имъ: по-нашему!...

— Что же мнѣ-то, сдѣлай милость!

Ямщикъ засучилъ рукава, крякнулъ, подгладилъ бороду, растолкалъ толпу.

Я подвинулся ближе, гляжу: онъ, подбочясь, сначала выбивалъ ногами дробь и покачивался съ боку на бокъ, изрѣдка вздергивая то однимъ, то другимъ плечомъ, и все время какъ-то удивительно глупо улыбался. Вдругъ онъ неистово гикнулъ, присѣлъ на карточки, вскинулъ одну ногу впередъ, перемѣнилъ другую, опять, и опять.

Быстро долетѣлъ онъ такимъ-образомъ до другаго конца круга. Здѣсь съ прежнимъ гикомъ вскочилъ на ноги, подбоченился одной рукой, опять сталъ выбивать дробь и шевелить, поочередно, то однимъ, то другимъ плечомъ, что-то неистово за-

кричалъ, опять присѣлъ на корточки, и опять началъ слать трепака къ тому мѣсту, съ котораго началъ.

Кончивъ колѣно, онъ, словно бѣшеный, вскинулся на ноги, опять растолкалъ Вотяковъ и скрылся назадъ, какъ казалось, съ намѣреніемъ произвести эффектъ, болѣе вѣрный и разительный. Въ другомъ мѣстѣ онъ бы увлекъ цѣлую кучу плясуновъ, которые тоже пустились бы въ плясъ на состязаніе съ выскочкой, но здѣсь ямщику не повезло: Вотяки опять скучились и опять начали убивать ногами землю.

Смотрѣть уже окончательно было нечего: я отошолъ отъ круга, направляясь къ чумамъ, и не безъ удивленія замѣтилъ, что въ одномъ изъ нихъ угощались кумышкой двѣ бабы. Одна была совсѣмъ пьяна; кумышка лилась у ней и изъ ковша, и изъ склянки; шлыкъ сползъ на бокъ. Другая очищала яицо и протягивала руку къ ковшику: обѣ что-то болтали по вотяцки...

Въ другомъ чумѣ валялись ребятишки: у одного изъ нихъ на спинѣ завернутъ былъ въ тряпицахъ грязный-прегрязный ребенокъ. Ребенокъ кричалъ, нянька съ другими сверстниками играла въ лычки; одинъ стоялъ подлѣ и, какъ видно, уговаривалъ ихъ идти играть въ бабки, вынимая послѣднія изъ мѣшка...

Всѣ ребятишки были бѣловолосы, но безобразны не хуже родителей, волоса ихъ, жосткіе, торчали снопомъ. Сколько можно было замѣтить, глаза у всѣхъ сѣрые, ротъ большой до безобразія, украшенный приподнятымъ кверху носомъ съ широкими ноздрями, и у всѣхъ до одного лица были облѣплены веснушками.

— Не уже ли же они всѣ такъ безобразны? невольно отнесся я съ вопросомъ къ ямщику, который все-таки считалъ, кажется, непремѣнною своею обязанностью провожать меня по чумамъ.

— Всѣ почитай такіе! отвѣчалъ онъ мнѣ,—который бѣлобрысый, который словно цыганенокъ, а все больше рыжій народъ

Вотяки эти. А красота-то ихъ—извѣстная красота: коли отъ Русскаго идетъ парень—ничего,—красивъ задается.

— А часто бываетъ такъ?

— Коли не бываетъ. Наши-то-признаться не очень падки, а они ничего,—любятъ.

На встрѣчу намъ шолъ сутулый Вотякъ, курносый, со впалыми щеками, въ бѣлой рубашкѣ, подпоясанный ремнемъ; съ боку болтался ножъ, въ губахъ торчала коротенькая трубка и пахло тютюномъ.

— Здоровъ, Ванька! крикнулъ ямщикъ. Вотякъ вытащилъ изо рта трубку, прогнусилъ что-то себѣ подъ носъ, поклонился, но, какъ видно, удивился оклику ямщика.

— Кто это такой? спросилъ я.

— А кто его знаетъ.

— Какъ же ты назвалъ его по имени?

— Да какъ не назвать, когда они все, почитай, Ваньки, либо Николки.

— Почему же?

— Обычай такой, такъ стало нарекаютъ, сами просятъ... Промежъ себя-то, слышишь, окликаютъ по своему, а ты, спросишь одно тебѣ имя: либо-де Ванько, либо Миколай.

Больше ничего я не могъ добиться отъ ямщика, пробовалъ самъ повѣрить его наблюденія и пришолъ рѣшительно къ тому же заключенію. Спрашивалъ и Вотяка Ваньку: отчего онъ Ванька а не Архипъ?

— Баско имя, бацько! У меня-два Ваньки! да Анна... Архипъ русскій, Архипъ у меня цяски торгуетъ, ложки торгуетъ, лукошки торгуетъ...

— Какъ же вы сами-то себя называете?

— А Ванька, бацько!.. Ванька!—стоялъ на своемъ Вотякъ, но хитрилъ, потому что его же самого удалось мнѣ поймать

почти тутъ же: онъ окликалъ своего сосѣда Камаемъ. Одну бабу называли Зельной, по нашему Анной, другую Бальбике, но на вопросъ мой тоже Анной.

Эта Бальбике занята была, на первый взглядъ, страннымъ дѣломъ: передъ ней стояла ступа довольно большая; въ ней накладено были что-то чорное. Бальбике держала въ обѣихъ рукахъ по песту или палкѣ и поочередно мѣшала ими чорную массу въ ступѣ. Подлѣ ступы стояло лукошко,—съ золою; ее-то сыпала баба въ ушатъ и подливала туда воды. Другая Вотячка Зальпа таскала бѣлье на рѣку и поласкала тамъ. Не трудно было съ перваго же раза догадаться, объ томъ, что Вотячки моютъ бѣлье въ золѣ, по русски бучатъ, и не употребляютъ для этого мыла, какъ привелось узнать впослѣдствіи.

На обратномъ пути въ деревню, мнѣ удалось замѣтить въ одномъ изъ чумовъ цѣлую компанію Вотяковъ, которые пристально занимались какой-то работой. Это показалось мнѣ удивительнымъ, потому что на дворѣ стоялъ праздникъ, я только-что сейчасъ видѣлъ пляску, но ямщикъ объяснилъ мнѣ это коротко:

— У нихъ завсегда такъ, либо плясъ, либо вонъ грохоты плетутъ, лукошки гнутъ. Они у насъ деревянной работой промышляютъ. Вотъ тепереча на Успѣньевъ-день въ Нылгѣ праздникъ и базаръ, такъ они туда это приспособляютъ. Медовъ навезутъ и нивѣсть-что!..

— Еще они чѣмъ промышляютъ?

— Ткутъ вотъ сермягу на армяки и почитай, почище нашихъ бабъ. Холстъ ткутъ, лапотки плетутъ и все одни бабы; мужикъ у нихъ лежебока, только что кумышку гонитъ. Мы вонъ и на покосахъ и на жнивѣ все почѣсть что однихъ бабъ видимъ, а мужикъ ихній разѣ вонъ въ недѣлю-то десятокъ ложекъ сдѣлаетъ, да лакомъ наведетъ, а то опять—таки и кузовья бабы плетутъ, все бабы...

— А уходятъ Вотяки на чужую строну?

— Да куды имъ уходить-то? завсегда дома, разѣ что на желѣзные вонъ заводы нанимаются, да и тамъ болѣе наши, либо Татары. Это народъ здоровый, чище, пожалуй, и нашего брата выдетъ. А Вотякъ что? Вотякъ слабый человѣкъ! мухортикъ!.. Я его одной ладошей пришибу, а что я? — вонъ у насъ Демка-кузнецъ, такъ хоть какой лошади наровистой ногу приспособитъ; кочерги гнетъ, разъ осерчалъ цѣлую поседку въ лоскъ уложилъ, а и изъ себя невидкой — ломанова гроша не дашь...

Случалось-ли вамъ, читатель, засыпать съ отрадными мыслями о пріятно-проведенномъ днѣ, когда всюду преслѣдовала васъ удача, даже превосходящая ожиданія, и просыпаться на другой день съ вопросомъ о томъ, что вы будете дѣлать дальше, будутъ ли васъ встрѣчать тѣже удачи какъ наканунѣ? — Просыпаетесь,—и васъ начинаетъ мучить сомнѣніе, сначала какъ будто слегка, потомъ нѣсколько сильнѣе, вы спѣшите взяться за дѣло съ прежнею же энергіею, но встрѣчаете полное разочарованіе во всѣхъ заранѣе придуманныхъ вами планахъ. Думаешь сдѣлать — не сдѣлаешь ничего; цѣлый день пропадаетъ въ этихъ поискахъ и стремленіяхъ и сдѣлается скучно, безъисходно скучно, особенно если окружаетъ васъ гармонирующая съ настроеніемъ вашего духа обстановка, подобная такой: кругомъ глухой лѣсъ въ странѣ незнакомой, — странные люди, поразившіе васъ своею оригинальностію, при первомъ же шагѣ; все такъ дико и необычно, нигдѣ этого нѣтъ въ знакомыхъ мѣстахъ. И какъ живутъ эти люди, и отчего они не умираютъ съ тоски? отчего они дурно васъ понимаютъ, другіе совсѣмъ не говорятъ по русски? Не съ кѣмъ рѣшительно слова сказать; даже ямщикъ, вѣрный своему долгу, уѣхалъ. Что вы будете дѣлать? а между тѣмъ еще такъ много дѣлать, еще многое интересуетъ васъ и едва ли не главное, не вернуться же такъ не достигнувъ цѣли, не узнавши напримѣръ, какъ Вотяки, пра-

вять свою свадьбу, нѣтъ ли у него оригинальныхъ обычаевъ при похоронахъ, кто его хилаго и больнаго лечитъ, отвыкъ ли онъ отъ своихъ закоснѣлыхъ обычаевъ? — Да и какъ же узнаешь все это такъ скоро? — на это требуются года, а не мѣсяцы, а между тѣмъ знать это хочется, тѣмъ болѣе, что предоставляется возможность, есть надежда. Положимъ, что русскій мужикъ про себя и не скажетъ всего откровенно, хотя и бываетъ болтливъ, когда разсказываетъ про чужаго, да и тутъ ему необходимо быть на веселѣ. Вотякъ между тѣмъ — и простъ и безхитростенъ, да новая бѣда — говоритъ дурно, нужно догадываться на половину и слѣдовательно: попасть въ просакъ, и на другую половину обмануть и себя самого и другихъ. Хотѣлось бы все это видѣть самому или же услыхать покрайней мѣрѣ отъ людей довѣренныхъ.

— Не будетъ ли у васъ, Ванька, свадьбы, на дняхъ? спросилъ я на другой день перваго попавшагося Вотяка (разговориться съ бабами не было никакой возможности; разъ десять пробовалъ и всегда не удачно).

— Рано бацько, свадьбы осенью, свадьба годи!..

— Есть у васъ въ деревнѣ хоть одинъ русскій?

— Ни!

— Отчего же?

— Не вѣдаю. Одинъ жилъ, — бацько, умеръ!..

— Кто умеръ? гдѣ лежитъ покойникъ?

— Въ чумѣ, бацько, лежитъ, недѣля лежитъ...

— Когда же въ землю?

— Чуказя попъ пріѣдетъ, — промолвился Вотякъ, но не въ томъ дѣло, слово чуказя значитъ завтра и было сказано какъ нельзя болѣе кстати и къ невыразимому моему удовольствію. На завтра есть надежда, хотя въ этотъ день я успѣлъ узнать только немногое и весьма немногое, такъ что досадно стало даже на себя. Вотъ всѣ наблюденія цѣлаго дня: избы лѣтомъ всѣ заперты,

отпирались вчера только потому, что ждали окружнаго: какая-же ему изба понравится, ту пусть и возьметъ. У нѣкоторыхъ женщинъ, вмѣсто монетъ, въ косахъ вплетены были, по бѣдности, простые жестяные кружечки; у другихъ весь шлыкъ или аишонъ обвитъ былъ какъ чешуей, старинными же мелкими монетами гривенниками и пятачками, но довольно симметрично. Вотъ думалось мнѣ, откуда идутъ по Россіи эти монеты съ дирочками, значительно истертые и большею частію старинные. Не разъ удавалось видѣть, что этотъ обычай существуетъ и у Татаръ, и слыхать, что по мѣрѣ поселенія русскихъ молодцовъ обычай сталъ искореняться: часто цѣлыя косы летѣли прочь, цѣлыя аишоны обчищались до гола и такъ, что на другой только день Вотячки узнавали о пропажѣ.

Случилось видѣть, какъ одинъ Вотякъ бралъ у другаго денегъ въ займы и, получивши ихъ, отдавалъ заимодавцу продолговатыя красныя палочки (бирки или жеребьи), на подобіе такихъ, какія выдаютъ русскимъ бабамъ красильщики при пріемѣ отъ нихъ холста въ краску. На этихъ биркахъ Вотякъ-должавшій тутъ же нарубилъ ножомъ столько насѣчекъ, сколько рублей получилъ въ займы; полтина нарѣзалась крестикомъ. По окончаніи сдѣлки, Вотяки, по русскому обычаю, угощались кумышкой. Это было какъ нельзя болѣе кстати, потому что во весь этотъ день Вотяки были пьяны. Не безъ удивленія привелось замѣтить, что кумышку пили даже и подростки-ребятишки, чуть ли и грудным дѣтямъ не мочили они соску въ той же кумышкѣ.

Кое-какъ удалось объяснить одному Вотяку желаніе мое знать о томъ, есть ли между ними грамотные, которые умѣли бы читать и писать по русски, но получилъ отвѣтъ отрицательный. Сколько извѣстно, и ихъ собственный языкъ не имѣетъ письменности; впрочемъ словоохотно объяснили значеніе нѣкоторыхъ русскихъ словъ по вотяцки: такъ напримѣръ лѣсъ называютъ сур-

манъ, лапти—куртъ, онучи — иштыръ, кафтанъ — сукманъ, рубашку — деремъ, кремень — ильканы, огонь — вотъ, ножикъ — пурфъ, топоръ—тиръ, корову—скалъ, лошадь — валъ, домъ — юртъ, ротъ — умъ, каша — жукъ и проч. *).

На обратной дорогѣ изъ чумовъ въ деревню попадаются два Вотяка, оба съ ружьями, оба подпоясаны ремнями, съ боку у каждаго въ кожанной сумкѣ лежалъ ножъ; одинъ за плечами несъ мѣшокъ. Я остановилъ ихъ и увидѣлъ въ мѣшкѣ — живыхъ щенковъ — лисицъ, пугливыхъ, съ дикими взглядами. Другой Вотякъ настрѣлялъ рябчиковъ. Мы кое-какъ объяснились: одинъ Вотякъ продавалъ лисицъ, но другой ни за-что не хотѣлъ уступить рябчиковъ, которыхъ называлъ рябами.

— Какъ же ты поймалъ лисицъ?

— А маткѣ вотъ!.. и Вотякъ показалъ на собственный носъ и засмѣялся.

— Гдѣ же матка, отчего не взялъ съ собой?

— Убегъ!.. сердитый матка! убегъ!..

— Много у васъ охотниковъ?

Вотякъ показалъ рукой на себя и на товарища, но потомъ, какъ будто спохватившись, сильно закачалъ головой, давая кажется знать, что много въ деревнѣ охотниковъ, и кромѣ ихъ двоихъ.

— Нѣтъ ли у васъ въ лѣсу керемети, покажите мнѣ?

— Ни! кереметь ломали,—вдругъ, какъ бы испуганный поспѣшилъ отвѣтить Вотякъ, и, робко поглядѣвъ на меня и своего товарища, поспѣшилъ удалиться.

---

*) Вотъ по вотяцки дни недѣли—воскресенье—*дючарналъ*; понедѣльникъ—*дючарнлберъ*; вторникъ—*кысненалъ*; среда—*вырненалъ*; четвергъ—*покчернал*ъ; пятница—*арненалъ*: суббота—*шумотъ*. Между прочимъ Вотятскій городокъ Уржумъ называютъ Вирсумъ; имена другихъ городовъ не коверкаютъ.

Новая попытка распрашивать Вотяковъ окончательно отбила у меня охоту обращаться къ нимъ съ вопросами. Богъ вѣсть къ какимъ смѣшнымъ и вмѣстѣ труднымъ тѣлодвиженіямъ нужно было прибѣгать при распросахъ, съ трудомъ удавалось подбирать тѣ русскія слова, которыя были бы въ домекъ Вотяку и онъ бы кое-какъ, тоже часто съ кривляньями, могъ удовлетворить любопытству. Къ тому же Вотяки стали подозрительно смотрѣть на меня и на всякій почти вопросъ отвѣчали „ни!“ и отрицательно качали головами. Оставалось одно—вернуться въ пустую деревню и дожидаться завтрашняго дня, который подавалъ еще нѣкоторую надежду, а между тѣмъ, что будешь дѣлать? Сонъ бѣжитъ отъ глазъ; скука и тоска гнететъ невыносимо. Сидишь у старой еремети на сгнившихъ приступкахъ и безсознательно смотришь кругомъ: вотъ гуртъ утокъ плетется изъ заплеснѣвалаго пруда, вѣроятно къ чумамъ. Утки идутъ, подкрякивая въ перевалку, сначала въ нестройной кучкѣ, но потомъ начинаютъ выравниваться, пропуская переднихъ впередъ и образуя такимъ образомъ цѣпь прямую и правильную; всѣ идутъ въ ногу, не мѣшая другъ другу, покрякиваютъ, переваливаливаются съ ноги на ногу и ни на что не обращаютъ вниманія. Вотъ изъ за угла выскочила молоденькая коза, она пугливо озирается и разбитымъ голоскомъ даетъ знать о томъ, что она потерялась, не найдетъ своихъ товарищей; козочка кричитъ, все громче и громче, и не безъуспѣшно: изъ-за противоположнаго угла выскочилъ лохматый козелъ-бородачъ, а за нимъ въ припрыжку еще двое маленькихъ. Изъ лѣсу дико несется ревъ коровы, страшный ревъ, непріятно дѣйствующій на нервы; у коровы захватываетъ даже дыханіе отъ напряженнаго неистоваго мычанья... На трубѣ одной изъ избъ деревни сѣла глупая ворона, накаркалась до сыта и улетѣла къ лѣсу...

А между тѣмъ тоска давитъ васъ, безвыходность положенія

становится опять ощутительною; опять расчитываешь на неудачу... что будетъ завтра? а теперь и тяжело, и скучно...

Завтрашній день оправдалъ ожиданія какъ нельзя лучше: въ полдень, когда лѣтнее солнышко припекало съ ужасною силою, на краю вотяцкой деревни показалась телега въ одну лошадь. На козлахъ телеги сидѣлъ дьячокъ; въ главномъ мѣстѣ сѣдой какъ лунь старичокъ священникъ. Его встрѣтилъ у своей избы тотъ же старшина, въ домѣ котораго и мнѣ отведена была квартира. Я подошолъ къ священнику; мы познакомились и вмѣстѣ отправились въ чумы. — Священникъ совершилъ священный обрядъ отпѣванія тѣла покойнаго Вотяка — старика. Принесли гробъ, положили туда покойника, одѣтаго, какъ я замѣтилъ, не въ лучшее свое платье, рубашка была нечистая, не умеръ ли онъ въ этой же самой рубашкѣ? Когда стали заколачивать гробъ, родные покойнаго засуетились и успѣли положить вмѣстѣ съ нимъ коточикъ, то кривое шило, которымъ точатъ лапти, и начатый (заплетенный) лыковый лапоть. Сынъ умершаго сунулъ покойнику въ руку рубль серебра, и крышку гроба заколотили. Священникъ объяснилъ мнѣ это тѣмъ, что лапоть даютъ покойнику для того, чтобы онъ не соскучился въ гробѣ и имѣлъ бы при себѣ работу, а рубль получилъ для того, чтобъ на всякой случай могъ откупиться отъ шайтана, который, по ихъ повѣрью, непремѣнно будетъ мучить старика за то, что онъ долго жилъ на свѣтѣ. — Прежде въ могилу клали съ покойникомъ ложки, ножи, даже конскую сбрую; тѣло покойнаго обертывали въ бересту; хоронившимъ же, при возвращеніи домой, бросали на встрѣчу пепелъ и и проч.; но теперь все это давно уже оставлено, какъ увѣрялъ священникъ.

Гробъ отнесли за лѣсъ на опушку, гдѣ нарочно огорожено было особое мѣсто для кладбища, уставленное покрившимися деревянными крестами. Въ могилу закопали и мы вернулись на-

задъ въ чумы, гдѣ въ это время приготовлена была закуска, состоявшая изъ яичницы, жаренаго зайца, лапши со свининой, табани (какъ объяснилъ священникъ) или довольно толстыхъ грешневыхъ блиновъ, съ запеченными рублеными яицами, весьма впрочемъ невкусныхъ. Насъ угощали медомъ довольно крѣпкимъ, хотя и несладкимъ, и пивомъ жидкимъ, слабымъ, которое скорѣе походило на хорошій крестьянскій квасъ, съ нѣкоторою впрочемъ пригорклостью. Дьячокъ угощался дрянной кумышкой; священникъ замѣтилъ мнѣ, что-дескать привыкъ и тутъ же, кстати, сообщилъ кое-что изъ того, что меня болѣе всего интересовало. Такъ напримѣръ я узналъ отъ него, что Вотяки выбросятъ изъ чума всѣ вещи, которыя принадлежали покойнику, начиная съ войлока, служившаго постелью и кончая шапкой и руковицами; но объяснить этого обычая не могъ; равно какъ того, что Вотяки, вообще охотники напиваться кумышки, никогда не бываютъ пьяны на поминкахъ; на всѣхъ же другихъ празднествахъ считаютъ пьянство главнѣйшею обязанностію. При этомъ сообщилъ онъ мнѣ нѣсколько данныхъ и о самыхъ поминкахъ: они обыкновенно совершаются въ урочный день, по назначенію старшинъ и по общему соглашенію всѣхъ обитателей деревни. Для этого выбираютъ толстый стволъ дерева, съ такимъ количествомъ сучьевъ, сколькихъ покойниковъ намѣрены поминать. На каждомъ сучкѣ прилѣпляютъ по восковой свѣчкѣ и съ этимъ отправляются на кладбище, захвативъ съ собою короваи хлѣба, яица по числу поминальщиковъ и проч., но никогда не берутъ ни кумышки, ни пива, ни меду. На могилахъ отламываютъ по кусочку всего съѣдомаго, половину ѣдятъ сами, другую бросаютъ на могилу; домой съ собою ничего уже не берутъ. Всѣ остатки бросаютъ на кладбищѣ между могилами, куда, по уходѣ поминальщиковъ, сбираются огромныя стаи собакъ, инстинктивно знающія это время. Вотяки считаютъ посѣщеніе собакъ — хорошимъ знакомъ и бываютъ довольны этимъ,

какъ нельзя больше. Прежде, говорилъ священникъ, основываясь на разсказахъ стариковъ, Вотяки убивали на могилѣ самаго вѣтхаго старца, который всегда добровольно соглашался на это. Съ вечера, обреченный на жертву, старикъ приглашалъ въ свой юртъ всѣхъ сосѣдей и на другой день давалъ имъ богатый пиръ, угощалъ всѣмъ, что у него было. Гости его, чтобъ сытнѣе ѣсть на пиру, наканунѣ постились цѣлый день, ни слова не говорили другъ съ другомъ; уходили для этой цѣли въ лѣсъ, молились въ керемети, чтобы съ полнымъ хладнокровіемъ видѣть предстоящее имъ убійство. Старецъ обыкновенно добровольно соглашался на жертву себя за упокой душъ усопшихъ.

— Основываюсь на слухахъ, — говорилъ священникъ, — но не довѣряю истинѣ. Вотяки народъ не кровожадный и болѣе, чѣмъ какой нибудь другой народъ, смирны... Не всякому слуху вѣрь! сказано...

— А давно вы, батюшка, знаете Вотяковъ? спросилъ я разговорчиваго отца Павла.

— Да вотъ уже 58-й годъ пошолъ, какъ священствую и все въ ихъ сторонѣ:—сюда и ставленъ былъ, а живу отъ сего мѣста въ 70-ти верстахъ, впрочемъ навѣщаю ихъ по мѣрѣ силъ и возможности разъ до десяти ежегодно...

Священникъ былъ сущій кладъ для меня при настоящихъ, можно сказать плачевныхъ обстоятельствахъ:

— Какъ вы находите Вотяковъ: перемѣнились они съ тѣхъ поръ, какъ вы приняли ихъ, оставили ли свои языческіе обычаи?— вотъ были вопросы, которыми я рѣшился утрудить почтеннаго отца Павла и не ошибся въ предположеніяхъ, найдя въ немъ старика словоохотливаго и опытнаго.

— Много перемѣнились Вотяки съ тѣхъ поръ, какъ приняли христіанство, говорилъ отецъ Павелъ: уже одно то, что бросили свои керемети и стали усердны къ храмамъ Божіимъ и молитвѣ.

Стали свыкаться съ Русскими и брататься съ ними, вездѣ, гдѣ сведетъ ихъ судьба. На рѣдкомъ базарѣ не увидите вы веселаго круга, въ который не забрался бы Вотякъ вмѣстѣ съ Русскими. Съ некрещонымъ Вотякомъ такой Вотякъ не ведетъ компаніи, даже боится его и не ѣстъ уже теперь лошадинаго мяса.

Всѣмъ, что дальше удалось мнѣ узнать отъ священника, спѣшу теперь подѣлиться съ желающими узнать бытъ этого народца, для знакомства съ которымъ не достало бы самому двухъ и трехъ лѣтъ, при всемъ стараніи, терпѣніи и твердости въ перенесеніи всевозможныхъ лишеній. Въ той деревнѣ, гдѣ мы находимся, всѣ крещоные, и почти половина обывателей уходитъ по зимамъ на урочныя работы по желѣзнымъ заводамъ. Тамъ Вотякъ свыкается съ русскимъ до того, что, возвращаясь домой, приноситъ въ семью кое-какія посылки нашихъ крестьянъ: такъ напр. прежде не видать было у нихъ блиновъ, до которыхъ теперь они большіе охотники, не варили браги, теперь и она завелась у нихъ; справляли когда-то свои праздники, нынѣ и святки и масляницы по русскому обычаю. Нельзя впрочемъ сказать и того, чтобъ не осталось у нихъ кое-чего и изъ стараго, въ похвалу же имъ самимъ, а не во осужденіе. Взять напримѣръ ихъ свадебные обычаи: до сихъ поръ еще этотъ порядокъ ведется у нихъ по старинному: молодой сначала начинаетъ присматриваться по чужимъ деревнямъ къ невѣстѣ, а изъ своихъ сосѣдокъ деревенскихъ почти никогда не беретъ за себя. Смотрины, невѣстъ большею частію совершаются на покосахъ, и вотъ отчего въ здѣшныхъ мѣстахъ ведется такой обычай, чтобы, выходя на луга, одѣваться въ свои лучшія, самыя нарядныя платья. Присмотрѣвши невѣсту, Вотякъ уже начинаетъ думамъ о калымѣ и изъ-подъ руки вывѣдываетъ о томъ, что будетъ стоить его будущая супруга. За тѣмъ подсылаетъ отца, если есть, или идетъ даже самъ и торгуется; большею частію долго не сходятся они въ цѣнѣ и оставляютъ другъ друга не при

чемъ. Будущій тесть обыкновенно хочетъ взять подороже, женихъ — старается уторговать какъ можно больше даже изъ той суммы, которую самъ назначилъ въ колымъ, хотя бы отецъ невѣсты просилъ несравненно меньше. Сходятся такимъ образомъ для торговъ и переторжекъ разъ десять и больше; часто случается, что цѣлую зиму не могутъ сладить любовнаго дѣла. Иногда однако удастся жениху сбить цѣну съ 50 рублей серѣб. на двадцать, но едва-ли когда продавалъ Вотякъ свою дочь дешевле. Несостоятельный, бѣдный обыкновенно крадетъ невѣсту, но всегда попадается; у него отнимаютъ невѣсту, увозятъ назадъ и сверхъ того стараются намять похитителю бока какъ можно больнѣе, чтобъ окончательно отучить его отъ подобной забавы. Женихъ не унимается. Вотякъ упрямъ, какъ норовистая лошадь, онъ подговариваетъ всю молодежъ деревенскую; беретъ колья, выжидаетъ удобную минуту и опять-таки настоитъ на своемъ, украдетъ невѣсту, хотя бы это стоило ему новыхъ побоевъ. Не приведи Богъ испытать жениху новую неудачу, упрямство его переходитъ въ звѣрство. Въ такихъ случаяхъ самъ отецъ невѣсты спѣшитъ поправить дѣло и уступаетъ дѣвку даромъ, иначе ему предстоитъ страшная непріятность: несчастный женихъ на другой же день поспѣшитъ повѣсить себя бѣдой на воротахъ невѣсты. Этотъ обычай теперь совсѣмъ почти вывелся и несостоятельный женихъ получаетъ невѣсту въ долгъ, съ обязанностію выплатить колымъ впослѣдствіи. Невѣсту отдаютъ ему въ руки, сажаютъ въ кибитку; вывозятъ за околицу; но дѣвка непремѣнно вырвется и убѣжитъ къ отцу; ее опять берутъ и силой сажаютъ въ кибитку. Тогда-то, ухватившись за кибитку, невѣста начинаетъ кричать и причитывать благимъ матомъ до тѣхъ поръ, пока не привезутъ ее въ чужую семью. Здѣсь поятъ ее и родителей пивомъ и кумышкой: невѣста становится на колѣна и стоитъ на нихъ все время угощенія поѣзжанъ. Въ это время замужнія бабы кла-

дутъ на столъ новый аишонъ, который гости обязаны обвѣшать посильнымъ приношеніемъ мелкихъ и крупныхъ серебряныхъ монетъ. Когда же сядутъ за столъ, невѣсту тоже бабы уводятъ въ сѣни и здѣсь снимаютъ съ головы ея дѣвичью шапочку и надѣваютъ аишонъ. На другой день купленная невѣста спѣшитъ снискать расположеніе новой семьи и работаетъ въ потѣ лица какъ трудолюбивая, хлопотливая хозяйка: на ея руки переходитъ все домашное хозяйство; она встаетъ раньше всѣхъ, ложится позднѣе. Безъ того ее не скоро отпустятъ къ отцу гдѣ она должна быть цѣлую зиму. Въ это время женихъ спѣшитъ справиться съ колымомъ, потомъ ѣдетъ къ тестю въ большомъ поѣздѣ. Это бываетъ почти всегда въ январѣ и февралѣ. Въ это время выплачиваетъ колымъ, у тестя женихъ затѣваетъ пиръ, затѣмъ ѣдутъ въ село, откуда въ деревню жениха возвращаются уже мужъ съ женой. Въ избѣ жениха идетъ угощенье всѣмъ сосѣдямъ, но, всегда скупой и расчотливый, вотякъ не приглашаетъ въ этотъ день русскихъ. Нѣтъ у нихъ также и того обычая, чтобъ на свадьбѣ давать главное мѣсто дѣвицамъ; молодыхъ не дарятъ; у невѣсты во все время пира лицо закрыто; пируютъ послѣ того дня по три и больше. Прежде велся еще тотъ обычай, что невѣста, при уходѣ въ клеть, собственными руками перерѣзывала курицѣ горло и потомъ замѣчала трепещется она или нѣтъ; въ первомъ случаѣ ей предстояла счастливая жизнь. По окончаніи свадьбы, при отъѣздѣ въ свою деревню, отецъ невѣсты, въ знакъ особаго своего расположенія и какъ бы въ подкрѣпленіе кровной связи съ новыми родственниками, вколачиваетъ два мѣдныхъ гроша: одинъ въ уголъ избы, подъ образами, другой въ прялку молодой и съ тѣмъ уѣзжаетъ. Но особаго расположенія того чувства родства, которое составляетъ характеристическое коренное отличіе русскаго человѣка, въ вотякахъ не замѣчается, особенно въ женщинахъ. Вотякъ, по скупости, не балуетъ жены,

какъ балуетъ ее любой изъ русскихъ только-что успѣвшій сыграть свадьбу. Вотякъ, съ барышомъ продавшій плоды своей лѣтней работы и возвращаясь домой, не купитъ въ семью ни платка, ни ленты, только крайняя необходимость заставитъ его иногда раззориться на какой-нибудь кушакъ и много-много на бисерную подвѣску. Мужъ спѣшитъ спрятать деньги не только отъ жены и родныхъ, но даже и отъ самаго себя, и мелочная расчотливость, переходящая въ скупость, заставляетъ вотяка водить свою жену въ отрепьяхъ и всегда въ чорномъ тѣлѣ: она у него забитая подневольная работница, обязанная безропотно исполнять всѣ приказанія мужа, который хотя и смиренъ характеромъ, но подчасъ даетъ знать женѣ, что и у него кулакъ также здоровъ, какъ здоровъ кулакъ русскаго, который удается ему попробовать на заводахъ. Въ старину водилось такъ, что у рѣдкаго вотяка не было двѣ или три жены, которыя забирались отцомъ семейства, за извѣстный колымъ, въ работницы. Не рѣдко случалось, что жоны эти имѣли лѣтъ по двадцати пяти въ то время, какъ парнишко — мужъ имѣлъ только семь или даже меньше. Вслѣдствіе подобныхъ обстоятельствъ большею частію случалось такъ, что жоны покидали мужей, убѣгая въ родную семью и такимъ образомъ обязывали несчастнаго мужа искать себѣ другихъ. Теперь этого, какъ и понятно, рѣшительно не существуетъ и вотякъ живетъ себѣ съ одной женой, какъ любой нашъ русскій крестьянинъ. Отецъ, женивши сына, считаетъ своею непремѣнною обязанностію, поскорѣе отдѣлить его отъ себя и для этого строитъ особую избу позади своей старой, такъ что у инаго такихъ избъ настроится до того много, что они образуютъ цѣлый азбаръ, родъ высѣлка. Здѣсь уже всѣ другъ другу родня, всѣ свои: у нихъ и выгоны подлѣ и луга пополамъ и лѣсъ общій съ раздѣломъ на участки, по количеству наличныхъ душъ азбара. Прежде этихъ высѣлковъ было гораздо больше, потому что вотяки еще недавно привыкли

къ осѣдлости: въ былыя времена они цѣлыми селеніями переселялись съ одного мѣста почему либо не выгоднаго, на другое болѣе удобное и богатое сочной землей. Безъ этихъ условій жизнь вотяка едва-ли была бы такъ достаточна, какова она теперь сравнительно съ сосѣдними татарами. Трудолюбіе вотяковъ на пашнѣ примѣрное; хлѣбъ у нихъ родится какъ-то особенно обильнѣе, чѣмъ у сосѣдей—русскихъ, но отыскать секретъ этотъ рѣшительно кажется нельзя: вотякъ почаще заглядываетъ на пашню, поглубже пробораниваетъ землю, не скупясь унаваживаетъ и не только довольствуется вымолоченнымъ хлѣбомъ для домашняго обихода, но даже продаетъ зерно по сосѣднимъ базарамъ. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ поджидаютъ вотяки благопріятное время для запашки: но вотъ съ вечера весеннее солнышко закатилось чисто, ни одно облачко не помѣшало ему свѣтло сѣсть за горою. Завтра, думаютъ всѣ, будетъ ведро, воробушки полоскались въ рѣкѣ и хоть бы воронъ каркнулъ или ухнулъ пугачъ, все какъ нельзя лучше благопріятствуетъ запашкѣ; спросили кое-кого изъ знающихъ и тѣ не перечатъ. День задался дѣйствительно на диво: вотяки снарядили сохи; послали напередъ бабъ на полосы съ яицами, кашей и грешневыми лепешками, и когда тѣ разбросали половину принесеннаго между бороздами, являются мужья, прорѣзываютъ новыя полосы, съѣдаютъ остатки яствъ; ребятишки подбираютъ яица, бѣгаютъ, дерутся... Мужья уходятъ въ деревню и принимаются за кумышку въ то время, когда на полосы являются дѣвки съ ведрами для поливки новой запашки. Кончивши это дѣло, снова наливаютъ ведра водой и идутъ уже въ деревню обливать мужиковъ и себя самихъ, чтобы потомъ пировать цѣлымъ селеніемъ дня два, а за тѣмъ, съ замѣчательнымъ рвеніемъ и постоянствомъ, приняться за работу. Но вотъ вотякъ сжалъ свой хлѣбъ, свезъ его на адрецахъ въ овины и запасные амбарушки на чорный день и доволенъ урожаемъ. Опять все селеніе дѣлаетъ

складчину по семействамъ и отдѣльными кружками идетъ въ поле, на свои полосы. Здѣсь разводятъ теплины, варятъ кашу, съ пѣснями прыгаютъ вокругъ огня и, достаточно утомившись, начинаютъ подкрѣплять свои силы той же кумышкой и пивомъ до совершеннаго истомленія. Этотъ праздникъ тянется больше чѣмъ первый: вотяки пируютъ иногда по недѣлѣ и кончаютъ тѣмъ, что или расходятся по заводамъ или запираются на цѣлую зиму въ душной избѣ, гдѣ точаютъ лапти, ткутъ холстъ и понитки, плетутъ грохоты, вытачиваютъ деревянныя чашки и ложки. Рѣдкорѣдко увидишь въ суровую зиму вотяка на улицѣ, онъ постоянно въ избѣ и словно боится морозу, хотя и привыкъ къ нему не хуже русскаго, но лишь только начнетъ припекать весеннее солнышко, станетъ на дворѣ Страстная недѣля—вотяцкая деревня оживаетъ: всѣ просыпаются и высыпаютъ на улицу выгонять шайтана. Отворяются настежъ ворота и двери, откидываются волоковыя окошки, за околицей слышатся дикіе крики и на улицѣ показываются подроски и женихи ребята верхомъ на своихъ маленькихъ, кругленькихъ вяткахъ съ огромными хворостинами въ рукахъ. Крики становятся сильнѣе; наѣздники машутъ хворостинами, въѣзжаютъ на каждый дворъ, прыгаютъ съ лошадей, заходятъ въ хлѣва, въ амбарушки, въ избу; во всякомъ углу шарятъ хворостиной шайтана и на спасибо получаютъ отъ хозяевъ мѣдныя деньги, грешневыя лепешки, кашу... Бабы — вотячки, спѣшатъ прибирать избу; мужики—вотяки колютъ скотину, чтобъ приготовиться къ Свѣтлому празднику—Быдзимъ-Нунялъ *).

Особенныхъ болѣе рѣзкихъ обычаевъ отецъ Павелъ сообщить не могъ, но объяснилъ подслѣповатость почти всѣхъ вотяковъ ихъ золо-

---

*) До сихъ поръ нѣкоторые вотяки, слѣдуя примѣру сосѣднихъ татаръ, чтутъ пятницу, т. е. оставляютъ въ этотъ день работы и пь кумышку. Во всякомъ случаѣ день этотъ почитается несчастнымъ. ютъ.

тушнымъ тѣлосложеніемъ, курными чадными избами, грязью, въ которой они держатъ себя, а всего болѣе привычкою курить постоянно коротенькія въ вершокъ трубочки съ тютюномъ, а за неимѣніемъ послѣдняго съ высушенными васильками или какой-нибудь другой душистой травой. Справедливо посѣтовалъ отецъ Павелъ на упорство вотяковъ въ принятіи просвѣщенія; изъ тысячи одинъ умѣетъ читать и писать и ни за что не отдастъ своего мальчишку въ науки, хотя бы и видѣлъ въ томъ существенную, видимую пользу. При этомъ словоохотливый священникъ разсказалъ мнѣ о томъ, какъ вотякъ является къ нему просить на крестины:

— Ребенка, попъ Иванъ, жена сдѣлалъ.

— Кого же, мальчика или дѣвочку? спрашиваетъ священникъ.

Вотякъ начинаетъ переминаться съ ноги на ногу; улыбается, вынимаетъ изъ-за пазухи кошелекъ, вертитъ его въ рукахъ; хочетъ, какъ кажется, считать деньги, но опять кладетъ за пазуху и опять улыбается.

— Не скажу, бацько, говоритъ онъ наконецъ довольно рѣшительно.

— Отчего же? спрашиваютъ его.

— Приходи бацько, увидишь самъ, деньга мало взялъ?

Священникъ уже понялъ въ чемъ дѣло: вотякъ хитритъ; думаетъ: въ деревнѣ выпрошу ребенку имя, какое захочу самъ, а то просто крестить не дамъ; не поѣдетъ же священникъ назадъ, не выполнивши своего долга. Священнику нравится комическая сцена до того, что онъ начинаетъ шутить съ простакомъ:

— Можетъ Анну жена-то родила, или Ивана? спрашиваетъ священникъ и тотчасъ же ловитъ неловкаго хитреца; вотяку хочется имѣть Ивана, потому что у него дѣйствительно родился сынъ. Вотякъ радуется, кричитъ:

— Ваньку родила жена, бацько: поѣдемъ!...

— Нельзя же ей Ваньку родить, когда прошлой зимой ро-

дила Ваньку, шутитъ священникъ, но вотякъ пренаивно увѣряетъ его, что дѣйствительно родился Ванька, священникъ не вѣритъ и обѣщаетъ дать имя Елпидифора. Вотякъ и руками и ногами, но видитъ, что дѣло плохо; священникъ не соглашается на Ваньку. Онъ уходитъ, думаетъ долго и опять входитъ къ священнику, съ новой просьбой:

— Дай, бацько, Миколу...

— Отчего жъ не Ивана: развѣ раздумалъ?

— Микола дешево, Иванъ три золотой, Микола одна, одинъ золотой дома забылъ... Жена Ваньку хочетъ...

Священникъ знаетъ, что и тутъ вотякъ хитритъ, что онъ не забылъ денегъ и что жена совсѣмъ не можетъ выбрать ему имя, продолжаетъ шутить съ вотякомъ. Этотъ готовъ торговаться съ пятачка серебромъ; будетъ предлагать муку, деревянную чашку, чтобы не отдать только лишняго гроша денегъ, но священникъ оставляетъ вотяка въ покоѣ. Онъ сдѣлалъ свое—пошутилъ надъ простакомъ; тотчасъ соглашается на просьбу и вотякъ опять будетъ съ Ванькой и только для разнообразія, при новой оказіи, выпроситъ имя Миколы. *)

Разсказывать о простотѣ вотяковъ и ихъ тупой хитрости рѣшительно нечего: они въ этомъ отношеніи такъ похожи на чухонцовъ, что повторять давно уже сказанное и извѣстное—совершенно излишне. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ вотяки, недавно сдѣлался извѣстнымъ одинъ случай, въ справедливости котораго можно поручиться. Одинъ вотякъ, работавшій на какомъ-то желѣзномъ заводѣ, приводитъ къ лекарю слѣпаго старика отца; вотякъ кланяется, проситъ:

---

*) *Примѣч.* Прежде, когда вотяки еще не были крещены въ христіанскую вѣру, новорожденному давалось имя того человѣка, даже той домашней скотины, которая прежде другихъ входила въ избу, гдѣ лежалъ ребенокъ.

— Слыхалъ, бачько, глазъ дѣлаешь.—Дѣлай оба: мой отецъ слѣпа!...

Лекарь осматриваетъ, находитъ дѣло возможнымъ, соглашается.

— А что, бачько, берешь глазы дѣлать? говоритъ вотякъ.

Лекарь спрашиваетъ его, что онъ самъ можетъ дать, но вотякъ заминается; повторяетъ снова прежній вопросъ. Лекарь проситъ десять рублей, зная достатокъ рабочаго вотяка.

— Нѣтъ бачько, много. Много, бачько! Шесть рублей даваю десять много!—говоритъ вотякъ.

Они еще нѣкоторое время торгуются, лекарь однако соглашается взять шесть рублей. Вотякъ тащитъ мошну, отсчитываетъ три рубля и говоритъ:

— Дѣлай, бачько, одна глазъ; отецъ стара — живетъ и съ одна глаза...

Тамъ же разсказывается еще одинъ забавный случай, доказывающій простодушную хитрость вотяка, желающаго схитрить, но не умѣющаго приняться за это. Дѣло въ томъ, что этотъ вотякъ-Ванька, работавшій на заводѣ уже нѣсколько лѣтъ, сманилъ съ собой нѣсколькихъ сосѣдей, обѣщая имъ на заводѣ протекціи какъ въ рекомендаціи на мѣсто, такъ и въ помѣщеніи на квартиру, которую Ванька занималъ уже нѣсколько зимъ сряду. Простаки пріѣзжаютъ на мѣсто. Ванька стучится въ окно знакомой квартиры. Дѣло было темною ночью, хозяинъ окликаетъ его, желая знать кто именно изъ знакомыхъ просится къ нему.

— Я, говоритъ вотякъ, Ванька Бегашъ, бачько!...

— Мѣста мало, говорятъ ему,—весь дворъ заставленъ одного-то, пожалуй, еще можно пустить: а васъ сколько пріѣхало?

— Да двое только, я да мы, отвѣчаетъ Бегашъ, уже успѣвшій обдумать хитрость, пользуясь темнотою зимней ночи. Хозяинъ, спросонья, не вслушался хорошенько въ его отвѣтъ; отперъ во-

рота, но не мало удивился, когда въѣзжаетъ на дворъ болѣе десяти возовъ, вмѣсто обѣщанныхъ двухъ.

Другой вотякъ, издавна занимавшійся продажею хлѣба на сосѣднихъ базарахъ, разъ узналъ отъ кого-то изъ своихъ сосѣдей, что верстъ за сто отъ его деревни—въ Глазовѣ, покупаютъ хлѣбъ копѣйкою на пудъ дороже, противъ той цѣны, за которую сбывалъ онъ свой хлѣбъ по сосѣдству. Вотякъ, мучимый барышомъ по скупости и разсчотливости, не задумался: и вотъ уже, какъ сказывали, каждый годъ справляетъ свои возы въ Глазовъ и такимъ образомъ тратитъ весь новый барышъ на проѣздъ, который прежде ничего ему не стоилъ. И никто изъ сосѣдей не надоумитъ его, даже самъ онъ не догадается положить конецъ своей опрометчивости.

Флегматичность, разгильдяйство вотяковъ, по выраженію сосѣднихъ русскихъ, бросается въ глаза при первомъ же знакомствѣ съ этимъ народомъ: тупой взглядъ вотяка, его хладнокровіе ко всему новому, впервые поражающему его, эта замѣчательная угловатость медвѣдя во всѣхъ движеніяхъ и неопрятность, не разборчивость въ пищѣ, наконецъ самая простота въ характерѣ, служатъ рѣшительными тому доказательствами. Вотяки, въ этомъ отношеніи, даже далеко перещеголяли сосѣдей русскихъ и рѣзко отличаются отъ послѣднихъ вездѣ и во всемъ: и на базарѣ, и въ своихъ деревняхъ, и на заводахъ. Но во всякомъ случаѣ, по общему замѣчанію, онѣ далеко отошли впередъ отъ того состоянія, въ какомъ застала ихъ христіанская вѣра и окончательное сближеніе съ русскими на заводахъ.

На другой день я выѣхалъ изъ вотяцкой деревни на Нижной, откуда мнѣ шолъ путь во Владимірскую губернію въ правую сторону отъ Вязниковъ на Шую и Лухъ. На этомъ огромномъ пространствѣ живутъ въ нѣкоторыхъ слободахъ (Холуѣ, Мстерѣ, Палехѣ и друг.) иконописцы, а по сосѣднимъ деревнямъ Офени.

Нижегородская ярмарка.

Нижегородская ярмарка въ полномъ разгарѣ. На двухъ башняхъ китайской архитектуры, обращонныхъ къ Окѣ, и выстроенныхъ на ея берегу, выкинуто два флага; въ гостиномъ дворѣ нѣтъ ни одного пустаго номера. Всѣ они наполнились произведеніями всѣхъ возможныхъ русскихъ городовъ: здѣсь и кяхтинскіе чаи и сибирское желѣзо, московскіе и ивановскіе сукна и ситцы; ярославскія, кинешемскія и вятскія полотна; романовскія и слободскія овчины, казанскіе козлы и другая кожа, торжковскіе шитые сапожки, башмаки и туфли, кимровскіе и московскіе сапоги всѣхъ сортовъ и достоинствъ; орловскія, тульскія и друг. яблоки и вязниковскія вишни, кіевскія варенья и сушоные фрукты; петербургскій сахаръ; желѣзные сундуки и подносы на азіатскій вкусъ и бухарскую руку; тульскія стальныя издѣлія и самовары; углицкое копчоное мясо; крымскія и кизлярскія вина, имѣющія потомъ превратиться въ иностранныя, преимущественно французскія; польскія сукна; сибирскіе и камчатскіе пушные звѣри галицкой и московской выдѣлки; уральская икра; оренбургскіе и донскіе балыки, астраханская и пермская соль; подгородныя крестьянскія издѣлія и мосальскіе хрусталь и фарфоровая посуда; нѣжинскій листовый табакъ и корешки, и чуднаго рисунка ковры фабрики князя Енгалычева, и проч., и проч., и проч. По дорогамъ, идущимъ къ Нижному, рѣже тянутся обозы,

застилавшіе прежде весь путь и мѣшавшіе проѣзду тарантасовъ съ хозяевами. Всѣ эти обозы направляются въ Нижной и рѣдко назадъ.

За Окой, на огромной песчаной косѣ, обрамленной съ другой стороны жолтыми водами Волги, выстроился новый городъ, рѣшительно не имѣющій нужды и ничего общаго съ тѣмъ, который чудною панорамою раскинулся на горахъ противоположнаго берега. Въ этомъ городѣ все свое, начиная отъ собора, армянской церкви и мечети до мѣстопребыванія губернатора, почтовой и ярмарочной конторъ, и оканчивая возможными удобствами обыденной жизни. Самый Нижной на время переселился сюда, призакрывши свой гостиный дворъ, и ежедневно отправляя за Оку чуть-ли не половину своего населенія. И хотя кратковременна жизнь этого новаго и временнаго города, уничтожаемаго волнами бурливой рѣки во время весенняго разлива, но тѣмъ не менѣе жизнь это своеобразна и полна интереса. Вся Россія собралась сюда, чтобы положить свою долю вліянія. Трудно, даже кажется и невозможно, представить себѣ хоть одинъ самый дальной уголокъ нашего обширнаго отечества, который не прислалъ-бы сюда своего представителя.

Мостъ, соединяющій городъ съ ярмаркою, давно уже наведенъ и во всю длину его на цѣлую версту разставлены оренбургскіе казаки, обязанные крикомъ: „легче!“ останавливать и ретивый бѣгъ пары лошадей пріѣзжаго собственника и легонькую побѣжку съ перебоемъ лошаденки извощика: нижегородскаго, костромскаго, владимірскаго на пролеткахъ непремѣнно на лежачихъ рессорахъ и заѣзжаго Казанца на своей оригинальной долгушкѣ. Положимъ, что мы уже на серединѣ моста: поспѣшимъ обернуться назадъ и полюбоваться чуднымъ видомъ Нижнаго, Новгорода, который уступитъ въ этомъ отношеніи только Кіеву, но превосходитъ всѣ города Россіи.

Городъ весь раскинулся на высокихъ горахъ. Далеко отъ насъ влѣво, за самую высокую гору, цѣпляется зубчатая стѣна древняго кремля, помнящаго доблестный подвигъ Кузьмы Минина. Ближе къ ярмаркѣ широкой змѣей вьется длинный подъемъ въ городъ; еще правѣе прилѣпились къ горѣ старинныя церкви и зданія стариннаго мужскаго монастыря; нѣсколько выше прикрѣплены полуразрушенные деревянные домики бѣдныхъ обывателей, раздѣленные густою зеленью садовъ, которые далеко отошли отъ домовъ ихъ владѣльцовъ. Дальше и выше за горою весь Нижной со своими оригинальными домами, стѣны которыхъ большею частью выкрашены красною подъ кирпичъ краскою; но самаго города уже не видать съ мосту и только часть его „Нижной-Базаръ," имѣющій большое отношеніе къ ярмаркѣ, составляетъ красивую, сплошъ каменную набережную Оки, надъ которою высится Строгоновская, необыкновенно-красивая и оригинальная, церковь на каменной, довольно-высокой насыпи. Обернемся направо, и цѣлый сплошной рядъ мачтъ судовъ со всякимъ товаромъ бросается въ глаза, мѣшая проникнуть дальше. Кажется всѣ суда Волги и Оки, всѣ эти расшивы, барки, кладныя, шитики, завозни, струги, гуянки, сурскіе межеумки, суновки, соминки собрались сюда, чтобы запрудить устье и всю Волгу на-право и на-лѣво отъ города и щегольнуть разнохарактерными пестрыми флагами съ изображеніемъ цѣлыхъ картинъ въ родѣ похищенія Прозерпины, прогулки Нептуна съ огромною свитою Нереидъ и Тритоновъ, или ловли кита, бросающаго огромный столбъ воды въ лодку звѣропромышленниковъ. Тутъ васъ прежде всего поражаетъ пестрота, безвкусіе и безграмотность въ надписяхъ; самыя суда отъ верху до низу размалеваны всѣми цвѣтами радуги и, кажется, въ этой пестротѣ спорятъ другъ передъ другомъ. Оглянемся на-лѣво: широкая, глубокая, чорная бездна Оки потянулась вдаль въ своихъ крутыхъ берегахъ. Кое-гдѣ мелькаютъ по ней лодки, перевозящія

пѣшеходовъ и управляемыя русскими мужиками въ оригинальныхъ шляпахъ грешневикомъ. Не увидимъ только дощениковъ, до послѣдняго нельзя заставленныхъ лошадьми и экипажами, и всегда управляемыхъ Татарами, въ бѣлыхъ круглыхъ валеныхъ шляпахъ. На мѣсто ихъ перекинулся мостъ и перевелъ ихъ трудовую, тяжолую, ломовую дѣятельность на Волгу, съ другой стороны города Нижнаго.

Между-тѣмъ мы подвигаемся дальше впередъ, ближе къ самой ярмаркѣ: мостъ какъ-будто кончился, т. е., уже не видно подъ нимъ чорной Оки, которую смѣнили пески, разстилающіеся подъ ногами, на-право и на-лѣво застроенные амбарами для складу хлѣба и лѣсу, постоялыми дворами для извощиковъ или такъ-называемымъ „кругомъ“ и тѣми пекарнями, которыя снабжаютъ всю ярмарку ржанымъ хлѣбомъ. По количеству этаго хлѣба— какъ извѣстно—опредѣляется приблизительное число ярмарочныхъ посѣтителей. На-право—пестрѣютъ-раскрашенныя садки для рыбы. Здѣсь любители лакомятся настоящей неподдѣльной и диковинной стерляжьей ухой.

Толкотню на мосту встрѣчающихся экипажей смѣняетъ новая толкотня, не менѣе затрудняющая проходъ и проѣздъ. Толпятся огромныя кучи мужиковъ оборванныхъ, съ изнуренными, страшно-загорѣлыми лицами. Всмотримся въ нихъ и увидимъ слѣды трудовой, ломовой работы; прислушаемся къ разговорамъ и подивимся разнообразію выговора. Вотъ одинъ приземистый мужичонко, въ рваномъ армякѣ, подошолъ къ толпѣ земляковъ, помѣстившихся кучей у перилъ моста. Онъ показываетъ гармонику, которую беретъ одинъ изъ товарищей и начинаетъ наигрывать комаринскую, но видимо недоволенъ игрой. Онъ нѣсколько времени вертитъ инструментъ въ рукахъ, остальные ребята оскалили зубы.

— Да тутъ, землякъ, одинъ клапанъ никакъ совсѣмъ порѣшился, да и изъ-подъ донушка-то духъ идетъ. Поди нивѣсть-

что далъ — проговорилъ игрокъ тѣмъ пѣвучимъ нарѣчіемъ, такъ характеризующимъ Костромича—страшнаго охотника окать.

Замѣчаніе игрока принято за остроту и встрѣчено довольно громкимъ смѣхомъ, который обратилъ на себя вниманіе окружавшихъ. Инструментъ съ изъянцомъ подвергается изслѣдованію; проходившіе безъ дѣла, праздные люди, останавливаются и нетерпѣливо желаютъ знать о чемъ тутъ судачитъ народъ. Изъ толпы сыплются остроты и совѣты въ родѣ тѣхъ, которыми готовъ угостить русскій человѣкъ своего брата въ минуту неустойки и неудачи, особенно если они сопровождаются комическою обстановкою. Одинъ совѣтуетъ снести инструментъ въ кузницу; другой хочетъ купить, да проситъ прибавки гривенникъ на шкаликъ; третій забылъ захватить денегъ; у четвертаго карманъ съ дырой. Всѣ эти замѣчанія встрѣчаются смѣхомъ и новыми остротами:

— Да ты-бы, землякъ, лучше сапожнишки купилъ, а не то-бы шапку какую: а то, гляди, эта и воронамъ на гнѣздо не годится.

— Ну, да и вамъ, ребяты, не укупить мнѣ новой: бѣгунцовъ-то за спиной поди тоже больше, чѣмъ въ карманѣ денегъ.

— Небось подъ бичевой-то въ такихъ сапогахъ по музыкѣ пойдешь; оно, гляди, и съ ноги не собьешься и т. п.

Въ справедливости этихъ замѣчаній никто изъ остряковъ не сомнѣвается, но прислушайтесь къ говору, и васъ поразитъ его разнохарактерность, начиная отъ низоваго выговора съ оригинальнымъ паденіемъ на мягкія буквы до лѣснаго, гдѣ грубое *о* нерѣдко превращается въ еще-болѣе грубое *у*.

Здѣсь на мосту мы рѣшительно можемъ прислушаться ко всѣмъ нарѣчіямъ и встрѣтить ихъ представителей: тутъ и *родимый* ростовецъ и частобай тверякъ, который подчасъ *дзекнетъ* не хуже своихъ сосѣдей—бѣлоруссовъ, въ лицѣ какого-нибудь зуб-

ковскаго *купца-молодца* или Вѣжечанина, котораго рици цисце въ свити нѣту.

Сколько есть у Волги притоковъ, столько и губерній всей внутренной Россіи, — столько же и разнообразія въ представителяхъ этихъ губерній на ярмарочныхъ толкунахъ и площадкахъ: а такихъ только губерній мы свободно можемъ насчитать 21 съ двѣнадцатью инородческими сосѣдями, которые и портили и измѣняли родной языкъ великороссовъ. Не диво бывало прежде, если прогонятъ черезъ мостъ цѣлый гуртъ быковъ мужики въ измаранныхъ дегтемъ рубашкахъ, которые, стоняя непослушныхъ длинною палкою въ кучу, кричали на чистомъ малороссійскомъ нарѣчіи, и въ созерцательномъ молчаніи шли за ними слѣдомъ, словно развинченные, въ перевалку, и ни на что не обращая вниманія. Теперь этого стало не видно, съ тѣхъ поръ, какъ чугунки стали ломать наружной видъ и внутренное достоинство и свойства древней Макарьевской ярмарки.

Толпа кинулась къ чему-то бѣлому и массивному, двигающемуся отъ ярмарки по направленію къ городу, и, вскорѣ окруживъ верблюда, толпой провожала его за мостъ. Всѣ эти кучки на мосту людей по видимому праздныхъ, но на самомъ дѣлѣ только временно праздныхъ—бурлаки, пришедшіе наниматься въ нынѣшной годъ уже на вторую путину. Завтра же, можетъ быть, они по зову урядчика и найму хозяевъ судовъ, которымъ всегда нуженъ и дорогъ работникъ, накинутъ на плечи лямку и тяжолымъ, перевалистымъ шагомъ побредутъ по луговой сторонѣ матушки-Волги, въ предшествіи вѣчнаго своего *шишки*—человѣка болѣе другихъ изможденнаго, но болѣе другихъ знающаго мѣстность. Запоютъ они свои завѣтныя пѣсни, которыя такъ хороши на Волгѣ и такъ богаты содержаніемъ. Только-бы съ ноги не сбиваться да подхватывать вразъ, а за словами у нихъ не стоитъ дѣло. Тамъ

придутъ они на завѣтной бугорокъ, гдѣ-нибудь на Телячьемъ броду, достанутъ изъ чередоваго мѣшечка горсточокъ пятокъ крупицы, да вольютъ въ котелокъ ведерко воды кормилицы-Волги и сытъ бурлакъ—трудовой человѣкъ и опять онъ ломаетъ свою *путину* все дальше и дальше, все туже и туже. Не страшатъ его бѣды незнаемыя, лихорадки и самая немощъ отъ усилія въ трудѣ и упорства въ лишеніяхъ: тѣмъ же настойчивымъ шагомъ подвигается онъ и при концѣ путины, какимъ шолъ въ началѣ. Не доволенъ онъ только грязью послѣ дождей, да вѣтромъ противнымъ. Пожалуй онъ и безъ особеннаго удовольствія переѣзжаетъ на судно, когда того требуетъ мѣстность и особая непогодь. Ему бы только кончить скорѣе долгую путину, да добиться до честнаго и безотлагательнаго разсчота, а за себя онъ не стоитъ.

— Легка бѣда двѣ путины сломать, а на третью, глядишь, и самъ назовешься. А что и объ домѣ-то тоску разводить. Вѣстимое дѣло, какъ у баръ, такъ и у нашего брата, одно выходитъ: какъ не видишь своихъ, такъ и тошно по нихъ, а увидишь своихъ, да много худыхъ, такъ лучше безъ нихъ. Давай Богъ толковаго шишку, да тороватаго хозяина, да спопутную погодку, хоть бы и парусила она, да только дождей бы не давала. А что тамъ болѣсти разныя, да немощъ!... Вотъ, слышь, къ нашему брату и подойти нельзя,—такъ и это опять ничего. Нашъ братъ-бурлакъ какъ ступилъ на берегъ, да пошолъ на свои деревни: на первомъ же селѣ бабы тебя словно пчолы облепятъ. Мы ужъ у нихъ безъ бани, и обѣда не беремъ. Давай намъ, тетка, щей-дескать горячихъ, да пару, да вѣникъ, а намъ со своимъ двугривеннымъ не до дому же тащиться,—на вотъ бери.., вѣдь и ты — глядишь — не разживешься съ него. А посмотрѣлъ бы ты какъ наши ребята на Рыбномъ пьютъ, такъ тѣмъ что нашего брата ни въ грошъ не ставятъ, да еще и глумоствомъ всякимъ доходятъ—въ носъ кинется, въ почесотку введетъ и въ

зависть всякую. Вѣдь у нашего брата копѣйка ребромъ стоитъ, а съ нея паръ валитъ...

Довольный собой, бурлакъ въ Нижномъ ни въ чомъ не откажетъ себѣ передъ трудами, которые ждутъ его на путинѣ: пьетъ и бушуетъ подъ кружалами не тише московскихъ купцовъ.

Между тѣмъ на мосту черезъ Оку съ каждымъ днемъ замѣтенъ приливъ новыхъ бурлаковъ, которые ждутъ только обратной путины, и не дожидаются ея долго. Вотъ подходитъ урядчикъ:

— Кто, ребята, на Рыбное? Кто на Казань? Кто на Синбирско?

— Мы, хозяинъ!.. Отправляй нашу артель по первоначалу: вонъ тѣ и шишка нашъ! У него и паспорты наши.

— Ну такъ молись, ребята, да и ступай съ Богомъ: — собирайся!

Мостъ еще не кончился, но начался уже рядъ лавокъ, въ которыхъ хотя и производится торговля, но мелочная: шапками, картузами, шляпами, сапогами, и прочимъ добромъ, необходимымъ въ быту крестьянскомъ и бурлацкомъ.

Между тѣмъ къ концу моста окончательно начинаетъ поражать близость ярмарки: со всѣхъ сторонъ тянутся на встрѣчу длинные обозы, запирающіе проходъ дальше. Толпа дѣлается гуще и разнообразнѣе; говоръ становится громче и сильнѣе, и нѣсколько напоминаетъ базаръ въ какомъ-нибудь маленькомъ дальномъ городкѣ или торговомъ селеніи. Но еще нѣсколько десятковъ шаговъ и мы уже на самой ярмаркѣ. Длинная, широкая улица потянулась съ моста, образуемая досчатыми балаганами, выстроенными на скоро, на живую нитку. Какъ бы для того, чтобы скрыть ихъ вопіющій недостатокъ, всѣ они выкрашены сѣрепькой краской, но тутъ пока только старое платье, зазывныя приглашенія въ родѣ апраксинскихъ или гостинодворскихъ московскихъ съ тѣми-же неудачными приглашеніями купить то, что уже у насъ

есть и съ такою же настойчивостью. И здѣсь также готовы ухватить за руки и силою втащить въ лавку, если только найдется хоть малѣйшій поводъ къ тому. Мужиковъ и бабъ подгородныхъ торгаши просто таскаютъ за руки силой.

Вотъ двѣ дороги—одна на-лѣво, мимо грудъ дынь и арбузовъ къ центру ярмарки: двумъ завѣтнымъ флагамъ и такъ-называемому Главному дому; другая прямо,—къ театру. Выберемъ послѣднюю и будемъ имѣть удовольствіе видѣть Новинское или Исакіевскую площадь во время Святой недѣли или Масляницы. Цѣлая площадь обстроена балаганами съ заманчивыми киртинами и вывѣсками. Тамъ намалевано цѣлое поле сраженія; здѣсь цѣлая пирамида людей, исковерканныхъ въ различныхъ фантастическихъ положеніяхъ. Изъ нѣкоторыхъ балагановъ раздаются выстрѣлы; одинъ—сильнѣе прочихъ: проходившая толпа праздныхъ мужиковъ ухаетъ, останавливается. Мужики переглянутся, улыбнутся, отпустятъ доморощеную остроту и пройдутъ дальше. На самокатахъ раздается однотонная музыка, которую и можно слышать только на народныхъ гуляньяхъ. Здѣсь — цѣлая ватага горничныхъ, отпущенныхъ господами, мѣщанокъ, раздобывшихъ двугривенный на какомъ-нибудь шитьѣ или вязаньѣ, сосѣдскихъ деревенскихъ орженушекъ, доставляющихъ себѣ удовольствіе на проданныя торговкамъ ягоды, и продажныя красавицы, набѣжавшія со всей Россіи,—по гривеннику. Все это качается въ самокатахъ на слонѣ, на конькахъ, коляскахъ и на другихъ разнаго рода и вида сидѣньяхъ, и всѣ они крайне довольны и собой и ярмаркой и людьми, которые дали имъ на то средства.

Тутъ-же, напротивъ самокатовъ, или какъ обыкновенно называютъ ихъ здѣсь—кружалъ, вѣчно сидятъ торговки,-бабы съ орѣхами, подсолнечниковыми и арбузными семячками, мочонымъ горохомъ, гнилыми яблоками, услаждающими вкусъ катальщиковъ.

Въ страшной восторгъ приходитъ вся эта ватага, когда

главное лицо начнетъ подбирать рифмы въ отвѣтъ своему старостѣ-командиру, или когда на него напяливаютъ мундиръ вверхъ ногами. Онъ жмется и ёжится и что-то кричитъ; его не хотятъ слушать, но когда четыре мускулистыя руки, окончательно надѣвши мундиръ, начинаютъ его встряхивать, какъ-бы въ мѣшкѣ, народъ кричитъ:

— Шибчѣ, ашшо встряхни: небось уколотится!

Но когда новаго солдата ставятъ на ученье и даютъ ему въ руки ружье, и онъ вмѣсто „на плечо,“ кричитъ „горячо,“ вмѣсто „отъ ноги,“ брякнетъ во все горло „погоди!“ — толпа гремитъ тѣмъ неистовымъ смѣхомъ, который только ей одной и подъ силу. Толпа ждетъ не дождется того антракта, когда, послѣ показа актеровъ, участвующихъ въ слѣдующихъ представленіяхъ, является давно ожидаемый скоморохъ-утѣшитель. Кажется и самъ онъ мало думаетъ о себѣ и тоже въ свою очередь не дождется антракта, того послѣдняго антракта, послѣ котораго онъ со всѣхъ ногъ бѣжитъ въ ближайшую деревянную будку, съ елкой, и съ лаконическою какою-нибудь надписью: „Мечетная выставка, № 10.“ Это какой-нибудь портняжка, пьющій запоемъ, но во время охмѣленія работающій за четверыхъ. Онъ отбился отъ всѣхъ рукъ, въ какія только не бросала его судьба и отъ какихъ представлялась ему возможность отбиваться. Онъ и теперь, можетъ-быть, убѣжалъ отъ хозяина на время ярмарки изъ страсти къ своему веселому ремеслу, которое влечетъ за собою огромное количество водки, притупляющей въ немъ всякую щекотливость къ побоямъ. Кончится ярмарка, портняга опять придетъ къ старому хозяину послѣ долгаго—долгаго похмѣлья, и начнетъ подводить:

— Что такъ-какъ-де довольны оченно вашею милостью, то не примете-ли опять на верстакъ; заслужимъ чѣмъ могимъ, а о другомъ-прочемъ не сумлѣвайтесь: все оченно пойдетъ прикрасно.

Сядетъ онъ опять на верстакѣ, подхвативши подъ себя ноги, если только не до конца разсердилъ и этого хозяина. Сидитъ, онъ до перваго запоя, но уже передъ ярмаркой опять улизнетъ, не спросясь и постаравшись всѣми неправдами забрать свои деньги впередъ. Глядишь: онъ опять гдѣ-нибудь на балаганномъ балконѣ подъ Новинскимъ. На Великій постъ фигляръ опять пропадаетъ, но на Святой онъ опять тутъ какъ-тутъ, если только не успѣетъ его изломать запой, какъ вещь лишную и ненужную на этомъ свѣтѣ. Народъ гудитъ въ восторгѣ отъ его остротъ, и никто не спроситъ, никто не пожалѣетъ его, если явится другой съ тѣмъ же искреннымъ желаніемъ насмѣшить толпу и потѣшить. На ярмаркѣ въ Нижномъ онъ тутъ какъ тутъ, но уже на цѣлое лѣто.

Раешникъ — тоже человѣкъ, обрекшій себя на потѣху, но уже рѣшительно инаго характера: онъ даже, если хотите, враждебно смотритъ на паяцовъ, которые, привлекая толпу къ себѣ, отвлекаютъ отъ его театра. Вотъ почему онъ всегда выбираетъ мѣстечко подальше отъ кружалъ, но всегда видное и, по возможности, бойкое. Ясно, что и здѣсь зрителей у него немного. Съ большею радостью пускаетъ онъ за какой-нибудь пятакъ въ складчинѣ цѣлую кучу ребятишекъ. Рѣдко-рѣдко навернется на него и здѣсь такой любитель, который, желая потѣшить себя приговорами, броситъ ему полтинникъ и отойдя на приличное разстояніе, не смотря въ стеклушки, слушаетъ вранье сказочника, которое въ Нижномъ вращается на остротахъ и насмѣшкахъ надъ купцами: „купцы продаютъ рубцы, сѣно съ хрѣномъ, суконные пироги съ навозомъ“ и проч.

— Вотъ бы и ярморочное дѣло теперь, — говоритъ онъ любопытствующему знать о положеніи дѣлъ и ходѣ его торговли, — а—что? Лучше бы и не трогаться изъ Москвы. Всѣ барыши отбиваютъ у нашего брата эти кружала проклятыя и Петрушкой

бы стучишь и „ватрушками“ и разными приговорами трогаешь. Оглянется къ тебѣ весь народъ-отъ этотъ, да и опять на паяца зѣваетъ. Тутъ не токмо-что, а и кіятра-то не окупишь. Вотъ одинъ этотъ маленькой 20 рублевъ стоитъ, да два раза въ годъ окрась его, да надпись подбери позаманистѣй, что вотъ-де „сія панорама показываетъ разные виды городовъ и селеній“ — такъ и будешь знать, какъ себя прокормить. А потаскай-ко ее на плечахъ, такъ и дастъ она тебѣ знать себя, хоть и не вѣска — всего только два пуда будетъ — да зато занозиста: всѣ тебѣ плечи пообширкаетъ. Только вотъ одинъ работникъ и выручаетъ еще кое-что: не то поглаголистѣй онъ, не то кіятеръ-то у него большой. Однаго вѣсу въ кіятрѣ будетъ пудовъ 18; самъ и картины подлаживаешь, коли не уноровишь достать большую. Тутъ вѣдь ширины одной два съ половиной аршина; есть на чемъ поразвернуться, особо когда хмѣлькомъ заберешься. Тутъ ужъ врешь и самъ не вѣдаешь что! — прихвастнетъ раевщикъ.

Неправда въ его словахъ только одна: не поѣдетъ же онъ даромъ за четыреста верстъ, не разсчитавъ и не испытавъ барыша зараньше. Никогда не пойдетъ въ раевщики мужикъ, привыкшій трудомъ зашибать копѣйку: всегда ужъ это какой-нибудь аферистъ, прошедшій огонь и воду, и вотъ теперь ударившійся въ скоморошество и всегда съ вѣрною, заранѣе разсчитанною цѣлью. Знаетъ онъ очень хорошо, что такихъ досужихъ людей, какъ онъ самъ, едва-ли насчитывается въ обѣихъ столицахъ до десятка. Всѣ они знаютъ другъ-друга, и всѣ они, по большей части, прикащики однаго какого-нибудь достаточнаго хозяина, который посылаетъ ихъ въ другое время по дворамъ для потѣхи дѣтей и ихъ нянюшекъ.

Еще нѣсколько шаговъ впередъ и передъ вами большое сѣрое зданіе театра, все облѣпленное афишами, на которыхъ буквами въ вершокъ обозначены имена заѣзжихъ столичныхъ арти-

стовъ. Василій Игнатьевичъ Живокини почти никогда не сходитъ. Тѣ же афиши пестрятъ всѣ городскіе фонарные столбы съ верху до низу, но публики привлекаютъ, противъ ожиданія, мало: внутренность театра неудобна, освѣщена дурно какими-нибудь тремя десятками свѣчей, неудобно прилѣпленныхъ къ ложамъ; всюду сквозитъ вѣтеръ, музыканты играютъ, хотя и старательно, но всегда фальшиво. На сценѣ ставятся плохія пьесы провинціальнаго репертуара, большею частію трагическія и драматическія со всегдашнимъ враньемъ на афишахъ того, что не покажутъ да подчасъ и показать не могутъ. Пьесы къ тому же и разыгрываются плохо, съ весьма немногими исключеніями. Отсюда вы можете отправиться въ желѣзной рядъ, самый длинный изо всѣхъ, гдѣ выставляютъ на показъ иногда вещи удивительныя. Мы видѣли цѣлый домъ, сдѣланный изъ желѣза въ одинъ этажъ: весь онъ складывается нѣсколькими рабочими въ двое сутокъ, но разбирается весьма скоро, чуть-ли не въ 10 часовъ или и того меньше. Въ домѣ этомъ пять комнатъ: прихожая, контора, зало, спальная и кухня. Хозяинъ цѣнилъ его въ полторы тысячи; говорилъ, что въ немъ вѣсу восемьсотъ пудовъ, и въ разсчотахъ ошибся, потому что ярмарка—не выставка: издѣліе его никто не купилъ.

Обогнувши театръ и повернувши немного на лѣво мы вскорѣ очутились въ самомъ центрѣ ярмарки, который можно считать у Главнаго Дома. Отъ него прямо потянулись ряды каменныхъ корпусовъ гостинаго двора, раздѣленныхъ между собою на двѣ половины узенькимъ бульваромъ, еще достаточно необросшимъ. Сейчасъ на лѣво, самое почотное и видное мѣсто отведено было строителемъ ярмарки (при Александрѣ I-мъ) Бетанкуромъ—книжной торговлѣ. Но ея нѣтъ и слѣда: все лавки модныхъ и иныхъ ходовыхъ товаровъ. А книги на ярмаркѣ не товаръ (дешовыя картины еще туда-сюда); книжному торговцу передъ всѣми другими опто-

выми нельзя и признаться. За то всѣ другія ряды и линіи честно и буквально сохранили за собою свои старыя названія: москательные, бакалейные, бумажные, кожевенные и даже колокольный. Бульваръ ведетъ до огромнаго ярмарочнаго собора съ одной стороны, а съ другой примыкаетъ къ главному корпусу, въ которомъ временно помѣщается ярмарочное управленіе: начиная отъ квартиры губернатора и лицъ, нарочно командируемыхъ на этотъ случай, и кончая почтовымъ отдѣленіемъ. Средину нижнаго этажа этого корпуса занимаетъ огромная зала, образованная четырьмя меньшими на подобіе креста, середина котораго занята нѣсколько возвышеннымъ помостомъ для помѣщенія оркестровъ военной музыки. Залы эти отчасти напоминаютъ Москвичу его Голицынскую галлерею, а петербургскому жителю Пассажъ, съ которымъ онъ, кажется, и имѣетъ большое сходство, если только присоединить къ тому запахъ пригорѣлаго масла, который врывается сюда изъ смѣжной трактирной залы.

Подъ Главнымъ Домомъ помѣщаются магазины персидскихъ товаровъ, со своими горбоносыми, смуглыми краснощокими хозяевами, въ пестрыхъ халатахъ, съ длинными, ни къ чему не нужными рукавами и въ высокихъ мерлушчатыхъ шапкахъ. Тутъ же, въ одномъ углу, пріютились издѣлія Екатеринбурга: всѣ эти топазовыя, аметистовыя, сердоликовыя печатки, вазы изъ орлеца, тарелки и чашечки изъ калганской яшмы, крестики изъ горнаго хрусталя, запонки изъ тяжоловѣсовъ и дымчатаго топаза, цѣлыя иконы и картины изъ всевозможныхъ яшмъ, и изъ нихъ же прессъ-папье, и т. под. Попадаются на глаза и небольшія шкапчики, въ которыхъ пріѣзжій оптикъ разложилъ свои инструменты и мѣстной токарь — свои бездѣлушки. По вечерамъ здѣсь играетъ музыка и бродятъ толпы городскихъ фатовъ и иногородныхъ заѣзжихъ гостей, между кучами сундуковъ, ящиковъ, на которыхъ чинно-важно сидятъ уставшіе. Вамъ предстоитъ пріятное удовольствіе

задѣвать за чужія ноги, или до невыносимой боли ушибить колѣно объ выставившійся уголъ ящика;на каждомъ шагу наталкиваясь на новый приливъ гуляющихъ,толпы которыхъ, какъ тѣни, шатаются изъ угла въ уголъ. Разойтись тутъ рѣшительно негдѣ и слово гулять приличнѣе было бы замѣнить въ этомъ случаѣ словомъ толкаться. И все-таки находятся охотники: чуть-ли не цѣлый Нижной является сюда для прогулки, и какъ-бы для того, чтобы въ сытость насладиться удобствами ярмарки (которой и вѣку-то всего только два мѣсяца) и потомъ на цѣлыхъ десять мѣсяцовъ замкнуться въ свой за-вѣтной кружокъ.

Одинъ выходъ изъ Главнаго Дома ведетъ къ Окѣ. Онъ, съ двухъ сторонъ окруженъ цѣлымъ рядомъ извощиковъ, потому-что это главный подъѣздъ отъ города, а другой выходитъ на бульваръ; къ нему извощиковъ не подпускаютъ. Отъ бульвара Главный Домъ отдѣленъ небольшой площадкой, на которой постоянно толкутся продавцы — ношатые: господинъ неопредѣленнаго вида, въ длинной чистенькой сибиркѣ съ цѣлою связкою ящиковъ и коробочекъ за плечами. Та, которая въ рукахъ, открыта: онъ показываютъ пряникъ и называютъ послѣдній заманчивымъ именемъ вяземскаго. Зная о близости Городца, богатаго села здѣшней губерніи, расположеннаго на берегу Волги въ балахнинскомъ уѣздѣ, давно уже получившаго извѣстность въ дѣлѣ печенья пряниковъ, можно усумниться.

Да вжежъ усѣ у Вязьмѣ пекли: городецкіе-то на меду, а наши на сахарѣ.—Наши разсыпчатые, съ цукатомъ!—выкрикнетъ мамъ въ отвѣтъ продавецъ и не обманетъ. Мы должны ему повѣрить, если не на слово,—по-крайней-мѣрѣ за произношеніе, которому онъ остался вѣренъ и на нижегородской площадкѣ. Это чистый Смолякъ, прикащикъ или родственникъ какого-нибудь вяземскаго пекаря, который разложилъ свой товаръ, гдѣ нибудь въ гостиномъ дворѣ, въ какомъ-нибудь бакалейномъ ряду, подъ ка-

кою-нибудь литерою И или К. И повѣрьте, что надпись на пряникѣ, гласящая, что „Сеи праникъ спѣчѣнъ въ Вязме“ или „сия коврышка вяземска,“ какъ нельзя больше справедлива и неподдѣльна. При этомъ (если есть досугъ и время) Смолякъ готовъ намъ забраковать и охаять городецкіе пряники, называя ихъ „перепечами,„ поджаренными на сковородкѣ въ маслѣ. Ихъ-де передъ ярмаркой щотками оттираютъ, медомъ да масломъ приправляютъ для скусу; они всѣ оржаные пополамъ съ мякиной; медовики, сухари, сусленики.“ — „Они и идутъ то только на масляницѣ да на Святой недѣлѣ подъ кулакъ ребятамъ фабричнымъ по пятаку на перешибъ за десятокъ...“

Тутъ же, какъ изъ подъ земли возмется, подступаетъ казанскій или симбирскій Татаринъ, подосланный съ бракованнымъ, рѣдко добротнымъ мѣхомъ изъ крымскихъ барашковъ или воротникомъ часто настоящаго камчатскаго бобра, рѣдко польскаго съ подкрашеными сѣдинками. Также какъ и вездѣ, вѣрный себѣ самому, Татаринъ запроситъ страшную сумму и уступитъ за половину, по нѣсколько разъ отходя въ сторону, упуская покупателя иногда далеко изъ виду, и опять выходя откуда-нибудь изъ угла или подсылая товарища, если замѣтитъ стойкость въ назначенной цѣнѣ и упорство.

— Куши, баринъ, у меня мѣхъ! — говоритъ подосланный и покажетъ тотъ же мѣхъ, который уже видѣлъ покупатель, и немного сбавитъ цѣны противъ прежняго. Нонче дорогъ крымскій баранъ, — настоящій, баринъ! Тебѣ не убытка, а намъ деньга нужна!... Слышь, баринъ: — тебѣ добра хочимъ.

При дальнѣйшомъ упорствѣ, онъ еще, пожалуй, нѣсколько сбавитъ цѣны и, если видитъ хоть маленькій барышъ себѣ и хозяину, при надбавкѣ, непремѣнно уступитъ мѣхъ: — за большимъ не гонится, какъ и тѣ его родичи, которые продаютъ въ столицахъ халаты, платки и мыло и покупаютъ всякую рвань: старые

штаны и голенища, треугольныя шляпы и изломанныя шпаги и сабли.

Вообще сказать эта площадка между Главнымъ Домомъ и бульваромъ—мѣсто сходки всѣхъ мелочныхъ торгашей: тутъ и мальчишка—лакей, стащившій у барина нѣсколько томовъ журналовъ старыхъ годовъ, и человѣкъ, приплевшійся изъ Москвы продавать свою ваксу, которая способна сдѣлать сапоги наши на цѣлую недѣлю чище зеркала и не боится ни дождя, ни грязи, ни пыли, а въ сущности дрянь, какую только себѣ можно представить. Тутъ-же протискается впередъ и казанскій татаринъ съ коробкой мыла, способнаго въ два пріема сгонять загаръ и выводить веснушки. Всѣ эти люди, съ утра вытащившіеся изъ своихъ конуръ гдѣ-нибудь въ подвалѣ Кунавина, начинаютъ обыкновенно свое путешествіе по трактирамъ. Мимоходомъ только останавливаются они у Главнаго Дома и, Богъ вѣсть, въ какихъ занятіяхъ проводятъ вечеръ, когда стемнѣетъ и начинается торговля новыхъ лицъ, также пріѣхавшихъ изъ Москвы, Ярославля и ближайшихъ къ Нижнему губернскихъ городовъ, всѣхъ этихъ рудневскихъ и иныхъ красавицъ aus Riga, aus Reval и даже aus Hamburg und Lübek.

Всюду видно кропотливое желаніе продать, навязать товаръ, какъ это встрѣчается на любомъ толкунѣ въ столицахъ. Но этого торговаго движенія цѣлой Россіи, движенія нѣсколькихъ милліоновъ рублей, собственно предполагаемой ярмарки, въ томъ значеніи, какъ мы привыкли понимать по образцамъ другихъ губернскихъ городовъ съ ярмарками, рѣшительно, противъ ожиданія, не видно, не замѣтно. Ярмарка на лицо, но гдѣ ея торговля, движеніе? Мелочныя покупки въ лавкахъ нижегородскихъ жителей рѣшительно ничего не значатъ. Ничего не доказываютъ и это множество лавокъ, которыя цѣлый день, по видимому, стоятъ отпертыми безъ цѣли и эти хозяева, которые пьютъ чай рѣши-

тельно въ невозмутимомъ спокойствіи, заботясь, кажется, только о томъ, чтобы во время передать горячій стаканъ изъ одной руки въ другую и не обжечь себѣ ладони и пальцовъ. Весь гостиный дворъ пройдешь изъ конца въ конецъ, и не замѣтишь предполагаемаго движенія ярмарки; не удивитъ незначительное движеніе, не много больше того, какое встрѣчается въ любомъ гостиномъ дворѣ любаго губернскаго города. Нерѣдко, впрочемъ, видѣнъ передъ рядами, въ которыхъ производится оптовая продажа, десятокъ возовъ, которые нагружаются шерстью, цыбиками чаю, бочками: сахару, винъ и пряностей. При этомъ, всегда и неизбѣжно, замѣтны, какъ и на перевозѣ, широкія, богатырскія спины Татаръ и ихъ изрытыя оспою лица: вся ломовая работа производится этими коренастыми, здоровыми Татарами здѣшной и сосѣднихъ губерній. Татары приходятъ сюда недѣли за три-четыре до начала ярмарки цѣлыми артелями. Начальникомъ артели въ такихъ случаяхъ отъ нанимающихъ хозяевъ назначается довѣренный русскій, котораго иногда не трудно и замѣтить тутъ же въ синей сибиркѣ съ большою палкою. Съ нимъ легко свыкается рабочій Татаринъ, дѣлается ему, по видимому, безропотно послушенъ, скоро выучивается и водку пить и при первомъ случаѣ просить на чай за работу, даже острить и глупить не хуже другаго рабочаго изъ русскихъ подгородныхъ мужиковъ. Только плохо еще говоритъ Татаринъ по-русски, но во всякомъ случаѣ дѣлается далеко не похожъ на своего единовѣрца, напримѣръ обитателя дальныхъ уѣздовъ Вятской губерніи, на оренбургскаго, а въ особенности на сибирскаго Татарина.

Возы эти, нагружаемые Татариномъ, даютъ вамъ еще нѣкоторое право заключить о близости коммерческихъ сдѣлокъ, но вглядѣвшись въ то же время въ дороги, ведущія отъ Нижнаго на Вятку, Кострому, Казань и Москву, и тогда уже дѣлается несомнѣннымъ полный разгаръ ярмарки. Нѣтъ, кажется, никакой

возможности продраться никакому экипажу между безконечными вереницами возовъ, уставившихъ въ своемъ медленномъ движеніи всю дорогу, съ своими неизмѣнными мужиками по сторонамъ — владѣтелями лошадей и длинной телѣги, жителями или подгородныхъ деревень или, по большей части, муромскаго уѣзда Владимірской губерніи. Молча плетутся они по сторонамъ, страдая отъ всѣхъ перемѣнъ прихотливой погоды, и только по привычкѣ перенося скуку однообразнаго пути, на который обрекли они себя по нуждѣ и по обычаю отцовъ и дѣдовъ. Три-четыре раза успѣваютъ они отправить довѣренный имъ товаръ на своемъ страхѣ и полной отвѣтственности за его цѣлость. Хозяева отпускаютъ съ ними только одного прикащика, а сами ѣдутъ уже въ концѣ ярмарки въ вагонахъ, каютахъ, но всего больше на тройкѣ, въ тарантасѣ и въ компаніи пяти-шести человѣкъ, изъ которыхъ трое главныхъ сидятъ въ главномъ мѣстѣ, одинъ молодецъ на козлахъ, двое другихъ назади, въ какомъ-то мѣшкѣ изъ рогожъ, отличающихся всевозможными неудобствами и неуклюжестью.

Вернемся на ярмарку и подивимся всѣмъ удобствамъ, которыя предоставлены здѣсь торговому классу, начиная отъ подземнаго корридора кругомъ всей ярмарки, до избушекъ, сколоченыхъ наскоро изъ досокъ и торчащихъ на каждомъ главномъ углѣ. Корридоръ подземный — отхожіе мѣста, выстроенныя Бетанкуромъ такъ, что особымъ токомъ воды они прочищаются почти во мгновеніе ока и служатъ, при чистотѣ своей, помѣщеньями и для курящихъ, такъ какъ курить въ рядахъ и на бульварахъ запрещено. Надпись на одной изъ избушекъ ясно говоритъ вамъ, что здѣсь:

Иксъ сомененованой паликъ махтеръ и фелтьшалъ Ивановъ, въ новъ пріѣхадшей изъ Москвы.

Такихъ не одна, а около десятка.

Выставленные въ окнахъ другаго домика портреты даютъ

вамъ знать, что тутъ фотографія, прибывшая изъ Петербурга, изъ Москвы, спустившаяся изъ города Нижнаго на время ярмарки.

Невольно поражаетъ безграмотность московской вывѣски, съ претензіями на подробное исчисленіе всего, что можетъ сдѣлать хозяинъ и краткой, почти лаконической вывѣскѣ петербургскаго человѣка, вывѣскѣ, которая большею частью пишется на двухъ, часто на трехъ языкахъ и уже съ гораздо-меньшимъ числомъ орфорафическихъ промаховъ. Въ Москвѣ: „продажа, торговля, лавка и т. п. разныхъ овощныхъ и колоніальныхъ товаровъ, табаку, цыгаръ, чаю, сахару, кофе, купца Ивана К“.,—въ Петербургѣ: овощная лавка, „мелочная лавка № 1.“ Московскія вывѣски словно дали вѣковой зарокъ ссориться съ грамматикой: въ Петербургѣ только уже черезъ-чуръ перехитрившій маляръ поддастся соблазну и перевретъ, но зато въ остальномъ преимущество далеко на сторонѣ Петербурга. — Та же безграмотность замѣчается и въ гостиномъ дворѣ, большая часть котораго наполнена пріѣзжими Москвичами; рѣдко, весьма рѣдко заберется между ними пріѣзжій изъ Петербурга, Варшавы или Одессы. За доказательствами ходить весьма не далеко: стоитъ обойдти кругомъ ярмарки и пересчитать, сколько на этомъ пространствѣ выстроено различныхъ трактировъ, харчевенъ, ресторацій и другихъ заведеній подобнаго рода. Чья прихоть развела ихъ въ такомъ огромномъ числѣ, при такой величинѣ самаго помѣщенія, какъ не прихоть Москвича, который не откажется по десяти разъ на день пить чай въ прикуску, со сливками и безъ сливокъ, съ лимономъ, съ медомъ, съ изюмомъ. А между-тѣмъ эти трактиры едва-ли не главный притонъ для всѣхъ коммерческихъ сдѣлокъ. По чистотѣ и убранству, наконецъ по самому названію этихъ заведеній, можно, кажется, судить объ относительномъ количествѣ совершаемыхъ въ нихъ сдѣлокъ. Здѣсь-то, можно сказать, заключается корень ярмарки, какъ выражаются сами купцы. Сюда-то

сходятся они, чтобы заключить послѣднее условіе, сказать другъ-другу послѣднее слово: „да“ или „нѣтъ.“

Дѣло обыкновенно производится слѣдующимъ образомъ: купецъ, желающій купить по-мелочи является къ тому, у котораго есть то, что ему нужно. Покупщикъ кланяется, улучаетъ свободную минуту; нѣсколько времени мѣшкаетъ, переминается: онъ не знакомъ съ продавцомъ, тотъ спѣшитъ предупредить его и спрашиваетъ.

— Что вамъ угодно, почтеннѣйшій?

— Да вотъ-съ, желательно-бы изъ суконъ-съ недорогихъ... ситцовъ московскаго производства... дардедаму...

— Отъ какихъ и до какихъ цѣнъ? — спрашиваетъ продавецъ. Но покупщикъ желаетъ видѣть самый товаръ. Продавецъ приказываетъ прикащикамъ снять товары съ полки, и, когда покупщикъ займется самымъ внимательнымъ разглядываньемъ ихъ, онъ спѣшитъ съ нимъ разговориться; допрашиваетъ, изъ какой губерніи онъ родомъ, гдѣ производитъ торговлю и кто его рекомендовалъ ему. При получаемыхъ отвѣтахъ, Москвичъ придакиваетъ:

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ, знаемъ Ивана Спиридоныча. Отчего же вы по прошлогодному не обратились къ Андрею Ѳектистычу? — У нихъ товаръ безъ обману; сами въ фабричномъ дѣлѣ обиходъ держатъ... на нѣсколько тысячъ товару производствуютъ.

Покупатель, человѣкъ не впервые имѣющій дѣло, знаетъ къ чему ведетъ рѣчь продавецъ и потому тотчасъ же спѣшитъ разсѣять сомнѣніе и, если намѣренъ покупать на чистыя деньги, не нуждаясь въ кредитѣ, отвѣчаетъ прямо.

Слово за словомъ, и покупщикъ уже назначаетъ количество нужнаго ему товару, а за тѣмъ:

— Позвольте уже, выходитъ, утрудить ваше досужество на кое-время попросить въ завѣденіе чайкомъ побаловаться.

Продающій соглашается, отдаетъ нужныя приказанія прикащику вдвоемъ, а самъ отправляется въ ближайшій трактиръ. На пути, первый спѣшитъ заговорить со своимъ покупателемъ. При этомъ кстати пожалуется на времена тугія, упомянетъ вскользь, что и онъ потерпѣлъ убытку на нѣсколько сотенъ; разскажетъ какой-нибудь несчастный случай на перевозкѣ, гдѣ отъ водополья и недостатка въ перевощикахъ подмочили у него товаръ рублей на триста и болѣе. Тутъ же сошлется на трудность найдти и придержаться за честнаго, довѣреннаго прикащика. Къ слову прихвастнетъ, что за всѣмъ свой глазъ нуженъ; безъ того хоть въ гробъ ложись.

Но вотъ они уже въ заведеніи, гдѣ ихъ встрѣчаютъ поклоны хозяина трактира, буфетчика, двухъ прикащиковъ, приставленныхъ для надзора за служителями. Съ радостью видитъ Москвичъ во всемъ обстановку любаго московскаго трактира. Тѣже маленькіе столики съ вѣчно-мокрыми и сомнительной чистоты скатертями, накрываемые маленькой салфеткой; тѣже полоскательныя чашки на столахъ; тотъ же песокъ на полу и морсъ на среднемъ большомъ столѣ, всегда готовый къ услугамъ даромъ, безъ платежа пошлины; тѣже завѣтныя парочки и вѣчный кувшинчикъ сливокъ; таже даровая закуска къ водкѣ, состоящая изъ куска ветчины или соленой рыбы съ двумя огурцами и наконецъ тѣже половые въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ полотенцомъ на одномъ плечѣ — бойкіе ребята-Ярославцы, охотники прислушаться къ вашему разговору и по мѣрѣ средствъ и возможности вмѣшаться въ него, надѣясь вполнѣ, что ихъ не оставятъ безъ вниманія. Привычные люди, знакомые гости — Москвичи всегда готовы подразнить половаго какимъ-нибудь нелюбимымъ имъ словомъ, разговориться съ нимъ и отвѣчать на всѣ его замѣчанія, высказываемыя всегда отборными выраженіями, большею частью заимствованныя у своего же брата, который знаетъ грамотѣ, въ досужій

часъ почитываетъ романы московскаго издѣлія, и вслухъ читаетъ новыя газеты, кривотолкомъ объясняя мѣста темныя.

Кучкой, расправляя бороды и разглядывая до послѣдней нитки своихъ гостей, стояли половые подлѣ стола, когда вошли новые гости. Мгновенно всѣ они перемѣшались, засуетились, хватаясь какъ угорѣлые за кучу салфетокъ, пока одинъ, побойчѣе прочихъ, не отдѣлился впередъ. Подойдя къ столу, онъ разложилъ салфетку, оправилъ ее, безсознательно повернулъ полоскательную чашку, вытеръ, поставилъ ее на салфетку и вопросительно перебѣжалъ взглядомъ съ однаго гостя на другаго.

— Три парочки чайку, да смотри хорошенькаго: самаго, знаешь, лучшаго!—говоритъ покупатель.

— Лансену что-ли? спрашиваетъ нѣсколько грубо привычный половой. Чашекъ-то двѣ принести, лимону, али сливокъ?

— Вели *собрать* цвѣточнаго, да лимонцу два кусочка принеси, хорошенькаго—отвѣчаетъ заказывающій.

При этомъ онъ самодовольно потираетъ руки и начинаетъ общолкивать пальцы въ то время, какъ продавецъ безсознательно обглядываетъ со всѣхъ сторонъ полоскательную чашку, и, Богъ знаетъ съ какою цѣлью, щолкаетъ въ ея донушко своими пятью ноготками. Видимо они еще не освоились, а продолжать давишной разговоръ, прекращонный отвѣтными поклонами хозяину завѣденія и его прикащикамъ, находятъ теперь уже рѣшительно излишнымъ.

Не проходитъ пяти минутъ, половой уже мчится на всѣхъ парусахъ, растопыривъ руки и живо передергивая плечами. Въ одной изъ рукъ мотается приподнятый выше головы подносъ съ чашками и двумя чайниками, которые, Богъ вѣсть какимъ чудомъ, не падаютъ на полъ и, кажется, только чисто-акробатической ловкости служителя обязаны этимъ спасеніемъ. Половой не поставилъ, а ловко бросилъ подносъ на столъ, при чемъ посуда

страшно зазвѣнѣла, но къ удивленію осталась цѣла. Онъ отскочилъ и опять далъ знать о своемъ присутствіи подлѣ стола, мѣтко бросивъ серебряную ложечку прямо въ чайную чашку, причемъ ложечка жалобно завизжала и раза три перевернулась съ боку на бокъ. Половой опять отошолъ на свое мѣсто къ столу, и, обкусывая бороду и подпершись локоткомъ, изкоса наблюдаетъ за своими гостями.

Покупатель долилъ чайникъ, всполоснулъ чашки, налилъ ихъ и, придвинувъ блюдечко съ тремя парами сахару къ гостю, проситъ его угощаться. Гость снялъ одинъ кусочикъ, перекрестился, налилъ чаю изъ чашки, растопырилъ свою пятерню въ видѣ рогульки и, умѣстивъ на нее блюдечко, начинаетъ пить, прищолкивая сахаромъ рѣшительно въ гомеопатическихъ пріемахъ. Половой продолжаетъ обкусывать бороду и наблюдать своихъ гостей. Оба они выпили чай. Одинъ закрылъ чашку и положилъ на ея донушко оставшійся въ рукахъ кусокъ сахару. Тотъ, который заказывалъ, сбросилъ сахаръ и вскрылъ чашку, сухо промолвивъ:

— Не въ одолженіе!... уважьте еще чашечкой!

И тотчасъ-же спѣшитъ долить послѣднюю чаемъ.

Половой продолжаетъ наблюдать и видитъ, что у купцовъ дѣло со всѣмъ не ладится. Его привычному взгляду не трудно угадать въ нихъ продающаго и покупающаго. Половой переступилъ съ ноги на ногу; перекинулъ полотенцо съ одного плеча на другое, оправилъ рубашку и, отодвинувшись немного отъ стола, начинаетъ опять наблюдать за ними. И вотъ наконецъ къ крайнему его удовольствію, заказывавшій догадался и подозвавъ его сначала звономъ въ полоскательную чашку, а потомъ пальцомъ, говоритъ ему:

— Принеси-ко, молодецъ, графинчикъ очищенной.... али какую вы болѣе уважаете? продолжалъ онъ, обращаясь къ своему гостю.

— Что до насъ, то все едино-единственно, какую прикажете-съ! отвѣчаетъ тотъ и замѣтно повеселѣлъ.

— Такъ ужъ поуважительнѣе по крайности графинъ принеси, да и рюмочекъ-то, знаешь, хозяйскихъ подай!...

Съ тѣми же ловкими порывами и громкимъ звономъ поставилъ половой на кончикъ стола требуемый графинъ съ кускомъ ветчины и двумя огурцами на тарелкѣ. Затѣмъ онъ опять скрылся, чтобъ принести ножъ и вилку, разрѣзать закуску и вывалить цѣлую ложку крѣпкой сарептской горчицы, отъ которой у купцовъ зажжотъ во рту и захватитъ дыханіе. Половой опять станетъ наблюдать и, если не позовутъ его на новую услугу уважить парочкой чайку или порційкой селяночки, онъ замѣтитъ за своими гостями большую перемѣну: послѣ первой же рюмки, сопровождаемой крякаиьемъ и обтираніемъ бородъ, они дѣлаются замѣтно разговорчивѣе. Первымъ начинаетъ покупатель.

— Такъ-какъ намъ оченно нужно товаръ этотъ получить во свое во владѣніе, то соблаговолите уже назначить ему и сумму безобидную. Вамъ, значитъ, продать безъ убытку, а намъ купить безъ онаго.

— Да вотъ-что, отвѣчаетъ продавецъ, пережовывая закуску, обтирая вытребованной салфеткой ротъ и руки, и придвигая уже налитую чашку. Если вы теперича, выходитъ, перводобротнаго самаго купите, то дамъ вамъ на рѣдкость, лучше, чѣмъ вы сами отложили, а ужъ на бракъ такъ мы и цѣны накладывать не станемъ... Такъ ужъ для перваго знакомства, чтобъ ужъ и впередъ намъ кампанію и дѣла вести.

— Всегда, выходитъ, покупатели ваши! перебиваетъ его первый, и при этомъ приподнимается и кланяется. Продавецъ даетъ ему руку черезъ столъ, также привстаетъ и также низко кланяется. Они уже знакомы и, повидимому, довольны другъ-другомъ.

— Такъ какъ же тепереча цѣна ваша будетъ, добротному-то?...

Покупатель, сколько замѣтилъ наблюдающій половой, съежился, даже покраснѣлъ, какъ бы и не радъ былъ, что такъ скоро приступилъ къ концу, не догадавшись оттянуть его подальше.

Продавецъ медлитъ, покупатель наливаетъ еще двѣ рюмки и проситъ *пригубить*.

— Очень благодарствуемъ... и опять-таки не будетъ ли? Я вотъ лучше чайку еще плошечку вышью! церемонясь отвѣтитъ гость и придвинетъ чашку.

— Нѣтъ, вы ужъ не безпокойтесь:—чай-то и опосля можно. Насъ вѣдь, къ примѣру, водка не раззоритъ; только будемъ другъ другу въ одолженіе дѣлать, чтобъ и напредки въ обязательствѣ происходить. Прошу покорно!... Послушай-ко, молодецъ, вели-ко намъ обрядить соляночки московской, да по-солонѣе, капусты вели накрошить по-больше.

Половой пристукнетъ каблукомъ, монотонно, скороговоркой объявитъ буфетчику о желаніи купцовъ и мелкою дробью слетитъ съ лѣстницы въ то время, когда покупатель успѣетъ опять напомнить о назначеніи цѣны.

— Безъ лишняго, почтеннѣйшій, отвѣтитъ ему продавецъ. Для-ради перваго знакомства сдѣлаемъ и уступку. Вотъ, положа руку на сердце, если вамъ на чистыя—по полутораста цѣлковиковъ за партію, а то продаемъ и дороже!...

Покупщикъ не соглашается, даетъ свою цѣну; продавецъ долго крѣпится, говоритъ, что нынче и малтерьялъ и рабочіе стали дороже: почти-что — дескать не изъ-чего и биться. Но вѣдь и покупщика—стараго воробья на мякинѣ не обманешь; онъ подается лѣнивѣе самаго продавца.

Солянка между тѣмъ съѣдена; графинъ опростанъ, но купцы еще ломаются: окончательно не сошлись въ цѣнѣ. Только къ

концу чая они замѣтно подаются, и мало-по-малу убѣждаются въ томъ, что нельзя же одному продать безъ барыша, а другому купить съ убыткомъ. Къ тому же цѣны и тому и другому извѣстны хорошо, такъ хорошо, что принимая во вниманіе и самое время и другія зависящія отъ него обстоятельства, они другъ передъ другомъ не останутся въ большихъ барышахъ, а свое возьмутъ безобидно.

— На угощеньи благодаримъ покорно!—говоритъ продавецъ, берясь за шляпу и раскланиваясь.

— Просимъ не прогнѣваться! отвѣчаютъ ему. Ужъ, выходитъ, тепереча извольте и задаточекъ получить...

— Обойдемся и безъ онаго, отвѣчаетъ продавецъ,—милости просимъ тепереча товаръ получить; а мы во всякое время готовы, пожалуйте!

Отдавши товаръ новому хозяину, онъ обязанъ въ свою очередь, для поддержанія знакомства на будущее время, угостить его, по окончаніи сдѣлки, по-крайней мѣрѣ обѣдомъ, если что-называется *не расхарчится* на большее. Впрочемъ тутъ частую и большую роль играетъ шампанское, обыкновенно тотинское (Тотина), которое сплошъ и рядомъ уходитъ за Клико и Редереръ.

Вотъ въ-слѣдствіе какихъ обстоятельствъ цѣлые десятки трактировъ, окружающихъ гостиный дворъ, всегда полны народомъ и нѣтъ, кажется, ни одного мѣста, которое бы въ такомъ количествѣ зашибало копѣйку, какъ завѣденія подобнаго рода, если не принимать въ разсчотъ тѣ, которыя расположены за московскимъ шоссе. Не даромъ же хозяева трактировъ употребляютъ всѣ возможныя приманки для тароватыхъ хозяевъ, у которыхъ, кромѣ главной мысли о торговлѣ, замѣчаются и другія наклонности, сродныя иному человѣку въ минуту прилива денегъ. Въ нѣсколькихъ трактирахъ для услажденія слуха посѣтителей реветъ цѣлый хоръ московскихъ цыганъ съ гикомъ и дикимъ выкрикомъ, кото-

рый рѣшительно заглушаетъ тринканье гитары или торбана. Издали онъ кажется вамъ простымъ крикомъ пьяныхъ пѣвцовъ, вблизи дѣлается довольно сноснымъ или, по-крайней мѣрѣ, поражаетъ нѣкоторою стройностью голосовъ, согласно аккомпанирующихъ другъ-другу послѣ хоровыхъ вскрикиваній. Наконецъ хоръ этотъ способенъ привлечь полное ваше вниманіе и затронуть даже кое-какія струны чувствительнаго сердца, когда начнетъ пѣть solo какая-нибудь Лиза или Танюша. Но отходите дальше отъ этого буйнаго хора, если у васъ нѣтъ особеннаго желанія истребить все заготовленное хозяиномъ трактира количество бутылокъ шампанскаго. Предоставьте это тѣмъ, которые изподтишка отъ отцовъ и хозяевъ бурливо тратятъ свободное время.

Есть на ярмаркѣ другіе трактиры, въ которыхъ происходитъ тоже, только нѣсколько въ тѣсныхъ рамахъ. Тамъ какая-нибудь смазливенькая нѣмочка-арфистка, умѣющая говорить и по-польски и по-французски, страшно жеманясь и кажется стѣсняясь собственными пріемами, нѣсколько похожими на пріемы горничныхъ, подойдетъ къ вамъ съ засаленою тетрадкою нотъ и попроситъ на починку арфы. Не стѣсняйтесь: кладите гривенникъ, пяти-алтынный — здѣсь всѣмъ довольны; отъ васъ большаго не потребуютъ, а и откажете — за вами не будутъ слѣдить съ насмѣшливымъ взглядомъ, не будутъ дѣлать оскорбительныхъ замѣчаній на вашъ счотъ, замѣчаній, которыя въ другомъ мѣстѣ долетятъ до вашихъ ушей и оскорбятъ ваше самолюбіе, если только вы нѣсколько обидчивы. Не дадите... но едва-ли вы не дадите хорошенькой дѣвушкѣ, которая стоитъ долго, готова отвѣчать на любезности. И посмотрите: она словно маковъ цвѣтъ раскраснѣлась. Ей, кажется, даже совѣстно незавиднаго своего положенія тутъ, среди этихъ людей, которые чуть не во все горло говорятъ объ ней замѣчанія, и ждутъ со страхомъ, что вотъ и къ нимъ подойдетъ она. Арфистка дѣйствительно подходитъ къ сидящимъ, но не ко

всѣмъ: у ней уже замѣчено нѣсколько господъ, которые разъ отказали ей. Компанія другихъ всегда спѣшила кончать угощеніе и браться за шляпы при первомъ появленіи арфистки съ засаленными нотами. Къ нимъ не подойдетъ она, но за то охотно подсядетъ и съ полчаса полюбезничаетъ съ знакомымъ и тороватымъ господиномъ, съ которымъ она безъ церемоніи, и даже сама назначаетъ ему сумму въ рубль, два, три и больше. Онъ вчера только, можетъ-быть, пилъ здѣсь шампанское и портеръ, и заказывалъ арфисткамъ свои любимыя пѣсни. Подосланная дѣвушка особенно любитъ подходить къ тѣмъ посѣтителямъ, которыхъ видитъ здѣсь въ первой разъ въ жизни или въ первой разъ сегодня, когда они только еще успѣли взойти: на это у артистокъ глазъ острый, хотя голосъ всегда почти надтреснутый.

Вотъ и теперь обратилась она къ двумъ купцамъ, совершающимъ сдѣлку.

— Извините!—говоритъ тотъ, который только-что дразнилъ половаго какой-то „горчицей съ молокомъ“ да „переяславскими сельдями.“

Она обращается къ другому.

— Нѣтъ ужъ, барышня, мы вѣдь не молоды, да и не за тѣмъ пришли, признаться. Вотъ похолимся чайкомъ, да и уйдемъ.

— Ужо-тко, барышня, наши молодцы вечеркомъ подойдутъ, ты вотъ коло нихъ-то пофинти. Этотъ народъ посходнѣе хозяевъ. Коли къ водочкѣ пожеланіе имѣете, такъ милости просимъ—велимъ подать.

Въ нѣкоторыхъ трактирахъ поютъ даже знаменитости, сошедшія со сцены, но уже растерявшія извѣстность по всевозможнымъ ярмаркамъ: и голоса съ изъянцемъ и поютъ они весьма фальшиво, хотя съ большою бойкостью и навыкомъ. Неприхотливый вкусъ посѣтителей въ другихъ трактирахъ легко удовлетворяется испорченнымъ органомъ или даже просто шарманкой, которая шипитъ

имъ комаринскую или щолкаетъ какую-нибудь: „жилъ-былъ у бабушки сѣренькій козликъ,“ и т. п. модное по сезону и политическому настроенію общественной-столичной жизни, но съ перевѣсомъ и преимущественнымъ вліяніемъ Москвы.

Настаетъ пора обѣда. По рядамъ чаще стали показываться разнощики, но не въ такомъ огромномъ числѣ какъ въ московскомъ или въ здѣшномъ гостиномъ дворѣ. Причиною тому, вѣроятно, таже близость трактировъ, гдѣ ожидаютъ проголодавшагося огромныя московскія порціи кушаньевъ, изъ которыхъ одна въ состояніи насытить васъ, а одинъ обѣдъ всегда подается двумъ посѣтителямъ, но и тутъ, кажется, трудно обойтись безъ остатковъ. Если прискучатъ жирныя трактирныя кушанья, и хочется отыскать разнообразія и притомъ тутъ-же на ярмаркѣ, не дѣлая шагу дальше—къ услугамъ оригинальныя армянскія кухни. Стоитъ только пройти мимо этихъ мастерскихъ на свѣжомъ воздухѣ, въ которыхъ перешивается старое платье и шьются личные сапоги, и глазамъ являются два балагана, изъ которыхъ клубами несется масляный дымъ. Внутри балагана простыя деревянныя скамейки, накрытыя коврами, передъ маленькими столиками, на которыхъ пока еще ничего нѣтъ. Это-то и есть армянскія кухни. Войдите туда, если хотите, но имѣйте терпѣніе перенести духоту, которая наполняетъ балаганъ,—и не обращайте вниманія на господствующую тамъ нечистоту, нечистоту, какая только и можетъ попадаться въ учрежденіяхъ такого рода. Безъ подобной рѣшительности вы откажете себѣ въ удовольствіи ѣсть пилавъ, кебабъ, шашлыки и другія національныя армянскія кушанья. Если нечистота эта сильно поражаетъ и не понятно какимъ-образомъ можно сидѣть тутъ и ѣсть эти жирныя кушанья,—оглянитесь кругомъ и успокойтесь. Съ тою-же цѣлью пришли сюда всѣ эти господа, не только прилично, но даже роскошно одѣтые, всѣ эти Грузины, Персіяне, Армяне, привезшіе въ Нижной свой шолкъ ше-

маханскій, свои платки и матеріи шолковыя: бурсу, канаусъ, свои ковры и кизлярскія вина, и т. д.

Какой-то аферистъ, оренбургскій Татаринъ, каждогодно пригоняетъ сюда штукъ до пяти кобылъ, сухихъ, изможденныхъ, и сверхъ-того привозитъ нѣсколько бочонковъ, съ заранѣе заквашеннымъ кумысомъ. Пройдя китайскій рядъ съ его оригинальными кіосками и цѣлыми грудами цыбиковъ чаю, вы вступите на мостъ, съ котораго открывается съ одной стороны сибирская пристань на Волгѣ, а съ другой за широкимъ Мещерскимъ озеромъ—поле и дальное село за чорнымъ лѣсомъ. На этомъ-то полѣ, на мыску, образованномъ озеромъ, палатка, около которой привязаны приведенныя Татариномъ кобылицы и воза три съ бочонками кумыса. Гугнивый Татаринъ раскинетъ подъ ноги коверъ; вы должны сѣсть и поджать ноги, иначе рискуете ушибиться головой о козла палатки, которая крайнѣ узка и низка. Татаринъ продаетъ кумысъ въ бутылкахъ и штофахъ; наливаетъ его въ деревянныя чашки; хвастается тѣмъ, что цѣлаго штофа не выпьешь—и при этомъ покажетъ сначала на голову и покачаетъ ей, а потомъ на ноги, прибавивъ:

— Не можно, а садись, а ноги неможно!..

Онъ видимо радъ угостить своимъ добромъ, увѣряя, что кумысъ не свѣжій, а уже достаточно выбродившійся, что напитокъ этотъ очень здоровъ и при этомъ разскажетъ случай, какъ одинъ баринъ изъ Петербурга пріѣзжалъ къ нимъ пить кумысъ эдакимъ (Татаринъ показалъ валяющуюся на коврѣ соломенку), а на зиму уѣхалъ вотъ какимъ (Татаринъ размахнулъ руками на сколько можно было въ его узенькой палаткѣ). Вы подчуете его папироской, онъ беретъ, но не куритъ.

— Отчего?

— Жена... бранитъ! говоритъ онъ въ отвѣтъ, указывая на

свою старуху, почти всю укутанную въ какую-то темнаго цвѣта тряпицу. Татарка въ это время доитъ кобылицу.

Мимо мечети и рядовъ, наполненныхъ цѣлыми кучами невыдѣланныхъ кожъ, гдѣ хозяевами сидятъ исключительно одни Татары, можно пройти на сибирскую пристань, съ которой во время ярмарки производится отправка пароходовъ всѣхъ четырехъ обществъ, которыя и имѣютъ здѣсь, по этому случаю, свои временныя конторы. Но здѣсь кромѣ огромныхъ грудъ всякого товару, безчисленнаго множества возовъ, то и дѣло прибывающихъ и отъѣзжающихъ, ничего не встрѣтишь, но зато ясно видится результатъ ярмарки. Это, кажется, единственное мѣсто, гдѣ она принимаетъ свой настоящій видъ. Тутъ уже нѣтъ тишины, тутъ уже не видно прогуливающихся какъ въ гостиномъ дворѣ, но все это трудъ. Здѣсь суетливость не безполезна, но направлена къ извѣстной, прямо-положительной цѣли. Если утомителенъ этотъ однообразный видъ ломовой работы, видъ рогожъ, веревокъ, крючьевъ,—поспѣшите на ярмарку,—тамъ вѣроятно уже играетъ по рядамъ музыка, направляющаяся къ главной цѣли своей (на цѣлой вечеръ) подъ арки Главнаго Дома. Но пройдите всѣ ряды два-три, нѣсколько разъ взадъ и впередъ, и здѣсь не найдете ничего оригинальнаго, рѣзко-бросающагося въ глаза. Всюду страшное однообразіе, къ какому привыкаетъ столичный житель и какое дня на три-четыре еще можетъ занять провинціала, незнакомаго съ разнообразіями суетливой, дѣятельной жизни. Здѣсь тѣ-же наряды и то-же гулянье, тѣ-же перерыванья въ лавкахъ, однимъ словомъ все то же, какъ и вездѣ, и Нижной въ этомъ случаѣ не представляетъ ничего самобытнаго. Вотъ проскакалъ на лихой парѣ сосѣдній богатый помѣщикъ, который привезъ съ собой много денегъ для покупки и другихъ экстренныхъ расходовъ. Вотъ рыщетъ цѣлая компанія нижегородскихъ чиновниковъ, явившаяся погулять до поздняго вечера, чтобы потомъ въ общественномъ, неуклюжомъ

омнибусѣ выбраться на подъемъ въ городѣ и разбрестись по всѣмъ этимъ Варваркамъ, Покровкамъ, Печоркамъ... Вотъ отца семерыхъ дѣтей вытащила его хозяйка, вырядивъ въ праздничную сибирку и заставивъ расчесать сѣдую бороду. Впереди родителей идутъ дочки молоденькія, хорошенькія, въ пухъ разряженныя; какой-нибудь прикащикъ или сынъ знакомаго, при встрѣчѣ съ ними, сгоритъ со стыда, неуклюжо сдвинетъ шляпу и страшно кобенясь и поглядывая изкоса, раскланяется и зашершитъ по песку ногами. Вотъ вырядившійся по послѣдней модѣ прикащикъ вышелъ кстати изъ своего магазина людей посмотрѣть и себя показать.

Магазины, по всѣмъ главнымъ линіямъ, хорошо обряжены, съ тѣми-же огромными зеркальными стеклами, за которыми выставлены всевозможныя приманки для гуляющихъ-покупщиковъ. Вотъ, наконецъ, и этотъ человѣкъ, всегда небритый, вѣчно общипанный, всегда веселый шутникъ и всеобщее посмѣшище, безъ котораго едва-ли въ состояніи обойтись хоть одинъ въ свѣтѣ гостиный дворъ; для него шутникъ едва-ли не столько-же необходимъ, какъ и разнощикъ съ лоткомъ, наполненнымъ всякою снѣдью. Человѣкъ этотъ, или лучше жизнь его достойна подробнаго описанія, потому-что это одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ молодости подаютъ кое-какія надежды, но къ старости, въ зрѣлыя лѣта, дѣлаются ни къ чему негодными и достойно заслуживаютъ осмѣянія и шутокъ порядочнаго человѣка. Эти люди въ частностяхъ не похожи другъ на друга, но въ общемъ поражаютъ васъ изумительнымъ сходствомъ. Главная цѣль ихъ добыть, вымолить у васъ возможными шутками небольшое количество денегъ, достаточныхъ для того, что-бы къ вечеру быть пьянымъ. Это какой-нибудь прощалыга, забубенный забулдыга, по выраженію простаго народа, — кабацкій завсегдатель, попрошайка, вотъ какъ-бы, напримѣръ, и этотъ человѣкъ, котораго вы каж-

дый годъ встрѣтите на Нижегородской ярмаркѣ. Безъ него, даже сомнительною кажется полнота ярмарочныхъ удовольствій для торгующаго класса. Пріѣхалъ онъ, за весьма сходную цѣну. Переночевавъ гдѣ-нибудь въ канавѣ, онъ на другой же день спѣшитъ отправиться для обревизованія ярмарочныхъ трактировъ и находитъ ихъ рѣшительно набитыми посѣтителями. Забулдыга самодовольно улыбнулся, отошолъ въ сторону, вытащилъ изъ кармана берестяную ветлужскаго производства тавлинку и угостилъ себя до слезъ костромскимъ зеленчакомъ, потомъ оправился и подошолъ къ первому столу.

— Бѣдному прохожому! говоритъ онъ, протягивая руку.

Его не слушаютъ, а если и слышатъ, то не даютъ ничего. Онъ направляется къ другому столу и уже успѣваетъ обдумать новую фразу для просьбы. Лицо его искривляется улыбкой; онъ кладетъ голову на плечо, дѣлаетъ возможно смѣшную гримасу, руки прячетъ назадъ и разбитымъ голосомъ говоритъ гостямъ, которые пьютъ водку:

— Попросилъ-бы я у вашихъ степенствъ рюмку водки, да вѣдь, поди, не дадите.

Шутка попала прямо въ цѣль съ полнымъ успѣхомъ: шутъ крякнулъ, выпивъ рюмку, и начинаетъ опять:

— Вотъ теперь такъ хоть на споръ готовъ идти, съ кѣмъ угодно, что не дадите другую!..

И эта шутка удается ему какъ-нельзя лучше: съ нимъ начинаютъ шутить, надъ нимъ смѣются; онъ входитъ въ свою роль и будьте покойны—не останется въ накладѣ, т. е. получаетъ третью, иногда четвертую рюмку, послѣ чего ему уже сердито и грозно приказываютъ отойдти прочь. Онъ громко стучитъ ногами, повертывается на каблукахъ руками шибко ударяетъ по-боку и маршируетъ съ выкрикомъ: „разъ, два, сѣно—

солома", къ сосѣднему столу, передъ которымъ вытягивается въ струнку и выкрикиваетъ громовымъ голосомъ:

— Здравія желаемъ, господа—купцы именитые, благотворительные! Жертвуйте старому кавалеру пяти-алтынный на подметки!..

По окончаніи такой рѣчи онъ спѣшитъ даже показать свои измызганные сапожищи и, получивъ просимое, дѣлаетъ опять налѣво кругомъ и такимъ-образомъ обходитъ всѣ столы, передъ каждымъ придумывая новыя шутки. Къ вечеру онъ уже что-называется готовъ, и валяется гдѣ-нибудь за рядами до новаго утра, съ котораго опять начинается его побирайство.

Въ срединѣ ярмарки, человѣкъ этотъ Богъ-вѣсть откуда успѣетъ набрать цѣлый оркестръ музыкантовъ, состоящій изъ двухъ татарчонковъ со скрипками, разбитыми и ни къ чему негодными. Но забулдыга объ этомъ нисколько не заботится. Онъ самъ беретъ лукошко, обтягиваетъ его кожей на подобіе барабана, барабанъ этотъ ставитъ подъ ноги, въ руки беретъ гармонику, садится на стулъ, татарчонкамъ велитъ играть, что имъ придетъ въ голову; самъ-же гудитъ разладицу. Татарчонки пляшутъ, онъ вздергиваетъ плечами и свищетъ; несладная музыка гудитъ, пищитъ, щолкаетъ. Оркестръ готовъ. Самъ капельмейстеръ играетъ разомъ на трехъ инструментахъ; товарищи его играютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пляшутъ—чего-же лучше? Цѣль достигнута, всѣ смѣются его выдумкѣ до-тѣхъ-поръ, пока она достаточно не наскучитъ и бросаютъ въ шляпу подставнаго мальчишки-попрошайки трех-копѣечники, пятачки, гривенники, а въ счастливой часъ и полтинникъ. Мальчишки дни на два сыты, самъ капельмейстеръ пьянъ и всѣ, стало-быть, остались при своемъ и не въ убыткѣ.

Между-тѣмъ незамѣтно настанетъ вечеръ; густой мракъ опустился на всю ярмарку и ея окрестности; ярче другихъ мѣстъ

освѣщены площадки передъ Главнымъ Домомъ, гдѣ толпятся неопредѣленныя тѣни, съ одной стороны для найма извощиковъ въ городъ, съ другой съ таинственною цѣлью. По бульвару шмыгаютъ взадъ и впередъ другія тѣни; нѣкоторыя сидятъ на скамейкахъ,—сколько позволяетъ различить это тусклый свѣтъ фонарей, слабо мерцающихъ у гостинаго двора, который весь уже запертъ, кромѣ пяти-шести чередовыхъ магазиновъ. Хозяева ихъ забрались на верхъ своихъ номеровъ, гдѣ въ маленькихъ комнатахъ пьютъ въ десятой разъ чай и ужинаютъ вмѣстѣ съ главными прикащиками. Хозяева скоро лягутъ спать, прикащики... но не трудно сказать какъ они проводятъ время отдыха въ ту пору, когда хозяева ихъ спятъ непробуднымъ сномъ: прикащики закатываются въ Кунавино въ мѣста подешевле, чтобы не столкнуться съ „самими.“

Вотъ уже въ рѣдкихъ окнахъ надъ лавками мерцаютъ огоньки, бросающіе свой слабый свѣтъ на бульваръ и мостовыя. Подъ арками Главнаго Дома еще гремитъ нѣкоторое время музыка и толкается огромная масса гуляющихъ. Музыка къ десяти часамъ кончится. Персіяне и Армяне къ одиннадцати спѣшатъ напиться чаю и, закусивъ въ сухомятку, заперѣтъ свои магазины, чтобъ тутъ-же улечься спать до другаго утра, когда нужно вставать рано. Толпы гуляющихъ, послѣ ухода музыкантовъ, дѣлаются все рѣже и рѣже, подъ арками становится тише, огонь гасится. Сквозъ отворенную дверь къ Окѣ несется прохлада, слышенъ стукъ сторожей въ доски, дальной лай собакъ изъ города и послѣдній звукъ рожка отъѣзжающаго омнибуса.

Послѣ ярмарки.

Развеселое ярмарочное время давно миновало. Ярмарочное мѣсто запустѣло. Теперь оно представляетъ тотъ уныло-пустынной, тоску наводящій видъ, который неопрятно глядитъ и непріятно поражаетъ вездѣ, гдѣ вчера кипѣла жизнь, тысячи людей, суетясь, торговали, пили—пьянствовали, рѣзвились, пошаливали, грѣшили и не каялись, — сегодня нѣтъ ни живой людской души. Безпорядочно валяется безъ употребленія все то, что служило для дѣла. Ярмарочное мѣсто казалось бы совершенной пустыней, если бы не приходили сюда изъ Кунавина свиньи пропитаться отъ остатковъ праздничной трапезы, которая и тянулась долго и была весьма обильна. Старики — купцы такую и примѣту имѣли, что если свиньи близко Главнаго Дома стали шататься — ярмаркѣ скоро конецъ (всѣ устали и надзоръ ослабѣлъ). Въ Ирбитѣ другая примѣта: ярмаркѣ скорой конецъ, когда попы по рядамъ пошли (это послѣдніе покупатели на болѣе дешовой остаточной товаръ).

На берегу Оки по вешному толпятся обозы, выжидая очереди и парома,—плашкоутной мостъ, составляющій одну изъ праздничныхъ принадлежностей,—послѣ ярмарки снимается. Московское купечество—корень и воротило ярмарочной кутерьмы—давно уже шатается по завѣтнымъ московскимъ трактирамъ. Ближніе иногород-

ніе успѣли уже подѣлиться со своими покупателями свѣжимъ товаромъ; дальные, если и добрались сами, то еще долго будутъ обѣщать своимъ потребителямъ скорую получку товаровъ: съ собой они привезли только дорогой, невѣской, на дворянской вкусъ и блажныя деньги. Приволжскіе покупатели уже почуяли, что кое что и воздорожало (напр. сахаръ), кое съ чего цѣна сбавилась (какъ напр. съ бумажныхъ товаровъ), но отчего, въ силу какихъ обстоятельствъ: о томъ и сами купцы толковать не умѣютъ. Прежде бывало, понятное дѣло:

Сначала цѣнъ нѣтъ. Чай развязывалъ руки. Сибиряки при деньгахъ. Закупали они мануфактурные товары для Сибири и на Кяхту для китайцовъ. Закупъ большой: деньги изъ сибирскихъ кармановъ перевалились въ карманы московскихъ, ивановскихъ и другихъ фабрикантовъ. Эти начинали шевелить шерсть, хлопокъ, краски, металлы; а гудѣло желѣзо—значитъ пошли гулять по ярмаркѣ крупныя деньги. Тогда-то устанавливались и цѣны: не зачѣмъ было дольше прислушиваться:—садись—принимай гостей; ступай—покупай товаръ.

Теперь все какъ-то вверхъ ногами встало. Кяхту убилъ шанхайской чай: это вѣрно. Многіе кяхтинцы такъ и рѣшили: отъ чаю отстать, и искать новыхъ занятій; съ тѣмъ и домой—какъ слышно— уѣхали. Желѣзныхъ торговцовъ прижали, вынудили разбить партіи и пустить товаръ въ раздробъ, себѣ на убыль: и ихъ дѣло изъ обычной, вѣками налаженной колеи выскочило—и не выплясалось. Начинается теперь ярмарка не съ чаевъ, а необычнымъ дѣломъ съ дешовыхъ бумажныхъ товаровъ. Промежду старыми врѣзался новый покупатель—крестьяне—и еще больше перепуталъ: забравшись товаромъ, скрывается и ярмарочное дѣло не вмѣняетъ въ праздничное, не пьянствуетъ. Сибиряки были не сильны, а потому мало видны и остались на глазахъ, за отваломъ, только: пестрые ситцевые чекмени, разрѣзные висячіе по

спинѣ рукава да бараньи шапки закавказскихъ армянъ — не больно сильныхъ, но сильно-ловкихъ торговцовъ. Товару по обыкновенію они нахватали много, и самаго плохаго, и самаго разнокалибернаго: армянинъ — какъ извѣстно — на одномъ товарѣ не усидчивъ, любитъ веселое разнообразіе галантереи. Къ тому же онъ на деньгу бережливъ и ею не силенъ, а дешовой товаръ предпочитаетъ хорошему по тому, что дешевой скользитъ на Кавказѣ во всѣ стороны; а за Кавказомъ и захочешь хорошаго да взять его негдѣ: вся торговля въ ловкихъ армянскихъ рукахъ. Хорошаго товара не много увезли и русскіе торговцы: хорошимъ товаромъ и сама ярмарка мало торгуетъ. Гдѣ ни посмотришь — все дрянь, — кого ни спросишь: „все (говорятъ) залежъ, такой ужъ товаръ ярмарочной: особенной бываетъ.“

— Не отъ этого ли и торговать плоше стали? — спрашивали мы, сидя въ вагонѣ и возвращаясь въ Москву въ сосѣдяхъ съ купцами.

Намъ отвѣчаютъ:

— Покупатель подобрался. Помѣщиковъ совсѣмъ не видать. Нонѣшной покупатель серенькой, тихонькой, клюетъ полегоньку и наровитъ такъ, что бы ни видно — ни слышно: кто бы-де не примѣтилъ и неизобидѣлъ. Осетры-то вотъ которой годъ не вязнутъ?

— Да съ той поры, какъ стало меньше народу на ярмарку ѣздить — поддержалъ нашего сосѣда другой сосѣдъ. Денегъ нѣтъ, кредитъ упалъ: скоро и ярмаркѣ конецъ придетъ; чугунки строятъ, телеграфы ведутъ, долго ли до бѣды?

— И слава Богу! — воздохнулъ третій.

— Чего „слава Богу“? — спросили всѣ вмѣстѣ.

— Безобразію-то этому конецъ: ярмаркѣ-то макарьевской. Вѣдь, безстыдница, пуще на кабакъ похожа, ничѣмъ на дворъ гостиной. Я вотъ не первой десятокъ лѣтъ смотрю на ярмарку:

какой на ней первой и самой ходовой товаръ и притомъ на всякую руку?—Зелено вино съ товарищами: мадера, коньякъ, шампанское. Будь на мѣсто грязной воды въ канавахъ кругомъ ярмарки и въ озерѣ Мещерскомъ напитки эти: высушили бы. Протекай Ока зельями этими я бы и за нее опасался: обмелелѣла бы. Нынче ярмарка отмѣну имѣла: выставокъ на перекресткахъ не было. За то, что ни самокатъ, то въ одномъ углу—кабакъ, въ другомъ полпивная, трактировъ несосвѣтимая сила. Въ театрахъ пьютъ, дома пьютъ, на тощакъ пьютъ; въ части за пьянство переночевалъ — выпустили: опять въ кабакъ прошолъ. Ярмарка всѣхъ споила: чего хуже—Татары спились, Магометовъ законъ презираючи. Да пущай ужъ это повсемѣстно такъ, по всей Россіи, а то вѣдь худо, что поговорка московская на ярмаркѣ въ Нижномъ что пословица, какъ законъ какой: съ покупателемъ выпьетъ, съ пріятелемъ выпьетъ, съ продавателемъ выпьетъ и самъ по себѣ тоже выпьетъ.

— Я вотъ отъ старыхъ пріятелей такія повѣсти слышалъ о томъ, какъ они водятся съ иногородными покупателями. Разскажу, какъ запомнилъ. Пріятель мнѣ сказывалъ:

„Живутъ на городахъ люди: деревянѣютъ какъ-то. Пріѣзжаютъ въ Москву, къ намъ, чудные какіе-то. Пуще всего дикой народъ изъ Сибири идетъ. Хороши однако и тѣ, что въ Россіи по глухимъ городамъ ведутъ торговлю. Всѣ ужъ они и пекутся тамъ изъ муки не провѣяной; да къ тому же и позалеживаются, еще пуще черствѣютъ. И выходитъ изъ иногороднаго совсѣмъ другой человѣкъ. Пріѣдетъ въ Москву, станетъ говорить съ тобой, смотришь: поверхъ всего словно бы плесень какая наросла, ничего и невидно. Кремень ли онъ въ самъ дѣлѣ или только такую фанаберію накинулъ. Разговоръ ведетъ необычной, чудной какой-то, товаръ ему накладывай, чтобы сплошъ былъ добротной, цѣны кладетъ такія, что—по его понятію—и лавку запи-

рай: торговать не изъ чего. Потому, когда мы ближе къ дѣлу идти хотимъ, прежде всего плесень съ этого народа соскабливаемъ: безъ того ты съ нимъ ничего не подѣлаешь. Плесень полощемъ на городскихъ показахъ и поглядѣньяхъ, а сердце и нравъ умягчаемъ на трактирныхъ и другихъ услажденіяхъ.

А какъ такія дѣла еще родители наши пригоняли, по тому въ Москвѣ все ужъ и приспособлено такъ, какъ надо. Городъ Москва (такъ надо полагать) вся для торговыхъ людей выстроена: неторговому человѣку въ ней и дышать нечѣмъ. Такъ ужъ отъ сотворенія міра тамъ признано. Прежде баре жили, теперь повывелись: моръ прошолъ въ недавнее время, всѣхъ повыбралъ.

Вотъ мы и начинаемъ иногородному Москву показывать, шлифовать значитъ, такъ какъ онъ совсѣмъ желѣзной человѣкъ: ему надо протереть глаза, просвѣтить надо.

Въ Кремль милости просимъ: сотъ шесть лѣтъ всякую диковину изъ разныхъ земель туда собирали: есть что поглядѣть. Вотъ-молъ ворота, въ которыя не пройдешь въ шапкѣ, обругаетъ тебя солдатъ такимъ манеромъ, что и роднымъ своимъ не скажешь. Есть и такія ворота, что и въ шапкахъ проходить позволяютъ. Есть и такія, какихъ и совсѣмъ нѣту: зовемъ только такъ воротами. Пушка большая, изъ которой никто не стрѣлялъ, колоколъ разбитой, въ которой никто не звонилъ. Колокольня—Иванъ Великой—самая высокая и видъ за Москву-рѣку такой, что сказываютъ и въ иностранныхъ земляхъ поищешь. А пойдешь по другимъ всякимъ диковинамъ—счоту не сведешь. Ходи да диву давайся.

Показываютъ иногороднему всѣ эти диковины, онъ какъ бы и помягче станетъ: вздыхать начнетъ, голосомъ ослабѣетъ, говоритъ шопотомъ, оглядывается.

— Забрало—думаемъ. А чтобы въ концѣ онъ размякъ — возимъ его еще больше и дальше.

— Слушай-ко, вонъ на Спасѣ часы играютъ молитву, а на Чудовомъ картину посмотри: съ какой стороны ни подойдешь, все разное кажетъ.

Замотаешь его такъ то: плесени-то на немъ какъ будто и нѣту. Полоскать его! Въ трактиръ! Къ тому же устали. Вотъ отсюда первая наша наука и начинается.

Въ трактирѣ глядишь и смѣкаешь, если баранъ онъ, такъ какой такой: не бодливой ли?

— Ну-ко молъ—молодецъ, разныхъ. Какой угодно: жолтенькая дроздовка на желудокъ хорошо дѣйствуетъ, изумрудная листовка на вкусъ очень пріятная, а заграничной померанецъ и лекарственный и пользительный.

— Чѣмъ закусить?

— Рыбкой.

— Ну да, какъ не рыбкой?! Рыбку въ Москву чуть не на почтовыхъ тройкахъ возятъ. Сегодня ѣшь, вчера въ Волгѣ выловлена. Хорошая рыба со всей Россіи вся на одну Москву идетъ. Кушайте!

По другой пропустили.

По третьей чкнули. Свѣжей осетринкой застегнули. Гость и подноску опустилъ, и рукава засучилъ. Въ благодушіе вступить намѣренъ, да мы не позволимъ.

Съ молодыхъ лѣтъ этой воронѣ твердили одно, что Москва на благодушіи каменныя палаты выстроила и зазнобила сердца русскія. Хлѣба—соли на всякаго станетъ, за чужой не бѣгаетъ. Спрашивай сколько влезетъ; ѣшь, чего хочешь. Все найдемъ.

— Блиновъ хочешь? есть воронинскіе: языкъ проглотишь. Квасъ бутылочной: ворота запирай. Отъ пива угорѣть можешь; а розовой медъ только бархатнымъ барышнямъ пить, не мужичью хохлатую бороду мочить въ немъ. Отъ старины это въ рукахъ нашихъ! Разстегаи въ Новотроицкомъ, по свиной части и по-

вареному дѣлу въ Московскомъ; чай у Егорова, рыбная селянка у Воронина. Въ губернаторской залѣ захочетъ сидѣть и музыку слушать — водили въ мраморную залу къ Барсову.

— Вотъ сколько снадобьевъ всякихъ, чтобы заѣзжій кремень искру далъ. А искру дастъ: это вѣрно. Не то вѣдь: мы и въ Грузины, къ цыганамъ, закатимся. И нѣтъ того иногороднаго покупателя, который въ Грузинахъ не плясывалъ. А чтобы чувствовала душа всякую радость и удовольствіе кладемъ на нее вѣрное искушеніе, въ рукахъ бывалое и на опытѣ испробованное. У Московскаго такіе лихачи ушами прядутъ, что у рѣдкихъ въ Замоскворѣчьѣ такія найдутся, да прикрикнешь: свѣта не видно. И тверская часть въ сторонѣ и трухмальныя ворота (какихъ нѣту) посторонятся.

— Ну-ко запѣвай почотную, да другую какую по глубже, со взломомъ, разухабистую.

Посмотрѣлъ бы я кто изъ заѣзжихъ нашихъ почестей не прочуствуетъ, какъ цыганокъ напустимъ да станемъ кости править — на рукахъ качать.

А такъ какъ дѣло къ ночи, и надо къ женѣ поспѣвать, то и начинаемъ это дѣло съ утра. Въ Кремлѣ-то на задерживаемся, въ трактирѣ подольше сидимъ, а въ Грузины подгоняемъ такъ, когда тамъ народъ въ бани подваливать начинаетъ.

Отдохнетъ тамъ гость, на другой день опять лезетъ: ухмыляется. Понравилось. На голову жалуется. Понимаемъ мы это дѣло на Москвѣ такъ, что опять — значитъ — играй съ начала.

Беремъ радужную, для ефекту.

Ну — и играемъ, сколько влезетъ въ пять дней, а не то и въ десять.

Намъ это дѣло въ привычку, такъ какъ этотъ иногородной — не первой. И сами рады, потому какъ не всегда такъ то да къ тому же на повадкѣ мы возросли; намъ ни почемъ; къ

тому же пьяную-то эту науку еще пуще понимаешь. Больше пьешь—больше силы пріобрѣтаешь. Москва этакія дѣла въ обязанность себѣ полагаетъ. У насъ одинъ такой-то до того съ иногородными довозился, что когда пошла мода бороды ростить-пустилъ и онъ, такъ вмѣсто волосъ-то у него перья выросли. А не пить нельзя, потому что крѣпнешь, а крѣпость эта впередъ пригодится. Непривычному только это дѣло другой стороной кажетъ. Онъ—пожалуй и зачумѣетъ на тотъ случай, какъ мы всѣ то ворота отопремъ. А отпираемъ мы эти ворота, когда ужъ совсѣмъ другъ съ другомъ ознакомимся, когда распознаемъ: на какую водку гостя тянетъ, какая закусь ему пуще приглянется и на какомъ сорванцѣ съ нимъ говорить не возможно, на какомъ можно благодушествовать, и всякой любезной разговоръ вести.

Крутится иногородной: и все чумной. Который попроще-то изъ угара этого и не выходитъ. Съ нимъ и дѣла уставляетъ. Мы въ трактирѣ, молодцы ему товары накладываютъ. И чѣмъ крѣпче завязалъ ты съ нимъ дружбу, тѣмъ онъ тебѣ больше вѣритъ: товары беретъ и не провѣряетъ. Наиграется вдоволь, нагуляется до сыта: домой ѣдетъ, объ насъ доброе слово везетъ.

А что ему мы? Ничего такого худаго не сдѣлали. Мы къ нему всей душой и всѣмъ помышленіемъ. Въ Нижномъ встрѣчаемся—полагать надо,—какъ братья бы родные. День ужъ начинаемъ прямо съ конца: пить!

Разскащика остановилъ сосѣдъ его вопросомъ:

— Сколько же вы тратите на такое удовольствіе улаживать дѣло съ иногороднымъ покупателемъ?

— Ста по шести съ брата приводится.

— По моему, мало.

— Бываетъ и больше.

— Тутъ все равно двѣ три тысячи: отпирай ворота: деньги

не пропащія. Всѣ эти деньги потребители внесутъ, за васъ заплатятъ. Вѣдь не на малой же процентъ отъ гулянокъ и благодушія вашего товаръ въ цѣнѣ поднимается.

— Да вотъ какъ. Сибиряки дороже продаютъ, за то круче ихъ на гулянкахъ этихъ никто не забираетъ. По нашимъ примѣтамъ: дальше городъ да глуше мѣсто, народъ пріѣзжаетъ сумрачной, а расшевелишь его, да расположишь: сильнѣй такого народа на кутежахъ не бываетъ. Сибирякъ, окромя шампанскаго, и винъ никакихъ не разумѣетъ. Стали однако и они въ теперешныя времена устаиваться. Пить-то пьетъ, а самъ оглядывается: не пролилъ-ли. Деньги тратитъ, а кошелекъ считаетъ: не промахнулся-ли.

— А долго ли это безобразіе продолжаться будетъ?

— Да вотъ пока *навалъ* живетъ на свѣтѣ, а незнакомы съ этимъ предметомъ, я вамъ и про него разскажу.

— Пока хозяинъ съ гостемъ пьетъ и гостю глаза заливаетъ, прикащики тѣмъ временемъ промежду хорошаго и такой товаръ прокладываютъ. Гдѣ его тутъ весь-то перетряхивать когда на виду весь товаръ—клевой. Къ тому же и поспѣшать надо: много времени на гульбу ушло. Опять же другой, которой попроще, какъ въ Москвѣ или у Макарья (все это равно) какъ зачумѣлъ, такимъ и домой уѣхалъ. Дома ужъ разбираетъ онъ, что пьянство до добра не доводитъ. А когда глаза протретъ да смотрѣть начнетъ,—увидитъ, что товаръ-отъ отпущенъ больно худой. Просилъ однаго сорта: дали другаго, навалили и такого, что и вовсе не спрашивалъ и въ фактурѣ его не показано: а такъ—дескать мы,—не то, чтобы по ошибкѣ, а больше для того: авось—молъ назадъ не перешлешь; хлопотать надо. Опять же и вышлешь на сдачу,—какое мнѣніе о тебѣ имѣть можемъ? Значитъ: либо очень плохи дѣла твои, когда отъ дароваго товару отказываешься, либо такой ты плохой купецъ, что и сбывать не умѣешь. Да и лавка-то

у тебя можетъ въ проходномъ ряду сведена углами-то въ голубятню. Потому навалъ этотъ складываютъ городовые на полки, а чтобы не беременилъ досокъ да худой молвы не клалъ—ворошатъ и его, когда хорошій на исходѣ. На навалъ и кредитъ безъ остраски и векселя такіе, что и протестовать нельзя. Объ этомъ товарѣ и разговоръ другой: разочтешься нынче—ладно, а то и до другой ярмарки погодимъ, потому что это добро и въ Москвѣ добромъ не считаемъ. Навалъ этотъ Москва выдумала и много на немъ нажила денегъ; а для успѣха его она приладила и то дѣло, что и сама спивается и другихъ спаиваетъ. Безъ пьянства и кумовства наваламъ не бывать и не держаться бы, а такъ какъ отъ нихъ всѣ города завалены московскимъ товаромъ такъ, что иностраннымъ и носу не проточить, то покупатель волей-неволей товаръ бери. А задешево онъ купленъ да самому на кредитъ отпущенъ, то при этихъ порядкахъ городовому купцу можно и самому уважить покупателя, и ему на долгъ повѣрить. Навалъ тутъ какъ нельзя больше статья подходящая и для долговыхъ оттяжекъ удобная. Соберетъ-не соберетъ: за воротъ не хватаютъ; а барыши отъ того все-таки къ тому клонятъ, чтобы и изъ макарьевской и изъ ирбитской ярмарки дѣлать праздники: есть на что и выпить и закусить.

Стало быть отъ одного горя, что покупателю есть входъ да нѣтъ выхода на Руси три горя: торговать и пьянствовать, торговать и обманывать, торговать и въ кредитѣ вязнуть, въ счотахъ путаться. Потребитель и пьянство мое оплачиваетъ, и гульбѣ моей потворствуетъ и на всякую мою блажь деньги даетъ. А почему? Потому что и онъ, какъ и я, въ московскихъ ежовыхъ рукахъ да къ тому же и не образованъ: товаръ потребляетъ, а не знаетъ въ немъ толку и словно чѣмъ больше его расходуетъ, тѣмъ меньше разумѣетъ его—замѣчаютъ наши товарищи городовые (купцы). Въ Россіи—говорятъ—по губерніямъ

дураковъ углы непочатые; а старики понимаютъ это такъ, что какой бы несообразной товаръ на города не навалилъ: городовой купецъ его сбудетъ и деньги привезетъ.

— Такъ вотъ вся моя рѣчь къ тому: слава Богу, что московскимъ порядкамъ приходитъ конецъ въ Нижномъ, у Макарья. Не зачѣмъ покупателю платить за провозъ товару въ Нижной, чтобы получить его въ Рязани, въ Тулѣ, въ Калугѣ, не зачѣмъ платить купцамъ за прожитье тамъ и по тѣмъ блажнымъ счотамъ, какіе составляютъ въ трактирахъ на ярмаркѣ и въ Кунавинѣ. Слава Богу, что хоть поздно да смекнули настоящее дѣло и безъ ярмарки станутъ выписывать товаръ прямо съ мѣста заготовки. А пуще—слава Богу—что авось перестанутъ и болѣзни всякія развозить по Россіи съ ярмарки. Вѣдь до какихъ смѣховъ дошло дѣло и бывалые люди мнѣ сказывали: городовой торговецъ и гостиную комнату дома обряжаетъ такъ точно, какъ Рудневъ свою танцовальную залу: и мебель такъ разставлена, и зеркала такія же повѣшены, и занавѣски такъ точно прилажены. Ка-бы вѣдали про то жоны купеческія!!...

— Когда же этому безобразію конецъ?

Разскащикъ нашъ на это не могъ дать отвѣта, а тѣмъ временемъ мы и въ Москву пріѣхали.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
№ _____
«___» _____ 193 г.

Въ Книжномъ Магазинѣ

К. Н. ПЛОТНИКОВА.

ПО БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛИЦѢ, ВЪ ДОМѢ ПАЖЕСКАГО К. И. В. КОРПУСА.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Среди богомольцевъ. Наблюденія и замѣтки во время путешествія по Востоку Н. А. Благовѣщенскаго. (Аѳонъ. Путь отъ Константинополя до Яффы. Іерусалимъ. Путь отъ Солуня до Вало. Ѳессалія). 2-е исправленное изд. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к.

Наши дни. Очерки и воспоминанія изъ Французско-Прусской войны сочин. Ауербаха. Спб. 1871 г. Ц. 1 р.

Общепонятный лечебникъ. профессора Сосерота. 3-е исправленное и дополненное изданіе съ прибавленіемъ статьи «**Человѣческое тѣло,**» сост. по Боку. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.

Цыгане. Романъ въ 2-хъ частяхъ Клюшникова. Спб. 1871 г. Ц. 1 р.

Разсказы о великихъ людяхъ среднихъ и новыхъ временъ. Съ картинами, въ красивой папкѣ. Спб. 1871 г. Ц. 1р. 25 к.

Лѣсная глушь. Картины народнаго быта, изъ воспоминаній и путевыхъ замѣтокъ, соч. С. Максимова. 2. т. Спб. 1871 г. Ц. 3 р. 50 к.

На перепутьи. Новыя стихотворенія. **Либералъ,** комедія въ пяти дѣйствіяхъ Д. Д. Минаева. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.

Записки слѣдователя. (Перерыя впечатлѣнія.— Убійство и самоубійство. — Поджигатели. — Тюремный міръ.—Грабительская шайка.—Преступленіе суевѣрія. — Проститутка). Соч. Тимофѣева. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.

Русскія сказки Ахшарумова, въ красивой папкѣ, съ картинами Спб. 1871 г. Ц. 2 р.

Стихотворенія Н. Пушкарева. Спб. 1870 г. Ц. 1 р.

Сцены изъ еврейскаго быта Павла Вейнберга. 3-е дополненное изданіе. Спб. 1871 г. Ц. 1 р.

Историческіе очерки и разсказы. С. Н. Шубинскаго. 2-е дополненное изд. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.

Давидъ Копперфильдъ младшій изъ дома Грачи, что въ Блондерстонѣ. Его личная исторія, приключенія, опыты и наблюденія, которыхъ онъ ни подъ какимъ видомъ не намѣренъ былъ издавать въ свѣтъ, романъ Диккенса, перев. Введенскаго, 3 т. Спб. 1871 г. Ц. 4 р.

Замогильныя записки Пиквикскаго клуба или подробный и достовѣрный рапортъ о странствованіяхъ, опасностяхъ, путешествіяхъ, и забавныхъ приключеніяхъ ученыхъ членовъ корреспондентовъ покойнаго клуба. Романъ Диккенса, переводъ Вѣденскаго съ портретомъ и біографіею Диккенса, сост. Н. И. Шульгинымъ. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 3 р. 50 к.

Свой Хлѣбъ. Романъ въ двухъ частяхъ Ѳ. Рѣшетникова. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.

Живая струна, сборникъ стихотвореній и куплетовъ, читанныхъ и пѣтыхъ гг. Монахсвымъ, Никитинымъ, Рейнбергомъ и др. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 25 к.

Смѣшныя пѣсни А. Волгина. Спб. 1839 г. Ц. 75 к.

За Байкаломъ и на Амурѣ. Путевыя картины Д. И. Стахѣева. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. 50 к.

Японія, исторія, правительство и внутреннее устройство ея В. Диксена. Переводъ съ англійскаго Кутейникова. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.

Современные типы. Очерки, повѣсти и разсказы Н. Смирнова. 2 т. Спб. 1870 г. Ц. 2 р. 50 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена, въ переводѣ Петра Вейнберга и Марка Вовчка. 2 т. съ 190 карт. въ красивой папкѣ. Спб. 1871 г. Ц. 3 р.

Повѣсти, разсказы и драмматическія сочиненія Н. А. Лейкина. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 3 р. 50 к.

Привыкать надо!!!.. Шуточныя сцены Н. А. Лейкина. Спб. 1871 г. Ц. 40 к.

Популярная Гигіена. Книга о разумномъ образѣ жизни, для сохраненія въ народѣ здоровья и рабочей силы. Сочин. Е. Реклама, перев. Кутейникова, съ рис. въ текстѣ. Спб. 1870 г. Ц. 2 р.

Всѣ мы жаждемъ любви, оперетка перед. Федоровымъ. Спб. 1869 г. Ц. 60 к.

Лѣсной демонъ. Романъ Бирда. Спб. 1871 г. 1 р. 50 к.

Политическія движенія русскаго народа. Гайдамачина, историческая монографія Д. Мордовцева. Спб. 1870 г. Ц. 2 р. 50 к.

Собраніе анекдотовъ о князѣ Потемкинѣ Таврическомъ. Съ біографическими свѣдѣніями о немъ и историческими примѣчаніями, составл. С. Н. Шубинскимъ. Спб. 1869 г. Ц. 75 к.

Циллулярная патологія, какъ ученіе, основанное на физіологической и патологической гистологіи, соч. Вирхова, пер. Чацкина, съ портретомъ автора и 50 рисун. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.

Въ сумеркахъ, сатиры и пѣсни Д. Д. Минаева. Ц. 2 р.

Донъ-Жуанъ, романъ въ стихахъ Байрона, переводъ Д. Д. Минаева. 2 т. Ц. 3 р.

Чайльдъ-Гарольдъ, поэма Байрона, переводъ Д. Д. Минаева. Ц. 1 р. 25 к.

ТЕМНЫЯ И СВѢТЛЫЯ СТОРОНЫ

РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Романъ.

Сочиненіе Зарубина.

Изд. к. н. ПЛОТНИКОВА. СПБ. 1871. 2 т. ц. 3 р.

Пріемъ подписки на русскіе журналы и газеты по цѣнамъ объявленнымъ отъ редакцій.

Немедленное исполненіе порученій гг. иногородныхъ.